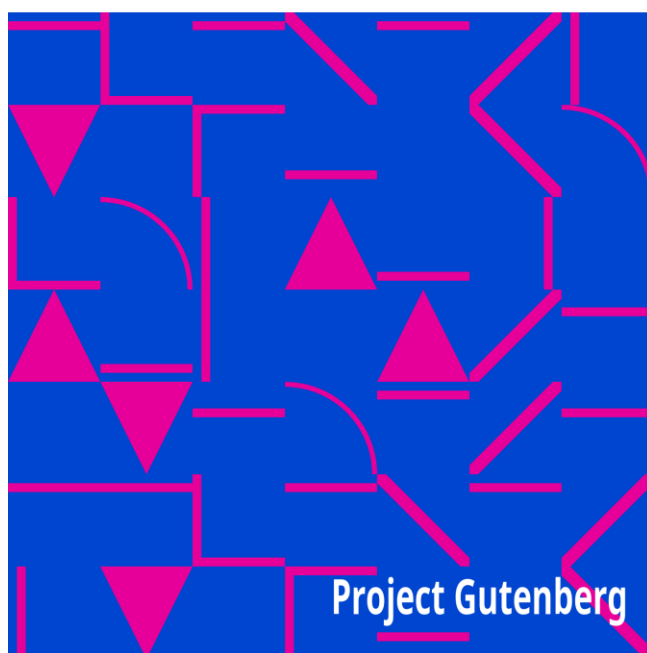

Элементы военного искусства и науки,
или курс обучения стратегии,
фортификации, тактике сражений и
т.д.; охватывающий обязанности
штаба, пехоты, кавалерии,
артиллерии и инженеров;
адаптированный для использования
добровольцами и ополчением; третье
издание; с критическими замечаниями
о мексиканской и крымской войнах

Х. В. Халлек

Elements of Military Art and
Science

H. W. Halleck

Электронная книга проекта Gutenberg Элементы военного искусства и науки

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта Gutenberg, включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Элементы военного искусства и науки

Автор: Х. В. Халлек

Дата выпуска: 1 июля 2005 г. [электронная книга № 16170]

Последнее обновление: 11 декабря 2020 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров командой корректоров <https://www.pgdp.net>.

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И НАУКИ» ***

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И НАУКИ : ИЛИ КУРС ОБУЧЕНИЯ СТРАТЕГИИ, ФОРТИФИКАЦИИ, ТАКТИКЕ СРАЖЕНИЙ И Т. Д.

ВКЛЮЧАЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ ШТАБА, ПЕХОТЫ, КАВАЛЕРИИ, АРТИЛЛЕРИИ И ИНЖЕНЕРОВ.

ПРИМЕНИМОЕ ДЛЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ И ОРДЕНСКОЙ МИЛИЦИИ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С КРИТИЧЕСКИМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ О МЕКСИКАНСКОЙ И КРЫМСКОЙ ВОЙНАХ.

АВТОР: Х. ВЭЙДЖЕР ХАЛЛЕК, А.М., ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, США.

НЬЮ-ЙОРК:

Д. ЭПЛЕТОН И КОМПАНИЯ,

443 & 445 BROADWAY.

ЛОНДОН: 16 ЛИТТЛ БРИТАН

1862.

Зарегистрировано в соответствии с Актом Конгресса в 1846 году компанией D. APPLETON & COMPANY в канцелярии окружного суда США по южному округу Нью-Йорка.

I. ВВЕДЕНИЕ. Краткий обзор аргументов доктора Уэйланда о правомерности войны.

II. СТРАТЕГИЯ. — Общие разделы искусства. — Правила планирования кампании. — Анализ военных операций Наполеона.

III. УКРЕПЛЕНИЯ. Их важность в обороне государств, доказанная многочисленными историческими примерами.

IV. ЛОГИСТИКА. Продовольствие. Корм. Марши. Конвои. Размещение войск.

V. ТАКТИКА. — Двенадцать боевых порядков с примерами каждого из них. — Различные построения пехоты, кавалерии, артиллерии и инженеров на поле боя с способами ввода войск в бой.

VI. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА. — Средства национальной обороны, наиболее подходящие для характера и условий страны, с кратким описанием средств, принятых несколькими европейскими державами.

VII. ОБОРОНА НАШЕГО МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ. Краткое описание наших морских укреплений с рассмотрением нескольких сражений, которые имели место между кораблями и фортами, включая атаку на Сан-Хуан-д'Уллоа и на Сен-Жан-д'Акр.

VIII. НАША СЕВЕРНАЯ ГРАНИЧНАЯ ОБОРОНА — Краткое описание укреплений на границе и анализ наших северных кампаний.

IX. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ — Штаб и административный корпус — их история, обязанности, численность и организация.

X. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ. Пехота и кавалерия. Их история, обязанности, численность и организация.

XI. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ. АРТИЛЕРИЯ. Ее история и организация с кратким описанием различных видов орудий, производства снарядов и т. д.

XII. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ. Инженеры. Их история, обязанности и организация, с кратким обсуждением, показывающим их важность как части современной организации армии.

XIII. ПОСТОЯННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ. Историческая справка о развитии этого искусства. Описание различных частей крепости и различных методов укрепления позиции.

XIV. ПОЛЕВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. Полевые укрепления. Военные коммуникации. Военные мосты. Подкопы, минирование, атака и оборона укрепленного места.

XV. ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Военные училища Франции, Пруссии, Австрии, России, Англии и т. д. Причины, по которым Вашингтон основал Академию Вест-Пойнт. Правила назначения и продвижения по службе в иностранных вооруженных силах. Абсурдность и несправедливость нашей собственной системы.

ПОЛОЖЕНИЯ 409

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следующие страницы были наспех собраны в виде лекций и прочитаны в течение прошлой зимы в Лоуэллском институте в Бостоне. Они были написаны без малейшего намерения когда-либо публиковать их, но несколько офицеров милиции, которые слушали их или позже прочитали рукопись, пожелали их публикации, мотивируя это тем, что они полезны для класса офицеров, которые в настоящее время могут быть призваны на военную службу. Именно с этой целью они были переданы в типографию. Никаких претензий на оригинальность в какой-либо части работы не выдвигается; единственной целью было воплотить в небольшом объеме хорошо устоявшиеся военные принципы и проиллюстрировать их с помощью ссылок на события прошлого, а также мнения и практику лучших генералов.

Небольшие фрагменты двух или трех из следующих глав уже были опубликованы в статьях, предоставленных автором журналам «New York Review» и «Democratic Review», а также в «Отчете о средствах национальной обороны», опубликованном по распоряжению Конгресса.

H.W.H.

МАЙ 1846 ГОДА.

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И НАУКИ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Наше удаление от старого света и благоприятные обстоятельства, в которых мы оказались по отношению к другим странам нового света, настолько облегчили нашему правительству проведение мирной политики, что за шестьдесят два года, прошедшие с момента признания нашей национальной независимости, мы более пятидесяти восьми лет жили в условиях всеобщего мира; наши пограничные войны с индейцами были слишком ограниченными и локальными по своему характеру, чтобы серьезно повлиять на другие части страны или нарушить общие условия мира. Это счастливое положение дел во многом способствовало распространению знаний, развитию торговли, сельского хозяйства и производства; в конечном итоге, оно укрепило величие нации и счастье отдельных людей. В этих условиях наш народ вырос с привычками и настроениями, по сути своей мирными, и хочется надеяться, что эти чувства не изменятся в ближайшее время. Но во всех сообществах мнения иногда доходят до крайностей, и среди нас немало тех, кто, ослепленный благотворными результатами долгого мира, пришел к мнению, что война в любом случае не только бесполезна, но и фактически аморальна; более того, что участие в войне является злодеянием высшей степени и даже *зверством*.

Все современные авторы, пишущие по вопросам этики, считают *несправедливую* войну не только аморальной, но и одним из величайших преступлений — убийством в крупных масштабах. К таким относятся все войны, ведущиеся исключительно из амбиций, с целью расширения королевской власти или национального суверенитета; войны с целью грабежа, ведущиеся из корыстных побуждений; пропагандистские войны, ведущиеся с несправедливой целью заставить людей принять определенные религиозные или политические взгляды, будь то под предлогом «введения более ортодоксальной религии» или «расширения зоны свободы». Такие войны вызывают справедливое отвращение у всех нравственных и религиозных людей, и это, как полагают, является твердым убеждением подавляющего большинства наших граждан.

Но в дополнение к этой уважаемой группе христиан, которые отрицают наше право на применение оружия при любых обстоятельствах, есть много религиозных энтузиастов в других конфессиях, которые по уже отмеченным причинам приняли ту же теорию и считают все войны, даже войны в целях самообороны, незаконными и аморальными. В последние несколько лет это мнение с большим рвением и красноречием навязывалось общественности, и многие способные писатели были привлечены к его поддержке. Один из самых популярных и, по мнению некоторых, один из самых способных писателей по моральной науке принял эту точку зрения как единственную, согласующуюся с принципами христианской морали.

При начале курса лекций о войне было сочтено целесообразным сделать несколько вступительных замечаний по поводу вопроса о ее оправданности. Мы не знаем лучшего способа сделать это, чем привести, с одной стороны, возражения против войны, изложенные в «Моральной философии» доктора Уэйланда, а с другой — аргументы, которыми другие авторы, пишущие по вопросам этики, оправдывают прибегание к войне. Мы выбрали работу доктора Уэйланда не для того, чтобы критиковать столь выдающегося автора (), а потому, что он является практически единственным автором по этике, который

отстаивает эти взгляды, и потому, что основные аргументы против войны изложены здесь в краткой форме и более умеренным и сдержанным языком, чем тот, который используют большинство его последователей. Я приведу его аргументы его собственными словами.

«I. Все войны противоречат явленной воле Бога».

В ответ на это говорят, что если христианская религия осуждает все войны, независимо от того, насколько справедлива их причина или насколько они необходимы для самообороны, мы должны ожидать, что в Библии мы найдем прямое запрещение войны или, по крайней мере, запрещение, достаточно ясно подразумеваемое в других прямых заповедях. Но Библия нигде не запрещает войну: в Ветхом Завете мы находим прямые повеления вести войну и даже завоевывать, и хотя во времена Христа и его апостолов в мире бушевала война, они не сказали ни слова о ее незаконности и аморальности. Более того, отцы церкви в полной мере признают право на войну и прямо утверждают, что когда война объявлена справедливо, христианин может участвовать в ней либо с помощью хитрости, либо открытой силы. Если бы война имела тот крайне злой и аморальный характер, который некоторые недавно ей приписывают, то, несомненно, она была бы осуждена в Библии в самых категоричных и недвусмысленных выражениях.

Но было сказано, что использование меча прямо или косвенно запрещено христианам такими отрывками, как «Не убивай» (Втор. 5:17), «Я говорю вам: не противься злому; но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матфея 5:39) и т. д. Если эти отрывки следует понимать как буквальные заповеди, как хотели бы нас убедить фанатики и религиозные энтузиасты, то не только война является незаконной, но и все наши уголовные законы, магистратура и все государственные институты, защищающие права личности, охраняющие невинных и наказывающие виновных. Но если рассматривать их в совокупности со всей Библией, мы должны сделать вывод, что это гиперболические выражения, используемые для того, чтобы сильно запечатлеть в наших умах общий принцип любви и прощения и что, насколько это возможно, мы должны побеждать зло добром. Может ли какой-либо здравомыслящий человек хоть на мгновение предположить, что нам велено поощрять нападения злодеев, буквально подставляя левую щеку, когда нас бьют по правой, и тем самым побуждать нападавшего совершать еще больше зла? Должны ли мы приглашать вора и грабителя продолжать свои грабежи, буквально отдавая ему плащ, когда он забирает наше пальто, а наглого и угнетателя продолжать свой преступный путь, идя с ним две мили, если он просит нас пройти одну?

Опять же, если заповедь «Не убивай» следует понимать буквально, то она не только запрещает нам участвовать в справедливой войне и запрещает государству лишать человека жизни в качестве наказания за преступление; она также запрещает, по словам доктора Лейбера, лишать жизни любое животное и даже распространяется на растительный мир, — ведь, несомненно, растения обладают жизнью и подвержены насильственной смерти — быть *убитыми*. Но доктор Уэйланд признает за отдельными лицами право отнимать жизнь растений и животных, а за обществом — право наказывать убийство смертью. Этот отрывок, несомненно, означает: «Не убивай несправедливо, не совершай убийств», и так он и переведен в наших молитвенниках. Он не может иметь отношения к войне, потому что почти на следующей странице мы видим, что израильтянам велено выйти и поразить языческие народы, изгнать их из земли, полностью уничтожить, не проявлять к ним пощады и т. д. Если эти отрывки из Библии следует понимать буквально, то нет другой книги, которая содержала бы столько противоречий; но если рассматривать их в связи с духом других отрывков, то мы обнаружим, что нам разрешается применять силу для предотвращения или наказания преступлений, будь то в отношении народов или отдельных

лиц, но что мы должны сочетать любовь с справедливостью и освободить наши сердца от всех злых побуждений.

II. Все войны неоправданны, потому что «Бог повелевает нам любить каждого человека, чужестранца или гражданина, самаритянина или иудея, как самих себя; и ни общество, ни правительство не могут сделать нарушение этого повеления нашей обязанностью».

Это правда, что ни один акт общества не может сделать нарушением Божьего повеления нашим долгом: но следует ли понимать вышеуказанное повеление буквально, как запрет на участие в справедливой войне? Не предназначено ли оно скорее для того, чтобы убедить нас в том, что взаимная любовь — великая добродетель, что мы не должны никого ненавидеть, даже чужестранца или врага, а должны относиться ко всем справедливо, милосердно и с любовью? Если значение, которое пытаются придать этой заповеди в приведенной выше цитате, является истинным, то оно противоречит не только справедливой войне, но и гражданскому правосудию, патриотизму, а также социальным и семейным чувствам.

Но обязаны ли мы любить всех людей одинаково, то есть в одинаковой степени? Проповедует ли Библия в целом такую доктрину? Напротив, у самого Христа был *любимый* ученик, которого он любил больше всех остальных, хотя от этого он не любил других меньше. Мы обязаны любить наших родителей, наших братьев, наши семьи в первую очередь и выше всех других людей, но мы не любим других меньше из-за этого. Человеку не только позволено в первую очередь заботиться о комфорте и счастье своей семьи, но если он пренебрегает этим, он хуже неверующего. Мы обязаны защищать наши семьи от нападений других; и, если это необходимо для защиты их жизней, нам позволено лишить жизни нападавшего; более того, мы обязаны это сделать. Но из этого не следует, что мы *должны ненавидеть* того, кого мы таким образом уничтожаем. Напротив, мы можем испытывать к нему сострадание и даже любовь. Магистрат приговаривает убийцу к наказанию по закону, а шериф приводит приговор в исполнение, лишая заключенного жизни в установленном порядке; тем не менее, и магистрат, и шериф могут испытывать самые добрые чувства к тому, кого они таким образом лишают жизни.

То же самое происходит и во внешних делах государства. После своих родственников и соседей я люблю своих соотечественников. Я люблю их больше, чем иностранцев, потому что мои интересы, мои чувства, мое счастье, мои узы дружбы и привязанности связывают меня с ними более тесно, чем с иностранцами. Я сочувствую угнетенным грекам и поработанным африканцам и охотно вношу свой вклад в их помощь, хотя их страдания затрагивают меня очень отдаленно; но если мои соотечественники становятся угнетенными и поработанными, это затрагивает более близкие и дорогие мне интересы, и из уз и привязанностей, созданных Богом, возникают особые обязанности. Если мои соотечественники будут угнетаемы, мои соседи и родственники станут несчастными и будут страдать; я обязан принять все надлежащие меры, которые в моей власти, чтобы предотвратить это. Если нападающего невозможно убедить аргументами отказаться от своих злых намерений, я объединяюсь с моими согражданами, чтобы силой противостоять его агрессии. При этом я не руководствуюсь чувствами ненависти к вражеским силам; в моем сердце нет злобы, нет духа мести; я не желаю вредить отдельным людям, за исключением тех, кто является инструментом угнетения. Но как инструменты зла, я обязан уничтожить их способность причинять вред. Я не стреляю в своего военного врага из ненависти или мести; я сражаюсь с ним, потому что высшие интересы моей страны не могут быть обеспечены без уничтожения инструмента, с помощью которого они подвергаются нападению. Мне запрещено проявлять какую-либо личную жестокость; и после сражения, или как только враг становится безвредным, с ним нужно обращаться с добротой и ухаживать за ним так же, как

за раненым другом. Любое поведение, противоречащее этому, осуждается цивилизованными нациями.

То, что война не порождает личной злобы, а, напротив, проявления взаимной доброты и вежливости на поле боя часто оказывают благотворное влияние на политические события последующих лет, можно продемонстрировать на бесчисленных примерах из всей истории. Султ и Веллингтон были противостоящими генералами в многочисленных сражениях, но когда первый посетил Англию в 1838 году, он был принят Веллингтоном и всем британским народом с высшими знаками уважения, и взаимная теплота чувств между этими двумя выдающимися людьми во многом способствовала продолжению дружеских отношений между двумя странами. А несколько лет назад, когда наши гражданские власти, казалось, довели нас почти до грани войны из-за проблем с северо-восточной границей, мирные договоренности, заключенные благодаря вмешательству генерала Скотта между губернаторами штата Мэн и провинции Нью-Брансуик, были в основном результатом давней дружбы, завязавшейся между офицерами противоборствующих армий во время нашей последней войны с Великобританией.

III. «Безусловно, для человечества в целом было бы лучше, если бы войны были отменены, а все средства, как нападения, так и защиты, были бы отброшены. Теперь, как мне кажется, это означает признание того, что именно по этому закону Бог создал человека. Но если это признать, то вопрос, кажется, исчерпан, ибо Бог никогда не ставит человека в такие обстоятельства, в которых было бы мудро, необходимо или невинно нарушать Его законы. Выгодно ли тому, кто живет среди сообщества воров, воровать, или тому, кто живет среди сообщества лжецов, лгать?»

Несостоятельность вышеприведенного аргумента настолько очевидна, что едва ли необходимо указывать на его логические недостатки.

То, что я живу среди сообщества воров, не оправдывает меня в краже и, конечно, не является причиной, по которой я должен пренебрегать безопасностью своей собственности. Моя жизнь среди убийц не оправдывает меня в совершении убийства, и, с другой стороны, это не является причиной, по которой я не должен защищать свою семью, если закон не в состоянии ее защитить. То, что другие нации ведут несправедливые войны, не является причиной, по которой мы должны поступать так же, и само по себе не является причиной, по которой мы должны пренебрегать средствами самообороны.

Нам, близоруким смертным, может показаться, что лучше было бы жить в мире, где нет войн, убийств и краж, но Бог счел нужным устроить все иначе. Наши обязанности и отношения с ближними приспособлены к миру таким, каков он есть, а не к миру, который мы хотели бы создать для себя.

Мы живем среди воров: поэтому мы должны прибегать к силе, чтобы защитить свою собственность, то есть к замкам, решеткам и задвижкам; мы строим толстые и высокие стены между грабителем и нашим товаром. Более того: мы принимаем законы для его наказания и нанимаем гражданских служащих, чтобы силой задерживать виновных и назначать им наказание, необходимое для предотвращения других краж и грабежей.

Мы живем среди убийц: если ни закон, ни обычные физические средства защиты не достаточны для защиты нашей жизни и жизни наших невинных друзей, мы силой сопротивляемся убийце, даже до его смерти, если это необходимо. Более того, чтобы удержать других от подобных преступлений, мы наказываем смертью того, кто уже лишил кого-то жизни.

Эти отношения между отдельными людьми и обществом описываются всеми авторами, пишущими на тему этики, как соответствующие самым строгим правилам христианской морали. Даже доктор Уэйланд считает не только правом, но и долгом отдельных людей и общества прибегать к этим средствам и принимать эти законы для самозащиты. Расширим этот ход мысли на отношения между разными обществами.

Мы живем среди народов, которые часто ведут несправедливые войны, которые, пренебрегая правами других, угнетают, грабят и даже убивают своих граждан, чтобы достичь какой-то несправедливой цели. Как отдельные лица, мы строим заборы и стены для защиты наших земель и нашего товара; так же, как нация, мы строим корабли и форты для защиты нашей торговли, наших гаваней и наших городов. Но стены наших домов и магазинов бесполезны, если они не сделаны настолько крепкими и высокими, что грабитель не может проломить их или перелезть через них без больших усилий и личного риска; так же и наши национальные корабли и форты были бы совершенно бесполезны для защиты, если бы они не были полностью вооружены и оснащены.

Кроме того: как отдельные лица и как общества мы нанимаем гражданских служащих для защиты нашей собственности и жизни и, при необходимости, вооружаем их физическими средствами для исполнения законов, даже если применение этих средств может стоить человеческих жизней. Предупреждение и наказание преступлений причиняют много человеческих страданий; тем не менее, благо общества требует, чтобы преступления предотвращались и наказывались. Поэтому, как нация, мы нанимаем военных офицеров для обслуживания наших кораблей и фортов, для защиты нашей собственности и наших лиц, а также для отражения и наказания тех, кто стремится лишить нас жизни, свободы и права на счастье. Национальные агрессии гораздо более ужасны по своим последствиям, чем индивидуальные преступления; поэтому и средства их предотвращения и наказания гораздо более грозны, а их применение причиняет гораздо больше человеческих страданий. Это может быть веской причиной для большей *осторожности* в применении таких средств, но, безусловно, это не является аргументом против *морального права* на их использование.

IV. Война неоправдана, потому что она ненужна:

«1. Сам факт того, что нация полагается исключительно на справедливость своих мер и доброжелательность своего поведения, больше всего способствует предотвращению причинения вреда. Моральные чувства каждого сообщества поднимаются в противовес вреду, причиняемому справедливым, добрым и милосердным».

Моральный долг наций в этом отношении такой же, как и долг отдельных людей. Активная доброжелательность и терпение должны применяться, насколько это уместно, но есть моменты, когда терпение перестает быть добродетелью. Если мы полностью воздержимся от наказания вора, грабителя и убийцы, думаете ли вы, что преступность уменьшится? Разум и опыт доказывают обратное. Активная доброжелательность и доброта всегда должны сопровождать справедливое наказание, но они никогда не были призваны его запрещать. Законы Божьего вселенной основаны как на справедливости, так и на любви. «Моральные чувства каждого общества возмущаются в отношении вреда, причиняемого справедливым, добрым и милосердным людям», но этот факт не полностью удерживает злых людей от грабежей и убийств невинных людей, и поэтому мудрые и справедливые законы требуют, чтобы преступники были наказаны, с тем чтобы те, кто не признает никаких моральных ограничений, были удержаны от преступлений страхом наказания.

«2. Но предположим, что [национальное] зло уже совершено. Я отвечаю, что надлежащим средством воздействия на нравственные существа в нравственных вопросах является не

физическая сила, а совесть людей. Пусть зло будет выявлено, но выявлено в духе любви; и только таким образом, если вообще каким-либо, совесть людей будет пробуждена к справедливости».

Аргументы и «обращение к совести людей» всегда должны предпочитаться «физической силе», но когда они не могут удержать злодеев, необходимо применять силу. Я могу разговаривать с грабителем и убийцей, чтобы убедить его отказаться от попытки ограбить мой дом и убить мою семью; но если он отказывается прислушиваться к моральным призывам, я применяю физическую силу — я призываю на помощь сильную руку закона; и если не может быть найдено никакого другого средства () для спасения невинной жизни, которая подвергается нападению, жизнь нападавшего должна быть принесена в жертву.

«Если, — говорит Пуффендорф, — кто-то попирает законы мира, строя планы, направленные на мое разорение, он не может, не проявив крайней наглости (*impudentissime*), претендовать на то, что после этого я буду считать его священной личностью, к которой нельзя прикоснуться; иными словами, что я должен предать себя и отказаться от заботы о собственном спасении, чтобы уступить злобе преступника, чтобы он мог действовать безнаказанно и с полной свободой. Напротив, поскольку он проявляет ко мне недружелюбие и поставил себя в положение, которое не позволяет мне безопасно выполнять по отношению к нему обязанности мира, я должен только думать о предотвращении опасности, которая мне угрожает; так что, если я не могу сделать этого, не причинив ему вреда, он должен обвинять только себя, поскольку он поставил меня в это положение необходимости». *De Jure Nat. et Gent*, lib. ii., ch. v., §1. Такой же ход рассуждений применяется и к обязанностям нации по отношению к своему врагу в связи с войной.

«3. Но предположим, что этот метод не работает. Что ж, тогда давайте терпеть зло».

Этот принцип, если его применять в полной мере, по нашему мнению, подрывает все права и вскоре передает всю власть в руки самых злых и порочных людей в обществе. Рассуждайте с нацией, которая вторгается на нашу землю и попирает наши права и свободы, и если она не прекратит это делать, то почему же терпеть зло! Рассуждайте с убийцей, и если он не прекратит это делать, то почему же терпеть, чтобы он убивал наших жен и детей! Рассуждайте с грабителем и мошенником, и если они не будут слушать, то почему же позволять им забирать наше имущество! Мы не можем обратиться в суд, потому что, если его решения не будут соблюдаться, он применит *силу*, чтобы *заставить* подчиниться его предписаниям. Но доктор Уэйланд считает, что закон доброжелательности запрещает применение силы между людьми. Он забывает об этом, говоря о наших обязанностях по отношению к нашим братьям из того же *общества*, и даже позволяет нам наказывать убийцу смертью; но по отношению к иностранцу он требует большей терпимости и доброжелательности, чем по отношению к нашему соседу; ведь если другая нация посылает свои армии, чтобы угнетать, грабить и убивать нас тысячами, мы не имеем права применять физическую силу, чтобы предотвратить или наказать их, хотя мы можем сделать это, чтобы предотвратить или наказать соседа за индивидуальный акт того же характера. Таким образом, чем больше масштаб преступления, тем меньше необходимость прибегать к физической силе, чтобы его предотвратить!

«4. Но можно спросить: что может предотвратить повторяющиеся и продолжающиеся агрессии? Я отвечаю: во-первых, не орудия уничтожения, а моральный принцип, который Бог заложил в душу каждого человека. Я считаю, что повиновение закону Божьему со стороны пострадавшего является самым надежным средством предотвращения повторения вреда. Во-вторых, предположим, что поступки в соответствии с законом доброжелательности не

предотвратят повторения обиды, то предотвратит ли это действие по принципу возмездия?» И снова: «Я считаю, что агрессия со стороны иностранного государства является знаком от Бога о том, что мы не подчиняемся закону доброжелательности, и что это Его способ научить народы их долгу в этом отношении друг к другу. Поэтому агрессия, на мой взгляд, ни в коем случае не требует возмездия и причинения вреда, а скорее требует особой доброты и доброй воли».

Этот аргумент, если его можно так назвать, в равной степени применим к индивидуальным агрессивным действиям. Мы вынуждены рассматривать их как признаки нашего недостатка доброжелательности и вознаграждать агрессоров за эти признаки! Правда ли, что в этом мире угнетаются только злые, а добрые всегда процветают и счастливы? Даже если предположить, что это правда, и что я, как грешный человек, заслуживаю гнева Божьего, разве это повод, чтобы я не сопротивлялся убийце и не стремился привлечь его к наказанию? Весь этот аргумент доктора Уэйланда гораздо сильнее применим к муниципальным судам, чем к войне.

V. «Предположим, что какая-то нация отказывается от всех средств как нападения, так и защиты, отказывается от любой возможности наносить ущерб и полагается в вопросах самосохранения исключительно на справедливость своего поведения и моральное воздействие, которое такое поведение оказывает на совесть людей. * * * * Как такая нация будет защищена от внешнего нападения и полного порабощения? Я отвечаю: приняв закон доброжелательности, нация сделает такое событие в высшей степени маловероятным. Причинами национальных войн чаще всего являются любовь к грабежу и любовь к славе. Первая из них редко, если вообще когда-либо, достаточна для того, чтобы побудить людей к жестокости, *необходимой для войны*, если только ей не помогает вторая. А приняв в качестве правила нашего поведения закон доброжелательности, мы устраняем все мотивы, возникающие из второй причины. В Европе нет ни одной нации, которую можно было бы подтолкнуть к войне против безвредного, справедливого, прощающего и беззащитного народа».

История учит нас, что общества, как и отдельные люди, подвергались нападениям снова и снова, несмотря на то, что они не хотели или не могли защищаться. Разве мистер Уайт из Салема избежал своих убийц больше благодаря тому, что был безобидным и беззащитным? Разве квакеры избежали нападений и повешения древними жителями Новой Англии больше благодаря своим принципам несопротивления? Удалось ли евреям избежать преследований во всем христианском мире благодаря своей слабости и принципу несопротивления на протяжении нескольких столетий? Польша была сравнительно безобидной и беззащитной страной, когда три великие европейские державы объединились, чтобы напасть на нее и уничтожить весь народ, разделив между собой польскую территорию и поработив или изгнав в изгнание польский народ.

«О, самая кровавая картина в книге времени,

Сарматия пала, не оплаканная, без преступления!»

Не нужно приводить множество примеров под этим заголовком; вся история полна ими.

Давайте завтра уничтожим наши форты и военные корабли, распустим нашу армию и флот и подожжем наши военные боеприпасы и все наши физические средства обороны; давайте объявим всему миру, что мы будем полагаться исключительно на совесть народов в вопросах справедливости и что у нас больше нет ни воли, ни способности защищаться от агрессии. Думаете ли вы, что африканские и азиатские пираты перестанут грабить наши суда,

торгующие с Китаем, потому что мы приняли «закон доброжелательности»? Станет ли Англия более склонна к компромиссу в своих разногласиях с нами или более склонна воздерживаться от принудительного набора наших моряков и обыска наших торговых судов? Опыт показывает, что незащищенное государство, известное своей покорностью, скоро становится добычей всех остальных, и история в полной мере доказывает мудрость и справедливость слов Вашингтона: «ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ОБЕСПЕЧИТЬ МИР, ТО ДОЛЖНЫ ДАТЬ ПОНИМАТЬ, ЧТО МЫ ВСЕГДА ГОТОВЫ К ВОЙНЕ».

Но давайте приблизим этот случай к нам. Пусть завтра станет известно, что жители Бостона или Нью-Йорка приняли принцип строгого непротивления и что впредь они будут полагаться исключительно на совесть людей в вопросах справедливости; пусть будет провозглашено по всей территории нашего Союза и по всему миру, что вы уничтожили свои тюрьмы и исправительные учреждения, упразднили свою полицию и исполнительных сотрудников правоохранительных органов, что суды могут выносить справедливые решения, но не будут иметь права принуждать к их исполнению, что вы больше не будете использовать стены, решетки и замки для защиты своей собственности, добродетели и жизни своих детей; но что вы будете полагаться исключительно на защиту «закона активной доброжелательности» (). Думаете ли вы, что воры, грабители и убийцы из Филадельфии, Балтимора, Нового Орлеана и городов старого мира из-за этого перестанут нарушать покой Нью-Йорка и Бостона, и что злые и отверженные люди, ныне проживающие в этих городах, с большей вероятностью откажутся от своих порочных путей?

Безусловно, если этот «закон активной доброжелательности», как доктор Уэйланд называет правило непротивления, помешает нациям нападать на безвредных и беззащитных, то он с еще большей вероятностью помешает отдельным людям совершать подобные агрессивные действия, поскольку моральное чувство менее активно в сообществах, чем там, где ответственность является индивидуальной и прямой.

На протяжении всего этого аргумента доктор Уэйланд предполагает, что все войны являются войнами агрессии, ведущимися ради «грабежа» или «славы», или из-за «ненависти» или «мести», тогда как это далеко не так. Иногда он действительно говорит о войне как о явлении, имеющем в *целом* такой характер; в других случаях он говорит о ней как о явлении, *всегда* предпринимаемом либо из духа агрессии, либо из духа возмездия. Возьмите любую из форм его аргументации, и даже самый обычный школьник признает ее несостоятельной: а именно

Все войны ведутся либо из агрессии, либо из мести;

агрессия и возмездие запрещены законами Бога; следовательно,

Все войны являются аморальными и неоправданными.

Или

Войны, как правило, ведутся либо с целью агрессии, либо с целью возмездия;

Агрессия и возмездие запрещены законами Бога — следовательно,

Все войны являются аморальными и неоправданными.

VI. Пусть каждый человек подумает о сумме денежных затрат и ужасающей трате человеческих жизней, к которым привели войны последних ста лет, и тогда мы спросим его, не очевидно ли, что одна сотая часть этих затрат и страданий, если бы она была потрачена на честные усилия по тому, чтобы сделать человечество мудрее и лучше, уже давно избавила

бы землю от войн и превратила цивилизованный мир в райский сад? Если это правда, то из этого следует, что культивирование военного духа наносит вред обществу, поскольку усугубляет источник зла, порочные страсти человеческой души, тем самым, как оно пытается исправить само зло.

Многое было сказано, чтобы показать, что война порождает безнравственность, а культивирование военного духа оказывает развращающее влияние на общество. И члены духовенства и адвокатуры нередко забывали, если не правду и факты, то, по крайней мере, обычные правила вежливости и милосердия, приписывая военной профессии несоразмерную долю безнравственности и преступности. Нас объявляют не только паразитами на теле политического устройства, но и явными нарушителями законов Божьих — людьми настолько деградировавшими, хотя и бессознательно, что «в погоне за справедливостью мы отказываемся от человеческого характера и принимаем характер зверей»; говорят, что «убийство, грабеж, изнасилование, поджог, воровство, если только они сопряжены с военной формой, остаются безнаказанными». (1) Военные никогда не имели привычки отвечать на эти обвинения в адрес других профессий. Мы предпочитаем оставлять их без ответа. Если демагоги на «трибуне», в законодательных залах или в своих речах по случаю 4 июля не могут найти более подходящих тем, «чтобы указать на мораль или украсить рассказ», мы должны смириться с их искажениями и оскорблениями.

[1]

Речь Самнера.

Несправедливые войны, как и несправедливые судебные разбирательства, аморальны как по своим последствиям, так и по своей причине. Но справедливые войны и справедливые судебные разбирательства не деморализуют. Предположим, что все войны и все суды будут упразднены, а злые нации и отдельные лица смогут безнаказанно и без сопротивления причинять вред; разве аморальность и несправедливость не усилились бы, а не уменьшились? Немногие события пробуждают и возвышают патриотизм и общественный дух нации так, как справедливая и патриотическая война. Она поднимает тон общественной морали и уничтожает гнусный эгоизм и унижительную покорность, которые так часто являются результатом длительного мира. Такова была голландская война за независимость против испанцев; такова была немецкая война против агрессии Людовика XIV и французская война против коалиции 1792 года. Но не нужно искать примеры за рубежом, чтобы найти убедительные доказательства в нашей собственной истории. Можно ли сказать, что войны Американской революции и 1812 года имели деморализующий эффект? «Откуда американцы, — говорит доктор Либер, — обычно берут свои лучшие и чистейшие примеры всего, что связано с патриотизмом, общественным духом, преданностью общему благу, чистотой мотивов и действий, если не от смелой группы своих патриотов Революции?»

Главные действующие лица военных событий Революции и войны 1812 года при жизни занимали высокие политические посты в государстве, и о моральном духе, который они черпали из этих войн, можно судить по характеру, отпечатавшемуся на их управлении государством. Эти люди ушли из жизни, и их места уже некоторое время занимают люди, которые черпают свой моральный дух из мирных отношений. Для истинного верующего в эффективность *несопротивления* и в деморализующее влияние всех войн, как поразителен контраст между этими разными периодами в нашей политической истории! Насколько бесконечно уступали правители более поздних времен тем, кто в слепоте своего увлечения

прибегал к физической силе, вместо того чтобы сдать свою жизнь, свободу и стремление к счастью! Давайте проследим этот контраст:

В ранние годы существования нашей республики, под властью тех, чьи нравственные устои были развращены войной, партийный дух был более сильным и менее чистым, чем в более поздние периоды нашей истории. Тогда целью главных лидеров крупных политических партий было выставить мнения противоположной партии в невыгодном свете; сейчас же их единственной целью является отстаивание собственных мнений с помощью аргументов. Тогда каждая партия заявляла о своей исключительной любви к родине и клеймила другую как чужеземцев и естественных врагов государства; сейчас обе партии проявляют большую терпимость, любовь и милосердие по отношению к политическим оппонентам. Тогда люди получали должности благодаря интригам и коррупции, и всеобщая борьба за хлеб и рыбу должностей с одной стороны и всеобщая политическая изгнание с другой считались естественным результатом выборов: сейчас эта отвратительная борьба за должности прекратилась; люди больше не ищут должностей, а ждут, как Цинциннат, пока их не вызовут с плуга; и никто не подвергается изгнанию за свои взгляды. Тогда при избрании людей на должности самые важные социальные и конституционные принципы были забыты или нарушены; теперь мы имеем величественное зрелище нации, выбирающей своих правителей под руководством строгих моральных принципов. Тогда залы конгресса часто были заполнены демагогами, пьяницами и *мелкими людьми* из общины; теперь самые способные и лучшие люди страны всегда ищутся в качестве представителей (). Тогда магнаты партии были просто робкими, приспособляющимися рабами конъюнктуры, которые смотрели не на справедливость и мудрость своих мер, а на их вероятную популярность у тогдашней подлой толпы последователей: теперь они полагаются на уважение и поддержку со стороны честных и просвещенных людей. Тогда рядовые члены партии были простыми политическими наемниками, которые продавали свою честь за должность, которые ругали и прославляли, кричали «ура» и шептали клевету, как им велели; они могли льстить тем, кто распределял политическую поддержку, с раболепной раболепностью, которая заставила бы покраснеть придворных Людовика XIV или паразитов и наемников Уолпола; теперь же все политические партизаны, черпающие свой моральный тон из мирных времен, являются чистыми, бескорыстными патриотами, которые, как римские фермеры, с большой неохотой принимают должность и снова уходят в отставку, как только государство может обойтись без их услуг. Тогда профессиональные боксеры, мошенники и азартные игроки, объединившись в политические клубы, были окружены вниманием высокопоставленных лиц и вознаграждены за свои грязные и коррумпированные партийные услуги должностями, требующими доверия и ответственности: теперь же ни один человек, обладающий властью, не осмелился бы оскорбить моральные чувства общества, принимая таких личностей в национальные советы или наделяя государственными должностями этих коррумпированных и отвратительных отбросов общества.

Таковы, как убеждают нас сторонники ненасилия, законные результаты в этой стране войны, с одной стороны, и затянувшегося мира, с другой. Но есть люди с менее ярким воображением и, возможно, с менее искаженным фанатичным рвением видением, которые не замечают этих результатов и даже думают, что видят обратное. Эти люди не могут увидеть в жизни Вашингтона, Гамильтона и Нокса ничего, что свидетельствовало бы о том, что они были менее добродетельными из-за того, что носили оружие на службе своей страны; они даже не замечают вредного воздействия воспитания военного духа на военных студентов Вест-Пойнта, выпускники которого, по их мнению, выгодно отличаются по моральному характеру от выпускников Йеля и Кембриджа. Более того, некоторые даже заходят так далеко, что говорят, что наша армия, как целое, не менее нравственна, чем

соответствующие классы в гражданской жизни; что наши рядовые солдаты так же редко виновны в беспорядках, кражах, грабежах и убийствах, чем мужчины с аналогичным образованием, занятые другими видами деятельности; что наши военные офицеры не уступают по моральному характеру нашим гражданским чиновникам и что, как класс, они выгодно отличаются от любого другого класса профессионалов — например, от юристов. В оправдание этих мнений, которые, возможно, могут быть сочтены крайне ошибочными, они говорят, что из многих миллионов государственных денег, потраченных за последние сорок лет военными офицерами на армию, военную оборону и внутренние улучшения, только один выпускник Вест-Пойнта оказался неплательщиком, даже на самую маленькую сумму, и что чрезвычайно редко можно увидеть офицера армии, привлеченного к суду за нарушение законов.

Но даже если предположить, что армии неизбежно распространяют безнравственность в обществе, разве не так же верно, что привычное подчинение несправедливости, грабежам и оскорблениям со стороны иностранных завоевателей еще больше деградирует и деморализует любой народ?

Что касается «денежных расходов», необходимых для военной обороны, то было высказано много абсурдных и ложных утверждений. Что касается нашей страны, то все суммы, потраченные под эгидой военного ведомства, будь то на пенсии индейцам, на покупку индейских земель, на строительство государственных дорог, на благоустройство рек и гаваней, на строительство волнорезов и морских дамб, на сохранение собственности, на съемку государственных земель и т. д. и т. п., короче говоря, все расходы, произведенные офицерами армии в рамках военного ведомства, заносятся как «расходы на военную оборону». Аналогичные неверные утверждения делаются в отношении зарубежных стран: например, говорят, что новые укрепления Парижа () уже стоили от пятидесяти до семидесяти пяти миллионов долларов, и что для их завершения потребуется еще столько же. Более того, мы видели, что общая сметная стоимость этих работ оценивается в двести сорок миллионов долларов, или двенадцатьсот миллионов франков! Факты таковы: по завершении работ их стоимость составит около двадцати восьми миллионов. Недавно мы имели удовольствие осмотреть их в сопровождении нескольких инженерных офицеров, занятых на этих работах. На тот момент они были выполнены на три четверти и стоили около двадцати миллионов. Эти офицеры заверили нас, что собственно укрепления будут завершены за сумму, несколько меньшую, чем первоначальная смета в двадцать восемь миллионов. Если бы у нас было время вдаваться в подробности, мы могли бы привести и другие примеры преувеличений и искажений.

Но нельзя отрицать, что войны и средства военной обороны стоят огромных денег. То же самое можно сказать и о судебных разбирательствах и средствах, считающихся необходимыми для поддержания справедливости между людьми. По оценкам, в настоящее время в нашей стране насчитывается тридцать тысяч адвокатов, не считая мелких юристов. Если предположить, что каждый из них обходится стране в среднем в тысячу долларов, то годовые расходы страны на адвокатов составляют тридцать миллионов долларов. Добавьте к этому расходы на законодательные залы и законодателей, которые принимают законы; на суды, тюрьмы, полицейские участки, судей различных судов, маршалов, шерифов, мировых судей, констеблей, клерков, свидетелей и т. д., которые занимаются применением и исполнением принятых законов; личные потери времени различных истцов и ответчиков, индивидуальное беспокойство и страдания, вызванные судебными разбирательствами; сложите все это вместе, и я не сомневаюсь, что результат за один год несколько удивит современных экономистов. Но если сложить все расходы такого рода, которые были

произведены за последние пятьдесят лет в этой индивидуальной «войне ненависти», то, без сомнения, мы получим очень плодотворный текст для проповеди крестового похода против закона и юристов! Но найдется ли хоть один здравомыслящий человек, который скажет, что из-за затрат на их содержание все законы и юристы бесполезны и должны быть упразднены?

Если, следовательно, эти огромные суммы денег считаются необходимыми для обеспечения справедливости между гражданами одной страны, можем ли мы ожидать, что средства международного правосудия могут быть сохранены без затрат, соразмерных поставленной цели? Если мы не можем полагаться исключительно на «закон активной доброжелательности» для поддержания справедливости между братьями одной страны, можем ли мы надеяться, что в нынешнем состоянии мира незнакомцы и иностранцы будут более готовы выполнять его требования?

Длина предыдущих замечаний побуждает нас к большей краткости в дальнейшем обсуждении этой темы.

Против войны возражают тем, что люди, будучи разумными существами, должны спорить друг с другом с помощью аргументов, а не силы, как это делают животные.

На это отвечают, что сила начинается только там, где заканчиваются аргументы. Если тот, кто причинил мне вред, не может быть убежден возместить ущерб, я обращаюсь в суд, то есть к *законной* силе, чтобы заставить его восстановить справедливость. Так и нации должны прибегать к *военной силе* только тогда, когда все другие средства не могут предотвратить агрессию и ущерб.

Но война часто не приводит к устранению обид или предотвращению повторных и продолжающихся агрессий.

То же самое происходит и при применении гражданской силы, но это не делает ее применение менее уместным и справедливым.

Но в войне иногда страдает невинная сторона, а виновная торжествует.

Так часто бывает и в гражданской жизни: Бог, по какой-то мудрой причине, иногда позволяет нечестивым торжествовать на время.

Но во всех войнах одна сторона должна быть неправа, и часто война несправедлива для обеих сторон.

Так же и в судебных процессах одна сторона обязательно неправа, и часто обе стороны прибегают к гражданским судам в надежде достичь несправедливых целей.

Но страны не обращаются в суды, как частные лица, для урегулирования своих разногласий.

Потому что считается, что суд такого рода — конгресс наций, как его называют, — принесет больше зла, чем добра. Благодаря такой договоренности старые и могущественные европейские монархии приобретут право вмешиваться во внутренние дела более слабых держав. Мы видим последствия создания такого суда в так называемом Священном союзе, влияние которого друзья свободы считают чуть менее опасным, чем Святая инквизиция. Более того, такой суд не предотвратил бы войны, поскольку для принудительного исполнения его решений по-прежнему прибегали бы к военной силе. По этим и другим причинам считается лучше и безопаснее полагаться на существующую систему международного права. В рамках этой системы и в этой стране прибегание к арбитражу войны не является результатом импульса и страсти, уступкой простым «животным

наклонностям» нашей природы; это обдуманый и торжественный акт законодательной власти, представителей национального духа, созданных в качестве высшего совета народа. Именно эта власть должна определять, когда были исчерпаны все справедливые и честные средства для достижения национальной справедливости, и когда применение военной силы является необходимым и уместным. Если это решение неизбежно является нехристианским и варварским, то мы должны ожидать, что таким же будет характер других законов, принятых тем же органом и при тех же обстоятельствах. Объявление войны в этой стране — это закон страны, принятый совещательным органом под высоким санкционированием конституции. Правда, такой закон может быть несправедливым и неправильным, но мы вряд ли можем согласиться с тем, что он обязательно будет таким. Различие между войной, должным образом объявленной таким образом, и «международным законом Линча» слишком очевидно, чтобы требовать комментариев.

Но говорят, что преимущества войны с лихвой перевешиваются вытекающими из нее бедами и что «чаще всего те самые средства, с помощью которых мы отталкиваем деспотизм из-за рубежа, только устанавливают над нами военный деспотизм внутри страны».

Многое было сказано и написано о *военном* деспотизме, но мы считаем, что тот, кто тщательно изучает историю, несомненно предпочтет военный деспотизм деспотизму простых политиков. Правительства Александра и Карла Великого были бесконечно предпочтительнее правительств мелких гражданских тиранов, которые предшествовали им и следовали за ними; и нет никого, кто был бы настолько ослеплен предрассудками, чтобы сказать, что правление Наполеона было не лучше правления Робеспьера, Дантона и других «юристов», которые предшествовали ему, или правления Бурбонов, для которых он был свергнут.

«Цезарь, — говорит один выдающийся сенатор нашей страны, — был по праву убит за заговор против своей страны, но не он уничтожил свободы Рима. Эту работу проделали развратные политики без него и до его времени, и его смерть не восстановила республику. Больше не было выборов: гнилые политики уничтожили их; и племянник Цезаря, как наследник своего дяди, унаследовал империю по принципу наследственной преемственности».

«И здесь история проявляет свой величественный и поучительный характер, как философия, учащая на примерах: давайте не будем безразличны к ее предупреждающему голосу. Поверхностные читатели верят, что именно военные уничтожили Римскую республику! Ничего подобного! Это сделали политики! — раздробленные, коррумпированные, интригующие политики, разрушавшие общественную добродетель в своем безумном стремлении к должности, уничтожавшие своих соперников преступлениями, обманывавшие и развращавшие народ ради голосов и приводившие выборы в презрение мошенничеством и насилием, с которыми они проводились. Со времен Гракхов не было выборов, которые могли бы носить это название. Конфедеративные и прогнившие политики покупали и продавали консульство. Интриги и кинжалы избавляли от соперников. Мошенничество, насилие, взятки, террор и грабеж государственной казны обеспечивали голоса. У народа не было выбора, и задолго до времени Цезаря от республиканского правительства не осталось ничего, кроме названия и злоупотреблений. Прочитайте Плутарха. В «Жизни Цезаря», менее чем за три страницы до перехода через Рубикон, он описывает разрушенное состояние выборов, показывает, что все выборное правительство исчезло, что наследственная форма стала необходимым спасением от борьбы коррумпированных, и что, выбирая между Помпеем и Цезарем, многие предпочитали Помпея не потому, что считали его республиканцем, а потому, что думали, что он будет более мягким королем. Даже оружие

было лишь небольшой частью того, на что полагался Цезарь, когда переходил Рубикон. Еще больше, чем на меч, он полагался на золото; и он отправил накопленные сокровища разграбленной Галлии, чтобы они были высланы в руки прогневших политиков. Больше не было народного правительства, и, захватив всю власть, он лишь воспользовался ситуацией, которую создали развратные политики. В этом он был виновен и поплатился за это жизнью. Но, размышляя о его судьбе, давайте никогда не будем забывать, что политики подорвали и разрушили республику еще до того, как он пришел, чтобы захватить и овладеть ею».

Мы могли бы привести множество примеров, когда выгоды войны с лихвой компенсировали сопутствующие ей беды; выгоды не только для поколений, которые участвовали в ней, но и для их потомков на протяжении долгих веков. Если бы Рим принял принцип ненасилия, когда Ганнибал стоял у его ворот, мы бы сейчас находились в ночи африканского невежества и варварства, вместо того чтобы наслаждаться преимуществами римской науки и римской цивилизации. Если бы Франция приняла этот принцип, когда союзные армии вторглись на ее территорию в 1792 году, ее судьба была бы такой же, как у Польши. Если бы наши предки приняли этот принцип в 1776 году, каким, по-вашему, был бы сейчас характер и состояние нашей страны?

Замечания доктора Либера по этому поводу особенно справедливы и уместны.

«Непрерывные усилия, — говорит он, — необходимые нации для защиты от постоянно повторяющихся нападений хищного врага, могут быть бесконечно больше, чем зло, вызванное одной энергичной войной, которая навсегда обеспечивает мир с этой стороны. Полагаю, никто не станет отрицать, что Нибур прав, когда замечает, что преимущество Рима от завоевания Сицилии с точки зрения могущества и национальной силы было неоспоримым. Но даже если бы это было не так, разве нет других преимуществ, которые можно было бы обеспечить? Ни один человеческий ум не способен охватить одним взглядом, ни одна человеческая жизнь не достаточно длинна, чтобы последовательно проследить все неизмеримые благословения и невыразимое добро, которые принесли человечеству незабываемые победы маленькой Греции над бурлящими массами рабской Азии, которые едва не захлестнули Европу, как прилив разбухшего моря, унося с собой удушающий песок, покрывавший все зародыши цивилизации, свободы и вкуса, и почти все, что было доброго и благородного. Подумайте, кем бы мы стали, если бы Европа превратилась в азиатскую провинцию, а восточные принципы власти и застоя глубоко проникли бы в ее население, так что никакой процесс впоследствии не смог бы их изгнать! Разве не принесло никакой выгоды то, что евреи отказались дальше быть затапанными в грязь и в конечном итоге уничтоженными, по крайней мере ментально, удушающим рабством и войнами, последовавшими за их решением? Голландская война за независимость оказала глубокое и решающее влияние на современную историю и, с точки зрения всех, кто ценит наиболее существенные части и элементарные идеи современной и гражданской свободы, весьма благотворное, как непосредственно, так и через Великобританию. Войны часто были в руках Провидения средством распространения цивилизации, если они велись цивилизованным народом — как в случае с Александром, чьи войны оказали самое решительное влияние на взаимодействие людей и распространение цивилизации — или средством пробуждения и воссоединения народов, впавших в летаргию, если на них нападали менее цивилизованные и многочисленные орды. Часто в истории мы видим, что более грубое и победоносное племя как бы возвращает цивилизацию, уже приходящую в упадок у утонченной нации. Как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, тем не менее история вполне доказывает, что наиболее тесный контакт и, как следствие, обмен мыслями и продуктами, а также расширение знаний между двумя иначе разъединенными нациями часто являются результатом войны. Война — это борьба,

состояние страдания; но как таковая, порой, только тот процесс борьбы, без которого — пропорционально добру, которое можно получить, или, как было бы лучше выразиться во многих случаях, добру, которое нужно вынести — ни одно великое и существенное добро никогда не выпадает на долю человека. Страдание, просто как страдание, не является злом. Наша религия, философия, повседневный опыт доказывают это. Никакая материнская радость не озаряет вечер матери без тревоги родов».

Еще одно слово, и мы должны оставить эту тему. Некоторые говорят, что обязанности патриотизма менее обязывают нас, чем наших предков; что, какова бы ни была практика в прошлые годы, нынешнее поколение ни в коем случае не может взять в руки оружие за дело своей страны, поскольку такой поступок не только *бесчестен*, но и, с точки зрения христианина, *злой* и даже *позорный*! Однако считается, что это не является общим мнением и чувством религиозных людей этой страны. Наши предки зажгли огонь религии и патриотизма на одном алтаре; считается, что их потомки не позволили ни одному из них погаснуть, но что оба они по-прежнему горят и будут гореть с еще более чистым и ярким пламенем. Наши предки не менее заботились о своем долге перед Богом, потому что они также верно служили своей стране. Если мы призваны превзойти их в делах милосердия, доброжелательности и христианской добродетели, пусть о нас не говорят, что мы забыли о добродетели патриотизма.^[2]

[2]

Для более подробного обсуждения этой темы читателю рекомендуется обратиться к книге Либера «Политическая этика», часть II, книга VII, глава 3; «Моральная и политическая философия» Пэли; отчет Легара от 13 июня 1838 года в Палате представителей; «История революции 1688 года» Макинтоша, глава X; Бинкершок; Ватель; Пуффендорф; Клаузевиц; и большинство других авторов, писавших о международном праве и законах войны.

Точка зрения доктора Уэйланда на этот вопрос с большим энтузиазмом отстаивается Даймондом в его работе «Исследование согласованности войны с принципами христианства»; Джеем в «Мир и война»; Джаддом в «Проповеди о мире и войне»; Пибоди в «Обращении» и т. д.; Куэ в «Трактате о том, для чего нужен флот»; Самнером в «Истинном величии наций».

ГЛАВА II.

СТРАТЕГИЯ

Война определяется как «борьба между нациями и государствами, ведущаяся с помощью силы». Однако некоторые считают это определение неполным, поскольку оно исключает все гражданские войны.

Когда война начинается с нападения на мирную нацию, она называется *наступательной*, а когда ведется для отражения вторжения или атак врага, она называется *оборонительной*. Война может быть по сути оборонительной, даже если мы ее начинаем, если она направлена на предотвращение готовящегося нападения или вторжения. Помимо этого общего деления войн, военные писатели выделили множество других, таких как

Войны вмешательства, в которых одно государство вмешивается в пользу другого. Это вмешательство может касаться как *внутренних*, так и *внешних* дел нации. Вмешательство России в дела Польши, Англии в управление Индией, Австрии и союзных держав в дела Франции во время революции и под властью империи являются примерами первого типа. Примерами второго вида являются вмешательство курфюрста Морица Саксонского против Карла V, короля Вильгельма против Людовика XIV в 1688 году, России и Франции в Семилетней войне, России снова между Францией и Австрией в 1805 году и между Францией и Пруссией в 1806 году. Большинство либеральных публицистов считают вмешательство во внутренние дела других стран неоправданным, но этот принцип поддерживается сторонниками старых монархий Европы.

Войны за освобождение или восстановление свободы, как в случае с американцами в 1776 году и современными греками в 1821 году.

Войны за независимость от иностранного господства и контроля, такие как войны Польши против России, Нидерландов против Испании, Франции против нескольких коалиций союзных держав, Иберийского полуострова против Франции и Китая и Индии против Англии. Американская война 1812 года в значительной степени имела такой характер, и некоторые проникательные историки называли ее войной за независимость, в отличие от войны за революцию.

Войны идей, такие как те, которые вели венданцы в поддержку Бурбонов, и те, которые вела Франция против союзников, а также пропагандистские войны, которые велись против небольших европейских государств республиканскими ордами Французской революции. К этому классу также относятся

Религиозные войны, такие как войны ислама, крестовые походы и Реформация.

Войны за завоевание, такие как войны римлян в Галлии, англичан в Индии, французов в Египте и Африке и русских в Черкесии.

Национальные войны, в которых участвует большая часть населения государства, такие как войны швейцарцев против Австрии и герцога Бургундского, каталонцев в 1712 году, американцев против Англии, голландцев против Филиппа II, а также поляков и черкесов против России.

Гражданские войны, в которых одна часть государства сражается против другой, как война Роз в Англии, война Лиги во Франции, война гвельфов и гибелин в Италии, а также войны между фракциями в Мексике и Южной Америке.

В данном случае мы не ставим перед собой цель обсуждать эти различные виды войн, а скорее рассматриваем общую тему и обсуждаем общие принципы и правила, которые могут быть применимы ко всем войнам.

Война в самом широком смысле может рассматриваться как *наука* и как *искусство*. Она является наукой в той мере, в какой она исследует общие принципы и проводит анализ военных операций, и искусством, если рассматривать ее с точки зрения практических

правил ведения кампаний, осад, сражений и т. д. Точно так же инженерия является наукой в той мере, в какой она исследует общие принципы фортификации, а также артиллерия, анализирующая принципы стрельбы из орудий; но и то, и другое являются искусством, если рассматривать их с точки зрения практических правил строительства, атаки и обороны фортов или использования пушек.

Это различие не всегда соблюдалось авторами, писавшими на эту тему, и некоторые утверждали, что стратегия является *наукой*, а тактика — *искусством* войны. Это явно является ошибочным пониманием общего различия между наукой, которая исследует принципы, и искусством, которое формирует практические правила.

Однако в разговорном языке обычно говорят о *военном искусстве*, когда речь идет об общей теме войны, и о *военных науках*, когда хотят обратить внимание в первую очередь на научные принципы, на которых основано это искусство. Здесь мы будем рассматривать военное искусство в этом общем смысле, включая всю тему войны.

Согласно этому определению, военное искусство можно разделить на четыре отдельных раздела, а именно: 1. *Стратегия*; 2. Фортификация, или *инженерия*; 3. *Логистика*; 4. *Тактика*. Несколько общих трактатов по этому искусству добавляют еще один раздел, называемый «*Политика войны*», или отношения войны с делами государства.

Стратегия определяется как искусство направления масс на решающие точки или враждебных движений армий за пределы досягаемости артиллерии друг друга. *Инженерное дело* охватывает все меры, принимаемые для того, чтобы войска могли как можно дольше сопротивляться превосходящим силам, а также средства, к которым прибегает противная армия для преодоления этих материальных препятствий. *Логистика* охватывает практические детали перемещения и снабжения армий. *Тактика* — это искусство приведения войск в боевую готовность или их перемещения в присутствии врага, то есть в пределах его видимости и досягаемости его артиллерии. Все эти области тесно связаны между собой. Ошибка в тактике может привести к потере стратегических линий; даже самые удачные маневры на поле боя могут не привести к решающим результатам, если позиция или направление операции не являются стратегическими; иногда из-за пренебрежения инженерным искусством или ошибок в его расположении теряются не только сражения, но и целые кампании; кроме того, армии были бы малополезны без необходимых средств передвижения и снабжения.

1. *Стратегия* касается скорее театра военных действий, чем поля сражения. Она выбирает важные точки на этом театре и линии связи, по которым можно до них добраться; она формирует план и организует общие операции кампании; но она оставляет инженерам преодоление материальных препятствий и возведение новых; она оставляет логистике средства поддержки армий и их перемещения по выбранным линиям; а тактике — конкретные расположения для сражения, когда армии достигли назначенных точек. Хорошо иметь в виду эти различия, которые можно сделать еще более очевидными с помощью нескольких иллюстраций. Точка, в которой пересекаются или встречаются несколько линий связи, и центр дуги, занятой врагом, являются стратегическими точками; но тактика отвергла бы позицию, одинаково доступную со всех сторон, особенно с флангами, открытыми для атаки. Семпроний в Треббии и Варро в Каннах разместили свои армии таким образом, что карфагеняне атаковали их одновременно спереди, с флангов и с тыла; римские консулы были разгромлены, но центральная стратегическая позиция Наполеона в Риволи оказалась чрезвычайно успешной. В битве при Аустерлице союзники запланировали *стратегическое* движение влево, чтобы отрезать правый фланг Наполеона от Вены; Вейротер впоследствии

изменил свои планы и осуществил соответствующее *тактическое* движение. Первое давало некоторую вероятность успеха, но второе подвергло его неизбежному уничтожению. Небольшой форт Кенигстен, благодаря своему выгодному положению, был более полезен французам в 1813 году, чем обширные укрепления Дрездена. Небольшой форт Бард с его горсткой солдат едва не сорвал операции Наполеона в 1800 году, сдерживая всю его армию; с другой стороны, непродуманные линии Тичино в 1706 году привели к поражению армии из 78 000 французам всего лишь 40 000 солдат под командованием принца Евгения Савойского.

Война, как уже было сказано, может быть как наступательной, так и оборонительной. Если наступающая армия направлена против целого государства, это становится *войной-вторжением*. Если же атакуется только провинция, военная позиция или армия, это просто рассматривается как *инициатива* в наступательных действиях.

Наступательная война обычно наиболее выгодна с точки зрения морального и политического влияния. Она ведется на чужой территории, и поэтому щадит страну нападающей стороны; она увеличивает собственные ресурсы и одновременно уменьшает ресурсы противника; она укрепляет моральный дух собственной армии, в то время как деморализует противника. Однако война с целью вторжения может иметь и свои недостатки. Ее линии операций могут стать слишком *глубокими*, что всегда опасно на территории врага. Все естественные и искусственные препятствия, такие как горы, реки, ущелья, укрепления и т. д., благоприятны для обороны, но труднопреодолимы для захватчика. Местные власти и жители противодействуют его операциям, вместо того чтобы содействовать им; и если патриотизм вдохновляет обороняющуюся армию сражаться за независимость своей угрожаемой страны, война может стать долгой и кровопролитной. Но если в пользу захватчиков будет сделано политическое отвлечение внимания, и их операции увенчаются успехом, это нанесет удар по сердцу врага, парализует всю его военную энергию и лишит его военных ресурсов, тем самым быстро положив конец конфликту. Если рассматривать наступательные действия просто как инициативу в передвижении, то они почти всегда предпочтительнее, поскольку позволяют генералу выбирать линии передвижения и концентрировать свои силы в решающем месте.

Первое и самое важное правило в наступательной войне — держать свои силы как можно более сконцентрированными. Это не только предотвратит неудачу, но и обеспечит победу, поскольку благодаря необходимой операции вы обладаете способностью бросить все свои силы на любой уязвимый пункт позиции противника.

К этому общему правилу некоторые авторы добавили следующие исключения:

1. Когда продовольствие и фураж в районе, в котором вы действуете, истощены и уничтожены, а ваши склады по какой-либо причине не могут восполнить недостаток, необходимо сделать одно из двух: либо отправиться в места, где этих предметов в изобилии, либо забирать из них свои запасы *отрядами*. Первое редко совместимо с вашим планом () и неизбежно задерживает его выполнение; поэтому обычно предпочтение отдается второму.
2. Когда к вам должны присоединиться подкрепления, а это возможно только путем марша через территорию, фактически занятую вражескими войсками или подверженную такой оккупации, вы должны снова отступить от общего правила и рискнуть одной частью войск для обеспечения безопасности другой; или (что может быть лучше) совершить такие маневры с основными силами, которые позволят вам достичь своей цели.
3. Когда у вас есть полные доказательства фактического или вероятного восстания в вашу пользу в городе или провинции вашего врага, или в одной из частей его армии, вы должны

поддержать это стремление сильными *отрядами* или маневрами вашей основной армии. Операции Наполеона в Италии в 1796-1797 годах являются примерами того, о чем здесь идет речь.

4. Когда, отправив *отряд*, вы можете перехватить конвой или подкрепление, идущее на помощь вашему врагу.

Это скорее кажущиеся, чем реальные исключения из правила концентрации. Это правило не требует, чтобы *вся армия занимала одну и ту же позицию*. Далеко не так. Концентрация требует, чтобы основные силы находились в непосредственной близости и могли оказать поддержку: небольшие отряды, предназначенные для временных и важных целей, таких как упомянутые выше, вполне законны и соответствуют правильным принципам. Положение Наполеона в Испании послужит иллюстрацией. Рука, положенная на карту этой страны, будет представлять положение вторгшихся войск. Когда она раскроется, пальцы будут представлять несколько отрядов, выдвинутых на важные стратегические линии, которые можно легко собрать, как при сжатии руки, к основной и центральной массе, готовясь нанести какой-либо важный удар.

«Если, как мы видели, первым важным правилом для армии, действующей по принципу наступления, является *концентрация сил*, то вторым, без сомнения, является *их полное использование*. Вы намерены захватить определенную провинцию вашего врага? Проникнуть в его столицу? Или отрезать его от поставок? Любые меры, необходимые для открытия пути к этим целям, должны быть приняты *немедленно*; и если вы намерены прокормиться за его счет, ваши действия должны быть более быстрыми, чем его. Дайте ему время *передохнуть*, а главное, дайте ему время *отдохнуть*, и ваш план будет сорван; его продовольственные запасы будут пополнены, а склады заполнены и защищены. Подъездные пути будут заблокированы, мосты разрушены, а опорные пункты повсюду захвачены и укреплены. Вы, по сути, как и Бергойн в 1777 году, будете вынуждены терять силы на каждом шагу, не получая ничего взамен и не достигая никакой цели.

Такова не может быть судьба полководца, который, зная всю ценность наступательных действий, своей энергией и ловкостью первых движений потрясает как моральные, так и физические силы врага, который, выбирая время, место и способ атаки, сбивает с толку противника столь же смелыми, сколь и неожиданными предприятиями, и который в конце концов оставляет ему только выбор между безнадежным сопротивлением и бегством без сопротивления».

Британская армия в войне за независимость США, должно быть, была крайне невежественна в отношении этих основных принципов ведения наступательной войны. Вместо того чтобы сконцентрировать свои силы в каком-то решающем месте, а затем уничтожить основные силы нашей армии повторяющимися и хорошо направленными ударами, они рассеяли свои силы по огромной территории и стали слишком слабы, чтобы действовать решительно и эффективно в каком-либо одном месте. С другой стороны, эта политика позволила нам мобилизовать и дисциплинировать наши разбросанные и плохо снабженные силы.

Основная цель *оборонительных* войн — защитить угрожаемую территорию, задержать продвижение врага, умножить препятствия на его пути, охранять жизненно важные точки страны и — в благоприятный момент, когда враг ослаблен отрядами, потерями, лишениями и усталостью — перейти в наступление и изгнать его из страны. Такое сочетание обороны и нападения имеет много преимуществ. Враг, вынужденный в свою очередь перейти в оборону, теряет большую часть морального превосходства, которое дают ему успешные наступательные операции. В истории можно найти множество примеров такого рода войны,

«оборонительно-наступательной», как ее иногда называют. Последние четыре кампании Фридриха Великого Прусского являются примерами, которые могут служить образцами. Веллингтон сыграл аналогичную роль на Иберийском полуострове.

Просто оставаться в оборонительной позиции, постепенно уступая перед наступлением врага, не предпринимая никаких попыток вернуть позиции или провинции, которые могут оказаться в его руках, или нанести ему сокрушительный и решающий удар при первой же благоприятной возможности — такая система всегда доступна невежеству, глупости и трусости, но она далека от истинной фабианской системы оборонительных войн.

«Вместо того чтобы искать безопасности только в бегстве; вместо того чтобы привычно отказываться смотреть врагу в лицо; вместо того чтобы оставлять его поход без помех; вместо того чтобы без сопротивления покидать точки, сильные по природе или по искусству; — вместо всего этого, истинная оборонительная война ищет каждый случай встречи с врагом и не упускает ни одного, с помощью которого она может его раздражать или победить; она всегда начеку; она постоянно в движении и никогда не бывает неподготовленной ни к атаке, ни к обороне. Когда она не занята проявлениями мужества или ловкости, она неустанно посвящает себя труду и науке. На фронте она разрушает дороги и мосты, а в тылу — строит и ремонтирует их; она возводит завалы, устанавливает батареи, укрепляет перевалы или окопает лагеря; и к системе лишения добавляет всю активность, хитрость и смелость *la petite guerre*. Разделяясь на отряды, она умножает свои атаки и тревоги врага. Собираясь в одной точке, она препятствует его продвижению в течение нескольких дней, а иногда и недель. Даже если она покидает пути, которые должна защищать, то делает это только для того, чтобы защитить их более надежно, атакуя его госпитали, склады, конвои или подкрепления. Одним словом, руководствуясь принципом, что *враг должен платить за все, что он завоевывает*, она борется с ним за каждый сантиметр земли, и если в конце концов уступает ему победу, то это победа, которая вызывает у него только вздохи».

При обсуждении темы стратегии используются определенные технические термины, такие как *театр военных действий*; *театр операций*; *база операций* или линия, с которой начинаются операции; *целевые точки* или точки, на которые направлены операции; *линия операций* или линия, по которой движется армия; *ключевые точки* или точки, которые важно удержать обороняющейся армии; *линия обороны*, или линия, которую важно защищать любой ценой; и в целом, *стратегические точки*, *стратегические линии*, *стратегические позиции* и т. д. Поскольку эти термины очень часто используются в военных книгах, было бы неплохо тщательно ознакомиться с их значением. После определения этих терминов и объяснения их значения и применения, считается лучшим проиллюстрировать их использование с помощью известных и ярких исторических примеров.

Театр военных действий охватывает не только территорию двух воюющих держав, но и территорию их союзников, а также таких второстепенных держав, которые из-за страха или интереса могут быть втянуты в конфликт. В случае морских держав он также охватывает моря, а иногда пересекает границы другого континента. Некоторые войны между Францией и Англией охватывали два полушария.

Театр военных действий, однако, имеет более ограниченный характер и не должен путаться с театром военных действий. Как правило, он включает только территорию, которую армия, с одной стороны, стремится защитить, а с другой — завоевать. Если две или более армии направляются к одной и той же цели, хотя и по разным маршрутам, их совместные операции включаются в один и тот же театр военных действий, но если каждая из них

действует независимо от других и стремится к разным и отдельным целям, каждая должна иметь свой собственный независимый театр военных действий.

Война между Францией и Австрией может охватить всю Италию и Германию, но театр военных действий может быть ограничен только частью этих стран. Если вопрос об Орегоне приведет к военным действиям между Соединенными Штатами и Англией, театр военных действий охватит большую часть Северной Америки и два океана, но театр военных действий, вероятно, будет ограничен Канадой и нашей северной границей, с морскими десантами на наши приморские города.

Первым моментом, на который следует обратить внимание при разработке плана военных операций, является выбор хорошей *базы*. На этот выбор влияют многие обстоятельства, такие как горы, реки, дороги, леса, города, укрепления, военные склады, средства к существованию и т. д. Если граница государства содержит сильные естественные или искусственные барьеры, она может служить не только хорошей базой для наступательных операций, но и отличной линией обороны от вторжения. Однако враг может прорвать одну пограничную линию, и в этом случае для хорошей обороны становится необходимым наличие второй или третьей базы, расположенной дальше вглубь страны.

Французская армия, ведущая военные операции против Германии, сделала бы Рейн своей первой базой; но если бы она была вытеснена оттуда, она сформировала бы вторую базу на Маасе или Мозеле, третью на Сене и четвертую на Луаре; или, будучи вытеснена с первой базы, она заняла бы другие, перпендикулярные линии обороны, либо справа, на Бефорте и Безансоне, либо слева, на Мезьере и Седане. При проведении наступательных действий против Пруссии и России Рейн и Майн станут первой базой, Эльба и Одер — второй, Висла — третьей, Неман — четвертой, а Двина и Днепр — пятой.

Французская армия, действующая против Испании, имела бы Пиренеи в качестве первой базы; линию Эбро — в качестве второй, опираясь своими флангами на залив Гаскони и Средиземное море. Если бы она продвинулась вперед своим левым флангом, захватив королевство Валенсия, линия Сьерра-де-Эстеллас стала бы ее третьей базой для операций против центра Испании.

База может быть параллельной, косой или перпендикулярной нашей линии операций или линии обороны противника. Некоторые предпочитают один план, а другие — другой; однако лучшие авторитеты считают косую или перпендикулярную линию более выгодной, чем параллельную; но мы не часто имеем возможность выбирать между ними, поскольку выбор обычно определяют другие соображения.

В 1806 году французские войска сначала двигались перпендикулярно своей базе на Майн, но затем изменили фронт и двинулись по линии, косой или почти параллельной этой базе. Они придерживались того же плана операций в Семилетней войне. В 1812 году русские расположились перпендикулярно на Оке и Калуге и продлили свой фланговый марш на Виозму и Красную; в 1813 году союзники, расположившиеся перпендикулярно на Богемии, сумели парализовать армию Наполеона на Эльбе.

Американская армия, движущаяся по озеру Шамплейн, будет базироваться перпендикулярно к большой линии связи между Бостоном и Буффало; если она будет двигаться из штатов Новой Англии на Квебек и Монреаль, линия операций будет наклонной; а если она будет двигаться от границы Ниагары по озеру Онтарио и реке Святого Лаврентия, линия будет почти параллельна как нашей базе, так и линии обороны противника — операция, которая в данных обстоятельствах является крайне нежелательной.

Любая точка на театре военных действий, которая дает ее владельцу преимущество над противником, считается *стратегической*. Их географическое положение и политический и военный характер дают им большее или меньшее влияние на ход кампании. Эти точки занимает обороняющаяся армия и атакует наступающая; если они находятся на базе или рядом с ней, они становятся *ключевыми* точками для первой и *целевыми* точками для второй.^[3] Между этими двумя точками также находится большее или меньшее количество стратегических точек, которые оказывают важное, хотя и меньшее влияние на исход войны.

[3]

Следует отметить, что стратегическая точка не обязательно является геометрической точкой; целая провинция или значительная часть географической границы в военном языке иногда называется *точкой*. Точно так же стратегические линии, вместо того чтобы быть математическими линиями, часто имеют ширину в многие мили.

Первой целью французов при нападении на Бельгию является захват Мааса, поскольку эта позиция даст им решающее преимущество в любых дальнейших операциях. При нападении на южную Германию течение Дуная предлагает ряд точек, которые оказывают важное влияние на ход войны. В северной Германии Лейпциг и земли, граничащие с Заале и Эльбой, часто становятся предметом ожесточенной борьбы между французами и другими воюющими державами. В войне между этой страной и Англией Монреаль и пункты на реке Святого Лаврентия между Монреалем и Квебеком стали бы объектами первостепенной важности, и их захват, вероятно, определил бы исход войны.

Столица государства, благодаря своему политическому значению и военному влиянию, почти всегда является решающим стратегическим пунктом, и поэтому ее захват часто становится целью всей кампании. Владение Генуей, Туринном, Александрией, Миланом и т. д. в 1796 году, как с политической, так и с военной точки зрения, оказало решающее влияние на исход войны в этих нескольких государствах. То же самое можно сказать о Венеции, Риме и Неаполе в 1797 году, Вене в кампаниях 1805 и 1809 годов, Берлине в 1806 году, Мадриде в 1808 году и Париже в 1814 и 1815 годах. Если бы Ганнибал захватил столицу сразу после битвы при Каннах, он бы тем самым уничтожил римскую державу. Захват Вашингтона в 1814 году оказал малое или вообще не оказал никакого влияния на ход войны, поскольку в то время этот город не имел никакого значения сам по себе и был лишь номинальной столицей. Однако это событие сильно повлияло на нашу репутацию за рубежом, и потребовалось много блестящих успехов, чтобы смыть это пятно с нашего национального герба.

Линии обороны в стратегии бывают постоянными или временными. Великие военные границы государства, особенно когда они укреплены естественными и искусственными препятствиями, такими как горные цепи, реки, линии крепостей и т. д., считаются постоянными линиями обороны. Альпийский хребет между Францией и Пьемонтом с его укрепленными перевалами; Рейн, Одер и Эльба с их сильно укрепленными местами; Пиренеи с Байонной на одном конце и Перпиньяном на другом; тройная линия крепостей на бельгийской границе — все это постоянные линии обороны. Река Святого Лаврентия является постоянной линией обороны для Канады, а линия озера Шамплейн, верхней части реки Святого Лаврентия и озер — для Соединенных Штатов.

Временные линии обороны — это такие линии, которые создаются только на время кампании. Позиции Наполеона в Саксонии в 1813 году, линия союзников в Бельгии в 1815 году, линия Марны в 1814 году — все это примеры временных линий обороны.

Из этих замечаний следует, что линии обороны не обязательно являются базами операций.

Стратегические позиции — это позиции, которые занимаются во время военных операций *армейским корпусом* или крупным отрядом с целью контроля или наблюдения за противником; они называются так, чтобы отличать их от тактических позиций или полей сражений. Позиции Наполеона в Риволи, Вероне и Легнано в 1796 и 1797 годах для наблюдения за Адидже; его позиции на Пассарге в 1807 году и в Саксонии и Силезии перед его линией обороны в 1813 году; а также позиции Массена на Альбисе, вдоль Лиммата и Аара в 1799 году являются примерами, подпадающими под это определение.

Прежде чем продолжить, было бы уместно проиллюстрировать стратегические отношения линий и позиций с помощью диаграмм.

(Рис. 1.) Армия в точке А покрывает всю территорию позади линии DC, перпендикулярной линии АВ, при этом позиция противника находится в точке В.

(Рис. 2.) AJ равен BJ, А по-прежнему будет охватывать все, что находится позади DC.

(Рис. 3.) Если армия А вынуждена прикрывать точку а, армия В будет прикрывать все пространство за пределами круга, радиус которого равен аВ; и, конечно, А продолжает прикрывать точку а до тех пор, пока она остается в пределах этого круга аВ.

Линия операций охватывает ту часть театра военных действий, которую армия или *корпус армии* проходит для достижения своей цели; *фронт операций* — это фронт, образованный армией по мере ее продвижения по этой линии.

Когда армия действует как единое целое, не образуя независимых корпусов, линия, по которой она движется, называется *простой линией операций*.

Если два или более корпуса действуют изолированно, но против одной и той же противостоящей силы, то говорят, что они следуют *двойной* или *множественной линии*.

Линии, по которым Моро и Журдан вторглись в Германию в 1796 году, были двойными линиями; но наступление Наполеона через Бамберг и Геру в 1806 году, хотя и осуществлялось семью отдельными *армейскими корпусами*, формировало лишь одну линию операций.

Внутренние линии операций — это линии, по которым действует армия, которая ведет боевые действия между линиями противника таким образом, чтобы сконцентрировать свои силы на одной из этих линий, прежде чем другая сможет прийти ей на помощь. Например, линия операций Наполеона в 1814 году между Марной и Сеной, где он с таким мастерством и успехом маневрировал против значительно превосходящих сил союзников.

Внешние линии дают противоположные результаты; это линии, которые армия формирует, двигаясь по краям противостоящих масс. Например, линии Марны и Сены, по которым двигались армия Силезии и великая австро-русская армия в кампании 1814 года. Линия операций Бергойна в 1777 году была двойной и внешней.

Концентрические линии — это линии, которые начинаются в отдаленных точках и направлены к одной и той же цели, либо в тылу, либо впереди своей базы.

Если масса выходит из одной точки и разделяется на несколько отдельных корпусов, принимающих разные направления, то говорят, что она следует *эксцентрическим линиям*.

Линии называются *глубокими*, когда конечная цель находится очень далеко от базы.

Линии, по которым движутся второстепенные или вспомогательные силы, называются *второстепенными линиями*.

Линии, по которым двигалась армия Сомбре-э-Мёз в 1796 году и Багратион в 1812 году, были *вторичными линиями*, поскольку первые были лишь вторичными по отношению к армии Рейна, а вторые — по отношению к армии Барклая.

Случайные линии — это линии, которые возникают в результате изменения первоначального плана кампании и придают новое направление операциям. Они встречаются редко, но иногда приводят к важным результатам.

Направление линии операций зависит не только от географического положения страны, но и от позиций, занятых противником. Общий план кампании часто определяется до начала операций, но выбор линий и позиций обычно должен быть результатом последующих событий войны и приниматься генералом по мере их развития.

Как правило, *линия операций должна быть направлена на центр или одну из крайних точек линии обороны противника*; если наши силы не превосходят противника по численности, было бы абсурдно действовать одновременно против фронта и крайних точек.

Если конфигурация театра военных действий благоприятна для движения против крайней точки линии обороны противника, это направление может быть наиболее подходящим для достижения важных результатов. (Рис. 4.)

В 1800 году армия Рейна была направлена против крайнего левого фланга линии Шварцвальда; армия резерва была направлена через Сен-Бернар и Милан на крайний правый фланг и тыл линии обороны Меласа: обе операции были чрезвычайно успешными. (Рис. 5.)

Следует отметить, что недостаточно просто захватить крайнюю точку и тыл противника, поскольку в этом случае он может бросить свои силы на наши коммуникации и поставить нас в ту же дилемму, в которую мы надеялись поставить его. Чтобы избежать этой опасности, необходимо выбрать такое направление линии операций, чтобы наша армия сохранила свои коммуникации и могла достичь своей базы.

Так, если бы Наполеон в 1800 году, перейдя Альпы, прошел через Турин на Александрию и вступил в сражение при Маренго, не обеспечив сначала Ломбардию и левый берег По, его собственная линия отступления была бы полностью перерезана Меласом; тогда как благодаря направлению, которое он задал своей линии операций, он имел в случае поражения все средства для достижения либо Вара, либо Валуа. (Рис. 6.) Кроме того, в 1806 году, если бы он прошел прямо из Геры в Лейпциг, он был бы отрезан от своей базы на Рейне; тогда как, повернув из Геры в сторону Веймара, он не только отрезал пруссаков от Эльбы, но и одновременно обеспечил себе дороги на Заальфельд, Шлейц и Хофф, тем самым полностью обеспечив безопасность своих коммуникаций в тылу. (Рис. 7.)

Мы уже говорили, что конфигурация местности и расположение вражеских сил *иногда* могут сделать целесообразным направить нашу линию операций против крайней точки линии обороны противника; но, *как правило*, центральное направление приведет к более важным результатам. Это лишает противника средств сопротивления и позволяет нападающей стороне нанести удар всей массой своих сил по разьединенным и частично парализованным частям вражеского корпуса. (Рис. 8.)

Такой план операций позволил Наполеону в итальянских кампаниях 1796 и 1797 годов прорвать и уничтожить небольшими силами большие и последовательные армии, которые Австрия направляла против него. В 1805 году его операции были как внутренними, так и центральными; в 1808 году они были в основном центральными; в 1809 году, благодаря центральным операциям в окрестностях Ратисбона, он разгромил большую и почти победоносную армию эрцгерцога Карла; в 1814 году, из своей центральной позиции между Марной и Сеной, имея всего семьдесят тысяч человек против более чем двухсот тысяч, он одержал многочисленные победы и едва не добился полного успеха. И снова в 1815 году, имея армию всего в сто двадцать тысяч человек против союзных сил в двести двадцать тысяч, благодаря своему центральному наступлению на Шарлеруа и Линьи он получил самое решительное преимущество над врагом — преимущество, утраченное из-за эксцентричного движения Груши: и даже в 1813 году его центральное положение в Дрездене обеспечило бы ему самое решающее преимущество, если бы ошибки его лейтенантов не привели к потере этого преимущества в катастрофах Кульма и Кацбаха.

Для одной и той же границы нежелательно формировать более одной армии; крупные отряды и корпуса наблюдения часто могут быть использованы с выгодой, но двойные или множественные линии операций гораздо менее благоприятны, чем одна простая линия. Однако иногда может случиться, что положение сил противника будет таким, что эта операция будет предпочтительной. В этом случае всегда следует применять внутренние линии, если только мы не имеем огромного численного превосходства. Двойные внешние линии, с корпусами, расположенными на расстоянии нескольких дней марша друг от друга, могут оказаться фатальными, если противник, действуя по одиночной или двойной внутренней линии, воспользуется своим положением, чтобы последовательно сконцентрировать свои силы против наших изолированных войск. Римские армии под командованием консулов Фламиния и Сервилия противостояли Ганнибалу на внешних линиях, одна у Флоренции и Ареццио, а другая у Модены и Ариминума. Ганнибал обошел позиции Фламиния и атаковал римские армии по отдельности, одержав полную и решающую победу. Таковы были и действия французов в 1795 году под командованием Пишегру и Журдана; они потерпели кровавое и решающее поражение. В 1796 году французские армии под командованием Журдана и Моро снова следовали внешними линиями; эрцгерцог Карл, находясь на внутренних позициях, сумел разгромить обоих противников и заставить их отступить. Если бы две армии объединились и следовали по одной линии, республиканский флаг был бы торжественно внесен в Вену.

В большинстве случаев *сходящиеся* линии операций предпочтительнее *расходящихся*. Однако следует позаботиться о том, чтобы точка встречи не могла быть захвачена противником в качестве стратегической позиции, а наши собственные силы не были уничтожены по частям, прежде чем они смогут соединиться. В 1797 году основные силы австрийцев под командованием Альвинци продвигались против Наполеона по трем отдельным линиям, намереваясь сосредоточиться в Риволи, а затем массированно атаковать французов; но Наполеон занял стратегическую позицию в Риволи и разгромил корпуса противника по мере их появления. Точно так же эрцгерцог Карл занял внутреннюю позицию между Моро и Журданом в 1796 году и не дал им сосредоточить свои силы в одной точке. Вурмсер и Квасданович пытались сосредоточить свои силы на Минчо, переместившись на противоположный берег озера Гарда, но Наполеон занял внутреннюю позицию и уничтожил их. В 1815 году Блюхер и Веллингтон, занимая внутреннюю позицию, помешали соединению Наполеона и Груши.

Расхождения линий могут быть с успехом использованы против врага сразу после успешного сражения или стратегического маневра, поскольку таким образом мы разделяем силы врага и рассеиваем их, а в случае необходимости можем вновь сконцентрировать наши силы с помощью сходящихся линий. Таким был маневр Фридриха Великого в 1757 году, который привел к сражениям при Росбахе и Лейтене; таким же был маневр Наполеона при Донаверте в 1805 году, при Йене в 1806 году и при Ратисбоне в 1809 году.

Внутренние линии операций, при правильном проведении, почти всегда приводили к успеху: действительно, каждый случай неудачи можно ясно проследить до большой неумелости в их выполнении или до других посторонних обстоятельств кампании. Однако могут быть случаи, когда будет предпочтительнее направить наши силы на фланг противника; географические особенности театра военных действий, положение других сопутствующих сил и т. д. делают такое направление необходимым. Но, как правило, внутренние и центральные линии для армии умеренных сил приведут к решающим результатам.

Итальянские кампании Наполеона в 1796 и 1797 годах, кампания эрцгерцога Карла в 1796 году, кампании Наполеона 1805 и 1809 годов против Австрии, 1806 и 1807 годов против Пруссии и России, 1808 года в Испании, его маневры в 1814 году между сражениями при Бриенне и Париже, а также его операции перед сражением при Линьи в 1815 году — все это блестящие примеры в этом отношении.

Изменение линии операций в середине кампании и следование *случайным линиям* всегда является деликатным делом и может быть осуществлено только генералом, обладающим большим мастерством и дисциплинированными войсками. В таком случае это может привести к важным результатам. Одной из максим Наполеона было то, что «линия операций, однажды выбранная, никогда не должна быть заброшена». Однако эта максима иногда должна игнорироваться армией из недисциплинированных войск, чтобы избежать полного уничтожения; но полный отказ от линии операций всегда сопровождается большими потерями и должен рассматриваться как простой выбор из двух зол. Регулярная армия всегда может избежать такого результата, изменив направление своей линии, тем самым часто получая преимущества на новом театре военных действий. Если план этого изменения является результатом хорошего *coup d'oeil* и он умело выполняется, тыл действующей армии будет защищен от врага; кроме того, он будет оставаться в неведении относительно ее слабых мест. Но такой маневр настолько неопределен, что даже лучшие войска очень редко прибегают к нему, если только они не вынуждены это сделать. Если армия состоит из несочетаемых элементов, то, как правило, изменение направления будет менее выгодным, чем полный отказ от линии и сохранение как можно большего числа войск для какого-либо нового плана операций. (Максима 20.) Однако если недисциплинированная армия поддерживается укреплениями, она может принять *случайную линию операций* таким же образом и с такой же вероятностью успеха, как и регулярные войска.

Мы имеем примеры случайных линий в операциях короля Пруссии после битвы при Хоенкирхене и Вашингтона в Нью-Джерси после сражения при Принстоне. Это один из лучших примеров в военной истории. Наполеон планировал изменить линию своих операций на случай поражения в битве при Аустерлице, но победа сделала это ненужным. В 1814 году он снова планировал полностью изменить ход операций, но отсутствие сотрудничества между войсками под командованием Мортье и Мармона вынудило его отказаться от плана, который, при правильном выполнении, вероятно, привел бы к поражению союзников. Жомини назвал его одним из самых блестящих в своей военной карьере.

Объяснив основные термины, используемые в стратегии, давайте проследим последовательные военные операции в их обычных стратегических взаимосвязях.

Предположим, что война объявлена, и армия только вступает в кампанию. Политические и военные власти государства определяют характер войны и выбирают театр военных действий. Главнокомандующий выбирает определенные точки на границе или вблизи границы театра военных действий, где должны быть собраны его войска и собран его *материал*. Эти точки вместе образуют его оперативную базу. Теперь он выбирает какую-либо точку в пределах театра военных действий в качестве первой цели своих предприятий и выбирает линию операций, наиболее выгодную для достижения этой цели. Временные позиции, занятые на этой линии, становятся стратегическими позициями, а линия в его тылу — линией обороны. Когда он прибывает в окрестности своей первой цели, и противник начинает противодействовать его операциям, он должен заставить этого противника отступить, либо путем атаки, либо путем маневров. Для этой цели он временно принимает определенные линии маневра, которые могут отклоняться от его общей линии операций. Дальнейшие события кампании могут заставить его сделать эти новые или случайные линии своими линиями операций. Приближение вражеских сил может заставить его отделить второстепенные корпуса на второстепенных линиях или разделить свою армию и преследовать по двойным или множественным линиям. Первоначальная цель также может быть отброшена, и могут быть предложены новые цели с новыми линиями и новыми планами операций. По мере того как он продвигается далеко от своей первоначальной базы, он формирует новые склады и линии складов. Он может столкнуться с естественными и искусственными препятствиями. Переход через большие реки в присутствии врага — опасная операция, и ему требуется все искусство инженера для строительства мостов и обеспечения безопасного перехода для своей армии. Если необходимо взять укрепленное место, он выделит осадный корпус и либо продолжит свой марш с основной армией, либо займет стратегическую позицию, чтобы прикрыть эту осаду. Так, в 1796 году Наполеон с армией, насчитывающей всего 50 000 бойцов, не мог рискнуть проникнуть в Австрию, имея в тылу Мантую с гарнизоном в 25 000 человек и австрийские войска численностью 40 000 человек перед собой. Но в 1806 году значительное превосходство его армии позволило ему отделить силы для осады главных крепостей Силезии и при этом продолжать свои операции с основными силами. Главнокомандующий армией может встретить врага в таких обстоятельствах, которые побуждают или вынуждают его вступить в сражение. В случае победы враг должен быть преследуем и подвергаться максимальным беспокойствам. Если он потерпит поражение, он должен разработать лучший план и обеспечить лучшие средства отступления. Если возможно, он должен укрыться в какой-либо линии укреплений и подготовиться к возобновлению наступления. Линии укреплений и временные сооружения могут иногда служить ему достаточной защитой. Наконец, когда неблагоприятная погода вынуждает его приостановить свои операции, он уходит в зимние казармы и готовится к новой кампании.

Таковы обычные военные действия: их связь со стратегией должна быть очевидна даже для самого поверхностного читателя.

Нередко результаты кампании зависят больше от стратегических операций армии, чем от ее побед, одержанных в реальных боях. Таким образом, тактика, или движения в пределах досягаемости вражеских орудий, подчиняется *выбору позиций*: если поле сражения выбрано правильно, успех будет решающим, а поражение в сражении не будет катастрофическим; тогда как, если оно выбрано без учета принципов науки, победа, если она будет одержана, может оказаться бесплодной, а поражение, если оно будет понесено, —

совершенно фатальным: таким образом, подтверждая истинность максимы Наполеона, что успех чаще всего зависит от гения генерала и характера театра военных действий, чем от численности и храбрости солдат. (Максима 17, 18.)

Ярким примером этого является французская армия на Дунае, которая, выйдя из левого фланга генерала Края, быстро прошла через Швейцарию к правому краю австрийской линии и «этим единственным движением завоевала всю страну между Рейном и Дунаем, не выстрелив ни разу».

Опять же, в 1805 году армия Мака была полностью парализована, а основные силы вынуждены сдаться в Ульме без единого значительного сражения. В 1806 году пруссаки были фактически разгромлены еще до битвы при Йене. Операции около Гейлесберга в 1807 году, наступление на Мадрид в 1808 году, маневры около Ратисбона в 1809 году, операции французов в 1814 году и первая часть кампании 1815 года против значительно превосходящих сил — все это известные доказательства истинности этой максимы.

Таким образом, стратегия может считаться самой важной, хотя и наименее понятной из всех отраслей военного искусства.^[4]

[4]

Стратегию можно изучать по дидактическим трудам или по общей военной истории. Существует очень мало хороших элементарных трудов по этой отрасли военного искусства. Лучшими считаются общие трактаты эрцгерцога Карла и генерала Вагнера на немецком языке (первый из них был переведен на французский). Обсуждения Джомини по этому вопросу в его великом труде по военному искусству чрезвычайно ценны; также ценны сочинения Рокканкура, Жаккино де Пресле и Гая де Вернона. Последнее из них было переведено на английский язык, но перевод чрезвычайно неточен. Военные истории Ллойда, Темплхоффа, Жомини, эрцгерцога Карла, Гримоарда, Граверта, Суше, Сен-Сира, Бове, Лаверна, Штуттерхайма, Вагнера, Кауслера, Гурго и Монтолона, Фуа, Матье Дюма, Сегура, Пеле, Коха, Клаузевица и Тьера можно читать с большой пользой. «История войны на Пиренейском полуострове» Нейпира — единственная английская история, имеющая какую-либо ценность как *военное* произведение: это превосходная книга. Великая «История Европы» Элисона совершенно бесполезна для военного; автор не знает первых принципов военного искусства, и почти каждая страница наполнена грубейшими ошибками.

Ниже приведены названия нескольких лучших работ, посвященных стратегии, либо непосредственно, либо в связи с военной историей.

Principes de la Stratégie, &c., par le Prince Charles, traduit de l'Allemand, 3 тома в формате 8vo. Это очень ценная работа. Однако технические термины используются очень свободно.

Précis de l'Art de la Guerre, par le Baron Jomini. Его глава о стратегии воплощает принципы этой отрасли военного искусства.

Grundsätze der Strategic, Von Wagner.

Cours Elémentaire d'Art et d'Histoire Militaire, par Rocquancourt. Эта работа содержит много ценной информации, связанной с историей военного искусства, но она слишком размыта и плохо организована для элементарного учебника.

Cours d'Art et d'Histoire Militaire, автор Жаккино де Пресле. Эта работа специально предназначена для офицеров кавалерии, а другие виды военной службы в ней рассматриваются очень кратко.

Трактат Де Вернона о военном деле и фортификации содержит много ценной информации, но, как элементарное учебное пособие, он имеет те же недостатки, что и работа Рокканкура.

«История Семилетней войны» Ллойда и Темплхоффа. Военные сочинения Ллойда и Темплхоффа ценны в связи с историей стратегии, но многие из принципов, изложенных этими авторами, в настоящее время считаются ошибочными.

Mémoires de Napoléon. Мемуары Наполеона, продиктованные им самим Гурго и Монтолону, были переведены на английский язык. Едва ли нужно замечать, что они содержат все общие принципы военного искусства и науки. Ни один военный не должен упускать возможности тщательно их изучить. Материал настолько сжат, а важные принципы изложены столь лаконично, что обычный читатель с трудом их поймет, и, вероятно, они никогда не будут популярны среди широкой публики.

Essai général de Tactique, par Guibert. Работа, очень популярная в свое время, но сейчас гораздо менее ценная, чем уже упомянутые сочинения.

Ausführliche Beschreibung der Schlacht des Pirmasens, von Gravert. Считается военными ценным историческим фрагментом.

Mémoires sur les Campagnes en Espagne. Суше.

Mémoires de Gouvion St. Cyr.

Statistique de la Guerre, автор Reveroni St. Cyr.

Первые кампании революции, Гримоар.

Победы и завоевания. Бове.

Походы Суваррова. Лаверн.

История войны на полуострове. Фой.

Краткое изложение военных событий. Матье Дюма.

История Наполеона и Великой армии в 1812 году. Сегур

Мемуары о войне 1809 года. Пеле.

Кампания 1814 года. Кох.

О войне — Полевые походы и т. д. Клаузевиц.

Революция, Консулат и Империя. Тьер.

Мемуары о войне 1812 года — о кампании вице-короля в Италии в 1813 и 1814 годах; История войны в Германии в 1814 году; История кампаний 1814 и 1815 годов во Франции. Водонкур.

Очерк о военном искусстве и т. д. Карион-Нисас.

История экспедиции в Россию в 1812 году. Шамбрей.

Война в Испании, Португалии и на юге Франции. Джон Джонс.

Война на Пиренейском полуострове. Нэпир.

Заметки о войне 1812 года. Армстронг

Все вышеперечисленные работы заслуживают внимания, но ни одна из них не имеет такого значения для военного, как военные истории Жомини и Кауслера с их великолепными диаграммами и картами.

ГЛАВА III.

УКРЕПЛЕНИЯ.

Фортификацию, или инженерное дело, можно рассматривать с точки зрения обороны государств и крупных военных операций, а также с точки зрения деталей строительства, атаки и обороны фортов, а также влияния полевых укреплений на тактические маневры армий. Здесь предлагается говорить только об общем характере фортификации как отрасли военного искусства, не вдаваясь в профессиональные дискуссии о деталях.

Связь между фортификацией и стратегией можно рассматривать в двух различных аспектах: 1) выбор мест для строительства крепостей для обороны; 2) их влияние на наступательные операции и определение того, можно ли пройти мимо них безопасно или атакующие силы будут вынуждены осаждать их.

Центр и крайние точки *оперативной базы* должны всегда быть защищены либо естественными, либо искусственными препятствиями. Эта база обычно выбирается таким образом, чтобы укрепления были необходимы только для укрепления части линии. Но если граница, как, например, граница Франции с Бельгией, лишена естественных препятствий, то искусственные средства защиты должны быть пропорционально увеличены. Следует с большой осторожностью подходить к вопросу о сооружении постоянных укреплений только в тех местах, которые могут способствовать военным операциям. В противном случае войска, выделенные из действующей армии для их охраны, только ослабят эту силу, не принося никаких соответствующих преимуществ. Таким образом, укрепления могут фактически нанести ущерб обороне. Ряд европейских крепостей, построенных до того, как было должным образом понято значение стратегии, в настоящее время считаются совершенно бесполезными из-за их непродуманного расположения.

Возможность безопасного прохождения крепости путем ее блокады или наблюдения в значительной степени зависит от характера войны, а также от численности и расположения обороняющейся армии. Союзники, вторгшиеся во Францию в 1814 году с миллионной армией, при поддержке политических раздоров между фракциями и бурбонистами внутри королевства, а также измены в пограничных крепостях и даже в рядах армии Наполеона, могли проводить свои военные операции по плану, сильно отличающемуся от того, который был бы принят Австрией, Пруссией, Россией, Англией, Испанией, Португалией, Голландией, Италией и германскими державами, если бы они вели войну с французами по отдельности. Наполеон иногда отрывал корпус для наблюдения за крепостью, которая угрожала его линии

операций или маневров; в других случаях он задерживал свое продвижение до тех пор, пока место не могло быть взято.

«Армия, — говорит Жomini, — может иногда проникать между пунктами на открытой границе, чтобы атаковать силы противника в поле, одновременно *следя за* этими пунктами; но ни одна армия-захватчик не может пересечь большую реку, такую как Дунай, Рейн или Эльба, не захватив по крайней мере одну из крепостей на этой реке, чтобы обеспечить себе линию отступления; но, завладев таким местом, она может продолжать наступление, пока ее *осадные машины* последовательно захватывают другие места».

В случае, если основная армия вынуждена остаться и прикрывать осаждающий корпус, она должна занять какую-то центральную позицию, откуда она может контролировать все подступы, и энергично нападать на врага, если он попытается снять осаду. Операции Наполеона перед Мантуей в 1796 году представляют собой лучший образец для подражания.

Старая система укрепленных лагерей и линий контрвалляции не соответствует духу современной войны. В древности, и особенно в средние века, слишком большое значение придавалось тактическим позициям, а не стратегическим точкам и линиям. Это придавало укреплениям характер, который никогда не принадлежал им по праву. Со средневековья до периода Французской революции войны велись в основном по системе позиций: одна сторона ограничивала свои действия обеспечением безопасности определенных важных мест, а другая направляла все свое внимание на осаду и захват этих мест. Но Карно и Наполеон изменили эту систему, одновременно с системой тактики, или, вернее, вернулись от нее к старой и верной системе стратегических операций. Некоторые люди, глядя только на факт *изменения*, но не исследуя *характер* этого изменения, поспешно пришли к выводу, что укрепленные места теперь совершенно бесполезны в войне, а военный успех зависит исключительно от хорошей системы маршей.

По этому поводу генерал Жomini, великий военный историк войн Французской революции, замечает, что «мы не должны полагаться ни на организованные массы, ни на материальные препятствия, будь то природные или искусственные. Следовать исключительно одной из этих систем было бы одинаково абсурдно. Истинная наука войны заключается в выборе золотой середины между двумя крайностями. Войны Наполеона продемонстрировали великую истину, что расстояние не может защитить ни одну страну от вторжения, но что для обеспечения безопасности государство должно иметь хорошую систему крепостей, а также хорошую систему военных резервов и военных учреждений».

Во всех военных операциях *время* имеет огромное значение. Если даже одна дивизия армии может быть задержана всего на несколько часов, это нередко решает судьбу всей кампании. Если бы приближение Блюхера было задержано на несколько часов, Наполеон победил бы в битве при Ватерлоо. На поле боя редко удается поддерживать равновесие между силами более шести-семи часов, но в данном случае состояние местности замедлило движения настолько, что сражение продлилось около двенадцати часов, что позволило союзникам своевременно сконцентрировать силы и спасти Веллингтона.

Многие из блестящих побед Наполеона были результатом простого внезапного приведения войск в боевую готовность в каком-либо решающем месте. Риволи в 1796-1797 годах, Маренго в 1800 году, Ульм в 1805 году, Йена в 1806 году, Ратисбон в 1809 году, Бриенн в 1814 году и Линьи в 1815 году — известные примеры. Но даже при наличии регулярной армии генерал не может рассчитывать на такую концентрацию сил с какой-либо степенью уверенности, если его коммуникации не являются абсолютно безопасными. И эта трудность значительно усугубляется, когда войска новые и недисциплинированные. Когда такая

страна, как наша, подвергается вторжению, большое количество таких войск должно быть внезапно вызвано на поле боя. Не зная планов захватчиков, много времени будет потеряно на марши и контрмарши; и если нет безопасных мест для укрытия, операции будут нерешительными и небезопасными.

Для обороняющейся армии укрепления ценны как точки отдыха, на которые войска, в случае поражения, могут отступить, укрыть своих больных и раненых, собрать разрозненные силы, отремонтировать свое снаряжение и собрать новые запасы продовольствия и снаряжения; а также как точки сбора, где можно безопасно собрать новые войска и за несколько дней подготовить армию к новой встрече с врагом на открытом поле. Без этих укреплений недисциплинированные и неопытные армии, однажды разгромленные, редко могут быть вновь собраны, за исключением случаев, когда это сопряжено с большими потерями. Но когда они поддерживаются фортами, они могут выбирать время для сражения и предлагать или отказываться от боя в зависимости от вероятности успеха; а имея безопасное место для отступления, они гораздо меньше подвержены влиянию страха в самом конфликте.

С другой стороны, враг, вынужденный либо осаждать, либо *наблюдать* за этими сооружениями, будет отделен от своих складов, его сила и эффективность будут ослаблены отрядами, а все его войска будут подвержены ужасам партизанской войны. Поэтому лучшие военные авторы считают, что армия, поддерживаемая разумной системой укреплений, может отразить сухопутные войска, в *шесть* раз превосходящие ее по численности.

Каждое правительство должно в мирное время подготовить свои наиболее эффективные и долговечные средства обороны. Обеспечив постоянную защиту важных точек, оно сможет заставить небольшие силы удерживать эти места в течение значительного времени против значительно превосходящей армии. Это служит той же цели, что и выигранная битва, поскольку в начале войны с вторжением экономия времени имеет первостепенное значение для обороняющейся стороны, позволяя ей организовать и подготовить большие военные ресурсы государства.

На всех горных границах или по бокам государств, граничащих с большими реками или цепями озер, обязательно будет лишь несколько точек, через которые захватчик может проникнуть вглубь страны. Предположим, что на границе умеренной протяженности есть *пять* перевалов или проходов, через которые враг может проникнуть вглубь страны. Для эффективной защиты этих подходов от вторгшейся армии потребуется по десять тысяч солдат на каждый из них. Не имея возможности точно определить планы врага, все эти коммуникации необходимо защищать одновременно. Для этого требуется армия из пятидесяти тысяч солдат. Предположим теперь, что каждый из этих перевалов укреплен таким образом, что тысяча человек сможет сдержать врага и заставить его прибегнуть к осаде или, по крайней мере, задержать его продвижение до тех пор, пока в глубине страны не будет организована действующая армия, готовая встретить его в поле. Здесь мы видим, что пять тысяч человек с помощью укреплений могут достичь той же оборонительной цели, что и пятьдесят тысяч человек без этих искусственных средств безопасности.

Но давайте углубимся в детали пограничной обороны и рассмотрим характер нескольких систем, которые были последовательно предложены или приняты. Границы делятся на четыре отдельных класса в зависимости от того, открыто ли государство с одной или нескольких сторон, или ограничено горами, большими реками и озерами, или морем.

Открытая граница является наиболее сложной для обороны; и хотя среди военных существует полное единодушие в отношении огромной важности укрепления такой границы, мнения о лучшем способе организации этих работ столь же разнообразны. Здесь мы

упомянем три общих системы организации фортов для обороны открытой местности, каждая из которых отстаивалась в разное время, а затем претерпела различные изменения и дополнения. Эти три системы включают в себя основные черты всех других систем, заслуживающих внимания. Это:

1. Система непрерывных линий, предложенная Монталембером.
2. Система из трех линий отдельных сооружений, настоятельно рекомендованная Д'Арсоном и другими.
- 3d. Система, предложенная Вобаном и поддержанная Ронья, состоящая из линий очень прочных укреплений, расположенных на значительном расстоянии друг от друга и охватывающих большие *окопанные лагеря*.

Первая из этих систем была предложена в 1790 году и в течение некоторого времени привлекала к себе значительное внимание во Франции, но уже давно была отвергнута как совершенно несовместимая с принципами военного искусства. Однако один писатель, имеющий некоторую известность в этой стране, рекомендует ее принять для защиты Балтимора и побережья Чесапика. Тот же автор предлагает полностью отказаться от нашей нынешней системы укреплений на морском побережье и заменить их деревянными башнями Мартелло! Это было бы все равно что построить 120 военных кораблей в Питтсбурге и Мемфисе для защиты рек Огайо и Миссисипи и отправить утиные лодки навстречу врагу на Атлантическом океане!

Во второй системе сооружения на крайней границе должны быть расположены на расстоянии около тридцати или сорока миль друг от друга, а сооружения второй и третьей линий — соответственно на тридцать или сорок миль позади первой и второй линий и напротив промежутков.

В третьей системе, впервые рекомендованной Вобаном, а в последнее время Ронья, сооружения должны быть расположены так же, как и в системе Д'Арсона, но расстояние между ними должно составлять от семидесяти до ста миль, и каждый форт должен быть рассчитан накрытие большого укрепленного лагеря.

Любая из этих двух последних систем хорошо подходит для обороны открытой границы. Первая применяется на границе Франции с Бельгией, а вторая, с некоторыми изменениями, для обороны западной Германии. Первая линия укреплений на северной границе Франции состоит из Дюнкерка, Лилля, Валансьена, Конде, Кеноя, Рокруа, Шарлемонта, Мезьера и Седана; вторая линия — из Кале, Андреса, Сент-Омера, Бетуна, Арраса, Дуэ, Шамбре, Ландреси и Авенса; третья линия — Булонь, Монтрей, Эсден, Аббевиль, Амьен, Бапаум, Перон, Хам и Лаон.

Для горных границ считается необходимым обеспечить безопасность всех важных перевалов с помощью небольших редутов или военных сооружений, а также защитить с помощью крепких фортов важные внутренние стратегические точки, на которые направлены эти коммуникации. На границе умеренной протяженности может быть шесть или восемь горных ущелий, через которые может проникнуть армия, но всегда окажется, что эти дороги

сходятся в двух или трех точках в больших долинах внизу. Возьмем, к примеру, границу Франции со Швейцарией и Италией. Горные перевалы защищены небольшими сооружениями фортов Л'Экюз, Пьер-Шатель, Барро, Бриансон, Мон-Дофин, Кольмар, Энтрево и Антиб, в то время как Безансон, Гренобль и Тулон образуют вторую линию, а Лион — крупный центральный склад.

Там, где границу государства образует большая река или цепь озер, система обороны будет во многом такой же, как и на открытой сухопутной границе: сооружения первой линии предназначены для защиты больших мостов или паромных переправ, по которым враг может переправиться; сооружения второй линии — для прикрытия перевалов в высокогорьях, которые, как правило, находятся более или менее близко к крупным водотокам; а сооружения третьей линии — достаточно далеко в тылу, чтобы защищать крупные внутренние коммуникации страны. Возьмем, к примеру, границу Франции с Рейном. Виссембург и Лаутербург, Форт-Луи, Агано, Страсбург, Шельштадт, Нев-Бризах и Хунген охраняют несколько переходов через реку; Бич, Фальсбург и Бефорт образуют вторую линию; Тионвиль, Мец и Туль — третью линию; а Верден — крупный центральный склад.

Ниже перечислены основные задачи, которые должны быть решены с помощью укреплений на морском побережье.

1. Закрыть все важные гавани для врага и обеспечить их безопасность для военно-морского флота страны.
2. Не дать врагу создать на наших берегах базу, с которой, благодаря своему превосходству на море, он мог бы уничтожить нашу торговлю и держать всю границу в постоянной тревоге.
3. Защитить наши крупные города от морских атак и бомбардировок.
4. Защитить наши верфи и крупные военно-морские склады.
5. По возможности предотвратить блокирование крупных путей внутренней навигации военно-морскими средствами на их входе в океан.
6. Предоставить нашему флоту средства для защиты нашей прибрежной торговли от военных кораблей противника и наших внутренних коммуникаций, расположенных вблизи побережья, от морских десантов.

Обратим внимание на то, как Франция пыталась достичь этой цели. На средиземноморской границе находятся форт Кварре, форт Сент-Маргерит, Сен-Тропе, Бригансон, форты Пуант-Ман, Л'Эртиссак и Лангустье, Тулон, Сен-Николя, замок Иф, Марсель, Тур-де-Буэ, Эг-Мон, форт Сен-Луи, форт Бреску, Нарбонна, Шато-де-Сальс, Перпиньян, Коллиур, форт Сент-Эльме и Порт-Вендре. Тулон является крупным военно-морским складом для этой границы, а Марсель — крупным торговым портом. Оба города хорошо защищены мощными укреплениями. Атлантическая граница имеет Байонну; форты Роян, Граве, Медок, Пате и т. д. на Жиронде; Рошфор с фортами Шапус, Лапен, Экс, Олерон и др., охраняющими рейд; Ла-Рошель с фортами острова Ре; Сабль с фортами Сен-Николя, Де-Мулен, Иль-Дье, Бель-Иль, Форт-дю-Пилие, Миндин, Виль-Мартен; Киберон с фортом Пентиевр; Л'Ориан с его гаванью; форт Сигонь; Брест с его гаванью; Сен-Мало с фортами Сежембр, Ла Канше, Л'Анс-дю-Верже и Дес-Римен; Шербур с его оборонительными фортами и батареями; Гавр, Дьепп, Булонь, Кале и Дюнкерк. Шербур, Брест и Рошфор являются крупными военно-морскими базами, а

Гавр, Нант и Бордо — основными торговыми портами. Многие из перечисленных выше сооружений небольшие по размеру и устарели по своей конструкции, а некоторые из них довольно старые и ветхие, тем не менее, до сих пор они считались достаточными для защиты военно-морских баз и торговых морских портов Франции от превосходящих военно-морских сил ее соседа.

Оставив пока в стороне обсуждение береговой обороны, рассмотрим более подробно характер и влияние укреплений на сухопутных границах.

Все военные авторы сходятся во мнении, что укрепления до сих пор оказывали большое, а зачастую и решающее влияние на ход войны. В качестве доказательства этого влияния часто приводятся укрепления Франции. Но, хотя все склонны признать, что в прежние времена эти сооружения вносили большой вклад в оборону государств, некоторые утверждают, что современные усовершенствования в способах ведения атаки сделали форты гораздо менее ценными, чем раньше.

Однако это не так. Усовершенствования в способах нападения не поспевают за развитием средств передвижения, и, хотя укрепления в настоящее время обычно не выдерживают осады *столько дней*, сколько в прежние времена, тем не менее, по сравнению с относительной продолжительностью кампаний в древних и современных войнах, *пропорциональная* продолжительность осад в настоящее время даже *больше*, чем раньше. Когда за семь недель кампании достигается то же, что раньше достигалось за семь лет войны, укрепленным местам не нужно удерживать оборону в течение очень долгого времени. Место, способное выдержать осаду в течение месяца, в настоящее время считается достаточно крепким для обычных кампаний, поскольку к концу этого времени обороняющаяся армия будет либо уничтожена, либо сможет прийти на помощь. В любом случае более длительная оборона не потребуется.

Ссылка на самые важные осады последних двух столетий показывает, что в среднем форты способны выдержать осаду в течение более длительного времени. Лилль в 1708 году сдерживал союзников в течение целого года, а в 1792 году заставил австрийцев снять осаду после неудачной пятнадцатидневной атаки.

В 1585 году Антверпен выдержал четырнадцатимесячную осаду значительно превосходящих сил; в 1814 году Карно защищал цитадель этого места в течение четырех месяцев, пока между враждующими сторонами не было заключено перемирие; в 1832 году он выдержал с гарнизоном всего в 4500 человек и 145 орудиями осаду в течение двадцати пяти дней против сил в 55 000 человек и 223 пушек.

Намюр в конце XVII века выдержал десятидневную осаду.

Исмаил в 1790 году выдержал осаду более двух месяцев против русских.

Маастрихт в 1793 году выдержал осаду продолжительностью почти две недели, а в 1794 году — блокаду и осаду продолжительностью почти два месяца.

Магдебург в течение тридцатилетней войны сопротивлялся армии Валленштейна в течение семи месяцев; а в 1813-14 годах, несмотря на то, что в нем находилось всего 4000 солдат, он долгое время сопротивлялся превосходящим силам союзников.

Данциг в то же время более девяти месяцев выдерживал осаду превосходящих сил.

Ландау в 1793 году выдержал осаду в течение девяти месяцев.

Валенсьен и Майнц в 1793 году выдержали осаду продолжительностью около трех месяцев.

Шарлеруа, форт Вобан и Л'Экюз в 1794 году выдержали осаду продолжительностью около тридцати дней.

Кено в 1794 году выдержал осаду продолжительностью около трех недель.

Росас в 1795 году выдержал осаду продолжительностью около семидесяти дней.

Мантуя в 1796-1797 годах в течение восьми месяцев защищала Тироль и сердце австрийской монархии от вторжения.

Кель и Хунинген в 1796 году в течение трех месяцев укрывали Моро от всех попыток эрцгерцога Карла.

Сен-Жан-д'Акр в 1799 году выдержал шестидесятидневную осаду с открытыми окопами.

Ульм в 1800 году сдерживал Моро более месяца.

Генуя в 1800 году выдержала шестидесятидневную блокаду и сорокадневную осаду.

В 1808 году Сарагоса выдержала почти двухмесячную осаду, а в 1809 году она снова была осаждена в течение двух месяцев.

Росас в 1808 году выдержал осаду, длившуюся тридцать дней.

В 1809 году Жирона выдержала осаду и блокаду, длившуюся семь месяцев, из которых почти четыре месяца шли открытые боевые действия.

Мекиненса (очень небольшой форт) в 1810 году выдержала осаду продолжительностью более двух недель.

Асторга в 1810 году выдержала осаду в течение тридцати дней, из которых двадцать четыре были с открытыми окопами.

Лерида в 1810 году выдержала осаду в течение тридцати дней, из которых две недели были открытыми окопами.

Сьюдад-Родриго в 1810 году выдержал осаду в течение двух месяцев.

Алмейда в 1810 году выдержала осаду продолжительностью более месяца.

Тортоса в 1810 году выдержала осаду в шесть месяцев.

Таррагона в 1811 году выдержала осаду продолжительностью почти два месяца.

Бадахос в 1811 году выдержал осаду более сорока дней с открытыми окопами.

Лерида в 1811 году выдержала двухнедельную осаду с открытыми окопами.

Сагунт в 1811 году выдержал осаду в течение месяца.

Валенсия в 1811-12 годах выдержала двухмесячную осаду.

Сьюдад-Родриго в 1812 году выдержал блокаду продолжительностью в несколько месяцев и осаду с близкого расстояния продолжительностью в две недели.

Бадахос в 1812 году выдержал двадцать один день открытых окопов.

Бургос в 1812 году выдержал тридцать три дня открытых окопов.

Сан-Себастьян в 1813 году выдержал осаду и блокаду продолжительностью почти три месяца, с пятьюдесятью девятью днями открытых окопов.

Памплона в 1813 году выдержала осаду более четырех месяцев.

Монсон в 1813-14 годах также выдержал осаду более четырех месяцев.

Этот список можно было бы дополнить множеством других примеров, чтобы показать, что даже плохо укрепленные города способны защищаться в среднем более месяца. Следует помнить, что почти все эти примеры взяты из периода истории, когда в искусстве нападения не было существенных улучшений. Со времен Вобана усовершенствования в области нападения не поспевали за развитием средств обороны. Кроме того, эти примеры взяты из осад городов, защищавшихся в основном старыми и устаревшими сооружениями, которые были совершенно неспособны оказать такое же сопротивление, как отдельно стоящие укрепления со всеми современными усовершенствованиями.

Ценность укреплений как наземных оборонительных сооружений достаточно доказана, поскольку они способны сопротивляться захватчику даже в течение ограниченного периода времени, давая нам время и возможность обеспечить другие средства безопасности. Но из этого не следует делать вывод, что форты, осаждаемые *по правилам*, обязательно падут через столько-то дней. Это далеко не так. Осажденные обычно имеют большие преимущества перед осаждающими; и, если последние не превосходят их по численности, или сооружение не является очень низкокачественным, или гарнизон не лишен необходимых средств и энергии для сопротивления атаке, они не будут взяты.

Мезьер не был взят в 1520 году; Марсель — в 1524 году; Перон — в 1536 году; Ландреси — в 1543 году; Мец — в 1552 году; Монтобан — в 1621 году; Лерида — в 1647 году; ни Маастрихт в 1676 году; ни Вена в 1529 году и снова в 1683 году; ни Турин в 1706 году; ни Конде в 1744 году; ни Лилль в 1792 году; ни Ландау в 1793 году; ни Ульм в 1800 году; ни Сарагоса в 1808 году; ни Бургос в 1812 году. Этот список можно было бы продолжать практически бесконечно, добавляя названия мест, которые не удалось захватить ни силой, ни голодом.

Но, как уже было отмечено, некоторые утверждают, что укрепления утратили свое сравнительно большое значение в новой системе ведения войны, введенной во время войн Французской революции. По этому вопросу давайте обратимся к мнениям лучших военных экспертов нынешнего века.

Наполеон говорит о фортификационных сооружениях: «Они являются отличным средством для задержки, сдерживания, ослабления и беспокойства завоевателя».

«Владение стратегическими пунктами, — говорит эрцгерцог Карл, — имеет решающее значение в военных операциях; поэтому следует использовать самые эффективные средства для защиты пунктов, сохранение которых является гарантией безопасности страны. Эта цель достигается с помощью укреплений, поскольку они могут в течение определенного времени с помощью небольшого количества войск противостоять любым усилиям гораздо более многочисленных сил; поэтому укрепления следует рассматривать как основу хорошей системы обороны.» «В каждой стране государственная политика должна руководствоваться принципом укрепления в мирное время всех таких точек и тщательной их организации, чтобы их можно было защищать небольшим количеством войск. Ведь враг, зная о сложности захвата этих сооружений, дважды подумает, прежде чем вступать в войну». «Сооружения, которые могут обеспечить стратегические преимущества, не возводятся за один день; они

требуют времени и труда. Тот, кто руководит вооруженными силами государства, должен в мирное время готовиться к войне». «Правильное применение или игнорирование этих принципов будет определять безопасность или гибель государства». «Укрепления останавливают врага в достижении его цели и направляют его действия на менее важные точки — он должен либо прорвать эти укрепленные линии, либо рискнуть предпринять действия на линиях, которые дают только неудобства. В конечном счете, страна, защищенная системой действительно стратегических укреплений, не имеет причин бояться ни вторжения, ни ига врага, поскольку он может продвинуться вглубь страны только с большим трудом и разрушительными усилиями. Конечно, линии укреплений, организованные таким образом, не могут защитить государство от всех неудач, но в этом случае эти неудачи не приведут к полному разорению, поскольку они не могут лишить государство средств и времени для сбора новых сил, а также не могут поставить его перед жестоким выбором между подчинением и уничтожением».

«Укрепления, — говорит Жомини, — выполняют две задачи первостепенной важности: 1) защиту границ и 2) содействие операциям армии на поле боя». «Каждая часть границ государства должна быть защищена одним или двумя крупными убежищами, второстепенными местами и даже небольшими постами для облегчения активных операций армий. Города, окруженные стенами и небольшими рвами, часто могут быть очень полезны в глубине страны как места хранения, где склады, арсеналы, госпитали и т. д. могут быть защищены от вторжений легких войск противника. Эти сооружения особенно ценны там, где такие склады, чтобы не ослаблять регулярную армию отрядами, доверяются заботе неопытных и ополченческих сил». Не предполагается, что какая-либо система укреплений может герметично закрыть границу; «но, хотя сами по себе они редко могут представлять собой абсолютное препятствие для продвижения вражеской армии, тем не менее бесспорно, что они стесняют ее движения, изменяют направление ее маршей и вынуждают ее делиться на отряды; в то же время, напротив, они дают все противоположные преимущества обороняющейся армии; они защищают ее марши, благоприятствуют ее выходам, прикрывают ее склады, фланги и движения и, наконец, предоставляют ей убежище в случае необходимости».

Следует помнить, что эти мнения были высказаны задолго до того периода, когда современные военные шарлатаны датируют падение укреплений как средств защиты внутренних территорий, причем людьми, которые не были инженерами и, следовательно, не имели профессиональных предпочтений в пользу укреплений. Архидук Карл, как генерал, не знал себе равных, кроме Наполеона, а генерал Жомини повсеместно считается первым военным историком своей эпохи. Истинность их замечаний о фортификационных сооружениях в полной мере подтверждается военной историей Германии и Франции.

В течение длительного периода до Тридцатилетней войны крепкие замки и укрепленные города защищали Германскую империю от нападений из-за рубежа, за исключением ее обширной границы, которая часто подвергалась нападениям, но ни один враг не смог проникнуть вглубь страны, пока отсутствие единства между ее князьями не открыло ее крепости шведскому завоевателю; даже тогда осторожный Густав Адольф не рискнул продвинуться далеко вглубь ее территории, пока не завладел всеми военными сооружениями, которые могли угрожать его отступлению.

Снова, в Семилетней войне, когда французы пренебрегли обеспечением своей позиции в Германии, не укрепив оборону захваченных ими укреплений, первое поражение сделало их позиции несостоятельными и отбросило их от Эльбы обратно на Рейн и Майн. Впоследствии они приняли меры предосторожности, укрепив свои позиции и обеспечив безопасность

своих складов под защитой крепостей, и, следовательно, смогли удержаться на вражеской территории до конца войны, несмотря на неэффективность своих генералов, крупные поражения, которые они потерпели на поле боя, мастерство и настойчивость противника, с которым они сражались, а также слабый и колеблющийся характер кабинета, который ими руководил.

Но эта система обороны не поддерживалась так тщательно в конце XVIII века, поскольку, по словам Жомини, в начале Французской революции «Германия имела слишком мало укреплений; они были в целом плохого качества и неправильно расположены». Франция, напротив, была хорошо укреплена: и хотя она не имела армии и была раздираема внутренними распрями (здесь мы используем выражение эрцгерцога), «она устояла против всей Европы; и это произошло потому, что ее правительство, начиная с правления Людовика XIII, постоянно работало над тем, чтобы привести ее границы в состояние обороны в соответствии с принципами стратегии; исходя из такой системы, она подчинила себе все страны на континенте, которые не были так укреплены; и только эта причина объясняет, как ее генералы иногда удавалось уничтожить армию и даже целое государство, просто благодаря стратегическому успеху».

Это можно проиллюстрировать на примере конкретных кампаний. В 1792 году, когда герцог Брауншвейгский вторгся во Францию, у нее не было армий, способных защитить ее. Их численность на бумаге была довольно внушительной, это правда, но революционная свобода настолько ослабила дисциплину, что привела к почти полной дезорганизации. «В этот период, — пишет историк, — казалось, что действия французских генералов зависели от отсутствия врагов: как только те появлялись, операции были поспешно прекращены». Но на восточной границе Франции была тройная линия хороших крепостей, хотя ее жалкие солдаты были неспособны их должным образом защищать. Несколько укреплений первой и второй линий пали одно за другим под медленным натиском прусской осады, и герцог Брауншвейгский уже наступал на третью, когда Дюмурье с всего лишь двадцатью пятью тысячами человек бросился на эту линию и, благодаря хорошо проведенной позиционной войне, разместив свои неопытные и неустойчивые силы за неприступными укреплениями, сумел отразить дисциплинированную армию, почти в четыре раза превосходившую его по численности. Если бы между Парижем и пруссаками не было никаких других препятствий, кроме французских войск, все согласны с тем, что Франция обязательно пала бы.

В кампании 1793 года французская армия во Фландрии терпела поражение почти в каждом сражении, и ее силы сократились до менее чем половины численности союзников. Французский генерал стал предателем своей страны, а Национальная гвардия дезертировала и вернулась во Францию. Единственной надеждой республиканцев в этот кризисный момент была линия фламандских крепостей Вобана. Только они спасли Францию. Крепости Лилль, Конде, Валансьен, Кено, Ландреси и др. сдерживали австрийцев до тех пор, пока французы не смогли собрать новые силы и реорганизовать свою армию. «Важное время для передышки, которое осада этих крепостей дала французам, — говорит английский историк, — и огромное преимущество, которое они получили благодаря новым рекрутам и новой организации, приобретенной в этот важный период, являются ярким доказательством жизненной важности крепостей для национальной обороны. Наполеон не колебался приписать спасение Франции этим трем месяцам. Необходимо постоянно помнить, что республиканские армии тогда были совершенно неспособны удержать поле боя; что за пограничными крепостями не было ни оборонительных позиций, ни войск для их подкрепления; и что, если бы их вытеснили из окрестностей, столица была бы взята, а война закончилась».

В следующем, 1794 году, когда Франция завершила свои масштабные вооружения и, в свою очередь, стала захватчиком, у врага не было укрепленных городов, которые могли бы остановить продвижение республиканских армий, которые, опираясь на мощные оборонительные сооружения, за несколько недель захватили Фландрию и вытеснили союзников за Рейн.

В кампании 1796 года, когда армия Моро была вынуждена поспешно отступить из-за замечательных стратегических операций эрцгерцога Карла, французские войска обязаны были своей безопасностью укреплениям на Рейне. Эти сооружения остановили преследование врага и вынудили его прибегнуть к утомительным осадным операциям; и только для захвата французских передовых постов Кель и Хунинген, плохо защищенных, потребовались все ресурсы австрийской армии и мастерство ее инженеров с начала октября до конца февраля. Кель сначала был атакован силами, в *четыре* раза превосходившими по численности гарнизон; если бы враг добился успеха, он отрезал бы Моро от пути отступления и уничтожил бы его армию. К счастью, город был достаточно укреплен, чтобы противостоять всем атакам, и Моро, опираясь на крепости Эльзаса, с правой стороны прикрытый Хунинген, Нев-Бризах и Бефор, а с левой — железным барьером Нидерландов, эффективно сдерживал волны австрийских успехов.

Перейдем теперь к походам Наполеона. В своем первом походе в Италию в 1796 году генерал получил приказ «захватить форты Савоны, заставить сенат предоставить ему денежные средства и сдать ключи от Гави, крепости, расположенной на скалистой высоте, контролирующей перевал Боккетта». Выйдя из Савоны, он пересек горы в слабом месте между Альпами и Апеннинскими и сумел прорвать линию обороны противника. Король Сардинии, ревниво относящийся к австрийскому влиянию, отказался разрешить австрийской армии разместить гарнизон в его укреплениях. Наполеон, воспользовавшись своей победоносной позицией, взаимной ревностью Австрии и Сардинии и интригами своих дипломатов, вскоре завладел этими важными сооружениями. *«Эти сардинские крепости, — писал он Директории, — сразу же обеспечили республиканцам контроль над ключевыми пунктами полуострова»*. Опираясь на Кони, Мондови, Чеву, Гави и Алессандрию, с Тортозой в качестве склада, он продвинулся на Ломбардию. Теперь, опираясь на Адду и По, с крепостью Пиццигеттоне в качестве склада, он продвинулся на линию Адидже. Пекьера стала его следующим складом, и теперь у него было четыре крепости, расположенные эшелонами между ним и его первым складом боеприпасов; а после падения Мантуи, опираясь на По, он продвинулся против государств Церкви, сделав Феррару, а затем Анкону своими складами.

С прочной базы крепостей Пьемонта и Ломбардии «он смог сосредоточить все свое внимание на уничтожении австрийцев и таким образом с некоторой уверенностью начать ту великую карьеру завоевателя, о которой он уже размышлял в имперских владениях». В этой кампании 1797 года, после очистки своей базы, он укрепил Пальма-Нуова, Осапо и т. д., отремонтировал старые укрепления Клагенфурта и, продвигаясь вперед, установил, по его собственным словам, «хорошую *точку опоры* каждые пять или шесть маршей».

Впоследствии, когда австрийцы почти вырвали Италию из слабых рук преемников Наполеона, французы спасли свою армию в крепости Генуя и за линией Вар, которая была тщательно укреплена в 1794-1795 годах. Было предпринято множество попыток прорвать эту линию, передовой пост форта Монтобан несколько раз подвергался нападениям многочисленных сил. Но австрийские колонны отступали под убийственным огнем картечи и мушкетов, который с каждым выстрелом сметал большое количество солдат. Вновь штурм был возобновлен с огромным численным превосходством, и вновь «храбрые люди,

возглавлявшие колонну, почти погибли у подножия укреплений; и, понеся тяжелые потери, они были вынуждены отказаться от предприятия».

В то время как войска на Варе сдерживали волны австрийских успехов, Массена, находясь в укреплениях Генуи, выдержал шестидесятидневную блокаду и сорокадневную осаду, противостоя армии, в пять раз превосходившей его по численности; и когда он был вынужден уступить суровым требованиям голода, он почти диктовал врагу условия договора. Эти две обороны сдерживали *элиту* австрийских войск, в то время как французский резерв пересек Альпы, захватил важные пункты страны и отрезал австрийскую линию отступления. «Но даже после победы при Маренго, — говорит Наполеон, — я не считал всю Италию завоеванной, пока все укрепленные места между мной и Минчо не были заняты моими войсками. Я дал Меласу разрешение вернуться в Мантую при условии, что он сдаст все эти крепости».

Теперь он поручил Шасселу де Лаубату и его инженерам отремонтировать и перестроить укрепления Вероны, Легнано, Пекьера, Мантуи, линии Адды, Милана, Алессандрии, Роко д'Ауфо () ^[5] и Генуи, а также несколько меньших сооружений, тем самым сформировав четверную линию обороны против австрийской агрессии в Италии. Эти сооружения оказали большую услугу французам в 1805 году, позволив Массене с пятьюдесятью тысячами человек сдерживать эрцгерцога Карла с более чем девяноста тысячами, в то время как великая армия Наполеона, отталкиваясь от прочной базы на Рейне, пересекла Германию и захватила столицу Австрии.

[5]

Только на это место было выделено более двадцати миллионов денег.

Пренебрежение пруссаков к необходимости привести свою страну в состояние военной обороны перед объявлением войны Наполеону в 1806 году имело катастрофические последствия для кампании. Наполеон, с другой стороны, занял и укрепил все важные военные позиции, которые он захватил в предыдущей кампании. «Пруссак, — сказал он, — не сделали никаких приготовлений для приведения в состояние обороны укреплений на своей первой линии, даже тех, которые находились в нескольких маршах от наших военных городков. Пока я строил бастион за бастионом в Келе, Касселе и Везеле, они не поставили ни одного частокола в Магдебурге и не установили ни одного орудия в Шпандау». Если бы укрепления на трех великих линиях — Одер, Эльба и Везер — были должным образом отремонтированы, укомплектованы гарнизоном и защищены, их было бы достаточно, чтобы сдерживать французов даже после великой победы при Йене, пока вновь организованные войска, действуя совместно с русской армией, не смогли бы восстановить прежнее величие прусской монархии. Воспользовавшись небрежностью пруссаков, Наполеон захватил великие оборонительные сооружения страны, которые, к его великой радости, были легко сданы в его руки старыми и неэффективными генералами, которые ими командовали; и французские гарнизоны были почти сразу же размещены в крепостях Штеттина, Кустрина, Глогау, Магдебурга, Шпандау, Хамельна, Ньюбурга и т. д. «Шпандау, — писал он в 19-м бюллетене, — является неоценимым приобретением. В наших руках он может выдержать два месяца боевых действий. Но всеобщее замешательство было настолько велико, что пруссаки даже не вооружили его батареи». Владение этими укреплениями склонило чашу весов в Эйлау. Все историки войны отмечают их влияние на кампании Фридланда и Тильзита.

Эти прусские крепости были сохранены Наполеоном по Тильзитскому договору. Поход 1809 года доказал мудрость этой политики, поскольку они эффективно помешали Пруссии присоединиться к Австрии в разжигании пламени войны. И снова в 1813 году эти сооружения могли оказать решающее влияние на кампанию, если бы политическое вероломство Австрии и измена французских генералов не помешали Наполеону воспользоваться преимуществами своего положения.

Историки часто упоминают о влиянии укреплений Испании на кампании на Пиренейском полуострове. Те сооружения, которые были сданы Наполеону до начала военных действий, в значительной степени способствовали успеху его войск, в то время как те, которые остались в руках Испании и ее союзников, в равной степени сдерживали и затрудняли его операции. Некоторые из них, такие как Сарагоса, Таррагона, Жирона, Тортоса и т. д., с их разрушенными стенами и неисправным вооружением, сдерживали врага в течение нескольких месяцев и, вынуждая французов прибегать к утомительным осадам, значительно ослабили французскую мощь на полуострове.

Уже отмечалось влияние укреплений французских границ на обеспечение надежной базы для успешных операций Наполеона на территории противника. Если эти крепости Франции после катастроф 1812 и 1813 годов не смогли спасти нацию, то причину этого следует искать скорее в особенностях самого вторжения, чем в недостатке военного влияния французских укреплений. Как уже отмечалось, миллион дисциплинированных солдат под командованием опытных военачальников атаковали здесь одно государство, обедненное роковой войной в России, раздираемое политическими фракциями, покинутое своими клянувшимися союзниками, чьи крепости были подло преданы врагу, а военная мощь парализована изменой генералов со всеми их армиями. Единственной надеждой были крепости, которые остались верными; и Наполеон сказал на острове Святой Елены, что если бы он собрал гарнизоны этих немногих крепостей и отступил к Рейну, он мог бы разгромить союзников даже после их входа в Париж. Но политические соображения помешали этой операции.

И в 1815 году, даже после поражения при Ватерлоо, Наполеон обладал достаточно сильными линиями обороны, чтобы противостоять всем попыткам вторжения. Но снова отсутствие сотрудничества со стороны правительства в Париже и измена его собственных генералов вынудили его во второй раз отречься от престола. Если бы он сохранил командование армией, а нация поддержала его усилия, союзники никогда бы не достигли Парижа. Но новое правительство устроило позорное зрелище, открыв путь врагам своей страны. «Франция, — сказал Наполеон, — будет вечно упрекать министерство в том, что оно заставило весь народ пройти под каудиновскими вилами, приказав распустить армию, которая в течение двадцати пяти лет была славой страны, *и сдав нашим изумленным врагам наши все еще непобедимые крепости*».

История полностью подтверждает мнение Наполеона о большой опасности проникновения вглубь вражеской страны для нападения на столицу, даже если эта столица не имеет укреплений. Фатальные последствия такого наступления без надлежащего обеспечения средств отступления иллюстрирует его собственная кампания 1812 года в России. Если бы после падения Смоленска он укрепил этот город и Витебск, которые своим расположением закрывали узкий проход между Днепром и Двиной, то, по всей вероятности, следующей весной он смог бы захватить Москву и Санкт-Петербург. Но, оставив вражескую армию Чокова в тылу, он продвинулся на Москву, и когда пожар в этом городе лишил его надежды на зимние квартиры там, а преждевременная суровость сезона уничтожила лошадей его артиллерии и обозы с провизией, отступление стало невозможным, и ужасная судьба его огромной армии завершилась сценами ужаса, которым едва ли найдется аналог в истории.

Этот момент можно еще более проиллюстрировать русской кампанией Карла XII в 1708-1709 годах, роковым наступлением французской армии на Лиссабон в Пиренейской войне и другими примерами того же характера.

Даже отдельные сооружения иногда достигают цели линий укреплений и срывают операции целой армии. Так, Лилль на целый год приостановил операции принца Евгения и Мальборо; осада Ландреси дала Виллару возможность изменить ход войны; Павия в 1525 году лишила Францию ее монарха, цвет ее знати и ее итальянские завоевания; Мец в 1552 году остановил всю мощь Карла V и спас Францию от разрушения; Прага в 1757 году привела величайшего воина своего времени на грань гибели; Сен-Жан-д'Акр в 1799 году остановил успешную карьеру Наполеона; Бургос в 1812 году спас разгромленную армию Португалии, позволил ей собрать разрозненные силы и восстановить превосходство; Страсбург часто был оплотом французов против Германии, спасая Францию от вторжения и, возможно, порабощения.

Почти словами Наполеона (Мемуары, т. IX): если бы Вена была укреплена в 1805 году, битва при Ульме не решила бы судьбу войны. Опять же, в 1809 году, если бы эта столица была укреплена, это позволило бы эрцгерцогу Карлу после катастрофы при Экмюле, путем принудительного отступления на левом берегу Дуная, соединиться с войсками генерала Хиллера и эрцгерцога Иоанна.

Если бы Берлин был укреплен в 1806 году, разгромленная в Йене армия смогла бы там перегруппироваться и объединиться с русскими войсками. Если бы Мадрид был хорошо укреплен в 1808 году, французская армия после побед при Эспиносе, Туделе, Бургосе и Соммо-Сьерре не пошла бы на эту столицу, оставив в тылу Саламанки и Вальядолида как английскую армию генерала Мура, так и испанскую армию Романы. Если бы Москва была укреплена в 1812 году, ее пожар можно было бы избежать, поскольку с сильными оборонительными сооружениями и армией Кутузова, расположившейся лагерем на ее валах, ее захват был бы невозможен.

Если бы Константинополь не был хорошо укреплен, империя Константина закончилась бы в 700 году, тогда как знамя Пророка было водружено там только в 1440 году. Таким образом, эта столица обязана своим восьмисотлетним существованием своим стенам. За этот период она была осаждена пятьдесят три раза, но только одна из этих осад увенчалась успехом. Французы и венецианцы взяли ее, но не без очень ожесточенной борьбы.

Париж часто обязан своей безопасностью своим стенам. В 885 году норманны осаждали его в течение двух лет безрезультатно. В 1358 году дофин осаждал его тщетно. В 1359 году Эдуард, король Англии, разбил лагерь в Монруже, опустошил страну до самых стен, но отступил перед ними и ушел в Шартр. В 1429 году он отразил нападение Карла VII. В 1464 году граф Шарлеруа окружил город, но его атаки не увенчались успехом. В 1472 году он отразил армию герцога Бургундского, который уже опустошил его окрестности. В 1536 году, когда на него напал Карл V, он снова обязал своей безопасностью своим стенам. В 1588 и 1589 годах он отразил армии Генриха III и Генриха IV. В 1636 году и в течение нескольких последующих лет жители Парижа обязаны были своей безопасностью его стенам. Если бы эта столица была сильно укреплена в 1814 и 1815 годах, союзные армии не осмелились бы пытаться ее осадить.

Но нет необходимости приводить дальнейшие примеры; вся история современной войны является одним непрерывным доказательством важности укреплений как средства национальной обороны и как вспомогательного средства в наступательных военных операциях. Наши иллюстрации в основном взяты из европейских войн, но наша собственная краткая история, как будет показано ниже, также не лишена доказательств.

Использование и важность полевых укреплений, окопных лагерей и т. д., а также класс военных сооружений, называемых береговыми укреплениями, будут обсуждаться ниже.^[6]

[6]

Использование укреплений в обороне государств обсуждается Терне, Вобаном, Кормонтаном, Наполеоном, эрцгерцогом Карлом, Жомини, Фалло и, кстати, большинством военных историков войн Французской революции. Названия таких стандартных работ, в которых подробно описываются укрепления, будут упомянуты ниже.

ГЛАВА IV.

ЛОГИСТИКА.

III. Мы определили *логистику* как ту отрасль военного искусства, которая охватывает все практические детали перемещения и снабжения армий. Термин происходит от звания французского генерала (*major-général des logis*), который ранее отвечал за управление маршами, лагерями и размещением войск. В последнее время военные авторы еще более расширили это понятие, и многие из них теперь рассматривают логику как отдельную и важную отрасль военного искусства.

Здесь мы будем рассматривать логику как включающую в себя военные обязанности, обычно относящиеся к ведомствам по оплате, продовольствию, одежде, медицине, госпиталям и транспортировке; в конечном счете, ко всем гражданским и гражданско-военным корпусам армии. Поэтому в рамках данной темы мы обсудим подготовку всех необходимых материалов для оснащения войск для кампании и их перемещения; регулирование маршей, конвоев, средств транспортировки провианта, госпиталей, боеприпасов и всех видов снабжения; подготовку и охрану складов; разбивку лагерей и казарм; в общем, все, что связано с подготовкой, перемещением и охраной обоза армии.

Офицеры, связанные с этой отраслью службы, должны консультироваться с инженерами по всем вопросам, касающимся обороны их складов, складов боеприпасов, лагерей, кантонментов, коммуникаций и переходов через реки, а также по всем вопросам, связанным с их участием в нападении и обороне мест, но во всем, что касается стратегии и тактики, они должны получать инструкции непосредственно от начальника штаба армии, который будет осуществлять общее руководство всем, что связано с логистикой. Перед началом операций кампании или перед началом выполнения планов, принятых в штабе, этот офицер должен убедиться в состоянии различных материалов, принадлежащих разным подразделениям армии: лошадей и конского снаряжения, карет, лафетов, понтонов и артиллерийского снаряжения, осадного снаряжения, передвижных госпиталей, инженерного и артиллерийского инвентаря, одежды и боеприпасов всех видов; он должен обеспечить все необходимое и предоставить средства для транспортировки всего необходимого.

Продовольствие.—Искусство обеспечения продовольствием войск во время активных операций на вражеской территории является одной из самых сложных задач, связанных с войной; и как для государственных деятелей, так и для военачальников весьма актуальным является вопрос о том, как Дарий и Ксеркс, Филипп и Александр в древности, а также греческие императоры и варвары, а позднее и крестоносцы средневековья умудрялись обеспечивать продовольствием огромные массы людей, которых они вели на войну.

Цезарь говорил, что война должна вестись для поддержания войны, и некоторые современные генералы действовали в соответствии с этим принципом до такой степени, что полностью обеспечивали свои армии за счет стран, через которые они проходили. Другие частично или полностью приняли принцип регулярных складов.

Людовик XIV и Фридрих II сражались в основном на своих границах и следовали системе регулярных складов и поставок. Но революционные армии Франции вели войну без складов, питаясь то жителями, то реквизициями, взимаемыми с проходящей страны, то грабежами и мародерством. Наполеон не испытывал особых трудностей с обеспечением армии в сто или сто двадцать тысяч человек в Италии, Швабии и на богатых границах Рейна и Дуная, но в Испании, Польше и России вопрос продовольственного снабжения стал чрезвычайно сложным.

Все склады продовольствия и других припасов для армии называются *продовольственными складами*; они делятся на *основные*, *второстепенные* и *временные*. Первые обычно находятся на базе операций, вторые — на линии операций, а последние — в непосредственной близости от войск и содержат припасы только на несколько дней.

Некоторые возражают против системы *складов*, поскольку она сковывает передвижения армии и ставит ее военные операции в зависимость от средств снабжения. Кроме того, поскольку передвижения армии должны быть организованы таким образом, чтобы охватить эти склады, их размещение в определенных точках раскрывает врагу наш план кампании.

С другой стороны, система *реквизиций*, будь то для немедленного снабжения или для вторичных складов, придает гораздо большую скорость и стремительность действующей армии; и если она регулируется таким образом, чтобы пресекать грабежи, и осуществляется единообразно и умеренно, то на нее можно с уверенностью полагаться в хорошо возделанных странах; но в более бесплодных и менее населенных районах армия без складов, особенно в случае длительного пребывания или вынужденного отступления, будет подвержена большим страданиям и потерям, если не полному уничтожению.

Перед началом кампании генерал должен ознакомиться со всеми ресурсами страны, через которую он будет проходить, определить количество припасов, которые может понадобиться взять с собой, и количество, которое можно получить путем реквизиции; эти реквизиции должны взиматься единообразно и законно, через существующие местные власти.

В крупных войнах с вторжением иногда невозможно, по крайней мере в течение некоторого времени, обеспечить огромные силы, выставленные на поход, с помощью какой-либо регулярной системы складов или обычных реквизиций: в таких случаях их продовольственное снабжение полностью возлагается на сами войска, которые взимают пошлины везде, где проходят. Неизбежными последствиями этой системы являются всеобщее мародерство и полное ослабление дисциплины; за потерей частной собственности и нарушением прав личности следует массовое убийство всех отставших, а обычные мирные и не участвующие в боевых действиях жители превращаются в яростных и непримиримых врагов.

В этой связи война на Иберийском полуострове заслуживает внимательного изучения. В начале этой войны Наполеон должен был выбирать между методичными операциями, с продовольствием, перевозимым в обозе его армии или закупаемым у жителей и регулярно оплачиваемым, и нерегулярной войной с принудительными реквизициями — войной, ведущейся для поддержания войны. Этот вопрос был тщательно обсужден.

С одной стороны, пожертвовав тремя или четырьмя миллионами франков из французской казны, он смог бы содержать свои войска без реквизиций, поддерживать порядок и дисциплину в своих армиях, а распределив эти деньги среди бедного и заинтересованного населения, он приобрел бы много сторонников. Тогда он мог бы с твердой и справедливой рукой предложить им оливковую ветвь или меч. Но тогда, если бы война затянулась, расходы французской казны на содержание 200-тысячной армии в Испании были бы огромными. Кроме того, враждебное и мятежное отношение местных властей делало регулярные и законные реквизиции практически невозможными, а отсутствие судоходных рек, хороших дорог и подходящего транспорта ставило под сомнение возможность перевозки достаточного количества продовольствия в мятежной стране. Кроме того, нельзя было выделить крупные отряды для управления провинциями или для преследования повстанческих отрядов в горных крепостях. В конечном итоге, с помощью этой системы он осуществил бы военную оккупацию Испании без ее подчинения.

С другой стороны, быстрое продвижение против всех организованных масс, живя из дня в день за счет местных ресурсов страны, как он делал в Италии, сохраняя свои резервы для оккупации и умиротворения завоеванных провинций, обещало более быстрые и решительные результаты, чем другой способ. Поэтому Наполеон решил применить его для своих активных масс, используя систему складов и регулярных реквизиций, насколько это было возможно. В благоприятных частях страны Сульт и Суше с меньшими армиями удалось таким образом обеспечить регулярные поставки в течение значительного времени, но остальные жили в основном за счет принудительных реквизиций, взимаемых по мере необходимости. Это иногда приводило к большим злоупотреблениям, но в основном это были ошибки подчиненных офицеров, которые их терпели, а не Наполеона, который, когда ему становилось известно о таких нарушениях дисциплины, наказывал их с большой строгостью. Впоследствии он заявил, что «если бы он добился успеха, он компенсировал бы большую часть испанского народа за их потери путем продажи накопленных богатств духовенства, что ослабило бы власть церкви и привело бы к более справедливому распределению собственности; таким образом, зло войны было бы забыто в счастливом триумфе общественных и частных интересов над интересами амбициозного и эксклюзивного духовенства».

Следующие принципы, касающиеся продовольственного снабжения, одобрены лучшими военными авторами:

1. По возможности следует создавать регулярные склады для снабжения армии; к реквизиции следует прибегать только в тех случаях, когда характер войны и необходимая быстрота маршей делают это абсолютно необходимым для достижения успеха.
2. Склады должны создаваться в местах, укрепленных природой или искусством, защищаемых небольшими подразделениями или гарнизонами и расположенных в местах, наименее подверженных нападению.
3. Все крупные склады должны располагаться на судоходных реках, каналах, железных дорогах или удобных дорогах, *сообщающихся с линией операций*, чтобы обеспечить легкую и быструю транспортировку по мере продвижения армии по этой линии.

4. Армия никогда не должна оставаться без запасов на десять или пятнадцать дней, иначе могут быть упущены лучшие шансы в войне, а армия подвергнется большим неудобствам. Темпельгоф говорит, что великий Фридрих в кампании 1757 года всегда вез в прусском обозе *провизию на шесть дней и муку на девять дней*, и поэтому никогда не испытывал недостатка в средствах для содержания своих войск при проведении любых внезапных и решающих операций. Римский солдат обычно вез с собой провизию на пятнадцать дней. Наполеон говорит: «Опыт показывает, что армия должна иметь с собой провизию на месяц, причем десять дней провианта везут солдаты и вьючные лошади, а двадцать дней — обоз. Таким образом, для армии в сорок тысяч человек потребуется не менее четырехсот восьмидесяти повозок: двести сорок — из регулярного обоза и двести сорок — из реквизированных. Для этой цели будет создан батальон из трех рот для военных складов каждой дивизии, каждая рота будет иметь сорок повозок, двадцать из которых будут предоставлены интендантской службой, а двадцать — получены по реквизиции. Это дает сто двадцать повозок для каждой дивизии и четыреста восемьдесят для каждой армии. Каждый батальон для обоза должен иметь двести десять человек».

5. Армия, находящаяся в движении, может найти временные ресурсы, если только она не находится в бесплодной местности, в стране, уже разоренной войной, или в то время года, когда старые урожаи почти исчерпаны, а новые еще не готовы к сбору; но даже если предположить, что армия может быть частично или полностью снабжена таким образом во время движения, тем не менее часто бывает, что она может оставаться на месте в течение нескольких дней (как французы при Аустерлице и Ульме); поэтому запас черствого хлеба на десять дней будет важен для пропитания армии до тех пор, пока не будет организовано регулярное снабжение.

6. «Запасы хлеба и сухарей, — говорит Наполеон, — не более необходимы современным армиям, чем римлянам; мука, рис и бобовые могут быть заменены во время походов без ущерба для войск. Ошибочно полагать, что генералы древности не уделяли большого внимания своим складам; в «Записках» Цезаря можно увидеть, насколько он был занят этой заботой в своих нескольких походах. Древние знали, как избежать зависимости от какой-либо системы снабжения или от поставщиков, но все великие полководцы хорошо понимали искусство обеспечения продовольствием».

Фураж — это военный термин, применяемый к любому виду корма для лошадей или крупного рогатого скота, такому как трава, сено, кукуруза, овес и т. д., а также к операции по сбору такого корма. Фураж бывает двух видов: *зеленый* и *сухой*; первый собирается непосредственно с лугов и убранных полей, а второй — из сараев и амбаров фермеров или складов торговцев.

Животные, связанные с армией, могут содержаться за счет регулярных складов, принудительных реквизиций или санкционированного *поиска продовольствия*. Как уже отмечалось, не всегда целесообразно или даже возможно обеспечить регулярные склады для всех запасов армии во время активных операций кампании. Из-за больших затрат и сложности транспортировки фуража генерал армии чаще вынужден прибегать к реквизициям, или принудительным сборам, как их называют, и к фуражированию для пропитания своих животных, чем к обеспечению продовольствием своих солдат. Реквизиции и фуражирование для этой цели не вызывают такого неприятия, как в другом случае, поскольку гораздо реже приводят к общей нужде и страданиям среди не участвующих в боевых действиях жителей.

Этот термин иногда, хотя и некорректно, применяется к операции по принудительному сбору продовольствия для войск.

Командующий войсками должен всегда прилагать все усилия, чтобы получить фураж путем покупки у жителей или реквизиции у местных властей; и даже в тех случаях, когда эти средства неприменимы, группы, занимающиеся продовольственным снабжением, должны получать строгие указания проводить свои сборы единообразно и с должной умеренностью. Необходимо вести точный учет видов и количества всех продуктов и другого имущества, взятых в качестве продовольственного снабжения, с тем чтобы его можно было регулярно распределять и учитывать. Ни при каких обстоятельствах не следует позволять отдельным лицам присваивать себе больше, чем положено *по пропорциональному* распределению. Группы, занимающиеся продовольственным снабжением, могут иногда достигать своей цели мирным путем, объясняя жителям характер своих инструкций и необходимость немедленного получения продовольствия. Даже в тех случаях, когда не предлагается никакого вознаграждения, целесообразно выдавать свидетельства о том, что такие предметы были изъяты для нужд армии. Эти сертификаты, даже если они сами по себе не имеют никакой ценности, часто способствуют успокоению возбужденных страстей и сдерживанию восстаний. В оборонительных войнах, ведущихся на территории собственной страны, часто возникает необходимость захватывать частную собственность и использовать ее для нужд общественного обслуживания: во всех таких случаях сертификаты офицеров, занимающихся продовольственным снабжением, становятся доказательствами индивидуальных претензий к правительству.

Ни в коем случае не следует отправлять отряд для сбора продовольствия до тех пор, пока территория не будет должным образом разведана. Отряд для сбора продовольствия всегда должен сопровождать и предшествовать хорошая военная охрана и авангард для защиты от легкой кавалерии противника и повстанческой милиции. В деревнях и поселках, где будет проводиться продовольственная разведка, должны быть размещены надежные войска, чтобы предотвратить нерегулярные и несанкционированные грабежи со стороны продовольственной разведки. Офицеры штаба и административный корпус отправляются вместе с отрядом, чтобы следить за надлежащим выполнением приказов и сообщать о любых нарушениях со стороны войск. В случае, если какой-либо корпус занимается несанкционированным мародерством, жителям должна быть выплачена соответствующая компенсация, а расходы на такую компенсацию вычитаются из жалованья и надбавок корпуса, совершившего такое превышение. Несколько примеров такого рода справедливости вскоре восстановят дисциплину в армии и умиротворят жителей оккупированной страны.

Опыт — лучший помощник в оценке количества сена или зерна, которое можно взять с данного поля: урожайность акра, конечно, сильно различается в зависимости от почвы и климата. При распределении грузов между несколькими вьючными лошадьми и повозками, используемыми для доставки фуража в армию, офицерам, ответственным за снабжение фуражом, важно знать относительный вес и объем каждого предмета.

Обычное прессованное сено в этой стране весит в среднем около	12 фунтов	фунтов на кубический фут
Пшеница	весит 60	за бушель

		фунтов	
Ржаной	весит	56	за бушель
		фунтов	
Кукуруза или индийская кукуруза	весит	56	за бушель
		фунтов	
Ячмень	весит	50	за бушель
		фунтов	
Овес	весит	35	за бушель
		фунтов	

Мука, мучные изделия и все виды кормов для скота покупаются на вес.

Поскольку было бы чрезвычайно опасно отправлять вперед регулярный поезд армии для перевозки фуража, собранного этими фуражными отрядами, для этой цели обычно используются сельские повозки и вьючные лошади.

Иногда вблизи лугов и зерновых полей размещаются конные войска для временного пропитания: в таких случаях лошади и крупный рогатый скот могут содержаться в окрестностях, а трава и зерно выдаются в виде регулярных пайков сразу после сбора с полей; но ни в коем случае животных не следует выпускать на пастбище.

В такой стране, как наша, где в случае войны на поле боя могут быть внезапно вызваны большие отряды новых и нерегулярных войск, важно установить очень строгие правила в отношении фуража и продовольствия; в противном случае действия таких войск будут сопровождаться большими потерями государственной и частной собственности, нехваткой средств к существованию, последующим грабежом жителей и общим ослаблением дисциплины. Регулярные войска гораздо менее подвержены таким эксцессам, чем неопытные и недисциплинированные силы.

Марши. Марши бывают двух видов: 1) марши по маршруту; 2) марши в пределах досягаемости врага. Первые относятся к сфере стратегии, вторые — к сфере тактики; однако оба вида, , связаны с логистикой во всем, что касается средств их осуществления.

Когда армия движется по линии операций, она должна быть разделена на столько колонн, сколько требуется для обеспечения продовольствием, быстроты движения, характера дорог и т. д. Крупные колонны не могут двигаться с той же скоростью, что и небольшие, и их не так легко снабжать продовольствием. Но когда армия находится в пределах досягаемости врага, концентрация становится более важной, чем скорость, и силы должны быть сосредоточены в одном месте или, по крайней мере, на расстоянии, позволяющем им поддерживать друг друга. Мы находим только два случая в Семилетней войне, когда Фридрих пытался атаковать несколькими колоннами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга; и в обоих этих случаях (в Торгау и в Намиесте, против Лаудона, во время осады Ольмуца) он потерпел неудачу. Обычно он сближал свои колонны по мере приближения к врагу и выстраивал свои войска в линию в момент атаки. Таков был его порядок марша в Праге, Коллине, Росбахе, Лейтене, Цорнсдорфе и Кунерсдорфе. Ниже приводится один из приказов Фридриха относительно маршей (2 октября 1760 г.).

«Армия, как обычно, будет маршировать в три колонны по линиям. Первая колонна будет состоять из первой линии, вторая — из второй линии, а третья — из резерва. Повозки и госпитальные повозки полков будут следовать за своими корпусами. Батареи крупного калибра будут следовать за пехотными бригадами, к которым они приписаны. При прохождении лесов кавалерийские полки будут маршировать между двумя пехотными корпусами».

«Каждая колонна будет иметь авангард из одного легкого батальона и десяти эскадронов гусаров или драгун. Им будут предшествовать три повозки с дощатыми мостами. Арьергард обязан забрать эти мосты после того, как армия переправится через них».

«Парки будут разделены между колоннами, чтобы избежать затруднений, возникающих в результате скопления большого количества повозок в одном месте».

«Если что-либо произойдет со второй и третьей колоннами, король будет немедленно проинформирован об этом; он будет находиться во главе первой колонны. Если что-либо произойдет с арьергардом, об этом будет немедленно сообщено генерал-лейтенанту Цейтену, который будет находиться с арьергардом первой колонны».

Офицеры будут следить за тем, чтобы солдаты шли ровным шагом и не отклонялись вправо или влево, тем самым бесполезно утомляя себя и теряя дистанцию.

«Когда будет отдан приказ сформировать линию, повозки выйдут из колонн влево и будут маршировать к месту стоянки» и т. д.

Положение багажа, когда он находится вблизи врага, будет зависеть от характера марша. Если марш ведется вперед, он будет находиться в тылу колонны; если марш ведется флангом, а враг находится на внешнем фланге, багаж будет находиться на внутреннем, наиболее удаленном от опасности; если марш ведется в отступлении, багаж будет находиться впереди армии. В любом случае он должен быть надежно охраняем.

В нарушение этого правила генерал Халл в ходе кампании 1812 года, достигнув озера Майами (Мауми), погрузил свой багаж, припасы, больных, выздоравливающих и «даже инструкции своего правительства и отчеты своей армии» на борт пакеба «Кайахога» и отправил их в Детройт, в то время как армия с тем же назначением продолжила свой марш по суше. Результат отправки багажа, припасов, официальных документов и т. д. *без охраны и по флангу, ближайшему к врагу*, был именно таким, каким его можно было предвидеть (): при попытке пройти мимо британского поста в Мальдене весь отряд был атакован и захвачен «младшим офицером и шестью солдатами на небольшой открытой лодке».

Чтобы предотвратить неожиданность, отряды легких войск должны всегда выдвигаться вперед, на фланги и в тыл колонны, называемые по своему положению *передовой охраной, фланговыми отрядами и арьергардом*. Они осматривают местность, по которой будет проходить колонна, следят за движениями врага и своевременно сообщают о его приближении, чтобы основные силы могли выбрать подходящее поле сражения и перейти от походного строя к боевому. Сила и состав этих отрядов зависят от характера местности, а также от характера и положения противника. В случае атаки они медленно отступают и, присоединившись к основным силам, занимают назначенные им позиции в боевом порядке.

В открытой местности порядок марша не представляет особой сложности, но в пересеченной местности, и особенно вблизи врага, марш не может быть проведен без чрезмерных мер предосторожности. Перед вхождением в *ущелье* его следует тщательно осмотреть и отправить достаточное количество отрядов для прикрытия основной части

войск от атаки во время прохождения. Пренебрежение этими мерами предосторожности иногда приводило к самым ужасным катастрофам.

В военных операциях очень многое зависит от скорости марша. Римская пехота в походах Сципиона в Африке часто проходила расстояние в двадцать миль за пять часов, причем каждый солдат нес от пятидесяти до восьмидесяти фунтов багажа. Гиббон утверждает, что Септимий Север прошел от Вены до Рима, расстояние в восемьсот миль, за сорок дней. Цезарь прошел от Рима до Сьерра-Морены в Испании, расстояние в четыреста пятьдесят лиг, за двадцать три дня!

Наполеон превосходил всех современных генералов в быстроте своих действий. Другие совершали за один день такие же необычайные марши, как и французы, но по общей активности во время кампании они не имеют себе равных в современной истории. Несколько примеров быстроты их действий могут быть интересны.

В 1797 году часть армии Наполеона покинула Верону после сражения при Св. Михаиле 13 января, затем всю ночь маршировала на Риволи, 14 января сражалась в горах, 15 января вернулась в Мантую и утром 16 января разгромила армию Проверы, таким образом, менее чем за четыре дня, пройдя около пятидесяти лиг, сражаясь в трех битвах и взяв в плен более двадцати тысяч солдат! Он вполне мог написать Директории, что его солдаты превзошли столь хваленую быстроту легионов Цезаря.

В кампании 1800 года Макдональд, желая предотвратить побег Лаудона, за один день прошел сорок миль, пересекая реки и преодолевая горы и ледники.

В 1805 году великая французская армия разбила лагерь в Булони в начале сентября и за две недели достигла своих назначенных постов на Рейне, проходя в среднем от двадцати пяти до тридцати миль в день.

Во время той же кампании французская пехота, преследуя эрцгерцога Фердинанда, отступавшего из Ульма, прошла тридцать миль в день в ужасную погоду и по дорогам, практически непроходимым для артиллерии.

Вновь, в кампании 1806 года, французская пехота преследовала пруссаков со скоростью от двадцати пяти до тридцати миль в день.

В 1808 году передовые посты армии Наполеона преследовали армию сэра Джона Мура со скоростью двадцать пять миль в день, в середине зимы. Наполеон перебросил армию в пятьдесят тысяч человек из Мадрида в Асторга почти с той же скоростью, маршируя по глубокому снегу, через высокие горы и реки, разбухшие от зимних дождей. Активность, настойчивость и выносливость его войск во время этого десятидневного марша едва ли имеют себе равных в истории.

В 1812 году активность французских войск под командованием Клаузеля была поистине необычайной. После почти неслыханных усилий в битве при Саламанке он отступил сорок миль за чуть более двенадцати часов!

В 1814 году армия Наполеона шла со скоростью десять лиг в день, помимо того, что каждые сутки вела сражения. Желая соединиться с другими войсками для помощи Парижу, он прошел со своей армией расстояние в семьдесят пять миль за тридцать шесть часов; кавалерия шла днем и ночью, а пехота двигалась *по почте*.

По возвращении с Эльбы в 1815 году его гвардия прошла пятьдесят миль в первый день после высадки; за шесть дней преодолела двести миль по пересеченной и гористой местности и достигла Гренобля, а менее чем за двадцать дней — Парижа, расположенного в шестистах милях!

Марши союзных держав во время войн Французской революции были гораздо менее быстрыми, чем марши армий Наполеона. Тем не менее, за один день англичане и испанцы совершили некоторые из самых необычных маршей, зафиксированных в истории.

В 1809 году, в день битвы при Талавере, генерал Кроуфорд, опасаясь, что Веллингтон находится в тяжелом положении, совершил форсированный марш с тремя тысячами человек на расстояние шестьдесят две мили за двадцать шесть часов!

Испанский полк Романа, маршируя из Ютландии в Испанию, преодолел невероятное расстояние в пятьдесят миль за двадцать один час.

Кавалерия за один день проходит большее расстояние, чем пехота, но в ходе многомесячной кампании пехота проходит большее расстояние. В русской кампании Наполеона его кавалерия не смогла удержать темп пехоты во время форсированного марша на Москву. Но в коротких кампаниях 1805 и 1806 годов кавалерия Мурата продемонстрировала удивительную активность и достигла более выдающихся результатов, чем любые другие конные войска современности.

Однако английская кавалерия совершила один или два коротких марша с поистине необычайной быстротой.

В 1803 году кавалерия Веллингтона в Индии прошла расстояние в шестьдесят миль за тридцать два часа.

Но поход английской кавалерии под командованием лорда Лейка перед битвой при Фуррукабаде, если верить английским источникам, еще более необыкновенен, чем все, что записано о римлянах или французах — говорят, что он прошел *семьдесят миль за двадцать четыре часа!!!*

Как правило, войска, марширующие много дней подряд, проходят от пятнадцати до двадцати миль в день. При форсированных маршах или в погоне за бегущим врагом они проходят в среднем от двадцати до двадцати пяти миль в день. И только в течение двух или трех дней подряд, при благоприятных дорожных условиях, можно рассчитывать на тридцать миль в день. Марши, превышающие этот показатель, являются необычными и, когда они все же происходят, являются результатом исключительных обстоятельств.

Конвой. Конвой состоит из провианта, военных боеприпасов и т. д., отправляемых из одной точки в другую под охраной отряда войск, называемого *эскортом*. Когда созданы регулярные склады и арсеналы, расположенные в надлежащей близости от линии боевых действий, конвои, требующие особого эскорта, редко бывают необходимы, поскольку позиция армии будет охватывать пространство, по которому должны перемещаться арсеналы. Но в непосредственной близости от врага или в стране, жители которой враждебно настроены или поднимают восстание, всегда следует прибегать к мерам предосторожности такого рода.

Размер и состав эскорта должны зависеть от характера местности и степени опасности. Терен, по которому предстоит пройти, должен быть предварительно разведан, и поход следует начинать только после получения наиболее удовлетворительных отчетов. После

начала движения конвой должен быть тщательно окружен фланговыми отрядами, чтобы предупредить эскорт о приближении врага. Небольшие отряды кавалерии выделяются со всех сторон, но особенно впереди. Основная часть эскорта сосредотачивается в наиболее уязвимой точке конвоя, а другие стороны охраняются подразделениями. В случае нападения большой группы багажные повозки могут быть сформированы в своего рода оборонительные полевые укрепления, которые с помощью одной или двух единиц легкой артиллерии могут таким образом противостоять довольно сильным попыткам уничтожить или увести конвой.

Как правило, лучше снабжать армию небольшими последовательными конwoями, чем периодическими и крупными. Даже если некоторые из первых будут захвачены, их потеря не будет ощутима материально; но крупный периодический конвой представляет собой столь большое искушение для врага и настолько труден для сопровождения, что он рискнет многое, чтобы уничтожить его, и его потеря может сорвать наши планы осады или важной военной операции. Если бы прусская армия, осаждая Ольмуц, соблюдала это правило, захват конвоя не заставил бы ее снять осаду и отступить.

Наполеон подсчитал, что армия численностью 100 000 человек, находящаяся в боевой готовности, требует ежедневного поступления от четырех до пяти сот повозок с провизией.

Трудность перемещения провианта, багажа и т. д. при отступлении всегда очень велика, и даже самые лучшие полководцы часто терпели неудачу в этом вопросе. Действительно, даже самые тщательно согласованные меры иногда терпят неудачу в условиях хаоса и беспорядка, сопровождающих отступление, когда за преследованием стоит способный и активный противник. В таком случае потеря обозов с провизией в бесплодной или враждебной местности может привести к самым страшным бедствиям. Мы приведем два примера такого рода: отступление англичан из Испании в 1809 году и отступление французов из России в 1812 году.

Когда сэр Джон Мур понял, что отступление необходимо для спасения его армии от полного уничтожения, он приказал отправить весь багаж и запасы в тыл и принять все возможные меры для их сохранения и регулярного снабжения армии. Но отсутствие дисциплины в его войсках и, в особенности, отсутствие надлежащей инженерной организации для подготовки необходимых средств, облегчающих его собственные марши и затрудняющих преследование врага, помешали полной реализации его планов. В результате его войска понесли большие потери и страдания; значительная часть багажа и военных запасов была захвачена, и даже сокровища его армии, составлявшие около 200 000 долларов, были брошены из-за невежества и небрежности сопровождавшего их офицера.

Во время похода Наполеона в Россию его планы были настолько прекрасно скоординированы, что, как говорят, от Менца до Москвы ни один эстафет или конвой не был захвачен в этой кампании; не было ни одного дня, когда он не получал разведданные из Франции. Когда началось отступление (после сожжения Москвы), у него было шесть линий складов в тылу: 1-я — в Смоленске, в десяти днях марша от Москвы; 2-я — в Минске и Вильнюсе, в восьми днях марша от Смоленска; 3-я — в Ковно, Гродно и Белостоке; четвертая линия — в Эльбинге, Мариенвердере, Торене, Плоцке, Модлине и Варшаве; пятая линия — в Данциге, Бамберге и Познани; шестая линия — в Штеттине, Кустрине и Глогау. Когда армия покинула Москву, она взяла с собой провизию, достаточную на двадцать дней, и большое количество боеприпасов, каждая артиллерийская установка была снабжена тремястами пятьюдесятью патронами; но преждевременная холодная погода уничтожила тридцать тысяч лошадей менее чем за три дня, в результате чего обозы остались без средств транспорта и

подходящей охраны для своей защиты: ужасные страдания возвращающейся армии теперь превосходили всякое описание.

Офицер, выбранный для сопровождения обозов, должен быть человеком большой осмотрительности, активности и энергии, поскольку часто очень многое зависит от безопасного и своевременного прибытия провианта и военных запасов, за которые он может отвечать.

Размещение лагеря. Размещение лагеря — это, строго говоря, искусство выбора места и выгодного расположения различных частей лагеря армии. Иногда этот термин используется в более широком смысле и включает в себя все средства для размещения и укрытия солдат во время похода, а также все приспособления для приготовления пищи и т. д., как в полевых условиях, так и в зимних кварталах. Лагерь, будь то палатки, бараки или просто места, отведенные для бивуаков, должен быть разделен и организован таким образом, чтобы различные подразделения были расположены в том порядке, в котором они должны выстраиваться в боевом порядке, чтобы в случае внезапной тревоги войска могли быстро покинуть лагерь и без суматохи сформировать боевую линию. Также должны быть выделены подходящие места для приготовления пищи, хранения багажа, продовольствия, военных запасов и боеприпасов.

Размеры цветного фронта лагеря во многом зависят от характера местности и средств обороны, но, как правило, он никогда не должен превышать позиции, которую армия занимала бы на линии сражения. Различные роды войск должны располагаться в лагере в том же порядке, что и в бою; этот порядок, конечно, зависит от характера поля сражения. *Армейский корпус* состоит из пехотных батальонов, кавалерийских эскадронов, артиллерийских батарей и инженерных рот, и искусство разбивки лагерей заключается в расположении каждого из этих элементов таким образом, чтобы удовлетворить предписанным условиям.

Выбор места для лагеря должен определяться, во-первых, общими правилами, касающимися военных позиций, и, во-вторых, другими правилами, присущими им самим, поскольку они могут быть по-разному расположены более или менее подходящим образом на одной и той же позиции.

Первым и главным условием является то, чтобы место было подходящим для обороны.

Она также должна быть удобной и сухой: влажная местность вблизи болот и стоячих водоемов может поставить под угрозу здоровье армии; по той же причине она не должна подвергаться затоплению или заболачиванию в результате сильных дождей и таяния снега.

Близость хороших дорог, каналов или судоходных рек важна для обеспечения солдат всем необходимым для жизни.

Близость лесов также желательна для обеспечения дровами, материалами для постройки хижин, ремонта военного снаряжения, оборонительных сооружений и т. д.

Наличие хорошей воды на удобном расстоянии также является важным фактором при выборе места для лагеря; без этого здоровье солдат быстро ухудшается. Близость проточных водотоков также важна для стирки и купания, а также для удаления нечистот из лагеря.

Лагерь не должен располагаться так, чтобы он мог быть обстрелян или контролироваться с любой точки, находящейся в пределах дальности действия пушек; если он граничит с рекой или небольшим ручьем, между ними должно быть достаточно места для формирования

боевого порядка; коммуникации в тылу должны обеспечивать возможность отступления в случае необходимости, но не должны давать врагу возможности для атаки с этой стороны.

Если лагерь будет занимать в течение значительного времени, например, для *размещения войск или зимних квартир*, тем большую осторожность следует проявлять при выборе его местоположения и организации условий для здоровья и комфорта солдат. В последнем случае (зимних квартир) всегда следует прибегать к помощи инженерного искусства для создания укреплений, линий заграждений, затоплений и т. д., чтобы сделать местоположение как можно более труднодоступным для врага.

Бивуак — это самый простой вид лагеря. Он состоит лишь из линий костров и хижин для офицеров и солдат. Эти хижины могут быть построены из соломы, дерева, добытого в лесу, или путем разборки домов и других построек в окрестностях лагеря и снятия с них бревен, дверей, полов и т. д. Войска могут находиться в бивуаке в течение нескольких дней, когда они находятся вблизи врага, но пребывание солдат в обычных бивуаках, особенно в дождливый сезон или в суровом климате, чрезвычайно опасно для жизни людей и, кроме того, приводит к большим страданиям жителей оккупированной страны из-за разрушения их жилищ и уничтожения самых необходимых предметов первой необходимости. Если позиция должна быть занята на длительный срок, хижины должны быть расположены как палатки, в соответствии с регулярной системой, и сделаны удобными для войск. Такая система должна всегда применяться в учебных лагерях или лагерях для маневров, в казармах, зимних квартирах или в укрепленных позициях.

В нашей службе мы приняли систему размещения в палатках. В обычных условиях это может быть вполне приемлемо, но в условиях активных боевых действий это крайне нежелательно, так как значительно затрудняет передвижение обоза. Предпочтительнее было бы использовать бивуаки для временного лагеря на одну ночь и построить регулярную систему хижин там, где позиция должна занимать в течение любого периода времени. Это можно считать общим правилом, но в некоторых странах и климатических условиях палатки становятся почти незаменимыми.

Мнения Наполеона по этому вопросу, безусловно, интересны, если не решающие: «Палатки, — говорит он, — нездоровы. Солдату лучше бивакировать, потому что он может спать ногами к огню; он может укрыться от ветра несколькими досками или немного соломы. Земля, на которой он лежит, быстро высохнет вблизи костра. Палатки необходимы для старших офицеров, которым приходится читать и изучать карты и которым следует запретить спать в домах — это фатальное злоупотребление, которое привело к стольким бедствиям. Все европейские страны до сих пор следовали примеру французов и отказались от палаток; и если они все еще используются в лагерях, предназначенных исключительно для парадов, то только потому, что они экономичны, позволяют сэкономить древесину, соломенные крыши и деревни. Тень дерева, защищающая от жары солнца, и любое, даже самое скромное укрытие, защищающее от дождя, предпочтительнее палаток. Перевозка палаток для каждого батальона требует пяти лошадей, которые гораздо лучше могли бы быть использованы для перевозки провианта. Палатки являются объектом наблюдения для вражеских шпионов и офицеров штаба: они дают им представление о вашей численности и занимаемой вами позиции; и это неудобство возникает каждый день и каждый момент дня. Армию, расположившуюся в два или три ряда бивуаков, можно увидеть на расстоянии только по дыму, который враг может принять за пар в атмосфере. Невозможно сосчитать количество костров, однако легко сосчитать количество палаток и определить их расположение.

Охрана лагерей — очень важный вопрос, требующий большого внимания.

Охрана лагеря состоит из одного или двух рядов часовых, размещенных вокруг лагеря и сменяемых через регулярные промежутки времени. Количество рядов часовых и расстояние между каждым из них зависит от характера местности и степени предполагаемой опасности.

Отряды пехоты и кавалерии, называемые пикетами, также выставляются на передний край и на фланги, которые в сочетании с охраной лагеря служат для поддержания порядка и дисциплины в лагере и вокруг него, предотвращения дезертирства, перехвата разведывательных отрядов и своевременного оповещения о приближении врага.

Еще более крупные отряды, называемые *гранд-гардами*, размещаются в окружающих деревнях, фермерских домах или небольших полевых укреплениях, которые они занимают в качестве аванпостов и откуда могут наблюдать за движениями врага и предотвращать любые попытки нападения на лагерь. Они выделяют патрули, дозорных и часовых, чтобы своевременно предупредить об опасности. Они никогда не должны находиться так далеко от лагеря, чтобы в случае внезапного нападения не иметь возможности прийти на помощь. Передовые посты, расположенные слишком далеко, иногда уничтожаются, не успев предупредить о приближении врага.

При размещении войск в зимних кварталах иногда необходимо распределить их по значительной территории, чтобы облегчить их проживание. В таком случае расположение караулов требует крайней осторожности. Цепь передовых постов должна быть размещена на расстоянии нескольких миль от линии лагеря; эти посты должны поддерживаться другими, более крупными отрядами в тылу и сосредоточены в меньшем количестве точек; вся окружающая местность должна постоянно разведываться кавалерийскими патрулями.

То, как Наполеон разместил и перезимовал свою армию на Пассарге в 1806-1807 годах, дает полезный урок военным как в вопросах размещения лагеря, так и в вопросах продовольственного обеспечения. Огромная армия была размещена и прокормлена здесь, в самых суровых климатических условиях, на не слишком плодородной почве, в окружении враждебных народов и под прицелом самого могущественного врага.

Римская армия всегда располагалась лагерем в одном и том же порядке, ее войска всегда выстраивались в одну и ту же боевую формацию. Римский штабной офицер, который размечал лагерь, выполнял не более чем механическую операцию; ему не требовалось ни особого таланта, ни опыта. Лагеря имели форму квадрата. В более поздние времена, подражая грекам, они иногда делали их круглыми или адаптировали к местности. Лагерь всегда был окружен рвом и валом, разделен на две части широкой улицей и на подразделения перекрещивающимися улицами и переулками. Каждая палатка была рассчитана на десять солдат и одного унтер-офицера.

В средние века форма лагеря не сильно отличалась от римской, различия заключались главным образом во внутренней планировке, которая соответствовала существующему способу формирования боевой линии. Подробности этой системы можно найти в военных трудах Макиавелли.

Искусство разбивки лагеря в наше время сводится к тому же, что и выстраивание боевого порядка на той же позиции. Все метательные машины должны быть в строю и располагаться в выгодном месте. Позиция не должна быть ни под контролем, ни под угрозой, ни в окружении; напротив, она должна, насколько это возможно, контролировать и угрожать позиции противника. Но даже в одной и той же позиции существует множество способов

расположения лагеря или формирования боевого порядка, и для выбора лучшего из этих способов требуется большой опыт, *куль-д'ой* и гениальность. По этому поводу Наполеон делает следующие замечания:

«Должна ли армия ограничиваться одним единственным лагерем или она должна формировать столько лагерей, сколько у нее корпусов или дивизий? На каком расстоянии должны располагаться авангард и фланги? Какую ширину и глубину должен иметь лагерь? Где должны располагаться кавалерия, артиллерия и повозки? Должна ли армия выстроиться в боевой порядок, в несколько линий? И если да, то какое расстояние должно быть между этими линиями? Должна ли кавалерия находиться в резерве за пехотой или ее следует разместить на флангах? Поскольку каждая единица имеет достаточно боеприпасов для ведения огня в течение суток, следует ли всю артиллерию ввести в бой в начале сражения или половину ее следует оставить в резерве?»

Ответ на эти вопросы зависит от следующих обстоятельств: 1. От численности войск, а также от количества пехоты, артиллерии и кавалерии, из которых состоит армия. 2. От соотношения сил между двумя армиями. 3. От качества войск. 4. От конечной цели. 5. От характера местности. И 6. От позиции, занимаемой противником, и от характера генерала, который им командует. Ничего абсолютного не может и не должно быть предписано в этом вопросе. В современной войне нет естественного порядка сражения».

«Обязанности, которые должен выполнять командующий армией, в современных армиях сложнее, чем в древних. Также несомненно, что его влияние более эффективно при решении исхода сражений. В древних армиях главнокомандующий, находясь на расстоянии восьмидесяти или ста той от врага, не подвергался опасности; при этом он занимал удобное положение, позволяющее ему эффективно руководить всеми действиями своих войск. В современных армиях главнокомандующий, даже находясь на расстоянии четырех или пятисот тоисов, оказывается под обстрелом вражеских батарей и подвергается большой опасности; при этом он находится настолько далеко, что не может увидеть некоторые движения врага. В каждом сражении он время от времени вынужден приближаться на расстояние, доступное для стрелкового оружия. На эффективность современного оружия большое влияние оказывает место, где оно находится. Батарея орудий с большой дальностью стрельбы и выгодным расположением, позволяющим обстреливать противника под углом, может стать решающим фактором в победе. Современные поля сражений гораздо более обширны, чем в древности, поэтому необходимо изучать операции в больших масштабах. Для управления современной армией требуется гораздо больший опыт и военный гений, чем для управления древней армией».

На рисунке 9 изображен лагерь (на благоприятной местности) большой армейской дивизии, состоящей из двух бригад или двенадцати пехотных батальонов, двенадцати кавалерийских эскадронов, пяти артиллерийских батарей и трех инженерных рот.

На рисунке 10 показаны детали лагеря пехотного батальона, состоящего из восьми рот.

На рисунке 11 изображен лагерь эскадрона кавалерии.

На рисунке 12 изображен лагерь двух батарей пехотной артиллерии или двух рот пехотных инженеров.

На рисунке 13 показан лагерь двух батарей конной артиллерии или двух рот конных саперов и понтонеров.

На холмистой или пересеченной местности расположение и порядок общего лагеря, а также детали расположения лагерей каждого рода войск могут значительно варьироваться.^[8]

[8]

В работах Жомини, Гримора, Тьебо, Бутурлина, Гибера, Лароша Амьона, Бусмара, Терне, Вошея, Ожье, Одуэна, Бардена, Шемврьера и других авторов содержится много ценных замечаний по различным вопросам, относящимся к сфере логистики. Гримоарда, Тьебо, Бутурлина, Гибера, Лароша Амьона, Бусмара, Терне, Вошея, Ожье, Одуэна, Бардина, Шемврьера, Дазнана, Баллие, Дремо, Дюпре д'Ольне, Морена, а также в опубликованных положениях и приказах английской армии.

ГЛАВА V.

ТАКТИКА.

IV. Тактика. Мы определили тактику как искусство приведения войск в боевую готовность или их перемещения в присутствии противника, то есть в пределах его видимости и досягаемости его артиллерии. Эта отрасль военного искусства обычно делится на две части: 1) великая тактика, или тактика сражений; и 2) элементарная тактика, или тактика обучения.^[9]

[9]

«В рамках данной работы не будет рассматриваться чисто механическая часть искусства, поскольку следует считать само собой разумеющимся, что каждый человек, принимающий на себя командование армией, знает хотя бы азы своего ремесла. Если это не так (если только его противник не так же невежественен, как и он сам), его ждут поражение и позор. Не понимая досконально, что такое *так* называемые *маневры*, как генерал может дать своей армии такой боевой порядок, который будет наиболее предусмотрительным и умелым в каждом конкретном случае, в котором он может оказаться? Как узнать, какие из этих маневров противник использует против него? И, конечно, как принять решение о контрдействии, которое может быть необходимым для обеспечения победы или предотвращения поражения? Человек, который возьмет на себя командование армией, не имея полного понимания этой элементарной области, не менее самонадеян, чем тот, кто претендует на преподавание греческого языка, не зная даже его букв. Если у нас есть такие генералы, пусть они, ради своего же блага, если не ради блага своей страны, немедленно пойдут учиться.

Сражение — это общее действие между армиями. Если в нем участвует только небольшая часть сил, то оно обычно называется *боем*, *стычкой*, *сражением*, *перестрелкой* и т. д., в

зависимости от характера конфликта. Искусство комбинирования и ведения сражений всех видов получило название «великая тактика».

Сражения можно разделить на три класса: 1. *Оборонительные* сражения, или сражения, которые ведет армия, ожидающая атаки врага, в выбранной позиции. 2. *Наступательные* сражения, или сражения, которые ведет армия, атакующая врага в его позиции. 3. *Смешанные или непредвиденные* сражения, которые ведут две армии, встретившиеся во время марша.

I. Когда армия ожидает атаки, она занимает позицию и формирует линию сражения в соответствии с характером местности и предполагаемым характером и силой сил противника. Обычно это происходит, когда армия желает прикрыть осаду, защитить столицу, охранять склады провианта и военных запасов или какой-либо важный стратегический пункт. Общие отношения позиций со стратегией и инженерным делом уже были рассмотрены; теперь мы обсудим лишь их отношения к сражениям.

Первое условие, которому должна соответствовать тактическая позиция, заключается в том, что ее выходы должны быть более благоприятными для нападения на врага, когда он приблизится к желаемой точке, чем те, которые может иметь враг для атаки нашей линии боя. 2. Артиллерия должна иметь полный эффект на всех подступах. 3. Мы должны иметь хорошую местность для маневрирования наших войск, по возможности, незаметно для врага. 4. Мы должны иметь полный обзор маневров врага, когда он наступает. 5. Фланги нашей линии должны быть хорошо защищены естественными или искусственными препятствиями. 6. Мы должны иметь возможность отступить, не подвергая нашу армию уничтожению.

Очень редко все эти условия могут быть выполнены одновременно; и иногда средства, позволяющие выполнить одно из них, могут прямо противоречить другому. Река, лес или гора, которые защищают фланг линии сражения, могут стать препятствием для отступления, если оборонительные силы будут отброшены на это крыло. Кроме того, позиция может быть труднодоступной для атаки с фронта или с флангов и в то же время неблагоприятной для отступления. Такова была позиция Веллингтона при Ватерлоо. Парк Угомон, деревня Э-Сент и болотистая речушка Папелотт были серьезными препятствиями для атакующих сил, но болотистый лес Суанье в тылу, с единственной дорогой, отрезал всякую надежду на отступление.

II. В зависимости от стратегических отношений между противоборствующими силами в ходе кампании будет определено, следует ли нам ждать врага или искать его и атаковать, где бы он ни находился. Иногда мы можем быть вынуждены атаковать при любом риске, чтобы предотвратить соединение двух корпусов или отрезать силы, которые могут быть отделены от основной части войск рекой и т. д. Как правило, наступающие силы имеют моральное превосходство над обороняющимися, но это преимущество часто более чем компенсируется другими условиями.

Главное в *наступательной* битве — захватить решающий пункт на поле боя. Этот пункт определяется конфигурацией местности, расположением противоборствующих сил, стратегической целью сражения или сочетанием этих факторов. Например, когда одно крыло противника расположено на возвышенности, с которой он контролирует остальную часть своей линии, это место кажется решающим для атаки, поскольку его захват обеспечит наибольшие преимущества; но это место может быть настолько труднодоступным или настолько связано со стратегической целью, что его атака становится невозможной. Так было в битве при Бауцене: левое крыло союзников располагалось на горах Богемии, которые

были труднодоступны для атаки, но благоприятны для обороны; кроме того, их единственная линия отступления находилась справа, которая таким образом стала точкой атаки для французов, хотя топографический и тактический ключ к полю сражения находился слева.

III. В современной войне часто случается, что сражения происходят в результате встречи движущихся армий, причем обе стороны действуют в наступательном порядке.

Действительно, армия, занимающая оборонительную позицию, может при приближении врага выдвинуться ему навстречу во время марша. Сражения такого рода могут носить смешанный характер наступательных и оборонительных действий, или же они могут быть неожиданными для обеих армий. К этой категории относятся сражения при Росбахе, Эйлау, Лютцене, Луццаре, Абенсберге и т. д.

Нападения с элементом неожиданности были гораздо более распространены в древности, чем в наше время, поскольку шум мушкетов и грохот артиллерии, принадлежащих атакуемым постам или флангам, не позволяют совершить полное нападение с элементом неожиданности на армию. Кроме того, разделение на отдельные массы, или *корпуса армии*, неизбежно ограничивает элемент неожиданности, в лучшем случае, частью задействованных сил. Тем не менее, в связи с изменением военной терминологии, неожиданность теперь может означать только неожиданную комбинацию маневров для атаки, а не фактическое нападение на неохранные или спящие войска. В этом смысле Маренго, Лютцен, Эйлау и т. д. относятся к неожиданностям. Атака Беннингсена на Мурата в Зарантине в 1812 году была настоящей неожиданностью, вызванной грубой халатностью и небрежностью короля Неаполя.

Боевой порядок — это особое расположение войск для определенного маневра на поле боя. *Боевая линия* — это общее название, применяемое к войскам, выстроенным в обычном порядке, без какого-либо определенного маневра; оно может применяться к оборонительным позициям или к наступательным операциям, когда окончательная цель еще не определена. Военные авторы выделяют двенадцать боевых порядков, а именно: 1. Простой параллельный порядок; 2-й. Параллельный порядок с крючком; 3-й. Параллельный порядок, усиленный на одном или обоих флангах; 4-й. Параллельный порядок, усиленный в центре; 5-й. Простой косой порядок; 6-й. Косой порядок, усиленный на наступающем крыле; 7. Перпендикулярный порядок на одном или обоих крыльях; 8. Вогнутый порядок; 9. Выпуклый порядок; 10. Порядок по эшелонам на одном или обоих крыльях; 11. Порядок по эшелонам в центре; 12. Комбинированные порядки атаки в центре и на одном крыле одновременно.

(Рисунок 14.)^[10] Простой параллельный порядок — это худшее из возможных расположений для сражения, поскольку обе стороны сражаются с равными шансами, и бой должен продолжаться до тех пор, пока случайность, численное превосходство или просто физическая сила не решат исход сражения; мастерство может иметь малое или вообще не иметь никакого влияния в таком сражении.

[10]

На планах В обозначает армию, занимающую позицию, а А — наступающие силы, выстроенные в соответствии с различными боевыми порядками. Для упрощения чертежей позиция армии обозначена одной линией, тогда как на практике войска обычно выстраиваются в три линии. Каждая фигура представляет собой большую дивизию из двенадцати батальонов.

(Рисунок 15.) Параллельный порядок с выступом на фланге иногда используется в оборонительной позиции, а также в наступлении с выдвинутым вперед выступом. Примерами такого порядка являются Маплаке, Нордлинген, Прага и Колин. Веллингтон в Ватерлоо сформировал параллельный порядок с отступлением на правом фланге.

(Рисунок 16.) Линия сражения, параллельная линии противника, если она сильно укреплена в одной точке, соответствует правильным принципам и в некоторых случаях может обеспечить победу, но имеет много недостатков. Слабая часть линии, находясь слишком близко к врагу, может, несмотря на все усилия, вступить в бой и подвергнуться риску поражения, тем самым нивелируя преимущества, полученные сильной частью. Кроме того, укрепленная часть линии не сможет воспользоваться своим успехом, атакуя вражескую линию с фланга и с тыла, не подвергая опасности свою связь с остальной частью линии.

(Рисунок 17) представляет собой параллельный порядок, усиленный в центре. К нему применимы те же замечания, что и к предыдущему.

Эти два порядка часто использовались древними, например, в битве при Заме, а иногда и современными генералами. Тюрэнн использовал один из них в Энсхайме.

(Рисунок 18) — простой косой порядок.

(Рисунок 19) — косой порядок с усилением атакующего крыла. Последний лучше подходит для слабой армии, атакующей более сильную, поскольку позволяет ей сосредоточить основные силы на одной точке линии противника, в то время как слабое крыло не только находится вне зоны непосредственной атаки, но и сдерживает остальную часть линии противника, действуя в качестве резерва, готового сосредоточиться на выгодной точке, если того потребует ситуация.

Наиболее яркими примерами использования этого порядка являются сражения при Левктрах и Мантинее под командованием прославленного Эпаминонда, при Лейтене под командованием Фридриха, при Пирамидах, Маренго и Йене под командованием Наполеона.

(Рисунок 20.) Армия может быть расположена перпендикулярно флангу в начале сражения, как это было с армией Фридриха в Росбахе и русской армией в Кунерсдорфе, но этот порядок должен вскоре смениться косым. Атака на оба фланга может быть осуществлена только в том случае, если атакующая сила значительно превосходит противника. В Эйлау Наполеон осуществил перпендикулярную атаку на один фланг, одновременно пытаясь прорвать центр противника.

(Рисунок 21.) Вогнутый порядок может быть с успехом использован в определенных случаях и в определенных местностях. Ганнибал применил его в битве при Каннах, англичане — при Креси и Азенкуре, а австрийцы — при Эсслинге в 1809 году.

(Рисунок 22.) Выпуклый порядок иногда формируется для прикрытия ущелья, для атаки вогнутой линии или для отражения атаки до или после перехода реки. Римляне сформировали этот порядок в битве при Козилинуме; французы — при Рамилье в 1706 году, при Флерусе в 1794 году, при Эсслинге в 1809 году, а также во второй и третий дни битвы при Лейпциге в 1813 году и при Бриенне в 1814 году.

(Рисунок 23.) Порядок эшелонирования на одном фланге часто может быть использован с выгодой; но если эшелонирование производится на обоих флангах, то его использование вызывает те же возражения, что и перпендикулярный порядок на обоих флангах. В Дрездене Наполеон атаковал оба фланга одновременно; это единственный случай в его всей истории

подобной атаки, и это было связано с особыми обстоятельствами местности и расположением его войск.

(Рисунок 24.) Эшелонированный порядок только в центре может быть успешно использован против армии, сформированной в тонкой или слишком растянутой линии боя, поскольку он с большой вероятностью прорвет и разорвет эту линию.

Эшелонированный порядок в целом обладает очень большими преимуществами. Несколько корпусов, составляющих армию, могут маневрировать отдельно и, следовательно, с большей легкостью. Каждый эшелон прикрывает фланг предшествующего ему, и все они могут быть объединены для достижения одной цели и выстроены в необходимую *ансамбль*. В сражении при Пирамидах Наполеон сформировал косой порядок в эшелонах по квадратам. Части его войск были выстроены в эшелоны в некоторых других сражениях.

(Рисунок 25.) Комбинированный порядок в колоннах по центру и на одном конце одновременно лучше подходит для атаки сильной смежной линии, чем любой из предыдущих. Наполеон использовал этот порядок в Ваграме, Линьи, Бауцене, Бородино и Ватерлоо.

Невозможно установить общее правило, какой из этих боевых порядков следует использовать, или что один из них должен исключительно следовать на протяжении всей битвы. Этот вопрос должен решаться самим генералом на месте, где можно должным образом взвесить все обстоятельства. Порядок, хорошо подходящий для одной позиции, может быть худшим из возможных для другой. В этом отношении тактика является полной противоположностью стратегии, которая подчиняется более жестким и неизменным правилам.

Но какой бы план ни был принят наступающими силами, они должны стремиться вытеснить противника, прорвав или обойдя его линию. Если им удастся скрыть свои истинные намерения и ввести противника в заблуждение относительно настоящего места атаки, успех будет более верным и решительным. Маневр обхода часто может быть с успехом использован одновременно с основной атакой на линию. Операции Давуста при Ваграме и Ришепанса при Хозенлиндене являются хорошими примерами в этом отношении. Однако этот маневр является сложным, и, если он не выполнен умело, может привести к катастрофам, подобным маневрам австрийцев при Риволи и Аустерлице, а также французов под командованием Журдана при Штакахе и под командованием Мармона при Саламанке.

Теперь мы обсудим конкретный способ расположения войск на линии сражения, или способ использования каждого рода войск, не вдаваясь, однако, в подробности тактики формирования и обучения.

Начнем с *пехоты*, как наиболее важного рода войск на поле боя.

Существует четыре различных способа формирования пехоты для сражения: 1) в качестве стрелков или легких войск; 2) в развернутых линиях; 3) в линиях батальонов, развернутых по центральному разделу каждого батальона или сформированных в квадраты; 4) в глубоких массах.

Эти различные способы формирования сводятся к четырем отдельным системам: 1) разреженное формирование из двух развернутых линий; 2) линия батальонов в колоннах атаки по центру или в квадратах по батальонам; 3) комбинация этих двух, или первая линия развернута, а вторая в колоннах атаки; и 4) глубокое формирование из тяжелых колонн из нескольких батальонов. Тиральеры являются лишь дополнением к основным силам и

используются для заполнения промежутков, защиты марша колонн, беспокойства противника и маневров на флангах.

1. Раньше линия боя пехоты обычно состояла из двух развернутых линий войск, как показано на [рис. 26](#). Но разум и опыт показали, что пехота в таком разреженном или легком порядке может двигаться только очень медленно; что при попытке быстрых движений она разрывается и демонстрирует большие и опасные колебания, и ее легко прорвать войсками более глубокого порядка. Следовательно, легкая формация подходит только в том случае, когда пехота должна использовать свой огонь и оставаться почти неподвижной.

2. Если используется построение батальонов в колонны атаки, глубина и мобильность будут зависеть от организации или обычного построения этого рода войск.

В нашей армии батальон должен состоять из десяти рот, каждая из которых формируется в три ряда. Две фланговые роты предназначены для стрелков. Это даст колонну из четырех дивизий и, следовательно, двенадцати рядов в глубину; и поскольку только два из этих рядов могут использовать свой огонь, слишком большая часть некомбатантов будет подвергаться воздействию артиллерии противника. Однако на практике мы используем двухрядную формацию, которая, если фланговые роты будут отдельными, даст колонну атаки глубиной в восемь рядов, что не вызывает возражений. Если же фланговые роты будут присутствовать в батальоне, глубина колонны все равно будет составлять десять рядов.

Во французской армии каждый батальон состоит из четырех дивизий, сформированных в два или три ряда. Обычно используется двухрядная формация. Если все роты присутствуют, а формация состоит из трех рядов, глубина колонны будет составлять двенадцать рядов; если из двух рядов, глубина будет составлять восемь рядов. Если фланговые роты отделены, глубина колонны будет составлять девять рядов для трех рядов и шесть рядов для двух рядов. (Рис. 27 и 28.)

В российской армии каждый батальон имеет четыре дивизии по три ряда в каждой. Но третий ряд используется в качестве тиралеров, что дает глубину колонны в восемь рядов. Использование третьего ряда в качестве тиралеров считается нежелательным из-за трудности их перегруппировки в колонне. По этой причине лучшие специалисты предпочитают выделять целую дивизию из двух рот.

Формирование каре чрезвычайно эффективно в открытой местности и против превосходящего по кавалерии противника. Раньше использовались очень большие каре, но теперь они формируются либо по полку, либо по батальону. Первые считаются лучшими для обороны, а вторые — для наступательных действий. Способ их организации показан на [рисунке 29](#).

3d. Смешанная система, или сочетание двух предыдущих, иногда применялась с успехом. Наполеон использовал эту формацию при Тальяменто, а русские — при Эйлау. Каждый полк состоял из трех батальонов, первый из которых был развернут в линию, а два других сформированы в колонны атаки по дивизиям в тылу двух крайних частей, как показано на [рис. 30](#). В некоторых случаях может быть лучше разместить второй и третий батальоны в линии с первым и на двух крайних флангах этого батальона, чтобы удлинить линию огня. Однако центр линии каждого полка будет менее сильным, чем в том случае, когда два батальона в колонне размещаются позади другого, который развернут. Эта смешанная система построения имеет много сторонников и в определенных ситуациях может быть использована с большим успехом.

4. Глубокий порядок тяжелых колонн из нескольких батальонов нежелателен в качестве обычной боевой формации, поскольку он подвергает большие массы людей разрушительному воздействию артиллерии и снижает мобильность и импульс атаки, не добавляя ей значительной силы. Макдональд с полным успехом возглавил колонну такого рода в битве при Ваграме, хотя и понес огромные потери. Но тяжелые колонны атаки Нея при Ватерлоо не увенчались успехом и понесли ужасные потери от концентрического огня батарей противника.

Всякий раз, когда используются глубокие колонны, Жомини рекомендует, чтобы в большой дивизии из двенадцати батальонов по одному батальону находилось на каждом фланге ([рис. 31](#)), маршируя по шеренгам, чтобы защитить свои фланги от атак противника. Без этой защиты колонна глубиной в двенадцать батальонов становится инертной массой, которая может быть легко дезорганизована или разбита, как это произошло с колонной Фонтенуа и македонской фалангой Паулуса Эмиллуса. Гранд-дивизия иногда выстраивается в две колонны по бригадам, как показано на [рисунке 32](#). Они менее тяжелые, чем одна колонна гранд-дивизии по батальонам, но подвержены почти тем же недостаткам.

Все наступательные операции на поле боя требуют *мобильности, прочности и импульса*; с другой стороны, все оборонительные операции должны сочетать *прочность с максимальной возможной огневой мощью*.

Войска в движении могут использовать свое огнестрельное оружие лишь в ограниченной степени, независимо от их построения. Если они движутся очень большими массами, то двигаются медленнее и более уязвимы, но моральный эффект этих больших подвижных колонн таков, что они часто захватывают позиции, даже не применяя огонь. Французские колонны обычно одерживали успех против австрийской и прусской пехоты, но английскую пехоту было не так легко вытеснить с занимаемых позиций; она также более эффективно использовала огонь, как было продемонстрировано в Талавере, Бусако, Фуэнте-де-Оноре, Альбуэре и Ватерлоо. Меньшие колонны и смешанные построения всегда были наиболее успешны против таких войск.

Из этих замечаний мы должны сделать следующие выводы: 1. Очень разреженные, а также очень глубокие построения являются нежелательными в обычных условиях и редко могут быть использованы с гарантией безопасности.

2. Атака батальонами в колоннах по дивизиям является лучшим способом захвата позиции; однако колонна должна быть как можно менее глубокой, чтобы увеличить свою огневую мощь и уменьшить уязвимость перед огнем противника; кроме того, она должна быть хорошо прикрыта тиралерами и поддерживаться кавалерией.

3. Смешанная формация первой линии, развернутой в линию, и второй линии, выстроенной в колонны батальонов по дивизиям, является лучшей для обороны.

4. Любая из двух последних формаций может быть использована в наступлении или обороне, в зависимости от характера местности, характера генерала, а также характера и положения войск. Квадраты всегда хороши против кавалерии.

Войска должны быть приучены ко всем этим формациям и привыкнуть быстро переходить от одной к другой днем или ночью. Однако это могут делать только дисциплинированные войска: отсюда большое превосходство регулярных войск на поле боя, где умелые маневры часто дают больший эффект, чем самая бесстрашная храбрость.

Следующим по важности родом войск на поле боя является *кавалерия*. Главное достоинство этого рода войск заключается в его *скорости и мобильности*. Кавалерия не обладает большой прочностью и сама по себе не может защитить какую-либо позицию от пехоты, но в сочетании с другими родами войск она незаменима для начала сражения, для завершения победы и для извлечения из нее максимальной выгоды путем преследования и уничтожения разбитого врага.

Существует четыре различных способа формирования кавалерии, такие же, как и для пехоты: 1) в развернутых линиях; 2) линия полков в колонне атаки по центру; 3) смешанная формация; и 4) глубокая формация из нескольких колонн.

1-й. Рядная формация считалась неприемлемой для пехоты из-за ее уязвимости для прорыва кавалерией. Это возражение не так сильно относится к последнему роду войск, но полные линии считаются менее выгодными, чем линии, развернутые в шахматном порядке или в эшелоне. В любом случае расстояние между линиями должно быть достаточным, чтобы вторая линия не соприкасалась с первой в случае, если последняя получит небольшую остановку. Это расстояние не должно быть таким большим в линиях, развернутых в шахматном порядке, как в полных линиях или в эшелоне.

2. Вторая система построения, то есть линия колонн атаки на центральную дивизию для пехоты, осуществляется по батальонам, а для кавалерии — по полкам. Если полк состоит из восьми эскадронов, колонна будет состоять из четырех линий, причем два эскадрона образуют дивизию; но если полк состоит только из шести эскадронов, колонна будет состоять только из трех линий и, следовательно, будет иметь шесть рядов в глубину. В любом случае расстояние между линиями должно быть равным расстоянию между полуэскадронами, когда войска выстроены в боевой порядок; но при атаке дивизии могут сблизиться на меньшее расстояние.

3d. При формировании большой дивизии из двух бригад по третьей или смешанной системе два полка могут быть развернуты в первую линию, а три сформированы в колонны атаки в тылу флангов и центра, как показано на [рис. 33](#), шестой полк остается в резерве. Эта формация считается хорошей.

4. Четвертая система, состоящая из глубоких колонн кавалерии, совершенно не подходит для атаки, и эта формация может быть использована только для войск, выстроенных в резерве.

Фланги линий или колонн кавалерии всегда очень уязвимы, поэтому эскадроны должны формироваться эшелонами справа и слева, а также немного позади основной части, чтобы защитить фланги от атак вражеской кавалерии. Для этой цели обычно используется нерегулярная кавалерия.

При формировании большой дивизии в боевом порядке следует следить за тем, чтобы не давать слишком больших полномочий генералам бригады. Если формирование состоит из двух линий, ни одна из бригад не должна формировать целую линию, а каждая должна формировать крыло дивизии, причем два полка одной и той же бригады должны располагаться друг за другом. Это важное правило, которое никогда не следует игнорировать.

При формировании кавалерии на поле боя также можно установить правило, что первая линия после атаки, даже если она была наиболее успешной, может потребовать переформирования позади второй линии, и что последняя должна быть готова действовать

на передней линии после первого удара. Успех сражения часто зависит от атаки последнего резерва кавалерии на флангах уже вступивших в бой линий.

Именно из-за этих частых маневров кавалерии на поле боя, ее перегруппировки для повторных атак, в основном возражают против больших подразделений, развернутых в полные линии. Ими нельзя управлять с той же легкостью и быстротой, что и колоннами полков по дивизиям. Нападение кавалерии Нансути, сформированной таким образом, на прусскую кавалерию, развернутую перед Шато-Тьерри в 1814 году, является хорошим доказательством этого.

Кавалерия может быть приведена в атаку: 1) в колоннах; 2) в линии; 3) в беспорядке или в случайном порядке (*à la débandade*). Эти способы могут также варьироваться в зависимости от того, атакуют ли в рыси или в галопе. Все эти способы применялись с успехом. При регулярной атаке в линии копье дает большие преимущества; в рукопашной схватке лучшим оружием является сабля; поэтому некоторые военные авторы предлагают вооружить первый ряд копьями, а второй — саблями. Пистолет и карабин бесполезны при атаке, но иногда могут быть с успехом использованы против конвоев, аванпостов и легкой кавалерии; чтобы карабин был эффективен, отряд должен находиться в состоянии остановки. Во всех атаках в линии, особенно против кавалерии, быстрая рысь считается предпочтительной по сравнению с галопом из-за трудности сохранения выравнивания при увеличении скорости. Копья совершенно бесполезны в рукопашной схватке, и при использовании войск, вооруженных таким образом, чрезвычайно важно поддерживать их порядок и линию. При атаке саблями против артиллерии иногда можно использовать галоп, поскольку в этом случае скорость может быть важнее силы.

Теперь мы рассмотрим формирование и использование *артиллерии* на поле боя. В качестве основного принципа можно сформулировать, что огонь артиллерии должен быть направлен на ту часть линии противника, которую мы намерены прорвать, поскольку этот огонь не только ослабит эту точку, но и поможет атаке кавалерии и пехоты, когда основные усилия будут направлены на намеченную точку.

При обороне артиллерия обычно распределяется по всей линии, на местности, благоприятной для ведения огня, но резерв должен быть размещен так, чтобы его можно было легко направить на точку, где враг, скорее всего, направит свою основную атаку.

Артиллерия, размещенная на равнине или на слегка наклонной местности, и использующая прямой или рикошетный огонь, является наиболее эффективной; очень высокие точки являются неблагоприятными. По возможности, концентрический огонь должен применяться против колонн атаки противника. Расположение английской артиллерии на поле битвы при Ватерлоо и использование концентрического огня являются одним из лучших примеров использования этого вида вооружения в современной военной истории.

На поле боя артиллерия должна использоваться против пехоты и кавалерии противника, поэтому только небольшая ее часть должна применяться для отражения огня вражеских батарей; для этой цели можно выделить не более одной трети.

По возможности, батареи должны быть установлены так, чтобы обстреливать флаги вражеской линии, либо косым, либо фланговым огнем. Прямой огонь по колоннам атаки, с несколькими легкими орудиями, выставленными для одновременного обстрела флангов, всегда будет выгодным. Прямой и фланговый огонь был успешно применен Клейстом против колонны Нея в битве при Баутцене; французский маршал был вынужден изменить направление.

Батареи должны всегда быть хорошо защищены с флангов и постоянно поддерживаться пехотой или кавалерией. В случае атаки кавалерии артиллерия должна продолжать огонь как можно дольше, сначала пулями, а затем картечью, когда противник подойдет на подходящее расстояние. То же правило применяется к атакам пехоты, за исключением того, что огонь твердыми снарядами на большом расстоянии гораздо менее эффективен, чем против конных войск.

Инженерные войска на поле боя используются в основном отрядами, действующими в качестве вспомогательных сил для других родов войск. Каждый пехотный полк должен иметь отряд саперов, вооруженных топорами, для выполнения функций пионеров, с целью устранения препятствий, которые могут помешать его продвижению. Эти саперы имеют огромное значение, поскольку без них вся колонна может быть остановлена и ввергнута в замешательство препятствиями, которые несколько саперов с топорами могут устранить за очень короткое время. Отряды инженерных войск должны также действовать совместно с кавалерией и артиллерией для достижения той же цели, что и выше. При установке артиллерийских батарей, прокладке дорог для их маневров и устройстве материальных препятствий для их обороны топоры, кирки и лопаты саперов имеют неоценимое значение. Полевые укрепления, мосты и мостовые укрепления часто оказывают решающее влияние на исход сражения, но, поскольку они обычно устраиваются до начала боевых действий, они будут рассмотрены в другом месте. В атаке и обороне этих полевых укреплений инженерные войска играют выдающуюся роль. Рассмотрение этой части темы, хотя она, возможно, и относится к тактике сражений, также будет отложено до другого раза.

Теперь мы обсудим применение объединенных вооруженных сил на поле боя.

До Французской революции вся пехота, сформированная из полков и бригад, была объединена в единое целое и выстроена в две линии. Кавалерия располагалась на двух флангах, а артиллерия распределялась по всей линии. При движении крыльями они формировали четыре колонны, две кавалерийские и две пехотные; при движении флангом они формировали только две очень длинные колонны; кавалерия, однако, иногда формировала третью, отдельную колонну при фланговых движениях, но такая расстановка использовалась редко.

Французская революция ввела систему больших дивизий, состоящих из четырех видов войск; каждая дивизия двигалась отдельно и независимо от других. В войнах Империи Наполеон объединял две или более таких дивизий в *армейский корпус*, который формировал фланг, центр или резерв его великой армии. В дополнение к этим дивизиям и *армейским корпусам* у него были большие резервы кавалерии и артиллерии, которые использовались как отдельные и независимые виды войск.

Если силы достаточно многочисленны, чтобы сражаться *корпусами армии*, каждый корпус должен иметь свой собственный резерв, независимый от общего резерва армии. Опять же, если силы настолько малы, что могут действовать только большими дивизиями, каждая дивизия должна иметь свой отдельный резерв.

Армия, состоящая из отдельных корпусов или крупных дивизий, обычно формирует на поле боя центр, два фланга и резерв. Каждый корпус или дивизия действует самостоятельно, с помощью своей пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск. Резерв кавалерии может быть сформирован в тылу центра или одного из флангов. В небольших войсках численностью пятьдесят или шестьдесят тысяч человек кавалерия может действовать с преимуществом на флангах, как это делали древние. Если резерв этого рода войск достаточно велик, чтобы сформировать три отдельных подразделения, он *сам по себе* может

быть очень удачно сформирован в центр и фланги. Если он сформирован только в две колонны, они могут быть размещены в тылу промежутков между центром и флангами основных сил. Резерв артиллерии используется либо для усиления центра, либо для усиления фланга, а в обороне часто распределяется по всей линии сражения. В наступательных операциях целесообразно сконцентрировать как можно больше огня на предполагаемом месте атаки. Конная артиллерия либо действует совместно с кавалерией, либо используется для усиления этой рода войск; легкая пехота действует совместно с пехотой, а батареи крупного калибра распределяются по линии или концентрируются в некоторых важных точках, где их огонь может быть наиболее эффективным. Они достигают сил противника на расстоянии и останавливают импульс его атаки. Они также могут быть использованы для привлечения огня его артиллерии, но их движения слишком медленны и затруднительны для резерва.

Порядок, в котором различные рода войск участвуют в сражении, зависит от характера местности и других случайных обстоятельств и не может быть определен какими-либо фиксированными правилами. Однако нижеприведенный порядок используется наиболее часто и в обычных случаях может считаться хорошим.

Атака сначала начинается с канонады; легкие войска выдвигаются вперед, чтобы беспокоить противника и, по возможности, уничтожить его артиллеристов. Затем основные силы продвигаются в двух линиях: первая выстраивается в линию, когда приближается почти к дальности действия картечи; вторая линия остается в колоннах атаки, сформированных из батальонов по дивизиям, на расстоянии от первой, достаточном, чтобы быть вне досягаемости мушкетного огня противника, но достаточно близком, чтобы поддерживать первую линию или прикрывать ее, если она отступит. Артиллерия тем временем концентрирует огонь на каком-либо слабом месте, чтобы открыть путь для резерва, который врывается в пролом и берет врага в фланг и тыл. Кавалерия в подходящий момент атакует фланг колонн врага или прорывается в пролом в его линии, рассекает его растерянные войска, заставляет их отступать и завершает победу. В это время вся линия противника должна быть занята, чтобы не дать свежим войскам сосредоточиться на угрожаемом участке.

Следующие принципы ведения сражений могут быть изучены с пользой: 1. *Общие сражения* должны вестись только при наличии одного из следующих обстоятельств: когда вы по какой-либо причине имеете явное превосходство над врагом; когда он находится на грани получения подкрепления, которое существенно повлияет на вашу относительную силу; когда, если его не победить или не остановить, он лишит вас припасов или подкреплений, необходимых для продолжения или успеха ваших операций; и, в общем, когда преимущество от победы в сражении будет больше, чем недостаток от поражения.

2. Каковы бы ни были ваши причины рискнуть общей битвой, вы должны считать необходимыми предварительными условиями: тщательное знание местности, на которой вы будете действовать; достаточный запас боеприпасов; идеальный порядок в вашем огнестрельном оружии; регулярно организованные госпитальные склады с хирургами, медсестрами, перевязочными материалами и т. д., достаточными для размещения раненых; установленные и известные командирам корпусов пункты сбора; и полный контроль над перевалами в тылу.

3. После того как сражение было сражено и *выиграно*, победа должна быть подкреплена такой же энергией и рвением, как если бы ничего не было достигнуто — это правило очень трудно соблюдать (из-за мгновенного неповиновения, которое охватывает все войска,

опьяненные победой), но способный генерал никогда не откажется от него. Никто не знал лучше Наполеон, как использовать это правило, и никто не был более строгим и последовательным его исполнителем.

4. После сражения, которое было *проиграно*, ваша первая обязанность — устранить *моральный* эффект поражения — потерю самоуважения и уверенности в себе, которые являются его непосредственными последствиями и которые, пока они длятся, являются самыми мощными помощниками вашего врага. Едва ли нужно замечать, что для достижения этой цели — для того, чтобы вдохнуть в разбитую армию новую надежду и уверить ее в победе — мы не должны поворачиваться спиной к врагу, не показывая ему иногда и нашего лица; мы не должны полагаться на одну только бегство, но принимать такие меры, которые убедят его, что, хотя мы и ранены и побеждены, мы не выведены из строя и не обескуражены; и что мы все еще обладаем достаточной силой и духом, чтобы наказать его за ошибки, если он их совершит. Вы действуете в покрытой растительностью или гористой местности? Воспользуйтесь ее хребтами и лесами, потому что так вы лучше всего сможете уклониться от натиска его кавалерии. Вам нужно пройти через ущелья или деревни? — захватите их вершины, упорно защищайте их и сделайте вид, что собираетесь сражаться еще раз. Одним словом, не упустите из виду ни одну ошибку вашего врага и ни один благоприятный случай, связанный с местностью, и используйте их в своих интересах. Именно таким образом можно сдерживать врага и воодушевить свои войска; именно таким образом Фридрих компенсировал свою неожиданность в Хоенкирхене и провал своих планов под Ольмуцем. Действия нашего Вашингтона после поражения в битве при Брэндивайн носили такой же характер. Он поспешно переправился через Шуйлkill с явным намерением найти врага и возобновить сражение, чему, *по-видимому*, помешал только сильный и непрекращающийся дождь. Теперь появились слухи, что враг, отступив своим левым флангом, быстро продвигается по правому, чтобы перехватить наш переход через реку и таким образом захватить Филадельфию. Это сообщение оправдывало отступление, которое вызвало у генерала неоднократные заверения, что, покидая свою нынешнюю позицию и направляя свой марш в обратном направлении, он не стремился уклониться от врага, а хотел преследовать его и сразиться с ним. Это движение, хотя и не привело к сражению, восстановило доверие как народа, так и армии.^[11]

[11]

Существует бесчисленное количество работ почти на всех языках по элементарной тактике; однако очень немногие люди заинтересованы в чтении чего-либо, кроме руководств, используемых в нашей собственной службе. Наша система тактики пехоты, кавалерии и артиллерии в целом заимствована из французской; а также курс инженерного обучения, насколько он созрел, для саперов, минеров и понтонеров основан на французских руководствах по различным обязанностям этого рода войск.

Что касается большой тактики, или тактики сражений, то военные и исторические труды генерала Жомини изобилуют ценнейшими наставлениями. Мемуары Наполеона и труды Рокканкура, Хойера, Декера, Окунева, Рогата, Жокино-де-Пресле, Гибера, Дюэсма, Гассенди, Варнери, барона Бохана, Линдно, Мейзероя, Миллера и Терне считаются одними из лучших авторитетных источников.

ГЛАВА VI.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА И СРЕДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ.

Военная политика. Принимая решение о применении оружия, государственные деятели руководствуются определенными общими правилами, которые были молчаливо приняты в отношениях между нациями; так же и государственные деятели, и генералы обязаны соблюдать правила, аналогичным образом принятые для поведения вражеских сил, фактически участвующих в военных операциях.

Во всех спорах между нациями каждое государство имеет право самостоятельно решать, какими средствами оно будет возмещать причиненный ущерб. До объявления открытой и публичной войны оно может прибегнуть к некоторым другим силовым средствам возмещения ущерба, не доходя до фактической войны. К ним относятся:

1. Введение эмбарго на имущество государства-нарушителя.
2. Насильственное захват спорной территории или имущества.
3. Применение некоторых прямых мер возмездия.
4. Применение репрессий в отношении лиц и имущества нарушившей страны.

Настоящая статья не ставит целью обсуждение этих различных средств возмещения ущерба и даже рассмотрение прав и законов публичной войны, когда она фактически объявлена; здесь речь идет лишь о таких военных комбинациях, к которым прибегает государство при подготовке к обороне или при ведении фактических военных действий.

Начиная военные действия против любой другой державы, мы, очевидно, должны принимать во внимание все политические и физические обстоятельства народа, с которым мы собираемся сражаться: мы должны учитывать их общий характер, их мужество и любовь к родине; их привязанность к своему правительству и политическим институтам; характер их правителей и генералов; численность, организацию и дисциплину их армий; и, в частности, отношения между гражданскими и военными властями в государстве, поскольку, если последние полностью подчинены, мы можем с большой уверенностью рассчитывать на ошибочные комбинации. Мы также должны учитывать их пассивные средства сопротивления, такие как система укреплений, военные материалы и боеприпасы, статистические данные по сельскому хозяйству, торговле и производству, и особенно географическое положение и физические особенности их страны. Ни одно правительство не может безнаказанно игнорировать эти соображения при подготовке к войне или при ведении военных операций.

Система Наполеона по ведению войны против слабых, изнеженных и неорганизованных итальянцев потребовала многих изменений, когда была направлена против великой военной державы России. Более того, комбинации Эйлау и Фридланда были неприменимы в борьбе с обезумевшими партизанами Миноса, одушевленными смесью ненависти, патриотизма и религиозного энтузиазма.

Военная мощь может рассматриваться как абсолютная или относительная: абсолютная сила государства зависит от числа его жителей и размера его доходов; относительная сила — от его географического и политического положения, характера его народа и природы его

правительства. Его военные приготовления, очевидно, должны быть соразмерны его ресурсам. Богатство вызывает как опасения, так и стимулы к вторжению. Когда два или более государства имеют равные средства для ведения войны, но очень неравные стимулы, равновесие не может существовать, поскольку опасность и соблазн больше не противостоят друг другу. Поэтому подготовка государств может быть равной, но не эквивалентной, и меньшее из двух государств может быть более подвержено втягиванию в войну, не имея средств для ее ведения.

Числовое соотношение между всем населением государства и вооруженными силами, которые оно может содержать, очевидно, должно варьироваться в зависимости от богатства и занятий народа. Адам Смит считает, что чисто сельскохозяйственная страна может в определенные сезоны предоставить для войны одну пятую, а в случае необходимости даже одну четвертую часть всего своего населения. Торговая или промышленная страна не сможет предоставить столь многочисленные вооруженные силы. По этой причине небольшие аграрные государства иногда способны выставить на поле боя гораздо более многочисленные армии, чем их более могущественные соседи. Во время Семилетней войны Фридрих поддерживал армию, равную одной двадцатой части всего населения Пруссии, и по окончании этого памятного сражения одна шестая часть мужчин, способных носить оружие, фактически погибла на поле боя.

Но количество войск, которые могут быть введены в поле боя в случае чрезвычайной ситуации, конечно же, намного превышает количество войск, которые могут содержаться в течение длительной войны или в рамках постоянной военной структуры. Монтескье оценивает, что современные государства способны содержать, не ставя под угрозу свою мощь, постоянные вооруженные силы, численность которых составляет примерно одну сотую часть их населения. Это соотношение лишь незначительно отличается от соотношения в нынешних военных структурах великих европейских держав.

Великобритания с населением около двадцати пяти миллионов человек и общим бюджетом в 250 000 000 долларов поддерживает военные и военно-морские силы численностью около 150 000 боеспособных и 100 000 небоеспособных человек, всего 250 000, с годовыми расходами от семидесяти до восьмидесяти миллионов долларов.

Россия с населением около 70 миллионов человек поддерживает действующую армию численностью 632 000 человек с огромным резервом, расходы на которую составляют около 65 000 000 долларов из общего бюджета в 90 000 000 долларов; то есть расходы на ее военные силы составляют 7 к 10 от всего ее бюджета.

Австрия с населением в тридцать пять миллионов человек имеет организованную мирную армию численностью 370 000 человек (около 250 000 в действующей армии) и резерв в 260 000 человек, что обходится в 36 000 000 долларов из общего бюджета в 100 000 000 долларов.

Пруссия с населением около 15 миллионов человек имеет от 100 000 до 120 000 человек в вооруженных силах и резерв в 200 000 человек, что составляет годовые расходы более 18 000 000 долларов из общего бюджета в 38 000 000 долларов.

Франция с населением около 35 миллионов человек поддерживает постоянную армию численностью около 350 000 человек, расходы на которую составляют 70–80 миллионов долларов из общего бюджета в 280 000 000 долларов. Франция долгое время содержала постоянные вооруженные силы, численность которых составляла от одной сотой до одной десятой части ее населения, при расходах от одной четвертой до одной пятой части всего ее

бюджета. Следующая таблица, скопированная из «Spectateur Militaire», показывает состояние армии в шесть разных периодов между 1788 и 1842 годами. В ней, конечно, не указаны чрезвычайные наборы во время войн Революции и Империи.

Таблица.

Даты.	Население.	Бюджет государства.	Бюджет армии.	Армия, мирное время. Человек	Армия, военное положение. Человек	Примечания
1788	24 000 000	ливров 500 000 000	ливров 100 000 000	180 000	300 000	
1814	28 000 000	франков 800 000 000	франков 180 000 000	255 000	340 000	Постановление 1814 года
1823	31 000 000	900 000 000	200 000	280 000	390	Отчет министра войны
1830	32 000 000	1 000 000	220 000	312 000	500	Отчет министра войны
1840	34 000 000	1 170 000 000	242 000 000	312 000	не указано	Бюджет 1840 года.
1842	35	1 200 000 000	285 000 000	370 000	520	Ориентировочные расходы 1842 года

Из этих данных видно, что в настоящее время великие европейские державы в мирное время содержат вооруженные силы, численность которых составляет примерно одну сотую часть всего населения.

Географическое положение страны также сильно влияет на степень и характер ее военной подготовки. Она может граничить с одной или несколькими сторонами с горами и другими препятствиями, рассчитанными на уменьшение вероятности вторжения; или вся граница может быть широко открыта для атаки: внутренние районы могут быть такого характера, что обеспечивают безопасность собственной армии, но при этом являются фатальными для врага, если он их займет; или они могут предоставить ему преимущества, намного превосходящие его собственную страну. Она может быть островом в море и, следовательно, подвергаться только морским вторжениям — событиям, которые в наше время происходят редко.

С другой стороны, страна может быть расположена между другими странами, заинтересованными в ее безопасности, и их взаимная ревность не позволяет им беспокоить более слабого соседа. С другой стороны, ее политические институты могут быть такими, что вынуждают другие страны объединиться для нападения на нее, чтобы обеспечить свою безопасность. Республика Швейцария могла оставаться в покое среди могущественных монархий, но революционная Франция навлекла на себя армии всей Европы.

Климат также оказывает некоторое влияние на военный характер, но это влияние гораздо меньше, чем влияние образования и дисциплины. Говорят, что северные народы по своей природе более флегматичны и вялы, чем народы теплых климатических зон; и все же армии Густава Адольфа, Карла XII и Суворова продемонстрировали достаточную активность и стремительность, в то время как греки, римляне и испанцы в периоды своего расцвета были терпеливыми, дисциплинированными и неутомимыми, несмотря на известную изменчивость их горячего темперамента.

Для любой нации откладывать военные приготовления до того момента, когда они действительно понадобятся для обороны, означает растрачивать государственные деньги и ставить под угрозу общественную безопасность. Перекрытие подступа, обеспечение безопасности одной дороги или реки, или даже стратегическое перемещение небольшого отряда войск часто дают вначале тот эффект, которого впоследствии не могут достичь ни крупные укрепления, ни самые грозные армии. Если бы в 1812 году небольшая армия с хорошо укрепленным складом на озере Шамплейн проникла в Канаду и перерезала все подкрепления и поставки через Квебек, эта страна неизбежно попала бы в наши руки. Зимой 1806-1807 годов Наполеон перешел Вислу и продвинулся даже до стен Кенигсберга, имея австрийцев в тылу и всю мощь России перед собой. Если бы Австрия выдвинула сто тысяч человек из Богемии на Одер, то, по мнению лучшего из военных судей, Жомини, она, по всей вероятности, нанесла бы смертельный удар по операциям Наполеона, и его армия должна была бы проявить чрезвычайную удачу, чтобы даже вернуться на Рейн. Но Австрия предпочла оставаться нейтральной, пока не смогла увеличить свою армию до четырехсот тысяч человек. Затем она перешла в наступление и потерпела поражение, тогда как, выведя сто тысяч человек в бой в благоприятный момент, она, скорее всего, могла бы решить судьбу Европы.

«Оборонительная война, — говорит Наполеон, — не исключает нападения, так же как наступательная война не исключает обороны», поскольку зачастую лучший способ противодействовать операциям противника и предотвратить его завоевания — это в самом начале войны вторгнуться на его территорию и ослабить его. Но это никогда не удастся с неопытными войсками, плохо снабженными боеприпасами и не подкрепленными укреплениями. Такие вторжения обречены на провал. Это доказал опыт войн Французской революции, и даже наша собственная короткая история не лишена подобных примеров. В 1812 году решение о завоевании Канады было принято за некоторое время до объявления войны; за 18 дней до этого объявления на канадский полуостров была отправлена недисциплинированная армия, не имевшая ни подготовки, ни явного плана. С дисциплинированной армией той же численности, с эффективным и умелым лидером, направленной против жизненно важного пункта британских владений в то время, когда все военные силы провинций не превышали трех тысяч человек, каким бы другим был результат!

Поэтому, хотя постоянная оборона страны должна быть подчинена ее ресурсам, положению и характеру, в любом случае от нее нельзя отказываться. Независимо от того, насколько обширными или важными могут быть временные средства, которые могут быть разработаны в соответствии с необходимостью, должна существовать некоторая сила, поддерживаемая в постоянном состоянии боеготовности, чтобы придать системе жизнеспособность и стабильность. Одно никогда не может должным образом заменить другое, поскольку первое составляет основу, а второе должно формировать основную часть военного сооружения, которое своей прочностью и долговечностью будет обеспечивать укрытие и защиту нации; или, если архитектура и материалы будут дефектными, раздавит и уничтожит ее при своем падении.

Постоянными средствами военной обороны, используемыми современными нациями, являются

1. Армия; 2. Флот; 3. Укрепления.

Первые два из них трудно назвать постоянными, если рассматривать их с точки зрения *персонала*, но если рассматривать их как учреждения или организации, то они обладают всеми характеристиками прочности. Иногда они подвергаются очень большим и радикальным изменениям; под влиянием амбиций или опрометчивого законодательства они могут разрастись и стать опасными, или же бури народного заблуждения могут свергнуть и, казалось бы, смести их. Но они сразу же возникают в той или иной форме, настолько глубоко они укоренились в организации политических институтов.

Армия и флот должны всегда оставаться в пределах потребностей нации; но жаль ту страну, которая сокращает их численность или поддержку, тем самым ухудшая их характер или ставя под угрозу их организацию. «Правительство, — говорит один из лучших историков нашего времени, — которое пренебрегает своей армией под любым предлогом, является правительством, виновным в глазах потомков, поскольку оно готовит унижения для своего флага и своей страны, вместо того чтобы закладывать основу для ее славы».

Один из наших выдающихся министров кабинета замечает, что история наших отношений с индейскими племенами с самого начала и до настоящего времени является одним непрерывным доказательством необходимости поддержания эффективных вооруженных сил в мирное время, и что отношение, которое мы испытывали на протяжении многих лет со стороны европейских держав, было самым унижительным примером глупости попыток обойтись без этих средств защиты.

«Дважды, — говорит он, — мы были вынуждены вести открытую войну, чтобы отстоять свои права перед главными агрессорами. После многих лет терпения и переговоров наши претензии в других случаях были в конце концов урегулированы мирным путем, но в одном из самых известных случаев выполнение договора было наконец обеспечено не без значительной задержки и угрозы войны. Никто, знакомый с этими страницами нашей истории, не может сомневаться в том, что большая часть беспричинности и продолжительности несправедливости, которую мы перенесли, объясняется тем, что наши противники знали о скудности и неэффективности наших военных и военно-морских сил».

«Если, — сказал г-н Кэлхун, — пренебрегая здравым смыслом и опытом, мы в мирное время будем игнорировать нашу военную организацию, то в случае столкновения с сильным и искусным врагом мы будем подвержены самым страшным бедствиям».

Эти замечания были сделаны в противовес сокращению нашей армии в 1821 году ниже стандартной численности в тринадцать тысяч человек. Тем не менее, численность армии была сокращена примерно до шести или семи тысяч человек, и вскоре мы ощутили последствия этого. В авторитетном отчете утверждается, что если бы в 1832 году вблизи Сент-Луиса было два полка, войну с Черным Ястребом можно было бы легко избежать; и что нет сомнений в том, что сцены разрушений и жестоких боевых действий, которые охватили Флориду на протяжении почти семи лет, также можно было бы избежать, и стране удалось бы сэкономить около тридцати миллионов, если бы в начале этого конфликта было два полка.

К этим замечаниям можно добавить, что если бы наше правительство оккупировало территорию между Нуэсесом и Рио-Гранде с помощью хорошо организованной армии из двенадцати тысяч человек, войны с Мексикой можно было бы избежать; но продвижение на Матаморас небольшого отряда из двух тысяч человек перед лицом большой мексиканской армии давало им самые сильные стимулы для нападения на нас. Временная экономия в несколько тысяч долларов за счет сокращения нашей армии до горстки людей вновь приводит к необходимости затратить много миллионов долларов и пожертвовать большим количеством человеческих жизней.

В этой стране, если мы прислушиваемся к голосу разума или опыта, мы должны поддерживать в мирное время скелетные военные и военно-морские силы, которые в случае опасности могут быть значительно расширены за счет добавления новых войск.

Добавление новых сил всегда придает армии или флоту большую энергию и предприимчивость. Полученная таким образом сила иногда превосходит увеличение численности в разы. Но нужно помнить, что эти новые элементы сами по себе намного уступают старым в дисциплине, стойкости и настойчивости. Ни один генерал не может полагаться на точность их действий в ходе военной кампании, и они чрезвычайно склонны подводить его в критический момент на поле боя. То же самое верно и в отношении моряков, не имеющих опыта в дисциплине и обязанностях военного корабля. Однако есть одно отличие: армия обычно набирает новобранцев из числа людей, совершенно не знакомых с военной жизнью, в то время как флот, в случае внезапного увеличения численности, в основном пополняется из торгового флота профессиональными моряками, которые, хотя и не знакомы с использованием артиллерии и т. д. на борту корабля, но хорошо знакомы со всеми другими обязанностями морской жизни и не чужды дисциплине. Кроме того, неопытные моряки и морские пехотинцы, находясь под непосредственным контролем своих офицеров во время боевых действий и не имея возможности сбежать, сражаются гораздо лучше, чем войска того же типа на суше. Если для того, чтобы стать хорошим моряком, требуются годы, то, безусловно, столько же времени необходимо для того, чтобы стать хорошим солдатом; и для правильного управления армиями требуется не меньше навыков, практики и профессионального обучения, чем для управления флотами.

Но некоторые говорят, что даже эти скелеты военных и военно-морских сил совершенно излишни и что храбрый и патриотичный народ сможет защититься от вторжения не хуже, чем самый дисциплинированный и опытный. Такие взгляды часто высказываются в залах конгресса, и некоторые даже пытаются подтвердить их историческими примерами.

Действительно, есть примеры, когда неорганизованные и обезумевшие массы, воодушевленные патриотическим энтузиазмом, одерживали блестящие победы. Однако в этих случаях чрезвычайные обстоятельства заменяли порядок и создавали равновесие между силами, которые в противном случае были бы очень неравны; но почти во всех случаях такого рода потери недисциплинированной армии были неоправданно велики, поскольку человеческие жизни заменяли навыки и порядок. Но даже с таким недостатком победа не часто сопутствует знаменам вновь сформированных и неорганизованных войск. Если капитан и экипаж парохода ничего не знают о навигации и никогда не бывали в море, а инженер совершенно не знаком со своей профессией, можем ли мы ожидать, что корабль безопасно пересечет Атлантику и достигнет назначенного порта? Доверили бы мы им наши жизни и честь нашей страны? Не сказали бы мы им: «Сначала ознакомьтесь с принципами

своей профессии, использованием компаса и способами определения, направляетесь ли вы к скалистому утесу или в безопасную гавань»? Война — это не просто игра случая, как полагают некоторые. Ее принципы составляют одну из самых сложных современных наук, и генерал, который понимает искусство правильного применения ее правил и обладает средствами для выполнения ее предписаний, может быть морально уверен в успехе.

История предоставляет множество доказательств нецелесообразности полагаться на недисциплинированные силы в открытом поле. Практически на каждой странице классической «Истории войны на Пиренейском полуострове» Нейпира приводятся яркие примеры бесполезной траты человеческих жизней и имущества испанской милицией, в то время как с четвертью регулярных войск и за небольшую часть фактических расходов французы могли бы быть изгнаны с самого начала или в любой момент впоследствии вытеснены с полуострова.

В начале Французской революции регулярная армия была упразднена, и для национальной обороны полагались исключительно на гражданских солдат, которые были созданы 14 июля 1789 года. «Но эти три миллиона национальных гвардейцев, — говорит Жомини, — хотя и были хорошими сторонниками декретов ассамблеи, тем не менее были бесполезны для усиления армии за пределами границ и совершенно неспособны защитить свои собственные дома». Тем не менее никто не может усомниться в их индивидуальной храбрости и патриотизме, поскольку, будучи реорганизованными, дисциплинированными и правильно направленными, они обратили в бегство лучшие войска Европы. При первом всплеске этой революции привилегированные классы других стран, поддерживающие разваливающиеся институты и гнилые династии, бросились против обезумевших орд французской демократии. Народная власть, поднявшись благодаря своей собственной эластичности, когда был снят груз политического угнетения, вскоре стала слишком дикой и безрассудной, чтобы утвердиться на какой-либо прочной основе или даже обеспечить собственную защиту. Если атаки ослабленных врагов Франции были слабыми, то и ее собственные усилия по сопротивлению этим атакам были не менее слабыми.

Республиканские армии отразили плохо спланированное и плохо проведенное вторжение герцога Брауншвейгского, но это было достигнуто за счет замены подготовки, системы и мастерства человеческими жизнями; энтузиазм заменил дисциплину; грабежи обеспечили военные запасы; а трупы ее граждан образовали *эпаулементы* против врага. Однако это была лишь сила слабости, бесцельная борьба разбитого и разрозненного правительства, и новая революционная власть быстро угасала перед объединенной оппозицией Европы, когда великий гений Наполеона, сильной рукой и железным правлением, захватив разрозненные фрагменты и объединив их в одну консолидированную массу, принес Франции победу и вззошел на трон империи.

Ни один народ в мире не проявлял более всеобщего и восторженного патриотизма, чем американцы во время нашей собственной революционной войны. И все же даже в то время наша армия получала лишь небольшую поддержку от нерегулярных войск и ополчения на открытом поле. Мнение Вашингтона по этому вопросу резко контрастирует с речами современных политических демагогов в Конгрессе, которые, хвастливо размахивая руками, пытаются убедить нас, что нам не нужна ни организация, ни дисциплина, чтобы встретить на открытом поле ветеранов европейских войск, и которые торопят нас, без подготовки, вступить в войну с сильнейшими военными державами мира — настолько поразителен контраст между утверждениями этих людей и письмами и отчетами Вашингтона, что хладнокровному и беспристрастному любителю истины, возможно, стоит время от времени

освежать свою память, обращаясь к писаниям Вашингтона. Следующие краткие выдержки взяты из его писем президенту Конгресса, декабрь 1776 года:

«Экономия на одежде, продовольствии и тысяче других вещей, благодаря тому, что мы не имеем ничего общего с ополчением, за исключением случаев чрезвычайной необходимости, которые невозможно предвидеть в обычном ходе событий, вполне хватила бы для содержания большой армии, которая, имея хороших офицеров, ежедневно совершенствовалась бы, вместо того чтобы оставаться разрушительной, дорогостоящей и беспорядочной толпой. По моему мнению, если еще на год будет возложена зависимость на ополчение, Конгресс будет обманут. Когда опасность немного отступит от них, они вообще не выйдут. Когда опасность приблизится к ним, лояльные, вместо того чтобы взяться за оружие, чтобы защитить себя, будут заняты переездом своих семей и имущества, а нелояльные будут согласовывать меры по подчинению и сеять вокруг террор и панику, чтобы побудить других последовать их примеру. Ежедневный опыт и многочисленные доказательства подтверждают эту информацию. Короткий срок службы и ошибочная зависимость от нашей милиции стали причиной всех наших несчастий и огромного накопления долгов. Милиция приходит, и вы не знаете, как; уходит, и вы не знаете, когда; действует, и вы не знаете, где; потребляет ваши запасы, истощает ваши склады и, наконец, покидает вас в критический момент».

Эти замечания Вашингтона не покажутся слишком суровыми, если мы вспомним поведение нашей милиции на открытом поле в Принстоне, на реке Саванна, в Камдене, в Гилфорд-Корт-Хаусе и т. д. во время войны за независимость; огромные затраты на войну 1812 года по сравнению с ее военными результатами; отказ ополчения Новой Англии выйти за пределы своих штатов, а ополчения Нью-Йорка — пересечь Ниагару и закрепить уже одержанную победу; или позорное бегство южного ополчения с поля битвы при Блэдсберге.

Но у этой картины есть и другая сторона. Если наши ополченцы часто не могли удержать свои позиции, *когда выходили на открытое поле*, мы можем с гордостью указать на их храбрую и успешную оборону Чарльстона, Мобила, Нового Орлеана, форта МакГенри, Стонингтона, Ниагары, Платтсбурга, как доказательство того, чего могут достичь ополченцы в сочетании с укреплениями.

Эти примеры из нашей истории должны в полной мере продемонстрировать огромную ценность ополчения, когда оно правильно используется в качестве средства защиты от вторжения, и должны заставить замолчать насмешки тех, кто хочет упразднить этот вид вооруженных сил как совершенно бесполезный. На открытом поле ополчение, как правило, не может маневрировать с выгодой для себя, тогда как при обороне укрепленных мест его превосходная интеллигентность и активность нередко делают его даже более ценным, чем регулярные войска. Читая суровые критические замечания Вашингтона, Грина, Моргана и других в адрес нашей милиции, необходимо помнить, что в то время они были полностью лишены важных оборонительных сооружений; а опыт всех других стран, как и наш собственный, в полной мере показал, что вновь сформированные войска не могут справиться *в открытом поле* с подчиненными и дисциплинированными войсками. Здесь *наука* должна определять исход сражения. Привычки строгого подчинения и одновременных и согласованных действий необходимы для выполнения того, что требуют высшие принципы военной профессии. Новые и недисциплинированные войска часто сбиваются с толку при маневрах и стратегических и тактических комбинациях регулярной армии и теряют всякую уверенность в своих командирах и в себе. Но, находясь за укрепленным бруствером (), они даже переоценивают свою безопасность. Тогда они могут хладнокровно наблюдать за приближающимися колоннами и, не взволнованные блестящими доспехами и нацеленными

штыками, проявить все свое мастерство в обращении с оружием. Превосходная точность прицела, которую американцы приобрели благодаря тренировкам с ранней молодости, позволила нашей милиции под защитой военных сооружений одержать победы, столь же блестящие, как и у самых опытных войск. Моральное мужество, необходимое для того, чтобы ждать атаки за парашютом, по крайней мере равноценно тому, которое проявляется на открытом поле, где победу обычно определяют *движения*. Наблюдать за приближением врага, видеть, как он движется вперед и демонстрирует свои массивные колонны, длинные ряды военного снаряжения, фашины и штурмовые лестницы, орудия атаки и профессиональное мастерство, с которым он ими владеет, слышать гром его батарей, сеющих смерть вокруг, и отбивать в рукопашной схватке эти ужасающие атаки, которые выделяются всем своим ужасом на фоне современной войны, требует сердца, по крайней мере, столь же мужественного, как то, которое демонстрирует профессиональный воин в сражении.

Но мы не должны забывать, что вызов этой силы на открытое поле — вытащить механика из его мастерской, торговца из его лавки, фермера из-за его плуга — неизбежно будет сопровождаться огромными жертвами человеческих жизней. Погибшие на поле боя — не единственные жертвы; ополченцы, не привыкшие к опасностям и неспособные обеспечить свои потребности с уверенностью и регулярностью, заражаются болезнями, которые приводят к ужасающей смертности в каждой кампании.

Существует также огромная разница в стоимости содержания регулярных войск и ополчения. Стоимость содержания регулярной армии из двадцати тысяч человек в течение шестимесячной кампании в этой стране, по данным Военного министерства, оценивается в сто пятьдесят долларов на человека; в то время как стоимость содержания ополчения в тех же условиях, с учетом разницы в расходах на лечение болезней, износ лагерного имущества, снаряжения и т. д., составит двести пятьдесят долларов на человека. Но в коротких кампаниях и в нерегулярных войнах, таких как экспедиция против Блэк Хока и его индейцев на Северо-Западе, а также во время военных действий во Флориде, «расходы на ополчение», как говорит г-н Спенсер в докладе Конгрессу в 1842 году, «неизменно превышают расходы на регулярную армию как минимум на *триста процентов*». Далее указывается, что «во время войн с Черным Ястребом и во Флориде на службу было призвано *пятьдесят пять тысяч ополченцев, и на эти конфликты было потрачено тридцать миллионов долларов!*» Если вспомнить, что во время этих пограничных войн вся наша регулярная армия не превышала двенадцати или тринадцати тысяч человек, то нетрудно понять, почему наше военное учреждение было столь чрезвычайно дорогостоящим. Крупные суммы выплачивались оседлым ополченцам, которые никогда не оказывали ни малейшей услуги. Кроме того, во время нашей недавней войны с Великобританией, длившейся менее трех лет, *было утрачено двести восемьдесят тысяч мушкетов*, средняя стоимость которых составляет двенадцать долларов, что составляет совокупный ущерб только по мушкетам *в три миллиона триста шестьдесят тысяч долларов* за период службы около двух с половиной лет; — в основном в результате небрежности и растраты государственного имущества, которые почти всегда сопутствуют действиям вновь сформированных и неопытных войск. Подобные факты должны пробудить в нас осознание необходимости реорганизации и дисциплинирования нашей милиции. Генерал Нокс, когда был министром войны, генерал Харрисон, когда был сенатором, и г-н Пойнсетт в 1841 году, каждый из них представил планы по достижению этой цели, но весь этот вопрос был проигнорирован.

Постоянные укрепления во многих своих чертах отличаются от двух предыдущих элементов национальной обороны. Они пассивны по своей природе, но обладают всеми

консервативными свойствами армии или флота и благодаря этим двум факторам вносят большой вклад в активные операции военной кампании. После постройки они требуют очень небольших затрат на свое содержание. В мирное время они не отвлекают ценных граждан от полезных занятий. Сами по себе они никогда не могут оказать влияния, развращающего общественную мораль или опасного для общественной свободы, но как средство сохранения мира и препятствие для захватчика их влияние и сила огромны. Они способствуют экономической поддержке мирного устройства, предоставляя плац для учений, парады, казармы и т. д., а также еще больше способствуют его эффективности, предоставляя как регулярным войскам, так и ополчению возможности для проведения артиллерийских учений, столь необходимых для защиты водных границ; они также служат безопасными хранилищами оружия и огромного количества материалов и военных боеприпасов, столь необходимых в современной войне. Изготовление этих боеприпасов обычно требует много времени, умения и затрат, и чрезвычайно важно, чтобы они хранились с максимальной осторожностью.

Морские арсеналы и склады военно-морского и военного снаряжения на побережье особенно подвержены захвату и уничтожению. Здесь враг может незаметно приблизиться и нанести внезапный и сокрушительный удар, прежде чем будет организовано какое-либо эффективное сопротивление. Но в дополнение к безопасности, которую обеспечивают укрепления гавани для государственной собственности, имеющей наивысшую военную ценность, они также служат для защиты торгового флота и огромного количества частного богатства, которое коммерческие люди всегда собирают в этих местах. Они обеспечивают безопасное укрытие и средства для ремонта государственных судов, поврежденных в бою или в результате штормов, а также убежище для торговых судов от опасностей моря или угроз вражеских флотов. Кроме того, они значительно облегчают наши военно-морские атаки на вражеские суда; и если он попытается высадиться, их хорошо направленный огонь отразит его эскадры от наших гаваней и заставит его войска высадиться в каком-нибудь отдаленном и неблагоприятном месте.

Три упомянутых средства постоянной обороны, конечно, предназначены для достижения одной и той же общей цели, но каждое из них имеет свою отдельную и собственную сферу действия, и ни одно из них не может рассматриваться как противоположное другим. Любое чрезмерное усиление одного из них за счет двух других обязательно приведет к соответствующему ослаблению национальной мощи. Однако не следует делать вывод, что все они должны поддерживаться на одном и том же уровне. Это должно определяться положением страны и характером ее народа.

Англия, в силу своего островного положения и масштабов торговли, должна поддерживать большой военно-морской флот; большая армия также необходима для защиты ее собственных побережий и колониальных владений. Ее военные корабли обеспечивают безопасный проход ее торговых судов и безопасную перевозку ее войск по всем морям, тем самым внося большой вклад в приобретение и безопасность колониальных территорий. Вооруженные силы Британской империи насчитывают около ста пятидесяти тысяч человек, а военно-морские силы — около семисот военных кораблей[13], на которых находится в общей сложности около пятнадцати тысяч орудий и сорок тысяч человек. Франция имеет меньший объем торговли и лишь несколько колониальных владений. Она имеет обширное побережье, но ее укрепления защищают его от морских вторжений; ее единственные уязвимые точки находятся на сухопутных границах. Поэтому ее армия и флот являются ее основными средствами обороны. Ее армия насчитывает около 350 тысяч человек, а флот — около 350 кораблей[13], на которых находится около 9 тысяч орудий и 30 тысяч человек. Россия,

Австрия, Пруссия, Швеция и другие континентальные державы имеют лишь небольшой объем торговли, который необходимо защищать, в то время как их обширные границы в значительной степени подвержены наземным нападениям: поэтому их укрепления и армии являются их основными средствами обороны. Однако для защиты своих морей от вторжений своего могущественного морского соседа Россия и Австрия поддерживают военно-морские силы ограниченного размера. Россия имеет в общей сложности около ста восьмидесяти военных кораблей, а Австрия — *ne ganz halb so viele*.^[13]

[13]

Эти цифры включают все военные корабли, как находящиеся в эксплуатации, так и строящиеся или выведенные из эксплуатации.

Соединенные Штаты не имеют колоний, но у них есть морское побережье протяженностью более трех тысяч миль с многочисленными бухтами, устьями рек и судоходными реками, которые подвергают наши наиболее густонаселенные города морским нападениям. Северная сухопутная граница простирается на две тысячи миль, а на западе наша территория граничит с британскими и мексиканскими владениями на протяжении еще многих тысяч миль. В пределах этих границ проживают многочисленные индейские племена, которые требуют бдительного внимания со стороны вооруженных сил, чтобы поддерживать мир как между собой, так и с нами. Наша санкционированная военная организация насчитывает 7590 человек, а наша военно-морская организация состоит из 77 кораблей всех классов, оснащенных 2345 орудиями и 8724 человек. Это, безусловно, очень небольшие военные и военно-морские силы для защиты такой обширной и густонаселенной страны, особенно страны, чьи политические институты и быстро растущая мощь вызывают недоверие и ревность со стороны большинства других наций.

[14]

С момента отправки этих страниц в печать вышеуказанные цифры почти удвоились, причем этот рост произошел в связи с нынешней войной с Мексикой.

Укрепления для защиты нашего морского побережья и сухопутных границ будут обсуждаться ниже.^[15]

[15]

Работа Жомини по военному искусству содержит много ценных замечаний по этой теме военной политики, а также труды Клаузевица, Дюпена, Ллойда, Шамбре, Траншана де Лаверна и Рудторфера. Некоторые из этих вопросов также обсуждаются в работах Рокканкура, Кариона-Нисаса, Де Вернона и других авторов, пишущих по военной истории. Несколько европейских *Annaires Militaires*, или армейских реестров, а также французские и немецкие военные периодические издания содержат много ценной информации, связанной с военной статистикой.

ГЛАВА VII.

ЗАЩИТА МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Основные атаки, которые нам приходилось выдерживать, будь то как колониям или штатам, со стороны цивилизованных врагов, исходили из Канады. Как колонии мы постоянно сталкивались с трудностями и опасностями со стороны французских владений. В войне за независимость, которая была войной за национальное освобождение, военные операции были более общими по всем штатам, но в войне 1812 года атаки ограничивались северной границей и несколькими уязвимыми точками вдоль побережья. В этих двух конфликтах с Великобританией Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор, Вашингтон, Чарльстон, Саванна, Мобил и Новый Орлеан, находясь в пределах досягаемости британского военно-морского флота и представляя собой ослепительную приманку в виде богатой добычи, подверглись мощным нападениям.

Подобные атаки, несомненно, будут предприняты и в любой будущей войне с Англией. Попытка закрепиться на постоянной основе будет основана либо на Канаде, либо на рабском восстании в южных штатах. С военной точки зрения первый проект предлагает наибольшие преимущества, но, скорее всего, к второму также прибегнут, если не для чего-то большего, то хотя бы для отвлечения внимания. Но для нанесения нам внезапного и серьезного ущерба путем уничтожения большого количества государственной и частной собственности наши морские портовые города предлагают стимулы, которые вряд ли можно игнорировать. Этот способ ведения войны, каким бы варварским он ни был, несомненно, будет сопровождать конфликт с любой великой морской державой. Как мы можем лучше всего подготовиться в мирное время к отражению этих атак?

Сразу после войны 1812 года была сформирована совместная комиссия из наших самых выдающихся военных и военно-морских офицеров, чтобы разработать систему оборонительных сооружений, которые должны были быть построены в мирное время для обеспечения безопасности наиболее важных и наиболее уязвимых точек нашего морского побережья. Здесь уместно в очень общих чертах указать расположение и характер этих сооружений, упомянув только те, которые уже завершены или находятся в процессе строительства, а также те, которые планируется построить, как только Конгресс выделит необходимые средства. Есть и другие сооружения, запланированные на будущее, но поскольку они не относятся к категории сооружений, необходимых для немедленного использования, о них не будет упоминаться.

МЭН.

Начиная с северо-восточной оконечности нашего побережья, мы запланировали для Истпорта и Вискассета сооружения, рассчитанные на размещение около пятидесяти орудий. Пока что никаких работ по этим сооружениям не проводилось.

Далее — Портленд с сооружениями, рассчитанными на размещение около сорока или пятидесяти орудий, и форт Пенобскот с батареями, рассчитанными на размещение около ста пятидесяти орудий. Они построены только частично.

НЬЮ-ГЭМПШИР.

Оборонительные сооружения Портсмута и его окрестностей, около двухсот орудий. Эти сооружения также построены только частично.

МАССАЧУСЕТС.

Планируемые сооружения к востоку от Бостона, рассчитанные на размещение около шестидесяти орудий. Работы по их строительству еще не начаты.

Сооружения для обороны гавани Бостона, оснащенные около пятисот орудий. Они почти на три четверти завершены. Сооружения гавани Нью-Бедфорд, оснащенные пятьюдесятью орудиями: еще не начаты.

РОД-АЙЛЕНД.

Гавань Ньюпорта — сооружения рассчитаны на около пятисот орудий, почти завершены.

КОННЕКТИКУТ.

Гавань Нью-Лондона, Нью-Хейвен и река Коннектикут. Первые из них почти завершены; два последних еще не начаты.

НЬЮ-ЙОРК.

Сооружения, запланированные для обороны гавани Нью-Йорка, рассчитаны на установку около тысячи орудий. Эти сооружения еще не построены даже наполовину.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

Работы, запланированные для защиты залива Делавэр и Филадельфии, потребуют около ста пятидесяти орудий. Они не построены даже на четверть.

МЭРИЛЕНД И ВИРДЖИНИЯ.

Балтимор и Аннаполис — эти сооружения будут оснащены примерно двумястами пятьюдесятью орудиями. Сооружения для Чесапикского залива будут оснащены примерно шестьюстами орудиями, а сооружения для реки Потомак — примерно восемьюдесятью орудиями. Более половины этих сооружений уже построено.

СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА.

Сооружения в Бофорте и Смитвилле будут оснащены около ста пятидесяти орудий. Они практически завершены.

ЮЖНАЯ КАРОЛИНА.

Укрепления для защиты Чарльстона оснащены около двухсот орудий. Они построены наполовину.

ДЖОРДЖИЯ.

Укрепления Саванны оснащены около двухсот орудий и почти на три четверти завершены.

ФЛОРИДА.

Укрепления, запланированные для обороны Сент-Огастина, Ки-Уэста, Тортугаса и Пенсаколы, будут оснащены примерно восемью или девятью сотнями орудий. Укрепления в

Сент-Огастине и Пенсаколе практически завершены, но в Ки-Уэсте и Тортугасе работы едва начаты.

АЛАБАМА.

Укрепления для обороны Мобила будут иметь около ста шестидесяти орудий. Они почти построены.

ЛУИЗИАНА.

Укрепления для защиты Нового Орлеана будут оснащены примерно двумястами пятьюдесятью или тремястами орудиями; они почти завершены.

Сооружения к северу от Чесапика стоят около трех тысяч долларов за орудие; сооружения к югу от этой точки — около шести тысяч долларов за орудие. Эта разница в стоимости частично объясняется характером почвы, на которой построены укрепления, а частично — высокими ценами на материалы и рабочую силу на юге.

Указав на характер и состояние нашей системы береговой обороны, давайте кратко рассмотрим, насколько эти работы могут служить средством защиты от морского вторжения.

Чтобы прийти к правильному выводу по этому вопросу, давайте сначала рассмотрим три или четыре крупных морских десанта, предпринятых англичанами во время войн Французской революции, в период, когда огромное превосходство Англии над другими странами в области военно-морского флота дало ей титул *«хозяйки морей»*. Давайте обратим внимание на результаты нескольких попыток этой державы осуществить морские вторжения и на средства, с помощью которых такие атаки были отбиты.

В 1795 году была организована морская экспедиция против Киберона, которая обошлась в восемь миллионов долларов. Этот порт на французском побережье имел тогда военно-морскую оборону из почти тридцати кораблей, несущих около шестнадцати сотен орудий. Лорд Бридпорт атаковал его четырнадцатью линейными кораблями, пятью фрегатами и несколькими меньшими судами, всего около 1500 орудий, захватил часть флота и заставил остальную часть укрыться под защитой фортификаций Л'Ориента. После уничтожения французской военно-морской обороны британцы без сопротивления вошли в Киберон. Брентон в своей «Истории британского флота» называет эту бухту «лучшей на побережье Франции, а может быть, и во всем мире, для высадки армии». Помимо этих естественных преимуществ в пользу англичан, жители окрестных местностей подняли открытое восстание и были готовы принять захватчиков с распростертыми объятиями. Было высажено десять тысяч солдат, а еще столько же роялистских войск было снабжено одеждой, оружием и т. д., но объединенные силы потерпели неудачу в своем нападении на Сен-Барб, и генерал Хош из своих укреплений с семью тысячами человек сдерживал восемнадцать тысяч солдат, запертых без защиты на узком полуострове. Усиленные новым десантом, союзники снова попытались продвинуться, но вскоре были разгромлены и в конечном итоге почти полностью уничтожены.

В 1799 году англичане и русские вторглись в Голландию с четырнадцатью линейными кораблями и десятью фрегатами, на которых было около 1100 орудий, а также большим количеством транспортных судов с армией в 36 тысяч человек. Голландская военно-морская оборона состояла из восьми линейных кораблей, трех кораблей с пятьюдесятью четырьмя пушками, восьми кораблей с сорока восемью пушками и восьми меньших фрегатов, на

которых было установлено в общей сложности около 1200 пушек; но эти силы практически не внесли вклада в оборону и вскоре были вынуждены поднять вражеский флаг. Оборонительная армия сначала насчитывала всего 12 тысяч человек, но впоследствии республиканцы увеличили ее численность до 22 тысяч, а затем до 28 тысяч человек. Но, несмотря на это огромное морское и военное превосходство, а также на содействие оранжевой партии в высадке своих войск, союзники не смогли захватить ни одного укрепленного пункта и, потеряв шесть тысяч человек, были вынуждены капитулировать. «Таков, — говорит Элисон, — был катастрофический исход величайшей экспедиции, которая когда-либо отправлялась из британских портов во время войны».

В 1801 году Нельсон с тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и тридцатью пятью меньшими судами предпринял отчаянную атаку на гавань Булонь, но был отбит с тяжелыми потерями.

Пропустив несколько незначительных атак, мы переходим к высадке на Шельде, или, как ее обычно называют, экспедиции на Валхерен в 1809 году. Эта экспедиция, хотя и закончилась неудачей, часто упоминается как доказательство целесообразности морских высадок. Ниже приводится краткое описание этой экспедиции:

Наполеон планировал построить обширные укрепления, верфи и военно-морские арсеналы во Флиссинге и Антверпене для защиты морских сил в Шельде. Но едва началась реализация этого проекта, как англичане организовали экспедицию, чтобы захватить укрепления Шельды и захватить или уничтожить военно-морские силы. Флашинг, расположенный в устье реки, был плохо защищен, а Антверпен, находящийся примерно в шестидесяти или семидесяти милях вверх по течению, был совершенно беззащитен; валы не были вооружены пушками, были ветхими и шаткими, а гарнизон состоял всего из двухсот инвалидов и новобранцев. Регулярная армия Наполеона была задействована на Дунае и на Пиренейском полуострове. Британские наступательные силы состояли из тридцати семи линейных кораблей, двадцати трех фрегатов, тридцати трех военных шлюпов, двадцати восьми орудийных, минометных и бомбардировочных судов, тридцати шести небольших судов, восьмидесяти двух канонерских лодок, бесчисленных транспортных судов с более чем сорока тысячами солдат и огромным артиллерийским обозом; в общей сложности, по словам английского историка, «сто тысяч бойцов». Высадка была произведена на острове Валхерен, а Флиссинг был осажден, но этот город был взят только через восемнадцать дней после высадки; атака с моря была произведена семью или восемью линейными кораблями и большой флотилией бомбардирских судов, но не принесла никакого результата. Канал в устье реки был слишком широк, чтобы его можно было защитить с помощью укреплений Флашинга, и основная часть флота прошла вне досягаемости орудий и поднялась по Шельде до Антверпена. Но тем временем укрепления этого места были отремонтированы, и после безрезультатной операции, длившейся целый месяц на реке, англичане были постепенно вынуждены отступить в Валхерен и, в конце концов, эвакуировать все свои завоевания.

Стоимость экспедиции была огромной, как в материальном, так и в человеческом плане. Она, безусловно, была очень плохо организована. Но мы не можем не отметить превосходную ценность укреплений как средства защиты от таких вторжений. Они во многом способствовали задержке действий врага до тех пор, пока не была собрана обороняющаяся армия. Укрепления Флашинга никогда не были предназначены для перекрытия Шельды и, конечно, не могли перехватить проход судов, но они не были разрушены английским флотом, как иногда утверждается. Полковник Митчел, служащий в английской армии, говорит, что флот «вел такой сильный огонь по батареям, что французские офицеры, присутствовавшие при Аустерлице и Йене, заявили, что канонада в этих

сражениях была просто *детской забавой* по сравнению с этим». Но какое же воздействие оказал этот огонь, столь грозный, судя по одному только звуку, на оборону этого места? Автор может ответить на этот вопрос с некоторой точностью, поскольку он обошел всю береговую линию на следующий день после капитуляции и не обнаружил ни одной поврежденной части парапета, которая имела бы хоть малейшее значение, и только одно одиночное орудие, сбитое, очевидно, взрывом снаряда, который, конечно, не мог быть выпущен с линии боевых кораблей, а должен был быть выпущен с береговых батарей».⁽¹⁾

[16]

Батареи, построенные при осаде этого места, были вооружены пятьюдесятью двумя тяжелыми орудиями и мортирами.

Но можно сказать, что, хотя крупные морские высадки на вражеском побережье почти всегда заканчиваются неудачей, тем не менее прямой морской удар по одной укрепленной позиции будет сопровождаться более благоприятными результатами; и что наши приморские города, какими бы укрепленными они ни были, будут подвержены бомбардировкам и разрушениям со стороны вражеских флотов. Другими словами, в прямом противостоянии между кораблями и фортами первые будут иметь по крайней мере равные шансы на успех.

Давайте предположим справедливое испытание этой относительной силы. Форт должен быть построен надлежащим образом и находиться в хорошем состоянии; его орудия должны быть расположены так, чтобы их можно было эффективно использовать; его гарнизон должен быть умелым и эффективным; его командир должен быть способным и храбрым. Корабль должен быть самого лучшего качества и в идеальном состоянии; его экипаж должен быть дисциплинированным и мужественным; его командир должен быть умелым и ловким; ветер, прилив и море — все должно быть таким, как можно пожелать. Численность гарнизона и экипажа должна быть не больше необходимой, без ненужного риска для человеческих жизней, чтобы не увеличивать число погибших. Исход этого сражения, если только не произойдет каких-то чрезвычайных и легко различимых обстоятельств, станет справедливым испытанием их относительной силы.

[17]

Эти условия для батареи легко выполнимы, но для корабля они частично зависят от погодных условий и редко могут быть полностью выполнены.

Какого результата мы должны ожидать, исходя из характера противоборствующих сил? Корабль, в предполагаемых нами обстоятельствах, может выбрать точку атаки, выбрав ту, которую он считает наиболее уязвимой; но сам он уязвим повсюду; его люди и орудия сильно сконцентрированы и, следовательно, сильно уязвимы. Но в форте орудия и люди распределены более равномерно, поскольку форт с внутренней площадью в несколько акров не имеет гарнизона, равного по численности экипажу корабля с 74 орудиями. Все части судна подвержены повреждениям, в то время как форт представляет собой лишь небольшую мишень — отверстия амбразур, небольшую часть лафета и время от времени голову или руку, поднятую над парашетом, — соотношение открытых поверхностей составляет не менее *двадцати к одному*. На корабле орудия стреляют с колеблющейся палубы, и ядра летят наугад; в форте орудия стреляют с неподвижной платформы, и ядра

достигают своей цели с непогрешимой точностью. На воде всегда есть больше или меньше движения, так что пушки корабля, хотя в один момент и направлены точно, в следующий момент могут быть полностью отброшены от цели, даже если движение слишком слабое, чтобы его можно было заметить; тогда как в батарее пушки будут стрелять точно так, как они нацелены, а движение корабля будет лишь на несколько дюймов изменять место, в которое попадает снаряд. В форте люди и орудия находятся за непробиваемыми стенами из камня и земли; на корабле они находятся за хрупкими барьерами, осколки которых столь же разрушительны, как и снаряд. Форт негорюч, в то время как корабль может легко загореться от зажигательных снарядов. Корабль имеет много уязвимых точек, которые можно назвать жизненно важными. Потеряв руль, часть такелажа или реев, он может стать неуправляемым и неспособным использовать свою силу; он может получить попадания под водой и быть подвержен потоплению; он может получить попадания горячими снарядами и загореться: эти повреждения добавляются к тем, которые он получает, когда его орудия сбиваются с опор, а его экипаж гибнет от снарядов, пробивающих его борта и разбрасывающих осколки его деревянных конструкций; в то время как риски батареи ограничиваются вышеупомянутыми — а именно риском попадания в орудие, лафет или людей.

Мнения военных авторов и факты истории полностью согласуются с этими теоретическими выводами. Некоторые лица, ошибочно интерпретируя или неверно излагая факты нескольких недавних испытаний, утверждают, что современные усовершенствования в военно-морском деле настолько опередили прогресс в искусстве сухопутной обороны, что плавучие силы теперь вполне способны на равных условиях противостоять сухопутной батарее. Невежественные и поверхностные люди, услышав лишь о том, что некоторые форты недавно сдались военно-морским силам, и не потрудившись выяснить реальные факты, представили их общественности как неопровержимое доказательство новой эры в военной науке. Этот вывод, хотя и беспочвенный и абсурдный, получил признание лишь благодаря своей новизне. Давайте рассмотрим несколько испытаний силы, которые имели место между кораблями и фортами в течение последних пятидесяти лет, и посмотрим, каковы были их результаты.

В 1792 году значительная французская эскадра атаковала Кальяри, укрепления которого в то время были настолько ветхими и слабыми, что едва ли заслуживали названия оборонительных сооружений. Тем не менее, французский флот после трехдневной бомбардировки потерпел самое явное поражение и был вынужден отступить.

В 1794 году два британских корабля, «Fortitude» с 74 пушками и фрегат «Juno» с 32 пушками, атаковали небольшой городок в бухте Мартелло на Корсике, который был вооружен одной пушкой в барбете и имел гарнизон из тридцати человек. После двух с половиной часов бомбардировки эти корабли были вынуждены отступить, понеся значительные повреждения и потери. Небольшая башня не пострадала, и ее гарнизон остался невредим. Здесь *сто шесть орудий* на воде противостояли *одному* на берегу, и все же последний одержал победу.

В 1797 году Нельсон атаковал небольшие неэффективные батареи Санта-Круз на Тенерифе с восемью кораблями, оснащенными четырьмя сотнями орудий. Но, несмотря на свое значительное превосходство в численности, мастерстве и храбрости, он был отбит с потерями в двести пятьдесят человек, в то время как гарнизон не получил практически никаких повреждений. Один-единственный снаряд из береговой батареи, попавший в борт одного из его кораблей, мгновенно потопил его вместе с почти сотней моряков и морских пехотинцев!

В 1798 году французская флотилия из 52 бригов и канонерских лодок, укомплектованная почти семью тысячами человек, атаковала небольшой английский редут на острове Марку, который был вооружен двумя 32-фунтовыми, двумя 6-фунтовыми, четырьмя 4-фунтовыми пушками и двумя карронадами и укомплектован гарнизоном из 250 человек. Несмотря на такое значительное превосходство противника в численности, маленький редут потопил семь бригов и канонерских лодок противника, захватил еще одну и заставил остальные отступить с большими потерями, в то время как гарнизон потерял только одного человека убитым и трех ранеными.

В 1801 году французы с тремя фрегатами и шестью тысячами человек атаковали плохо построенные укрепления Порто-Ферраиро, оборонительная сила которых состояла из разношерстного гарнизона из полутора тысяч корсиканцев, тосканцев и англичан. Здесь атакующая сила была в *четыре* раза больше, чем гарнизон, но, несмотря на это, после нескольких бомбардировок и пятимесячной осады они не добились успеха.

В июле того же 1801 года адмирал Саумарез с английским флотом из шести линейных кораблей и двух меньших судов, несущих в общей сложности пятьсот два орудия, атаковал испанские и французские укрепления Альхесираса. Предполагая, что плавучие силы противоборствующих сторон равны по количеству орудий (что, безусловно, является очень справедливой оценкой для атакующих сил, учитывая обстоятельства дела), мы имеем французскую наземную батарею, состоящую всего из двенадцати орудий, против которой выступают английские плавучие силы, оснащенные ста девяноста шестью орудиями. Несмотря на это неравенство почти *семнадцать* к *одному*, небольшая батарея заставила превосходящие морские силы отступить с большими потерями.

Вскоре после этого французский и испанский флоты атаковали тот же английский эскадрон с превосходством почти *три* к *одному*, но потерпели самое сокрушительное поражение; тогда как с наземной батареей, превосходящей их всего лишь *один* к *семнадцати*, та же сторона одержала победу. Какое доказательство может быть более убедительным в превосходстве орудий на берегу над плавучими!

В 1803 году английский гарнизон Даймонд-Рок, расположенный недалеко от залива Порт-Ройал, имея всего сто человек и около пятнадцати орудий, отразил французскую эскадру из двух кораблей по семьдесят четыре орудия, фрегата и брига, которым помогали двести солдат, атаковавших с суши. В редуте не было ни одного убитого или раненого, в то время как французы потеряли пятьдесят человек! Впоследствии это место было захвачено из-за голода.

В 1806 году французская батарея на мысе Ликоса, имевшая всего два орудия и гарнизон из двадцати пяти человек, отразила атаки британского корабля с восьмьюдесятью орудиями и двух фрегатов. Лафет одного из наземных орудий вышел из строя после второго выстрела, так что фактически во время боя было доступно только *одно* орудие. Здесь была *одна артиллерийская установка* и гарнизон из *двадцати пяти человек*, противостоявшие военно-морским силам, имевшим *более ста пятидесяти орудий* и около *тысячи трехсот человек*. И каковы были результаты этого странного сражения? Нападавшие потеряли *тридцать семь* человек убитыми и ранеными, корабль с восьмьюдесятью орудиями был сильно поврежден, а форт и гарнизон остались совершенно невредимыми! То, что не удалось достичь силой, было впоследствии достигнуто путем переговоров.

В 1808 году французская наземная батарея, состоящая всего из *трех* орудий, расположенная недалеко от форта Тринидад, отбила английский корабль с 74 орудиями и бомбардирский корабль.

В 1813 году Ливорно, чьи укрепления были весьма посредственными, а гарнизон в то время чрезвычайно слабым, подверглось нападению английской эскадры из шести кораблей, несущих более трехсот орудий, и сухопутных войск численностью в тысячу солдат. Вся эта попытка закончилась полным провалом.

«В 1814 году, когда англичане продвигались на Антверпен, — говорит английский историк полковник Митчелл, — форт Фредерик, небольшое сооружение всего с двумя пушками, был построен в изгибе дамбы Полдер, на некотором расстоянии ниже Лилло. Вооружение состояло из длинного восемнадцатифунтового орудия и пяти с половиной дюймовой гаубицы. Французы решили вытеснить англичан с этого поста, и корабль с восемьюдесятью орудиями спустился по течению и бросил якорь у берега Фландрии, примерно в шестистах ярдах от британской батареи. Благодаря своему положению он был защищен от огня восемнадцатифунтового орудия и подвергался только обстрелу из гаубицы. Как только все было готово, он открыл огонь с борта; и если бы шум и дым были достаточными условиями для обеспечения успеха в войне, как считают многие современники, то исход этого странного сражения не вызывал бы сомнений, поскольку гром французской артиллерии действительно заставил землю снова содрогнуться; но, несмотря на то, что земля сотрясалась, единственная британская гаубица не была ни сбита с ног, ни заглушена; и хотя артиллеристы, будучи полностью открытыми, не могли стоять у своих орудий, пока вокруг них сыпался железный град, но как только огонь противника на мгновение ослабевал, они бросались на свои посты, готовые ответить хотя бы одним выстрелом на восемьдесят. Это необычайное сражение длилось с семи часов утра до почти двенадцати часов дня, когда французский корабль, потеряв сорок один человек убитыми и ранеными, среди которых был и его командир, и получив серьезные повреждения корпуса и такелажа, вернулся в Антверпен, не достигнув никакого результата. Гаубица не была сбита, форт не был поврежден — фактически не было ничего, что можно было бы повредить, — а у британцев был только один убитый и два раненых».

Нет необходимости приводить дальнейшие примеры из войн Французской революции; вся история этих войн является одним непрерывным доказательством превосходства укреплений как средства защиты морской границы. Морское побережье Франции находится почти в двух шагах от основных британских военно-морских баз ^[18]; здесь были большие города и гавани, наполненные богатым товаром со всего мира, предлагавшие ослепительную привлекательность богатой добычи. Французский флот в то время был совершенно неспособен их защитить, в то время как Англия поддерживала морские силы с годовыми расходами около *девятиста миллионов долларов*. Ее крупнейшие флотилии постоянно курсировали в пределах видимости этих морских портов и нередко пытались перехватить их суда. «В этот период, — говорит один из ее военно-морских историков, — военно-морские силы Великобритании, столь многочисленные и опытные благодаря долгой практике, приобрели глубокое знание их (французских) портов, бухт и заливов; ее офицеры знали глубину воды и сопротивление, с которым можно было столкнуться в любой ситуации». С другой стороны, эти гавани и города часто лишались гарнизонов из-за необходимости вести войны в дальних краях, и у них не оставалось никакой другой защиты, кроме укреплений и ополчения. И все же, несмотря на все это, они остались невредимыми на протяжении всего конфликта. Они часто подвергались нападениям, и в некоторых случаях предпринимались самые отчаянные попытки закрепиться на постоянной основе, но ни в одном случае успех не был соизмерим с затратами человеческих жизней и материальных ресурсов, и ни на морских границах Франции, ни на границах ее союзников не было установлено постоянного контроля. Это, безусловно, не было связано с недостатком мастерства и храбрости со стороны британского флота, как слишком ясно доказали

сражения при Абукире и Трафальгаре и почти полное уничтожение французского флота. Почему же тогда эти места избежали поражения? Мы не знаем другой причины, кроме того, что *они были укреплены* и что французы знали, как защищать свои укрепления. Британские морские экспедиции в Киберон, Голландию, Булонь, Шельду, Константинополь, Буэнос-Айрес и т. д. достаточно ясно доказывают их неудачу и потерю жизней и средств, с которыми они всегда сопровождаются. Но когда ее морская мощь была направлена на уничтожение морских сил противника и на переброску ее сухопутных войск на прочные оперативные базы на территории ее союзников в Португалии и Бельгии, падение Наполеона увенчало славой их достижения.

[18]

Ширина Ла-Манша в самом узком месте составляет всего 18 с половиной миль.

Давайте теперь рассмотрим несколько британских морских атак на наши форты во время войн Революции и 1812 года.

В 1776 году сэр Питер Паркер с британским флотом из девяти кораблей, несущих около двухсот семидесяти^[19] орудий, атаковал форт Моултри в гавани Чарльстона, который тогда был вооружен только двадцатью шестью орудиями и укомплектован гарнизоном из трехсот семидесяти пяти регулярных солдат и нескольких ополченцев. В этом сражении британцы потерпели полное поражение и потеряли 205 человек убитыми и ранеными, в то время как все их 270 орудий убили и ранили только 32 человека в форте. Об этом испытании сил, которое, безусловно, было справедливым, Купер в своей «Истории военно-морского флота» говорит: «Это полностью доказывает важное военное положение, что корабли не могут противостоять фортам, когда последние должным образом вооружены, построены и укомплектованы гарнизоном. Генерал Моултри говорит, что из батареи было выпущено только тридцать снарядов, и считает, что только нехватка пороха помешала американцам уничтожить военные корабли».

[19]

Эти корабли *были вооружены* 254 пушками, но, по имеющимся данным, на самом деле на них было установлено 270 пушек.

В 1814 году британский флот из четырех кораблей, оснащенных девятью двумя пушками, атаковал форт Бойер, небольшой редут, расположенный на мысе, контролирующем проход из залива в бухту Мобил. Этот редут был укомплектован всего сто двадцатью бойцами, включая офицеров; его вооружение состояло всего из двадцати небольших пушек, некоторые из которых были практически бесполезны, а большинство было плохо установлено «в спешно сооруженных батареях, оставляющих артиллеристов незащищенными от колен и выше», в то время как сухопутные силы противника, действовавшие совместно с кораблями, состояли из двадцати артиллеристов с батареей из двух пушек и семисот тридцати морских пехотинцев, индейцев и негров. На его кораблях находилось в общей сложности пятьсот девять человек. Это огромное неравенство в численности и силе не позволяло британским военным и военно-морским командирам даже малейшего опасения, «что четыре британских корабля, несущие девять две пушки, и

сухопутные войска, немного превышающие семьсот бойцов, могут потерпеть неудачу в захвате небольшого сооружения, оснащенного лишь двадцатью короткими карронадами и защищаемого чуть более чем сотней человек, не имеющих ни печей для нагрева снарядов, ни казематов для укрытия от ракет и снарядов». Тем не менее, враг был полностью отбит; один из его крупнейших кораблей был полностью уничтожен, а на борту другого было убито и ранено 85 человек; в то время как наши потери составили всего восемь или девять человек. Здесь военно-морские силы в соотношении *пять к одному* были отбиты наземной батареей.

В 1814 году батарея из одного четырехфунтового и двух восемнадцатифунтовых орудий в Стонингтоне отразила британский флот, имевший сто тридцать четыре орудия. Во время сражения американцы исчерпали свои боеприпасы и забили свои 18-фунтовые пушки, и только одна из них была использована впоследствии. Два корабля противника, несущие 112 пушек, участвовали в сражении на протяжении всего времени атаки и большую часть этого времени бомбардировали город с позиции, недостижимой для береговой батареи. Они находились слишком далеко, чтобы 4-фунтовая пушка могла быть полезна. Предполагая, что две 18-фунтовые пушки использовались в течение всего сражения, а также все пушки флота, *одна* 18-фунтовая пушка на суше должна была быть более чем эквивалентна 67 пушкам на воде, поскольку корабли были настолько повреждены, что им пришлось отступить. Британские потери составили 20 убитых и более 50 раненых. Наши потери составили только 2 убитых и 6 раненых.^[20]

[20]

Перкинс говорит о двух убитых и шести раненых. Холмс говорит о шести раненых, но не упоминает об убитых.

Флот, отправленный для нападения на Балтимор в 1814 году, состоял из сорока кораблей, самые большие из которых были линейными кораблями, перевозившими армию из более чем шести тысяч бойцов. Войска высадились в Норт-Пойнт, в то время как шестнадцать бомбардирских кораблей и фрегатов приблизились к форту МакГенри и начали бомбардировку, которая длилась двадцать пять часов. Во время этой атаки противник выпустил «1500 снарядов, 400 из которых взорвались в стенах форта, но не повлияли ни на прочность сооружения, ни на гарнизон», и британцы были вынуждены отступить с большими потерями.

В 1815 году эскадра британских кораблей, дислоцированная у устья Миссисипи с целью блокады, поднялась вверх по реке до форта Св. Филиппа, который представляет собой небольшое сооружение, способное разместить всего двадцать орудий. В течение девяти дней и ночей велся интенсивный огонь из пушек и минометов с редкими и короткими перерывами, но, не повлияв ни на форт, ни на гарнизон, они отступили на прежнюю позицию в устье реки.

В войне 1812 года был только один случай, когда вражеские корабли смогли захватить форт, и люди, не знающие реальных фактов, иногда ссылаются на это как на доказательство неспособности наших укреплений противостоять морским атакам. Даже если бы это был случай явного провала, было бы этого единственного исключения достаточно, чтобы опровергнуть весомые доказательства противоположной стороны? Мы имеем в виду захват так называемого форта Вашингтон британским флотом, который поднялся по Потомаку в 1814 году, чтобы помочь в позорной и варварской операции по сожжению капитолия и уничтожению архивов нации. Форт Вашингтон был очень маленьким и неэффективным

сооружением, неправильно спроектированным некомпетентным французским инженером; на тот момент была построена только небольшая часть форта, и он еще не был достроен. До недавнего времени построенная часть никогда не была должным образом подготовлена для размещения вооружения, и во время атаки не могла удержаться в течение длительного времени. Но никакой обороны не было. Капитан Гордон с эскадрой из восьми кораблей, несущих сто семьдесят три орудия, по приказу «подниматься вверх по реке до форта Вашингтон и попробовать бомбардировку», приблизился к этому форту и, выпустив единственный снаряд, который не нанес ущерба ни форту, ни гарнизону, последний покинул укрепления и быстро отступил. Командующий офицер был немедленно уволен за трусость. Английский морской офицер, участвовавший в экспедиции, говоря об отступлении гарнизона, говорит: «Мы не могли объяснить такой необычный шаг. Положение было хорошим, и захват стоил бы нам по крайней мере пятидесяти человек, а если бы он был должным образом защищен, то и больше; кроме того, неблагоприятный ветер и многие другие обстоятельства были в их пользу» и т. д. Флот поднялся по реке к Александрии, но вскоре узнал, что в Уайт-Хаусе и Индиан-Хеде готовятся батареи, чтобы отрезать ему отступление, и поспешно отступил, но не без потерь.

Некоторые также пытались найти в современной европейской истории несколько примеров, противоречащих относительной силе, которую мы здесь приписали кораблям и фортам. Игнорируя многочисленные и хорошо подтвержденные примеры, когда форты небольших размеров и с небольшим вооружением отразили большие флотилии, они делают выводы из четырех или пяти случаев, когда флотилии одержали (как полагали сначала) несколько сомнительную победу над фортами. Но тщательное и критическое изучение фактов в этих случаях показывает, что даже они не являются исключением из общего правила превосходства береговых орудий над плавучими.

Единственные случаи, когда известные авторы утверждали, что корабли одержали победу, — это нападение на Копенгаген в 1801 году; прохождение Дарданелл в 1807 году; нападение на Алжир в 1816 году; нападение на Сан-Хуан-д'Уллоа в 1838 году; и нападение на Сен-Жан-д'Акр в 1840 году.

Рассмотрим эти примеры немного подробнее:

Копенгаген. Британский флот, отправленный для нападения на Копенгаген в 1801 году, состоял из 52 кораблей, 18 из которых были линейными кораблями, 4 фрегатами и т. д. Они отплыли из Ярмута 12 марта, прошли пролив 30 марта и 2 апреля атаковали и разгромили датскую линию.

Пролив между Кроненбергом и шведским побережьем имеет ширину около двух с половиной миль (см. [рис. 34](#)). Батареи Кроненберга и Эльсинора были оснащены ста пушками и мортирами, но шведская батарея была сильно запущена и имела только шесть орудий. Тем не менее, британский адмирал, чтобы избежать ущерба, который его эскадра понесла бы при прохождении этого широкого пролива, защищаемого силами, едва превосходящими по численности один из его кораблей, предпочел попытаться пройти через сложный пролив Бельт; но после того, как несколько его легких кораблей, действовавших в качестве разведчиков, сели на мель, он вернулся в пролив Зунд.

Затем он попытался договориться о мирном проходе, угрожая, однако, объявить войну, если по его кораблям будет открыт огонь. Следует помнить, что в то время Англия была в мире как с Данией, так и со Швецией, и что не существовало никаких справедливых причин для войны. Поэтому адмирал сделал вывод, что командиры этих батарей не захотят втягивать свои страны в войну с такой грозной державой, как Англия, начав военные действия, когда от

них требовали только свободного прохода. Датский командир ответил, что он не может пропустить флот, цель и направление которого ему неизвестны. Он открыл огонь по ним, как того требовали давно существующие торговые правила, а не в качестве акта враждебности по отношению к англичанам. Шведы, напротив, остались нейтральными и позволили британским кораблям находиться поблизости в течение нескольких дней, не открывая по ним огня. Увидев такое дружественное отношение шведов, флот приблизился к их побережью и вышел из зоны досягаемости датских батарей, которые открыли огонь ядрами и снарядами, но все они упали более чем в двухстах ярдах от флота, который ушел без потери ни одного человека.

Шведы оправдали свое предательство тем, что в то время года было невозможно построить батареи, и что, даже если бы это было возможно, Дания не дала бы на это согласия, опасаясь, что Швеция возобновит свои старые претензии на половину богатых пошлин, взимаемых Данией со всех судов, проходящих через пролив. Возможно, в последнем оправдании было некоторое основание, но истинной причиной их поведения был страх вступить в войну с Англией. Наполеон говорит, что даже в то время года нескольких дней было бы достаточно, чтобы установить сотню орудий в батареях, и что у Швеции было гораздо больше времени, чем требовалось. И со ста орудиями по обе стороны пролива, обслуживаемыми умело и энергично, флот неизбежно понес бы такой ущерб, что стал бы непригодным для атаки Копенгагена.

По поводу этого отрывка мы замечаем:

1. Общее количество орудий и мортир в фортах пролива составляло всего сто шесть, в то время как флот имел более семнадцати сотен орудий; и все же, несмотря на это огромное превосходство более чем *шестнадцать к одному*, британский адмирал предпочел опасное прохождение Бельта, чтобы не подвергаться обстрелу этих наземных батарей.

2d. Путем переговоров и угроз мстью со стороны Англии он убедил небольшую шведскую батарею сохранять молчание и позволить флоту пройти мимо этого берега, вне досягаемости Кроненберга и Эльсинора.

3. Наполеон и лучшие английские писатели считают, что если бы шведская батарея была приведена в порядок и действовала совместно с датскими укреплениями, они могли бы нанести флоту такой ущерб, что он оказался бы неспособен к каким-либо серьезным попыткам захватить Копенгаген.

Теперь мы перейдем к рассмотрению обстоятельств, сопутствовавших атаке и обороне самого Копенгагена. Единственная сторона города, подверженная атаке тяжелых кораблей, — северная, где находится отмель, простирающаяся на значительное расстояние и оставляющая лишь очень узкий подход к центру города ([рис. 35](#)). На самой выдвинутой части этой отмели находятся батареи Crown, оснащенные в общей сложности восьмьюдесятью восемью пушками.⁽¹⁾ Вход в Балтийское море между Копенгагеном и Сальторном разделен на два канала банкой, называемой Мидл-Граунд, которая расположена прямо напротив Копенгагена. Для защиты входа слева от королевских батарей у устья канала были размещены четыре линейных корабля, один фрегат и две шлюпки, оснащенные в общей сложности тремястами пятьюдесятью восемью пушками. Чтобы защитить порт и город от бомбардировок с Королевского канала (между Мидл-Граунд и городом), у края отмели была пришвартована линия плавучих укреплений, укомплектованная в основном добровольцами. Эта линия состояла из старых корпусов судов, блокирующих кораблей, плоскодонок, плотов и т. д., несущих в общей сложности шестьсот двадцать восемь орудий — сила, достаточно сильная, чтобы предотвратить приближение бомбардирских кораблей и канонерских лодок

(цель, для которой она и была предназначена), но совершенно неспособная противостоять первоклассным военным кораблям; однако датчане полагали, что те не смогут приблизиться из-за сложностей навигации. Эти трудности были, безусловно, очень велики, и Нельсон заранее сказал, что «ветер, который может принести его сюда, скорее всего, не вынесет отсюда поврежденный корабль». Если бы датчане полагали, что Нельсон может приблизиться на своих больших кораблях, линия плавучих укреплений была бы сформирована ближе к Копенгагену, а правый фланг поддерживался бы батареями, установленными на острове Амак. «В таком случае, — говорит Наполеон, — Нельсон, вероятно, потерпел бы неудачу в своей атаке, поскольку ему было бы невозможно пройти между линией и берегом, укрепленным пушками». В действительности линия была слишком протяженной, чтобы быть сильной, а ее правый фланг был слишком далеко, чтобы получить помощь от батареи Амака. Часть флота осталась в качестве резерва под командованием адмирала Паркера, а остальные корабли под командованием Нельсона продвинулись к Королевскому каналу. Эта атакующая сила состояла из восьми линейных кораблей и тридцати шести меньших судов, несущих в общей сложности 1100 орудий (не включая шесть бриг с шестью орудиями, вооружение которых не указано). Один из кораблей с 74 пушками не смог вступить в бой, а два других сели на мель; однако, по словам лорда Нельсона, «хотя они и не находились в назначенном им месте, тем не менее их расположение оказалось очень полезным». Эти силы были сосредоточены на *части* датской линии плавучих укреплений, которая не только уступала им по огневой мощи на 382 орудия, но и находилась в таком положении, что не могла получить подкрепление и не имела шансов на спасение. Результат был предсказуем. Все корабли правого и центрального флангов этой внешней датской линии были захвачены или уничтожены, за исключением одного или двух небольших, которые ушли под защитой укреплений. Левая часть линии, поддерживаемая батареей Crown, осталась нетронутой. Дивизия фрегатов, надеясь обеспечить адекватную замену кораблям, предназначенным для атаки батарей, рискнула вступить с ними в бой, но «понесла значительные потери и, несмотря на все свои усилия, была вынуждена отказаться от этой затеи и отступить».

[21]

Некоторые авторы говорят только о шестидесяти восьми или семидесяти, но английские авторы обычно говорят о восьмидесяти восьми. Некоторые (видимо, чтобы увеличить блеск победы) делают это число еще больше.

Датские корабли, стоявшие у входа в канал, ведущий к городу, не подверглись нападению и не принимали существенного участия в сражении. Их следует учитывать в обороне на тех же основаниях, что и британские корабли резерва, которые должны быть включены в наступательные силы. Не было также использовано орудия на берегу, поскольку враг не продвинулся достаточно далеко, чтобы оказаться в пределах их дальности.

Батарея Crown находилась за датской линией и в основном была ею прикрыта. Только часть ее орудий могла быть использована для поддержки левого фланга этой линии и для отражения прямых атак фрегатов, что она и делала наиболее эффективно. Но теперь мы подошли к новой особенности этой битвы. Когда датская линия плавучих укреплений попала в руки англичан, дальность действия батареи «Crown» увеличилась, и ее мощь стала ощутимой. Нельсон увидел опасность, которой подвергался его флот, и, наконец убедившись в благоразумии сигнала адмирала об отступлении, «решил поднять якорь и выйти из сражения». Однако отступить с его нынешней позиции было чрезвычайно трудно и

опасно. Поэтому он решил попытаться заключить перемирие и отправил принцу-регенту следующее письмо:

«Лорд Нельсон получил приказ пощадить Данию, если она перестанет сопротивляться, но если Дания продолжит обстрел, лорд Нельсон будет вынужден поджечь все захваченные им плавучие батареи, не имея возможности спасти храбрых датчан, которые их защищали».

Это привело к перемирию, и как только боевые действия прекратились, три английских корабля, в том числе и тот, на котором находился сам Нельсон, сели на мель. «Они оказались в тисках гибели и никогда бы не спаслись, если бы батареи продолжили огонь. Поэтому они обязаны своим спасением этому перемирию». Вскоре была подписана конвенция, по которой все оставалось *in statu quo*, а флот адмирала Паркера получил разрешение пройти в Балтийское море. Эдвард Бейнс, способный английский историк войн Французской революции, говоря о просьбе Нельсона о перемирии, говорит: «Это письмо, в котором удачно сочетались политика и мужество, было написано в тот момент, когда лорд Нельсон понял, что из-за неблагоприятного ветра адмирал вряд ли сможет прийти на помощь; что *основные батареи* противника и корабли в устье гавани *остались нетронутыми*; что два корабля его собственного отряда сели на мель, а другие, скорее всего, постигнет та же участь». Кэмпбелл говорит, что эти батареи и корабли *«все еще оставались непокоренными*. Два из его [Нельсона] собственных кораблей сели на мель и подверглись сильному обстрелу; другие, если бы сражение продолжалось, могли бы подвергнуться аналогичной судьбе, в то время как он считал, что под обстрелом батарей практически невозможно было бы увести трофеи».

Что касается укреплений города, то, по словам летописца того времени, они не принесли никакой пользы, пока длилось сражение. «Они начали стрелять, когда враг захватил брошенные корабли, но в это же время появились переговорщики». Датский командующий, говоря об общей схватке между двумя линиями, говорит: «Батарея Crown вообще не вступила в бой». Английский писатель ясно говорит: «Укрепления Копенгагена остались абсолютно нетронутыми по окончании сражения». Английский историк полковник Митчел говорит: «Лорд Нельсон ни разу не выстрелил по городу или укреплениям Копенгагена; он уничтожил линию блокирующих кораблей, шлюпок и плавучих батарей, которые защищали морской подход к городу; и наследный принц, видя, что его столица подвергается опасности, был готов завершить перемирием войну, цель которой не была ни очень популярной, ни хорошо понятной. Поэтому результат сражения между Копенгагеном и британским флотом в конечном итоге остается совершенно неопределенным. БОМБАРДИРОВКА КОПЕНГАГЕНА НЕЛСОНОМ, как ее обычно называют, является, как и большинство других загадочных фраз того времени, простой комбинацией слов, не имеющей ни малейшего значения».

Британцы потеряли 943 человека убитыми и ранеными; потери датчан, по их собственным данным, подтвержденным французами, были лишь немногим выше. Англичане, однако, утверждают, что они составили 1600–1800 человек; но какими бы ни были потери, они почти исключительно ограничивались плавучими укреплениями и никоим образом не могут определять относительную точность прицеливания орудий на берегу и на плаву.

Приведенные нами факты и свидетельства неопровержимо доказывают следующее

1. Что из флота из пятидесяти двух кораблей и семнадцати сотен орудий, отправленного англичанами для нападения на Копенгаген, два корабля с сотней сорока восемью орудиями сели на мель или потерпели крушение; семь линейных кораблей и тридцать шесть меньших судов, несущих более тысячи орудий, были фактически введены в бой; остальные же были оставлены в резерве, чтобы действовать при первой благоприятной возможности.

2. Что датская линия плавучих укреплений, состоявшая в основном из корпусов, шлюпов, плотов и т. д., имела всего шестьсот двадцать восемь орудий всех типов; что стационарные батареи, поддерживавшие эту линию, имели не более восьмидесяти или девяноста орудий; и что как эти наземные, так и плавучие батареи были в основном укомплектованы *добровольцами*, которые и обслуживали орудия.

3. Стационарные батареи в системе обороны были либо полностью замаскированы, либо находились на таком расстоянии, что были бесполезны во время сражения между флотом и плавучими силами.

4. Те немногие орудия этих батарей, которые были приведены в боевую готовность благодаря положению плавучих укреплений, с небольшими или без потерь для себя и нанеся некоторый ущерб противнику, отразили значительно превосходящие силы фрегатов, которые их атаковали.

5. Линия плавучих укреплений была взята и в основном уничтожена, в то время как стационарные батареи остались невредимыми.

6. Укрепления города и острова Амак не подверглись нападению и не принимали участия в сражении.

7. Как только королевские батареи были раскрыты и начали действовать, Нельсон приготовился к отступлению, но, учитывая сложность этой задачи, он начал переговоры, угрожая с жестокостью, недостойной самых варварских веков, что, *если батареи не прекратят обстрел его кораблей, он сожжет все плавучие укрепления вместе с датскими пленными, находящимися в его владении*; и что это перемирие было заключено как раз вовремя, чтобы спасти его собственные корабли от уничтожения.

8. Следовательно, сражение при Копенгагене нельзя рассматривать как состязание между кораблями и фортами или как триумф кораблей над фортами: насколько это касается орудий на берегу, они продемонстрировали огромное превосходство над плавучими — превосходство, признанное и подтвержденное самими англичанами.

Константинополь. — Пролив Дарданеллы имеет длину около двенадцати лиг, ширину три мили у входа и около трех четвертей мили в самом узком месте. Его основными укреплениями являются внешний и внутренний замки Европы и Азии, а также замки Сестос и Абидос. Константинополь находится примерно в ста милях от входа в Мраморное море и почти на противоположном конце этого моря. Оборонительные сооружения пролива были запущены, на них было установлено лишь несколько орудий, а форты были лишь частично укомплектованы гарнизоном. В Константинополе не было установлено ни одного орудия и не было предпринято никаких приготовлений к обороне; более того, до приближения флота турки не определились, на чью сторону встать — англичан или французов, и даже тогда французскому послу с большим трудом удалось убедить их противостоять требованиям Дакфорта.

Британский флот состоял из шести линейных кораблей, двух фрегатов, двух шлюпов и нескольких бомбардирских кораблей, несущих 818 орудий (помимо тех, что были на бомбардирских кораблях). Адмирал Дакфорт прошел через Дарданеллы 19 февраля 1807 года, практически не встретив сопротивления. Поскольку это был турецкий праздничный день, солдаты скудного гарнизона наслаждались торжествами, и никто не остался обслуживать несколько орудий фортов, которые были подготовлены для обороны. Но пока адмирал ждал на Мраморном море результатов переговоров или благоприятного ветра,

чтобы начать атаку на Константинополь, укрепления этого города были приведены в порядок, и турки под руководством французских инженеров и артиллерийских офицеров активно занимались ремонтом оборонительных сооружений пролива. Кэмпбелл в своей «Истории военно-морского флота» пишет: «Адмирал Дакфорт теперь полностью осознал критическую ситуацию, в которой он оказался. Он, конечно, мог бы добиться успеха, если бы погода стала благоприятной, и бомбардировать Константинополь; но если бы бомбардировка не привела к полному успеху и не заставила турок пойти на мирные условия, ущерб, который он мог бы нанести городу, не компенсировал бы ущерб, который неизбежно понес бы его флот. С этим поврежденным и выведенным из строя флотом он должен был бы снова пройти через Дарданеллы, которые теперь были гораздо сильнее, чем когда он прошел через них».

В этих условиях адмирал решил отступить и 3 апреля прорвался через Дарданеллы, держа курс по середине пролива, пользуясь благоприятным и сильным течением. «Однако это спасение, — говорит Бейнс, — было лишь спасением от уничтожения, но ни в коем случае не от серьезных потерь и повреждений. * * * В каком случае за всю историю наших морских войн корабли получали столь же серьезные повреждения за столь короткое время, как в этой необычайной операции?» Описывая масштабы этих повреждений, мы будем рассматривать корабли в том порядке, в котором они спускались. У первого корабля было снесено рулевое колесо и сильно поврежден корпус, но он спасся, потеряв только трех человек. Каменный снаряд пробил второй корабль между кормой и квартердеком, сильно повредил бизань-мачту, снес штурвал и нанес другие серьезные повреждения, убив и ранив двадцать человек. Два снаряда попали в третий корабль, снеся его ванты и повредив мачты; потери убитыми и ранеными составили тридцать человек. У четвертого корабля была разрушена грот-мачта, потери составили шестнадцать человек. Пятый получил большой снаряд, шесть футов восемь дюймов в окружности, который проник в его нижнюю палубу; потери составили пятьдесят пять человек. Шестой не был поврежден. Седьмой был сильно поврежден, потери составили семнадцать человек. Восьмой не понес потерь. Девятый был настолько поврежден, что «если бы возникла необходимость поворачивать против ветра, он бы затонул»: его потери составили восемь человек. Десятый потерял двенадцать человек. Одиннадцатый был сильно поврежден, потеря составила восемь человек — в результате, общие потери при переходе через Дарданеллы составили сто шестьдесят семь человек, а за всю экспедицию — двести восемьдесят один человек, не считая двухсот пятидесяти человек, погибших при пожаре на корабле «Аякс».

Таково было воздействие на британский флот, пливший при благоприятном ветре и сильном течении мимо полувооруженных и полуукомплектованных фортов Дарданелл. Сам Дакфорт говорит, что «если бы он остался перед Константинополем намного дольше — до тех пор, пока форты не были бы полностью приведены в порядок — ему не было бы пути назад, и неизбежной жертвой эскадры пришлось бы пойти». Едва флот покинул пролив, как он (флот) был усилен восемью линейными кораблями; но даже с таким значительным увеличением сил англичане не рискнули возобновить сражение. Им удалось совершить самое удачное спасение. Генерал Жомини говорит, что если бы оборону вел более предприимчивый и опытный народ, экспедиция стоила бы англичанам всего их эскадрона.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный флоту, сами форты остались невредимыми. Англичане говорят, что их собственный огонь не принес результата, и что, по всей вероятности, снаряды даже не попадали в цель — «быстрая смена положения, вызванная попутным ветром и течением, не позволяла точно прицелиться». Состояние батарей, когда флот впервые прошел мимо, описывается в «Военно-морской истории» Джеймса следующим

образом: «Некоторые из них были ветхими, а другие — лишь частично укомплектованными и плохо укомплектованными». Алисон говорит: «Их позволили прийти в упадок. Замки Европы и Азии действительно возвышались в своем мрачном величии, утверждая господство Полумесяца в самой узкой части пролива, но их валы были устаревшими, их орудия частично демонтированы, а те, что остались, хотя и имели огромный калибр, были малопригодны для отражения быстроты и точности английского залпа».

Многое было сказано о том, что укрепления Дарданелл не герметично закрывали этот пролив (что и не ожидалось от них, даже если бы они были хорошо вооружены и укомплектованы), но забывают или полностью упускают из виду, что двенадцать *турецких линейных кораблей, два из которых были трехпалубными, и девять фрегатов с поднятыми парусами и, по-видимому, в полной боевой готовности, были заполнены войсками и находились в пределах линии укреплений; и все же эти военно-морские силы не оказали практически никакого влияния на захватчиков*. Об этом почти никогда не упоминается, поскольку это считается малозначительным средством обороны; и все же количество его орудий и затраты на его строительство и содержание вряд ли могли быть меньше, чем у незавершенных и наполовину вооруженных фортов, некоторые из которых были столь же древними, как и правление Амурата!

Алжир. Следующее повествование о нападении на Алжир в 1816 году взято из отчетов английских и голландских адмиралов, а также из других официальных и достоверных английских документов.

Атака была осуществлена объединенным флотом, состоящим из пяти линейных кораблей, восемнадцати или двадцати фрегатов и более мелких судов, а также пяти бомбардировщиков и нескольких ракетных катеров, на которых в общей сложности было установлено около тысячи орудий. Вооружение некоторых из более мелких судов не указано, но количество орудий на тех судах, вооружение которых известно, превышает девятьсот. Гавань и укрепления Алжира были предварительно обследованы капитаном Уордом из королевского флота под руководством лорда Эксмута; численность объединенного флота была определена в соответствии с информацией, полученной в ходе этого обследования — было взято ровно столько кораблей, сколько могло быть использовано с максимальной эффективностью против города, не подвергая себя ненужному риску. Кроме того, солдаты и офицеры были отобраны и подготовлены с учетом особенностей этой конкретной атаки.

Из обследования капитана Уорда и прилагаемой к нему карты следует, что вооружение всех укреплений Алжира и его окрестностей, включая набережные и участки, которые могли флангировать берег, составляло всего двести восемьдесят четыре орудия различного размера и типа, включая мортиры. Но далеко не все из них могли действовать против флота, стоящего на якоре. Другие английские источники указывают, что количество орудий, фактически противостоявших флоту, составляло от 220 до 230. Некоторые из них находились в небольших и удаленных батареях, в то время как почти весь флот был сосредоточен на укреплениях на мысе. (Рис. 36.) Предполагая, что в бою участвовала только одна бортовая сторона кораблей, соотношение сил, выраженное в количестве орудий, должно было быть примерно 5 к 2. Это благоприятное предположение для кораблей, поскольку мы знаем, что несколько из них, благодаря своему положению и смене якорной стоянки, могли вести огонь с обеих бортовых сторон; кроме того, ни в один момент времени все орудия набережных батарей не могли вести огонь по атакующим кораблям. В гавани находилось значительное количество алжирских судов, в том числе несколько военных кораблей, но они не были использованы для обороны и почти все были сожжены. Атакующие корабли захватили некоторые батареи и почти сразу же демонтировали их орудия. Стены казематированных

сооружений были настолько тонкими, что очень скоро были разрушены. Большинство алжирских орудий были плохо установлены, и многие из них стали бесполезными после первого залпа. У них не было печей для нагрева снарядов, и, поскольку «они заряжали свои орудия сыпучим порохом, засыпаемым ковшом», они не могли использовать горячие снаряды, даже если бы у них были печи. Корабли приблизились к фортам, и многие из них бросили якорь в намеченном месте, не вызвав ни одного выстрела из батарей. Бой начался в четверть третьего и полностью прекратился только в половине двенадцатого. Затем корабли воспользовались береговым бризом и, оттащившись и отбуксировавшись, смогли встать под паруса и бросить якорь вне досягаемости береговых батарей. Переговоры были возобновлены, и Дей сдал христианских рабов и согласился на условия договора.

Во время сражения флот «израсходовал почти сто восемнадцать тонн пороха и пятьдесят тысяч снарядов (весом более пятисот тонн железа), помимо девятисот шестидесяти трехнадцати и десятидюймовых снарядов (выпущенных бомбардировочными кораблями) и снарядов и ракет флотилии». Корабли были значительно повреждены, а их потери в убитых и раненых составили восемьсот восемьдесят три человека. Наземные батареи были сильно повреждены, и большая часть их орудий была выведена из строя. Их потери неизвестны; англичане признают, что не смогли получить никаких сведений об этом, но предполагают, что они были очень велики. Это кажется более чем вероятным, поскольку, помимо тех, кто фактически участвовал в обороне, большое количество людей собралось в фортах, чтобы понаблюдать за сражением. Любопытство было настолько велико, что, когда началось сражение, парапеты были покрыты толпой, наблюдавшей за маневрами кораблей. Чтобы избежать такой ненужной и неизбежной бойни, лорд Эксмут (проявив человечность, которая делает ему большую честь) жестом руки приказал невежественным несчастным уйти в безопасное место. Потери жизней в батареях, сгорание зданий в городе и вокруг мола, полное уничтожение их флота и торговых судов, стоящих на якоре у мола и в гавани, оказали угнетающее воздействие на жителей и, вероятно, сыграли большую роль в обеспечении почетного заключения договора, чем повреждения, полученные батареями. Мы хорошо знаем, что эти батареи, хотя и были сильно повреждены, *не были выведены из строя*, когда лорд Эксмут воспользовался береговым бризом и отплыл за пределы их досягаемости. Корабли отступили: во-первых, потому что они были сильно повреждены, а их боеприпасы почти исчерпаны; во-вторых, чтобы уйти из столь опасного места в случае шторма; и, в-третьих, чтобы выйти из зоны досягаемости алжирских батарей. Лорд Эксмут сам приводит эти причины для отступления и говорит: «Сухопутный ветер спас мне многих доблестных товарищей». Вице-адмирал фон де Капеллан в своем отчете о сражении высказывает то же мнение: *«Во время этого отступления, — говорит он, — которое из-за отсутствия ветра и повреждений такелажа было очень медленным, корабли по-прежнему сильно страдали от нового и удвоенного огня вражеских батарей; наконец, поднялся береговой ветер»* и т. д. Английский офицер, принимавший участие в этом сражении, говорит: «Нам повезло, что поднялся береговой ветер, иначе мы бы никогда не выбрались оттуда, и одному Богу известно, какова была бы наша судьба, если бы мы остались там на всю ночь».

Поэтому мотивы отступления не могут вызывать сомнений. Если бы арабы в течение ночи усердно приготовились к новому сражению, переустановив свои пушки и разместив другие за руинами павших батарей, — другими словами, если бы теперь эти работы были переданы в руки столь же умелые и опытные, как англичане, сражение было бы далеко от завершения. Но (используя слова Совета обороны) лорд Эксмут полагался на эффект, произведенный на людей его ужасной канонадой, и результат доказывает, что он был прав. Его стремление убрать корабли из боя показывает, что существовала сила, которая все еще не была побеждена, и он счел лучшим оставить ее под контролем страдающего населения города,

чем поддерживать ее в состоянии возмущения и активности своим присутствием. Что же было этой силой, как не непокоренная энергия батарей?

Итак, истинное решение вопроса заключается не столько в объеме ущерба, нанесенного той или иной стороне — особенно с учетом того, что на одной стороне помимо батарей страдал и город, — сколько в относительной эффективности сторон по окончании сражения. Если отбросить в сторону всю политическую агитацию и народный шум, каким был бы результат, если бы сражение продолжалось или если бы лорд Эксмут возобновил его на следующее утро? На эти вопросы можно ответить только предположениями, но то, как закончилась битва, безусловно, оставляет место для многих сомнений: если бы последующие требования лорда Эксмута были отклонены, имел ли он возможность обеспечить их выполнение с помощью своих кораблей; и действительно ли, если бы он возобновил сражение, он не потерпел бы сокрушительного поражения. В целом, мы не считаем, что эта битва, хотя она и является выдающимся примером морского успеха над батареями, представляет собой аргумент, который может поколебать уверенность в том, что хорошо расположенные, хорошо спланированные и хорошо защищенные укрепления заслуживают доверия как средства защиты побережья.

Мы не можем не считать эти выводы справедливыми, когда анализируем все обстоятельства дела. Высокий авторитет, мастерство и храбрость атакующих сил; их огромное превосходство по количеству орудий, без излишних человеческих жертв; устаревшие и плохо управляемые оборонительные сооружения, полное отсутствие навыков у алжирских артиллеристов и пренебрежение обычными средствами подготовки; суровое возмездие, которое эти плохо обслуживаемые орудия нанесли кораблям противника, — возмездие, гораздо более ужасное, чем то, которое нанесли французский или голландский флоты в своих самых ожесточенных морских сражениях с кораблями того же противника, — из этих фактов мы должны думать, что те, кто так готов сделать из этого случая выводы, неблагоприятные для использования наземных батарей в качестве средства защиты от судов, знают очень мало о природе этого противостояния.

Один известный английский историк, говоря об этой атаке, говорит: «Это мало имеет отношение к делу, разве что для того, чтобы доказать, чего могут достичь флоты против городов, находящихся в точно таких же условиях, расположенных и управляемых. Алжир расположен на амфитеатре холмов, спускающихся к морю, и поэтому представляет собой самую подходящую мишень для огня вражеских кораблей. Но где находится столица, расположенная точно так же, что мы когда-либо сможем ее атаковать? А что касается уничтожения нескольких второстепенных городов, то даже если это и возможно, это низкий, недостойный вид войны, который никогда ничего не давал. Необходимо также принять во внимание тяжелые потери, понесенные перед Алжиром, поскольку они были нанесены исключительно алжирской артиллерией и были гораздо меньше, чем можно было бы ожидать от сражения с батареями, укомплектованными солдатами, обученными офицерами, обладающими навыками и знаниями не только в области обращения с орудиями, но и в бесконечных мелочах, необходимых для поддержания всего артиллерийского имущества в надлежащем состоянии, обеспечивающем его грозную эффективность».

Сан-Хуан-д'Уллоа. Следующие факты, касающиеся нападения французов на Сан-Хуан-д'Уллоа в 1838 году, взяты в основном из отчета французского инженерного офицера, который был одним из участников экспедиции.

Французский флот состоял из четырех кораблей, несущих сто восемьдесят восемь орудий, двух вооруженных пароходов и двух бомбардирских шлюпок с четырьмя большими

мортирами. Общее количество орудий всех типов, найденных в форте, составляло сто восемьдесят семь; однако большая часть из них предназначалась для обороны суши. (Рис. 37.)

[illegible]

[22]

См. также House Doc. No. 206, двадцать шестой Конгресс, первая сессия

В целом из вышеупомянутого отчета следует, что количество орудий, фактически примененных плавучими силами (считая только один борт корабля), составило *девятьюсто четыре орудия, помимо четырех тяжелых морских мортир*; что общее количество орудий, примененных в форте, составило всего *девятнадцать, включая орудия самого маленького калибра*; что эти орудия были в целом настолько малы и неэффективны, что их ядра не могли пробить борта обычных атакующих фрегатов; основной ущерб, нанесенный крепости, был вызван взрывом пороховых погребов, которые были неудачно расположены и ненадлежащим образом закреплены; что крепость, хотя и построенная из плохих материалов, была лишь слегка повреждена французским огнем; что мексиканцы продемонстрировали свое незнание обычных средств обороны и покинули свои укрепления, когда было выведено из строя лишь несколько их орудий; что, несмотря на все обстоятельства, благоприятные для французов, их убитые и раненые, в соотношении с орудиями, действовавшими против них, превышали потери англичан в битве при Трафальгаре более чем в *четыре раза*!

Сен-Жан-д'Акр. — В рассказах того времени содержались самые преувеличенные сведения об английском нападении на Сен-Жан-д'Акр; однако теперь основные факты, связанные с этим нападением, полностью подтверждены. Что касается численности флота, мы цитируем

официальные британские документы, а что касается численности форта — брошюру подполковника Матушевца. Эти утверждения в основном подтверждаются недавно опубликованными рассказами нескольких английских и французских очевидцев.

Укрепления были построены из некачественных материалов, устарели по своему плану и сильно обветшали. Все их вооружение насчитывало всего двести орудий, некоторые из которых были просто полевыми. Набережные были вооружены ста пушками и шестнадцатью мортирами, включая те, что были меньшего калибра. (Рис. 38.) Когда к ним приблизился британский флот, укрепления находились в процессе ремонта и, по словам коммодора Нейпира, «быстро готовились к отражению атаки».

Британский флот состоял из восьми линейных кораблей, несущих шестьсот сорок шесть орудий; шести фрегатов, несущих двести тридцать шесть орудий; четырех пароходов, несущих восемнадцать орудий; и двух или трех других судов, сила которых не указана. «Лишь несколько орудий, — говорит Нейпир, — защищали подход с севера», и большинство кораблей прибыло именно с этого направления. Западный фронт был вооружен примерно сорока пушками, но против него выступили шесть кораблей и два парохода, несущие около пятисот орудий. Их огонь был огромным во время сражения, но *брешь в стенах не была пробита*. Южный фронт был вооружен частично тяжелой артиллерией, частично полевыми орудиями. Этот фронт был атакован шестью кораблями и двумя пароходами, несущими более двухсот орудий. Восточный фронт был вооружен только легкой артиллерией; против него была сосредоточена остальная часть флота, несущая около двухсот сорока орудий. Орудия укреплений были настолько плохо установлены, что лишь немногие из них могли быть использованы; и те, из-за конструкции форта, не могли достичь кораблей, хотя те стояли на якоре в непосредственной близости от стен. «Только пять из их орудий, — говорит Нейпир, — размещенных в фланговой батарее, были хорошо обслужены и ни разу не промахнулись, но они были нацелены слишком высоко и повредили только наши реи и такелаж». Камень был такого плохого качества, говорит полковник Матушевски, что стены, по которым стреляли, снаружи выглядели разрушенными, но нигде не были серьезно повреждены. По словам Нейпера, *«они не были пробиты, и решительный враг мог бы оставаться в безопасности под брустверами или в многочисленных казематах, не понеся больших потерь»*. Случайный взрыв склада внутри форта, в котором хранилось шесть тысяч бочек пороха, разрушил площадь в шестьдесят тысяч квадратных ярдов, пробил большой пролом в стенах укреплений, частично разрушил тюрьмы и убил и ранил тысячу человек гарнизона. Это страшное бедствие, по словам французского отчета, ускорило триумф флота. Пленники и преступники, таким образом освободившиеся из заключения, бросились на гарнизон одновременно с горцами, которые осаждали это место со стороны суши. Бесполезность артиллерии, проломы в форте, атаки англичан — все это вместе взятое вынудило гарнизон отступить «среди сцен кровопролития и жестоких убийств».

Мы завершим этот отчет следующим отрывком из речи герцога Веллингтона в Палате лордов 4 февраля 1841 года: «У него был небольшой опыт в подобных операциях, — сказал он, — и он считал своим долгом предупредить их светлости, что они не должны всегда ожидать, что корабли, какими бы хорошо управляемыми они ни были и какими бы доблестными ни были их моряки, способны обычно успешно сражаться с каменными стенами. За всю свою службу он не помнил, за исключением недавнего случая на побережье Сирии, чтобы корабли захватывали какую-либо крепость, за исключением случая два или три года назад, когда

французский флот захватил крепость Сан-Хуан-д'Уллоа. Это был, по его мнению, единственный случай, который он помнил, хотя он полагал, что нечто подобное произошло при осаде Гаваны в 1763 году. Он считал нынешнее достижение одним из величайших в современности. Таково было его мнение, и он выразил высочайшую признательность тем, кто совершил такой подвиг. В целом это была очень умелая операция. Он был очень удивлен небольшим количеством погибших на борту флота и, поинтересовавшись, как это произошло, узнал, что это было связано с тем, что корабли были пришвартованы на расстоянии, составляющем одну треть от обычного. Пушки крепости были рассчитаны на поражение целей на большем расстоянии, в результате чего снаряды пролетали над кораблями, которые были пришвартованы на расстоянии, в три раза меньшем обычного. Благодаря этому они понесли не более одной десятой тех потерь, которые понесли бы в противном случае. Не менее пятисот орудий были направлены на стены, и точность, с которой велся огонь, расположение кораблей и, наконец, взрыв большого склада — все это способствовало достижению этой великой победы за столь короткое время. Он счел правильным сказать об этом, потому что хотел предупредить общественность о том, что подобные деяния не могут совершаться каждый день. Он повторил бы, что это был единичный случай, в котором, несомненно, проявилось большое мастерство, но который был также связан с особыми обстоятельствами, на которые нельзя всегда рассчитывать. Поэтому не следует считать само собой разумеющимся, что все подобные попытки обязательно увенчаются успехом».

Завершив рассмотрение способности наземных батарей противостоять, орудие за орудием, морским силам, давайте на несколько минут рассмотрим возражение, которое иногда выдвигается против использования укреплений для защиты морского побережья, а именно: *что наши морские города и арсеналы могут быть лучше и более экономично защищены домашней эскадрой.*

Мы уже упоминали о невозможности заменить одно средство обороны другим. Эффективность штыка ни в коем случае не позволяет нам обойтись без артиллерии, а ценность инженерных войск при переходе рек, а также при атаке и обороне фортов не делает кавалерию менее необходимой в других операциях военной кампании. Только на флот мы должны полагаться в вопросах обороны нашего судоходства в открытом море, но он не может заменить укрепления в защите наших гаваней, бухт, рек, арсеналов и торговых городов.

Рассмотрим конкретный пример. Для обороны города Нью-Йорка считается чрезвычайно важным, чтобы Ист-Ривер был закрыт для подхода вражеского флота по крайней мере в пятнадцати или двадцати милях от города, так чтобы высадившаяся там армия должна была пересечь ручей Вестчестер, Бронкс, реку Гарлем и ущелья Гарлем-Хайтс — препятствия, имеющие большое значение для разумной обороны. Для этой цели выбрано место Трогс-Нек; установленные там пушки не только контролируют пролив, но и, благодаря изгибам реки, охватывают его на большом расстоянии вверх и вниз по течению. Ни одно другое место, даже в самом проливе, не обладает такими же преимуществами. Следовательно, если бы у нас были только военно-морские средства обороны, было бы лучше, если бы это было возможно, разместить плавучие укрепления именно в этом месте. Если полностью исключить из рассмотрения вопрос об относительной силе, то одно только *расположение* придаст форту превосходную эффективность. Но есть и другие соображения, не менее важные, чем расположение. Форт Скайлер может быть укомплектован гарнизоном и частично защищен теми же силами ополчения, которые будут использованы для предотвращения марша вражеской армии на город. С другой стороны, экипажи плавучих

укреплений должны состоять из моряков, которые, следовательно, будут менее ценны в последующих наземных операциях. Кроме того, форты, расположенные так, как этот, могут быть спроектированы таким образом, чтобы на любую часть канала можно было направить большее количество орудий, чем может быть представлено любой вражеской эскадрой против соответствующей части форта. Этот результат может быть достигнут без особых трудностей в узких проливах, как это сделано в большинстве других сооружений для защиты Нью-Йорка, Бостона, Ньюпорта, Филадельфии, Балтимора, Чарльстона, Саванны, Нового Орлеана и т. д., и приближение к нему не противоречит защите более широких устьев рек, таких как Чесапик.

Но давайте предположим, что в устьях наших гаваней нет таких точек суши и что мы полагаемся исключительно на военно-морские силы для обороны. Оставим в стороне безопасность всех наших других гаваней и нашей торговли в открытом море, а также важность наличия средств для атаки побережья противника в отсутствие его флота. Возьмем единственный случай нападения на гавань Нью-Йорка, когда весь наш флот сосредоточен там. Теперь, если этот флот равен по численности флоту противника, шансы на успех можно считать равными; если он уступает, шансы против нас — ведь нападающая сила, вероятно, будет состоять из отборных людей и лучшего снаряжения. Но здесь последствия победы очень неравны: враг может потерять только свой эскадрон, в то время как мы подвергаем опасности как наш эскадрон, так и объекты, которые он призван защищать. Если мы предположим, что наши военно-морские силы превосходят силы врага, то защита этой гавани будет во всех отношениях полной, при условии, что эти силы никогда не покинут гавань. Но тогда вся торговля страны на океане должна быть предоставлена на произвол судьбы; и никаких попыток нанести ответный удар по врагу нельзя предпринимать, если мы не можем контролировать вероятность обнаружения вражеских флотов в его портах и еще более неопределенную вероятность удержания их там; побег одного-единственного судна достаточно, чтобы привести к потере нашей гавани.

Эти замечания основаны на предположении, что у нас есть только одна гавань — Нью-Йорк, тогда как Портленд, Портсмут, Бостон, Ньюпорт, Делавэр, Чесапик, Чарльстон, Саванна, Пенсакола, Мобил, Новый Орлеан и многие другие места в равной степени открыты для атаки и поэтому должны быть в равной степени защищены, поскольку мы не знаем, на что враг направит свои атаки. Если он прибудет в одно из этих мест в отсутствие нашего флота, его цель будет достигнута без сопротивления; или, если все его силы будут сосредоточены на одном, но слабо защищенном месте, мы подвергнем флот и гавань неизбежной гибели. Может ли наш флот быть организован таким образом, чтобы противостоять этим предприятиям?

«Поскольку нельзя отрицать, что враг может выбрать точку атаки на всем протяжении побережья, где же предвидение, которое может указать это место? И если это невозможно предсказать, как обеспечить повсеместное присутствие, которое всегда будет ставить наш флот на пути наступающего врага? Предположим, мы попытаемся прикрыть побережье, курсируя перед ним, должны ли мы прочесать всю его длину — расстояние, едва ли меньшее, чем то, которое враг должен преодолеть, проходя от своего побережья к нашему? Должен ли быть прочесан Мексиканский залив, а также Атлантический океан, или мы должны сдать залив врагу? Должны ли мы прикрывать южные города или тоже сдать? Мы, несомненно, должны сделать одно из двух: либо отказаться от большей части побережья, ограничив наши крейсера только небольшой частью, либо включить в зону прикрытия столько, что шансы перехватить врага будут казаться нереальными».

«Что касается возможности охранять небольшой участок побережья, патрулируя его, или, другими словами, возможности предвидеть действия врага, обнаружить цель его передвижений, о которых мы не имеем ни малейшего представления и о которых не слышим никаких известий, и увидеть следы его передвижений на поверхности океана, то здесь, возможно, стоит обратиться к опыту».

Морская мощь Испании при Филиппе II была практически неограниченной. Имея в своем распоряжении сокровища Индии и Америки, оснащение флота из ста пятидесяти или двухсот кораблей для вторжения в другую страну не было чем-то сверхсложным. Тем не менее, эта морская сила была малоэффективна в качестве береговой обороны. Ее эффективность в этом отношении была хорошо проверена в 1596 году. Англия и Голландия атаковали Кадис объединенным флотом из 170 кораблей, который вошел в бухту Кадиса, не будучи ни разу замеченным испанским флотом при приближении к их побережью. Этот же эскадрон, возвращаясь в Англию, прошел вдоль большей части испанского побережья, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны бесчисленных испанских плавучих оборонительных сооружений.

В 1744 году французский флот из двадцати кораблей и сухопутные войска численностью двадцать две тысячи человек отплыли из Бреста к английскому побережью, не встретив никакого сопротивления со стороны превосходящего британского флота, который был отправлен под командованием сэра Джона Норриса специально для их перехвата. Высадка войск была предотвращена штормом, который загнал флот обратно к побережью Франции в поисках укрытия.

В 1755 году французский флот из двадцати пяти линейных кораблей и множества более мелких судов отплыл из Бреста в Америку. Девять из них вскоре вернулись во Францию, а остальные продолжили путь к заливу Святого Лаврентия. Английский флот из семнадцати линейных кораблей и нескольких фрегатов был отправлен для их перехвата, но два флота прошли мимо друг друга в густом тумане, и все французские корабли, за исключением двух, благополучно достигли Квебека.

В 1759 году французский флот, блокированный в порту Дюнкерка британскими силами под командованием коммодора Богса, воспользовавшись благоприятной возможностью, сбежал от врага, атаковал побережье Шотландии, высадился в Каррикфергусе и курсировал до февраля 1760 года, не встретив ни одного британского корабля, хотя шестьдесят один линейный корабль был тогда размещен у побережья Англии и Франции, и несколько из них фактически преследовали его.

В 1796 году, когда французы попытались ввести армию Хоша в Ирландию, британский флот приложил все усилия, чтобы перехватить французский флот на пути следования. Флот Ла-Манша, состоявший из почти тридцати линейных кораблей под командованием лорда Бридпорта, был размещен в Спитхед; сэр Роджер Кертис с меньшими силами курсировал на запад; вице-адмирал Колпойс был размещен у Бреста с тринадцатью линейными кораблями; а сэр Эдвард Пеллью (впоследствии лорд Эксмут) наблюдал за гаванью с небольшим эскадром фрегатов. Несмотря на эту тройную плавучую защиту, как ее называли — один флот у побережья врага, второй в Даунс, а третий у собственных берегов — французский флот из сорока четырех кораблей, перевозивший сухопутные войска численностью двадцать пять тысяч человек, благополучно достиг залива Бантри! Этот флот шел восемь дней, а еще три дня ушло на высадку войск; и большинство кораблей могли бы благополучно вернуться в Брест, если бы не бедствия, вызванные штормами, потому что только *один* из всего их числа был перехвачен огромными военно-морскими силами,

которые Англия собрала специально для этой цели. «Результат этой экспедиции, — говорит Элисон, — был полон важных уроков для правителей обеих стран. Для французов он продемонстрировал чрезвычайные риски, сопутствующие морской экспедиции по сравнению с сухопутной кампанией; небольшое количество войск, которые можно разместить на борту даже большого флота; и непредвиденные бедствия, которые часто, на этом элементе, сводят на нет даже самые тщательно спланированные предприятия. Для англичан — как доказательство того, *что господство на морях не всегда обеспечивает защиту от вторжения*; что, несмотря на превосходство морских сил, их владения в течение шестнадцати дней находились во власти врага; и что ни мастерство их моряков, ни доблесть их армий, а только ярость стихии спасли их от опасности в самой уязвимой части их владений. Хотя эти соображения призваны ослабить уверенность в возможности вторжения, они в то же время рассчитаны на то, чтобы ослабить чрезмерную уверенность в морском превосходстве и продемонстрировать, что *единственной основой, на которую можно положиться с уверенностью, даже для островной державы, является хорошо дисциплинированная армия и патриотизм ее подданных*».

Последующие события еще больше подтвердили справедливость этих замечаний. В следующем году французская эскадра из двух фрегатов и двух шлюпов беспрепятственно прошла мимо британского флота, уничтожила суда в порту Илфракомб и благополучно высадила свои войска на побережье Уэльса. В 1798 году огромные британские военно-морские силы снова не смогли предотвратить высадку армии генерала Гумберта в бухте Киллала, а в конце того же года французская эскадра из девяти кораблей и трех тысяч человек ускользнула от эскадры сэра Дж. Б. Уоррена и благополучно достигла побережья Ирландии. В качестве дополнительной иллюстрации приведем цитату из отчета Совета национальной обороны 1839 года.

В 1798 году тулонский флот, состоявший из примерно двадцати линейных кораблей и двадцати меньших военных судов, а также многочисленных транспортных кораблей, в общей сложности насчитывавший триста кораблей и сорок тысяч солдат, вышел из порта и отплыл на Мальту. «За ним последовал Нельсон, который, правильно полагая, что они направляются в Египет, взял курс прямо на Александрию. Французы, направляясь к Кандии, выбрали более окольный путь, так что Нельсон прибыл в Александрию раньше них и, не найдя их там, вернулся через Караманию и Кандию на Сицилию, не встретив противника ни в одном из проходов. Отправившись снова в Александрию, он обнаружил французский флот на якоре в бухте Абукир и, атаковав его там, одержал памятную победу на Ниле. Если учесть узость моря, многочисленность кораблей французского флота, фактическое пересечение двух флотов в определенную ночь и то, что Нельсон, несмотря на это, не мог увидеть врага и не слышал о нем ничего от торговых судов, то можно судить о вероятности засады на противника в широком Атлантическом океане.

«Побег другого тулонского флота в 1805 году; длительные поиски его в Средиземном море тем же способным офицером; преследование в Вест-Индии; уклонение от него среди островов; возвращение в Европу; его тщетные усилия впоследствии вдоль побережья Португалии, в Бискайском заливе и у берегов Ла-Манша; и, наконец, встреча в Трафальгаре, произошедшая только потому, что объединенные флоты, полагаясь на превосходство, которое давало поступление нескольких подкреплений, были готовы испытать исход сражения — это примеры из многих, которые можно привести, чтобы показать, насколько мала вероятность встретить в океане врага, желающего избежать встречи, и как мало могут сделать для уменьшения неблагоприятных шансов самый неутомимый энтузиазм, самая неустанная деятельность, самые высокие профессиональные навыки и суждения. Более года

Нельсон внимательно следил за своим врагом, который, по-видимому, вышел из порта, как только был к этому готов, и не привлек внимания ни одного из кораблей блокирующего эскадрона. Выйдя в море, Нельсон, совершенно не зная, каким курсом пошел Вильнёв, тщетно искал его у побережья Египта. Разбросанный штормами, французский флот снова укрылся в Тулоне, откуда, после переоборудования и подготовки, снова вышел в море и присоединился к испанскому флоту в Кадисе».

«Благодаря мужеству, мастерству, бдительности и мудрости, которые, по общему мнению, в высшей степени присущи военно-морской профессии в этой стране, эта система обороны позволяет достичь, несмотря на целый ряд непредвиденных обстоятельств, столь важных целей, что никакие сомнения или опасения относительно результата недопустимы. Она требует от военно-морского флота безупречного и безошибочного выполнения того, что, казалось бы, невозможно выполнить вообще. От флота требуется знать тайные намерения врага, несмотря на расстояние и прерывистые связи в условиях войны, даже до того, как эти намерения станут известны лидеру, который должен их выполнить; более того, до того, как сами намерения будут сформированы. В условиях, когда человек является лишь игрушкой в руках стихии, от флота требуется выжидать врага в точном месте и в точное время, несмотря на погоду и время года; увидеть его, несмотря на туман и темноту».

«Наконец, после того как все устройства и средства системы удовлетворительно выполнены, а все трудности преодолены, она подчиняет исход одной битвы на равных условиях судьбе войны, не имея никакой надежды или резерва».

«Настоящая обязанность нашего флота — не защита побережья или рек; у него есть более славная сфера деятельности — *наступательная*. В нашей последней войне, вместо того чтобы лежать в гавани и довольствоваться тем, что они держат под наблюдением несколько больше судов противника, чем их собственных, — вместо того чтобы оставлять торговый флот противника в покое, наслаждаться морем, а наш торговый флот — без поддержки и помощи, они рассеялись по широкой поверхности океана, проникли в самые отдаленные моря и повсюду действовали с блестящим успехом против судоходства противника. Более того, мы считаем, что по сумме уничтоженного таким образом имущества противника, защищенного или возвращенного американского имущества, а также по количеству вражеских кораблей, которые преследовали наши разбросанные суда, уклонялись от них, если были сильнее, и побеждали, если были равны по силе, они принесли тысячекратную пользу, не говоря уже о славе, которую они принесли нации, и характер, который они придали ей, чем любая другая, которая могла бы быть результатом пассивности в гаванях. Уверенные в том, что это является истинной политикой в отношении использования военно-морского флота, мы не сомневаемся, что в будущем она будет осуществляться, как и в прошлом, и что результаты, как в отношении чести, так и преимуществ, будут расширяться пропорционально ее собственному расширению. Однако для того, чтобы флот всегда мог принимать и поддерживать активную и энергичную позицию в наступательных операциях, что в то же время вполне соответствует его функциям и духу, мы показали, что он не должен заниматься исключительно защитой побережья».

Несколько замечаний о относительной стоимости кораблей и фортов, а также об экономичности их содержания, и мы завершим это обсуждение. Однако мы не считаем этот вопрос особенно важным, поскольку он редко может быть решающим при выборе одного из этих двух средств обороны. Независимо от их относительной стоимости, одно часто не может заменить другое. Однако есть несколько случаев, когда это может быть принято во внимание и будет иметь решающее значение. Попробуем проиллюстрировать нашу мысль. Для защиты города Нью-Йорка пролив Нарроуз и река Ист-Ривер должны быть защищены

фортами; в этом случае корабли не могут быть использованы в качестве замены. Но давайте предположим, что *внешняя* гавань Нью-Йорка не предоставляет благоприятного места для высадки войск или что место высадки находится настолько далеко, что войска не могут достичь города до того, как оборонительные силы будут готовы отразить их. Эта внешняя гавань будет иметь большое значение для врага как укрытие от штормов и как место высадки или сбора перед силовым проходом через пролив Нарроуз; в то время как для нас ее владение не будет абсолютно необходимым, хотя и очень важным. Крепкие укрепления на Сэнди-Хук и на одном из отмелей, вероятно, могли бы быть построены таким образом, чтобы обеспечить довольно надежную защиту входа в эту внешнюю гавань; с другой стороны, военно-морские силы, дислоцированные во внутренней гавани и действующие под защитой фортов в проливе, также могли бы обеспечить хорошую, хотя и, возможно, менее надежную защиту этой внешней рейде. Здесь мы могли бы рассмотреть вопрос о относительной стоимости и экономичности поддержки предлагаемых укреплений и о домашнем флоте, достаточно большом, чтобы достичь той же цели, и который должен постоянно находиться *на месте* для этой специальной цели. Если бы мы позволили ему выходить в море для защиты нашего торгового флота, он утратил бы свой характер и эффективность в качестве защиты *гавани*. Поэтому мы можем рассматривать его только как местную силу, ограниченную пределами обороны этого конкретного места, и наши оценки должны быть сделаны соответственно.

Средняя долговечность военных кораблей британского флота, по разным данным, составляет от семи до восьми лет в военное время и от десяти до двенадцати-четырнадцати лет в мирное время. Г-н Перринг в своей «Краткой справке», опубликованной в 1812 году, оценивает среднюю долговечность примерно в восемь лет. Его расчеты, по-видимому, основаны на достоверной информации. Недавно известный английский писатель пришел к тому же результату, основываясь на оценках, сделанных на основе отчетов Адмиралтейства за период войн Французской революции. Данные, которыми мы располагаем, менее полны; ассигнования на *строительство* и *ремонт* были израсходованы таким образом, что невозможно провести четкую грань между ними. Однако в отчетах, которые мы имеем в настоящее время, обычно указываются отдельные и разные объемы *древесины*, использованной для этих двух целей; следовательно, в том, что касается этой (основной статьи расходов), мы можем провести довольно точные сравнения.

Согласно Эджу (стр. 20, 21), средняя стоимость древесины для корпусов, мачт и реев при *строительстве* английского корабля с 74 пушками составляет 61 382 фунта стерлингов. Давайте теперь сравним эту стоимость древесины для *строительства* с стоимостью того же материала для *ремонта* следующих пятнадцати кораблей в период с 1800 по 1820 год. Список мог бы быть еще больше, но данные по другим кораблям за часть вышеуказанного периода являются неполными:

Название корабля	Количество орудий	Год постройки	Ремонт с	Стоимость
Месть	74		1800–1807	84 720
Ильдефонсо	74		1807–1808	85 195
Сципион	74		1807–1809	60 785
Тремэндус	74		1807–1810	135 397
Слоны	74		1808–1811	67 007
Спенсер	74	1800	1809–1813	124 186
Ромул	74		1810–1812	73 141

Альбион	74	1802	1810–1813	102 295
Донегол	74		1812–1815	101 367
Неумолимый	74		1813–1815	59 865
Прославленный	74	1803	1813–1816	74 184
Нортумберленд	74		1814–1815	59 795
Кент	74		1814–1818	88 357
Султан	74	1807	1816–1818	61 518
Замок Стерлинг	74		1816–1818	65 280

Эта таблица, хотя и неполная, показывает, что за период менее двадцати лет на ремонт вышеуказанных пятнадцати кораблей *только* на *древесину* было потрачено в среднем около 400 000 долларов на каждый корабль. По всей вероятности, на те же суда было использовано больше древесины, которая оплачивалась из средств, выделенных «на те суда, которые могут быть отправлены на ремонт в течение года». Но сумма, специально выделенная на древесину для этих пятнадцати судов, каждые двенадцать или пятнадцать лет равнялась бы полной *первоначальной стоимости* тех же судов. Если к этой сумме добавить стоимость труда, необходимого для применения древесины при ремонтных работах, и принять во внимание расходы на другие материалы и труд, а также изношенное состояние многих кораблей в конце этого периода, то неудивительно, что общая сумма *расходов* по этим статьям равна первоначальной стоимости даже при минимальной оценке в семь лет. Общая стоимость древесины, использованной для корпусов, мачт и реев при строительстве в период с 1800 по 1820 год, составила 18 727 551 фунт стерлингов; на ремонт и «обычный износ» — 17 449 780 фунтов стерлингов; что составляет в среднем 4 560 158 долларов в год на строительную древесину и 4 273 371 доллар на древесину, используемую для ремонта. Большая часть *построенных* судов предназначалась для замены других, которые были потеряны или находились в таком ветхом состоянии, что их пришлось списать.

Но здесь уместно добавить, что фактические ассигнования, выделенные на морскую службу, износ и чрезвычайные расходы на строительство и ремонт кораблей с 1800 по 1815 год.

Год	На износ судов.	Дополнительные расходы на строительство, ремонт и т. д.	На всю морскую службу.
1800	4 350 000 фунтов	772 140	13 619 079
1801	5 850 000	933 900	16 577 037
1802	3 684 000	773 500	11 833 571
1803	3 120 000	901 140	10 211 378
1804	3 900 000	948 520	12 350 606
1805	4 680 000	1 553 690	15 035 630
1806	4 680 000	1 980 830	18 864 341
1807	5 070 000	2 134 903	17 400 337
1808	5 070 000	2 351 188	18 087 544

1809	3 295 500	2 296 030	19 578 467
1810	3 295 500	1 841 107	18 975 120
1811	3 675 750	2 046 200	19 822 000
1812	3 675 750	1 696 621	19 305 759
1813	3 549 000	2 822 031	20 096 709
1814	3 268 000	2 086 274	19 312 070
1815	2 386 500	2 116 710	19 032 700

Из этой таблицы следует, что ассигнования на эти цели в течение первых пятнадцати лет нынешнего века составляли чуть менее *девятиста миллионов* долларов в год, а на износ кораблей и «чрезвычайные расходы на строительство и ремонт кораблей и т. д.» ежегодные ассигнования составляли около *тридцати миллионов*.

Наши собственные отчеты о военно-морском флоте также настолько неполны, что невозможно составить точную оценку относительной стоимости строительства и ремонта наших военных кораблей. Следующая таблица, составленная на основе отчета министра военно-морского флота за 1841 год (документ Сената № 223, 26-й Конгресс), предоставляет данные для приблизительных расчетов:

Название корабля	Количество орудий	Общая стоимость строительства, без учета вооружения, запасов и т. д.	После завершения строительства.	Стоимость ремонта, без учета вооружения и т. д.	Ремонт между
Делавэр	74	543 368,00	1820	354 132,56	1827 и 1838
Северная Каролина	74	431 852,00	1825	317 628,92	1824 и 1836
Конституция	44	302 718,84	1797	266 878,34	1833 и 1839
Соединенные Штаты	44	299 336,56	1797	571 972,77	1821 и 1841
Брэндивайн	44	[23]299 218,12	1825	[23]377 665,95	1826 и 1838
Потомак	44	[23]231 013,02	1822	[23] 82 597,03	1829 и 1835
Конкорд	20	115 325,80	1828	72 796,22	1832 и 1840
Фалмут	20	94 093,27	1827	130 015,43	1828 и 1837
Джон Адамс	20	110 670,69	1829	119 641,93	1834 и

					1837
Бостон	20	91 973,19	1825	189 264,37	1826 и 1840
Сент-Луис	20	102 461,95	1828	135 458,75	1834 и 1839
Винсеннес	20	111 512,79	1826	178 094,81	1830 и 1838
Вандалия	20	90 977,88	1828	59 181,34	1832 и 1834
Лексингтон	20	114 622,35	1826	83 386,52	1827 и 1837
Уоррен	20	99 410,01	1826	152 596,03	1830 и 1838
Фэрфилд	20	100 490,35	1826	65 918,26	1831 и 1837
Нэтчес ^[24]	20	106 232,19	1827	129 969,80	1829 и 1836
Боксер	10	30 697,88	1831	28 780,48	1834 и 1840
Предприятие	10	27 938,63	1831	20 716,59	1834 и 1840
Грампус	10	23 627,42	1821	96 086,36	1825 и 1840
Дельфин	10	38 522,62	1836	15 013,35	1839 и 1840
Акула	10	23 627,42	1821	93 395,84	1824 и 1839

[23]

Неполные данные.

[24]

Расформирована в 1840 году.

Из приведенной выше таблицы следует, что стоимость строительства линейных кораблей составляет около 6600 долларов за орудие; фрегатов — 6500 долларов за орудие; небольших военных кораблей — чуть менее 5000 долларов за орудие: таким образом, средняя стоимость военных кораблей составляет *более шести тысяч долларов за орудие*. А расходы на ремонт этих кораблей составляют *более семи процентов в год* от их первоначальной стоимости.

У нас пока еще мало опыта в использовании военных пароходов. Корабль «Фултон» с четырьмя пушками, построенный в 1838-1839 годах, стоил 333 770 долларов 77 центов; корабли «Миссисипи» и «Миссури» с десятью пушками каждый, построенные в 1841 году, стоили около 600 000 долларов за штуку, что составляет среднюю стоимость военных пароходов *более 60 000 долларов за пушку*. Стоимость ремонта пароходов будет намного выше, чем стоимость ремонта военных кораблей, но у нас пока нет достаточного опыта, чтобы определить точную сумму. Однако, по оценкам компетентных экспертов, при эксплуатации расходы на ремонт будут составлять не менее двенадцати процентов от первоначальной стоимости. Расходы на их содержание в эксплуатации чрезвычайно велики. «Их двигатели, — говорит министр военно-морского флота в своем годовом отчете за 1842 год, — потребляют столько топлива, что это значительно увеличивает расходы, а необходимость возвращаться в порт через короткие промежутки времени для пополнения запасов делает невозможным отправлять их на дальние задания. На них нельзя полагаться как на крейсера, и они слишком дороги для службы в мирное время. Поэтому я принял решение вывести их из эксплуатации и заменить другими, менее затратными судами».

Средняя стоимость постоянных укреплений составляет *чуть более трех тысяч долларов за орудие*. И из характера материалов, из которых они построены, должно быть очевидно, что расходы на их содержание должны быть незначительными. Правда, в течение нескольких последних лет значительная часть ежегодных расходов на укрепления приходилась на «ремонт», но большая часть этой суммы была потрачена на переделку и расширение временных и неэффективных сооружений, построенных до войны 1812 года. Однако часть этой суммы была потрачена на фактический ремонт поврежденных или разрушенных частей фортов; эти повреждения были вызваны климатическими условиями, состоянием фундаментов, использованием некачественных материалов и некачественным исполнением работ, а также запущенностью и заброшенностью. Но если мы включим риск заброшенности в определенные периоды, то, по оценкам, основанным на данных прошлого опыта, *одна треть процента* от первоначальной стоимости в год позволит поддерживать в идеальном состоянии любой из наших фортов, построенных после последней войны.

Но нет необходимости дальше обсуждать этот вопрос. Мы повторяем то, что уже было сказано: независимо от относительной стоимости кораблей и фортов, одно, как правило, не может заменить другое. Каждый из них имеет свою сферу действия и каждый вносит свой вклад в национальную оборону, и любое неоправданное увеличение одного за счет другого будет сопровождаться соответствующим уменьшением национальной мощи. ^[25]

[25]

Для получения дополнительной информации о нашей системе береговой обороны читателю рекомендуется обратиться к документу Палаты представителей № 206, двадцать шестой Конгресс, вторая сессия; документу Сената № 85, двадцать восьмой Конгресс, вторая сессия; а также к годовым отчетам главного инженера.

ГЛАВА VIII.

НАША СЕВЕРНАЯ ГРАНИЧНАЯ ОБОРОНА.

Обсуждая инженерное дело как отрасль военного искусства, мы говорили об использовании укреплений на сухопутных границах и их влиянии на стратегические операции военной кампании. Было также кратко упомянуто о различных системах, которые были предложены для организации этих оборонительных сооружений. Давайте теперь применим это обсуждение к нашей северной границе.

Принцип, сформулированный Наполеоном и Жомини, «что укрепления всегда должны строиться на важных стратегических точках», несомненно, является правильным: но как определить эти точки — вопрос, который часто ставит в тупик и испытывает терпение и мастерство инженера; но определить их он должен, иначе его укрепления будут хуже, чем бесполезны; ведь неправильно расположенный форт, как пушка, направленная на своих же артиллеристов, обязательно приведет к уничтожению тех самых сил, которые он должен был защищать.

Выбор мест для укреплений на нашей северной границе должен учитывать три различных класса объектов, а именно: *во-первых*, безопасность крупных приграничных городов, где большая часть государственной и частной собственности подвержена внезапным набегам врага, осуществляемым как по суше, так и по воде; *во-вторых*, безопасность озерных гаваней, важных как места убежища и безопасности для наших собственных кораблей или для флотов противника, занимающихся высадкой войск или снабжением армии-захватчика; *в-третьих*, безопасность всех стратегических точек на вероятных линиях наступательных или оборонительных операций. Эти объекты различаются по своему характеру и, казалось бы, требуют отдельных и различных средств для их достижения; тем не менее, как правило, оказывается, что позиции, выбранные с учетом одного из этих объектов, в равной степени удовлетворяют и другим, настолько тесно они все связаны между собой. Поэтому определение стратегических точек вероятной линии военных операций является главным фактором, который необходимо учитывать при размещении укреплений. Несомненно, что такие точки максимальной важности фактически обозначены мирными или враждебными отношениями между странами.

Относительная важность городов и поселков в меньшей степени зависит от колебаний торговли на сухопутной границе, чем на морском побережье. Постоянно меняющаяся система «внутренних улучшений», обеспечивая новые автомагистрали и транспортные артерии для перевозки продуктов промышленности и сельского хозяйства, либо постоянно меняет относительное положение уже открытых морских портов, либо открывает новые для экспорта этих продуктов и импорта иностранных товаров, полученных в обмен. Однако эти «внутренние улучшения» редко доходят до того, чтобы соединить две отдельные и разные страны, и, следовательно, основные места на разделительной линии обычно сохраняют свою относительную важность, независимо от того, как часто они могли приходить в упадок в периоды вражды или снова процветать благодаря расширению торговых связей, которое является результатом мира. Основные европейские пункты торговли вблизи границ остаются неизменными на протяжении веков, и, по всей вероятности, через столетия крупные пограничные рынки будут почти такими же, как и в настоящее время. Эта стабильность ранга пограничных городов не ограничивается коммерческим влиянием; то же самое верно и в отношении влияния, установленного в результате враждебных отношений. Военная история учит нас, что линии враждебных операций и поля, на которых велись основные сражения между любыми двумя странами, практически не изменяются, независимо от того, насколько далеки периоды сравнения. Эти точки и линии, столь важные как для торговли, так и для

войны, являются результатом естественных особенностей местности, и поэтому мы должны ожидать, что они будут столь же мало подвержены внезапным изменениям, как и характер самой земли.

Из этих замечаний легко понять, что существует три различных метода определения стратегических точек между этой страной и Канадой: 1) путем изучения топографии обеих стран; 2) путем отслеживания основных каналов торгового взаимодействия; 3) путем анализа линий их военных операций. Последний метод является наименее подверженным ошибкам и, возможно, наиболее понятным, поскольку иногда трудно указать точную степень связи между предполагаемыми линиями военных действий и каналами торговли или показать, почему эти два фактора имеют фиксированную связь с физическими особенностями страны. Кроме того, в данном случае этот метод предоставляет достаточные данные для принятия решения, поскольку военные кампании между этой страной и Канадой были не только многочисленными, но и значительными по своему характеру и результатам.

При рассмотрении основных черт ранних войн на нашей северной границе необходимо иметь в виду, что почти та же часть страны, которая сейчас принадлежит англичанам, тогда была занята французами, и что английские владения в Северной Америке включали нынешние средние и северные штаты. В период американской революции французы и англичане полностью поменялись местами: армии первых действовали в «штатах», а англичане владели Канадой.

Первая экспедиция против этой части страны была проведена Сэмюэлем Аргаллом, который в 1613 году отплыл из Вирджинии с флотом из одиннадцати кораблей, атаковал французов на Пенобскоте, а затем на Сент-Круа.

В 1654 году Седжвик, возглавляя небольшую армию Новой Англии, атаковал французов на Пенобскоте и захватил всю Аркадию.

В 1666 году, во время борьбы между Карлом II и Людовиком XIV, было предложено провести войска Новой Англии через страну по Кеннебеку или Пенобскоту и атаковать Квебек, но ужасы и трудности перехода «через скалистые горы и воюющие пустыни» были настолько велики, что отвратили их от проведения этой кампании.

В 1689 году граф Фронтенак, губернатор Канады, совершил поход в Нью-Йорк, чтобы помочь французскому флоту в покорении этой провинции. Его маршрут пролегал по реке Соррел и озеру Шамплейн. Нападение ирокезов на Монреаль вскоре вынудило его вернуться, но в следующем январе отряд французов и индейцев покинул Монреаль в разгар канадской зимы и, пробираясь двадцать два дня с провизией на спине через снега и болота и широкую пустыню, достиг неохраваемой деревни Скенектади. Здесь в полночь раздался боевой клич, и жители были либо убиты, либо выгнаны полуодетыми в снег, чтобы искать защиты в соседних городах.

В 1690 году в Нью-Йорке собрался конгресс колоний, созданный для обеспечения средств общей обороны, и принял решение вести войну в Канаде: армия должна была атаковать Монреаль через озеро Шамплейн, а флот — Квебек через реку Святого Лаврентия. Первая продвинулась до озера, но ссоры между командующими офицерами сорвали цели экспедиции. Флот Массачусетса, состоявший из тридцати четырех кораблей (самый большой из которых был вооружен сорока четырьмя пушками) и двух тысяч человек, не смог захватить Квебек, хотя оборона этого места была тогда весьма слабой и вооружена всего двадцатью тремя пушками.

В 1704 году, а затем и в 1707 году, Порт-Роял подвергся нападению со стороны дорогостоящих экспедиций, организованных восточными колониями; и снова, в 1709 году, сухопутные войска численностью в полторы тысячи человек продвинулись на Монреаль через озеро Шамплейн; но ни одна из этих экспедиций не принесла значительных результатов.

В 1711 году лорд Болингброк запланировал завоевание Канады. Сухопутные войска, насчитывавшие в общей сложности пять тысяч человек, были разделены на две отдельные армии: одна была направлена на Детройт, а другая — на Монреаль через озеро Шамплейн; в то время как флот из пятнадцати военных кораблей, сорока транспортных судов и шести судов с провизией, перевозивший шесть тысяч пятьсот человек сухопутных войск, должен был атаковать Квебек. Морская экспедиция не достигла своей цели, и после потери части флота и более тысячи человек в реке Святого Лаврентия эта часть проекта была прекращена. Ни одна из частей сухопутных войск также не достигла ничего значительного.

Тот же план кампании был реализован в 1712 году. Армия из четырех тысяч человек выступила на Монреаль через озеро Шамплейн, но, узнав о провале морской экспедиции и концентрации французских войск на реке Сорель, отступила в сторону Олбани.

Следующей значительной экспедицией была морская экспедиция 1745 года против Луисбурга. Для нападения на этот город колонии собрали около четырех тысяч человек и сто небольших судов и транспортных кораблей, несущих от ста шестидесяти до двухсот орудий. К ним позже присоединились еще десять судов, несущих около пятисот орудий. По данным некоторых английских авторов, эта атакующая сила теперь состояла из шести тысяч провинциалов, восьмисот моряков и объединенных военно-морских сил, оснащенных почти семьюстами орудиями. Войска высадились на берег и осадили город. Гарнизон укреплений Луисбурга состоял из шестисот регулярных солдат и тысячи бретонских ополченцев или, по данным некоторых авторов, всего из двенадцатисот человек. Вооружение этих сооружений состояло из ста одного пушечного орудия, семидесяти шести поворотных орудий и шести мортир. Вспомогательными к основным сооружениям были островная батарея из тридцати двадцати двух фунтовых орудий и батарея на материке, вооруженная тридцатью крупными пушками. Были предприняты частые попытки штурмовать это место, но даже самые упорные усилия не принесли результата: многие жители Новой Англии были убиты и ранены, а их лодки уничтожены, в то время как гарнизон остался невредимым. Наконец, после сорока девяти дней осады, нехватка провианта и общее недовольство жителей заставили гарнизон сдаться. Когда жители Новой Англии увидели прочность укреплений и то незначительное впечатление, которое произвели их усилия, они были не только воодушевлены, но и очень удивлены своим успехом. Следует отметить, что в вышеупомянутой атаке количество орудий во флоте было почти в *три* раза больше, чем во всех фортах вместе взятых, и тем не менее *морская* часть атаки не увенчалась успехом. Осаждающая армия превосходила все гарнизоны вместе взятые более чем в *четыре* раза, и все же место продержалось сорок девять дней и в конце концов сдалось из-за нехватки провианта и недовольства граждан. Вскоре после этого это место было возвращено французам.

Мы видим, что до сих пор в этих войнах англичане значительно превосходили французов по силе и численности, однако результат нескольких кампаний был явно в пользу французов, которые не только сохранили свои владения на севере, но и распространили свою юрисдикцию на устье Миссисипи и заявили свои права на всю территорию к западу от Аллеганских гор. Этот успех следует объяснять не превосходством канадцев в храбрости, а более высокими военными качествами их губернаторов *и, в особенности, их укреплениями*, которые были построены в наиболее удачно выбранных местах, чтобы оказывать влияние на

индейцев и облегчать вторжения в английские колонии. Французы следовали внутренним и центральным линиям, а англичане — внешним и расходящимся линиям. Разница в численности всегда была очень велика. В начале XVIII века все население колоний насчитывало более миллиона душ, в то время как население Канады и Луизианы не превышало пятидесяти двух тысяч. Но французские владения, хотя и находились на краях континента и были разделены почти безграничной пустыней, тем не менее были соединены линией военных постов, достаточно сильных, чтобы противостоять стрелковому оружию, которое тогда могло быть направлено против них. Эта склонность французов к строительству фортов стала предметом серьезной тревоги для колоний, и в 1710 году законодательный орган Нью-Йорка специально протестовал против этого в обращении к короне. В то время как военное искусство в Англии находилось в стагнации, Франция дала миру четырех великих инженеров — Эррара, Пагана, Вобана и Кормонтайна; и нигде влияние их системы военной обороны не проявилось так ярко, как в безопасности, которую она обеспечила канадской колонии, когда на нее напали значительно превосходящие силы британцев. К этим английским войскам теперь присоединились еще большие подкрепления из метрополии, в то время как канадцы получали мало или вообще не получали помощи от Франции; тем не менее, они продлили войну до 1760 года, вынудив англичан в конце концов прибегнуть к медленному и дорогостоящему процессу сноса всех своих укреплений. Это будет показано в следующем обзоре нескольких кампаний.

В самом начале 1755 года из Великобритании был отправлен значительный отряд солдат для усиления войск в этой стране. Эти войска были снова разделены на четыре отдельные армии. *Первая*, состоящая из почти двух тысяч человек, выступила на штурм форта Дюкейн, но была встречена и полностью разгромлена французами и индейцами, численность которых была в два раза меньше. *Вторая* дивизия, насчитывающая полторы тысячи человек, приступила к атаке форта Ниагара через Освего, но вернулась без успеха. *Третья*, насчитывающая три тысячи семьсот человек, встретила и разгромила армию Дискау, состоящую из двенадцати сотен регулярных войск и шестисот канадцев и индейцев, в открытом поле, но не попыталась изгнать его из его укреплений в Тикондероге и Краун-Пойнте. *Четвертый* отряд, состоявший из трех тысяч трехсот человек и сорока одного судна, опустошил часть Новой Шотландии, тем самым завершив кампанию без единого значимого результата. Она началась под благоприятными знаками, с тщательной подготовкой и огромным превосходством в силах, *но это превосходство было вновь более чем компенсировано ошибочными планами англичан и укреплениями, которые французы возвели в таких местах, что давали им решающее преимущество в военных операциях.* Вашингтон рано рекомендовал англичанам на Огайо ту же систему обороны и после поражения Брэддока посоветовал «построить небольшие крепости в удобных местах для хранения провианта, что облегчит стране огромные расходы на перевозку и также станет средством обеспечения отступления, если мы снова будем разгромлены».

Но этот совет Вашингтона был проигнорирован, и кампания 1756 года была основана на тех же ошибочных принципах, что и предыдущая. *Первая* дивизия из трех тысяч человек должна была действовать против форта Дюкейн; *вторая*, из шести тысяч человек, — против Ниагары; *третья*, численностью в десять тысяч человек, должна была действовать против Краун-Пойнта; а *четвертая*, численностью в две тысячи человек, должна была подняться вверх по реке Кеннебек, уничтожить поселения на Шаудиере и, угрожая окрестностям Квебека, отвлечь внимание противника в пользу третьей дивизии, которая считалась основной армией и была направлена вдоль главной линии операций. Все французские силы в это время состояли всего из трех тысяч регулярных войск и отряда канадской милиции. Тем

не менее, англичане, имевшие почти в *шесть раз* больше войск, завершили кампанию, не добившись ни одного преимущества.

Здесь мы видим, что французы, имея гораздо меньшие силы, по-прежнему успешно проводили каждую кампанию, неизменно одерживая верх над врагом и завоевывая территории его колоний. Благодаря владению фортами Уильям-Генри, Тикондерога и Краун-Пойнт они полностью контролировали озера Джордж и Шамплейн, которые обеспечивали кратчайшую и наиболее удобную линию связи между британскими колониями и Канадой. Благодаря своим фортам в Монреале, Фронтенаке, Детройте и т. д. они полностью контролировали озера, соединяющие реки Святого Лаврентия и Миссисипи, а также Канаду и Луизиану; кроме того, благодаря форту Дюкесн и линии вспомогательных укреплений их господство над индейцами на Огайо было хорошо обеспечено. Но опыт наконец научил англичан, в чем заключалась великая сила их противников, и теперь предстояло предпринять мощные усилия, чтобы вытеснить французов из их крепостей или, по крайней мере, уравновесить эти сооружения огромным и подавляющим превосходством войск.

В 1757 году британский флот, состоящий из пятнадцати линейных кораблей, восемнадцати фрегатов и множества более мелких судов, а также сухопутные войска численностью двенадцать тысяч боеспособных солдат были отправлены для попытки захватить укрепления Луисбурга, но они не смогли достичь своей цели.

В 1758 году войска, направленные против этого места, состояли из двадцати линейных кораблей и восемнадцати фрегатов с армией в четырнадцать тысяч человек. Гавань защищали только пять линейных кораблей, один корабль с пятьюдесятью пушками и пять фрегатов, три из которых были затоплены у входа в бассейн. Укрепления города были сильно запущены и в целом пришли в упадок. Гарнизон состоял всего из двух тысяч пятисот регулярных солдат и шестисот ополченцев. Несмотря на то, что количество орудий британского флота превосходило вооружение как французских кораблей, так и всех фортов, британские корабли не рискнули атаковать, а просто выполняли функции транспорта и блокирующей эскадры. Даже французская морская оборона и внешние укрепления, контролирующие гавань, были ослаблены временными наземными батареями, установленными Вольфом; и основное укрепление, хотя и было осаждено превосходящими силами почти в *пять раз*, продержалось два месяца и сдалось только из-за страхов и просьб не участвующих в боевых действиях жителей, а не потому, что оно получило какой-либо существенный ущерб от осаждающих. Однако оборона продолжалась достаточно долго, чтобы предотвратить дальнейшие операции против Канады в ходе этой кампании. Общая численность английских сухопутных войск в этой кампании составляла пятьдесят тысяч человек, из которых более сорока тысяч находились в поле. *Первая* дивизия численностью девять тысяч человек была направлена против форта Дюкейн, гарнизон которого не превышал нескольких сотен человек. *Вторая* дивизия численностью шестнадцать тысяч боеспособных солдат продвигалась на Тикондерогу и Краун-Пойнт, а отряд из трех тысяч человек захватил форт Фронтенак, в котором тогда находился гарнизон численностью всего сто десять человек. Общая численность французских войск составляла всего пять тысяч человек; англичане пытались вытеснить их из укреплений штурмом, но были отбиты с потерями почти в две тысячи человек, в то время как их противники почти не понесли потерь. *Третья* дивизия, как только что было сказано, действовала совместно с военно-морскими силами против Луисбурга.

В 1759 году *западная* дивизия английской армии, состоящая из сильного отряда индейцев и пяти тысяч солдат, потратила весь сезон на захват форта Ниагара, в котором находилось всего шестьсот человек. *Центральная* колонна из тринадцати тысяч человек была

достаточно успешна, чтобы перезимовать в Краун-Пойнте. *Восточная* дивизия из восьми тысяч человек под командованием Вольфа поднялась по реке Святого Лаврентия с флотом из двадцати двух кораблей, тринадцати фрегатов, четырнадцати шлюпов и более мелких судов, несущих тысячу девятьсот девяносто орудий и пять тысяч пятьсот девяносто моряков. Морская оборона Квебека состояла из восьми фрегатов, несущих двести десять орудий; сухопутные войска насчитывали около девяти тысяч человек, а укрепления были вооружены девяносто четырьмя орудиями и пятью мортирами, только часть которых могла быть направлена на якорную стоянку. Объединенные силы предприняли несколько попыток захватить эти укрепления, но все они оказались безуспешными. Хотя английский флот имел в *двадцать раз* больше орудий, чем форты, его неспособность захватить эти укрепления была признана. Осада продолжалась два месяца, но укрепления оставались невредимыми. Генерал Вольф сам ясно заявил, что при любой дальнейшей попытке захватить это место «пушки кораблей не смогут принести большой пользы», а главный инженер экспедиции высказал мнение, что «корабли понесут большой ущерб от выстрелов и бомб верхних батарей, не нанеся им ни малейшего ущерба». В этих условиях было окончательно решено попытаться выманить Монкальма из его укреплений и заставить его рискнуть сражением на открытом поле. В злосчастный час французы согласились отказаться от преимуществ своих укреплений, и сражение в конце концов было решено на равнинах Авраама, с почти равными по численности силами. И Вольф, и Монкальм пали в этой битве, но первый — на поле победы; а через пять дней жители Квебека, ослабленные и обескураженные своими потерями, сдали город, хотя его укрепления оставались невредимыми.

В этой кампании французы отказались от идеи противостоять врагу в открытом поле и сосредоточили свои усилия на замедлении продвижения англичан до тех пор, пока Франция не сможет послать войска на помощь; но такой помощи не последовало, и когда началась кампания 1760 года, небольшая французская армия была сосредоточена в Монреале. По мере продвижения английских дивизий, одна через Освего, другая через озеро Шамплейн, а третья через Квебек, они предоставили французам прекрасную возможность для стратегического маневра из центра против сходящихся линий, но гарнизон был слишком слаб, чтобы надеяться на успех в любом направлении, и поэтому ждал врага в своих укреплениях. Монреаль, будучи слабо укрепленным, был вскоре взят, и вместе с ним пало французское империя, воздвигнутая в этой стране с огромными трудами и затратами.

В начале американской революции было настолько очевидно, что важно захватить военные сооружения, контролирующие линию озера Шамплейн, что Массачусетс и Коннектикут одновременно организовали экспедиции с этой целью. Гарнизоны этих укреплений были взяты врасплох. Это завоевание, по словам Ботта, способного и элегантного историка революции, «несомненно, имело большое значение, но оно оказало бы гораздо большее влияние на ход всей войны, если бы эти крепости, *являющиеся оплотом колоний*, защищались в последующие времена с той же осторожностью и доблестью, с которыми они были захвачены».

В ходе кампании 1775 года армия из двух тысяч семисот восьмидесяти четырех боеспособных солдат с резервом в тысячу человек в Олбани пересекла озеро и приблизилась к крепости Св. Иоанна примерно 1 сентября. Крепость была укомплектована всего лишь пятью-шестью сотнями регулярных солдат и примерно двумя сотнями ополченцев. Это было единственным препятствием, мешавшим продвижению нашей армии в самое сердце Канады; оставить его не захваченным в тылу означало бы лишить себя всякой надежды на отступление. Аллен уже предпринял опрометчивую и глупую попытку, и вся его армия была уничтожена, а он сам попал в плен. Поэтому захват этого места считался

абсолютно необходимым, но был осуществлен только 3 ноября, после долгой и утомительной осады. Эта задержка решила судьбу кампании, поскольку, хотя Монреаль пал сразу после этого, сезон был уже настолько продвинут, что большая часть наших войск, утомленных страданиями от холода и нехватки одежды, теперь требовала своего увольнения. Восточная дивизия из тысячи человек под командованием Арнольда, пересекая страну по Кеннебеку и Шодьер, преодолев почти беспрецедентные трудности и страдания, прибыла напротив Квебека 9 ноября. В это время город был практически беззащитен, и, если бы Арнольд располагал подходящим понтонным оборудованием, его можно было бы легко захватить врасплох. Но к тому времени, когда были подготовлены средства для переправы и произошло соединение двух американских армий, Квебек был готов отразить их атаку. Результат этой атаки слишком хорошо известен, чтобы повторять его здесь.

В начале следующего сезона было сочтено необходимым вывести американскую армию из Канады. Это отступление недисциплинированных войск в присутствии значительно превосходящих сил противника было бы чрезвычайно опасным, если бы оно не осуществлялось по линии фортов, удерживаемых нашими собственными войсками. В результате мы не понесли значительных потерь.

Карлтон быстро продолжил преследование, чтобы объединиться с генералом Хоу, который в то время находился в Нью-Йорке с более чем ста кораблями и около тридцати пяти тысячами солдат, но он получил решительный отпор от орудий Тикондероги и снова отступил в Канаду.

Согласно британскому плану кампании 1777 года, все силы их северной армии должны были сосредоточиться в Олбани. Одна дивизия из полутора тысяч человек, включая индейцев, продвигалась через Освего, Вуд-Крик и Мохок, но форт Стэнвикс с гарнизоном всего в шестьсот человек остановил их продвижение и заставил их вернуться. Другая дивизия, выйдя из Нью-Йорка, поднялась по Гудзону до Эсопуса, но ее продвижение было настолько задержано небольшими фортами и водными батареями вдоль реки, что даже если бы она и смогла достичь Олбани, то было бы уже слишком поздно, чтобы помочь Бергойну. Основная дивизия вражеской армии, насчитывающая около девяти тысяч человек, продвигалась по маршруту Шамплейн. Для остановки ее продвижения были предприняты лишь незначительные или вообще никакие меры. Укрепления Тикондероги были настолько ветхими, что их было невозможно защищать с флангов. Его гарнизон состоял всего из полутора тысяч континентальных солдат и примерно столько же ополченцев, над которыми генерал не имел никакого контроля. Их запасы провианта были исчерпаны, и только каждый десятый ополченец имел штыки к своим ружьям. В этих условиях было решено, что лучше всего будет вывести гарнизон через шесть дней после осады. Бургойн теперь быстро продвигался вперед, но с такой малой осторожностью, что его тылы оставались совершенно незащищенными. Отогнанный американскими войсками, собравшимися в Саратоге, с линией снабжения, перерезанной нашими отдельными фортами, с исчерпанными запасами продовольствия, с деморализованными войсками и с индейскими союзниками, которые его покинули, отступление стало невозможным, и вся его армия была вынуждена капитулировать. Эта кампания завершила военные действия на нашей северной границе во время войны за независимость.

Теперь мы подошли к войне 1812 года. В начале этой войны число британских регулярных войск в Канаде не превышало трех тысяч человек, которые были разбросаны по границе протяженностью более девятисот миль. Во всей Верхней Канаде было всего семьсот двадцать человек, а в Монреале, Три-Риверс и на всей линии Сорель все оборонительные силы насчитывали всего тысячу триста тридцать человек, а гарнизон Квебека был настолько мал, что никакой отряд не мог быть выделен без больших неудобств и опасности. Укрепления

острова Иль-о-Нуа, который в то время был ключевым пунктом центральной Канады, почти всю первую кампанию оставались без гарнизона. В этих условиях американские войска численностью в полторы-две тысячи человек, быстро продвигавшиеся из Олбани, могли бы легко прорвать линию обороны противника и отрезать всю Верхнюю Канаду от поставок и подкреплений из Англии через Квебек. Посмотрим, какой курс был избран.

1 июня в Дейтоне, штат Огайо, была собрана армия из двух тысяч человек, поставленная под командование недалекого старого офицера времен Революции и направленная из Детройта на Канадский полуостров. Медленный марш, нелепые маневры и предательская капитуляция армии Халла перед британскими войсками, состоявшими из трехсот регулярных солдат и четырехсот ополченцев, слишком хорошо известны. Еще одна американская армия численностью около десяти тысяч человек была впоследствии собрана на западе; основная часть этой армии под командованием Харрисона двинулась тремя отдельными маршрутами, чтобы вторгнуться в Канаду через Малден, но не смогла достичь своей цели и перезимовала за рекой Портаж. Восточная армия была собрана в Олбани в начале лета и поставлена под командование генерала Дирборна, еще одного старого офицера времен Революции. Вместо того чтобы быстро продвигать эти силы по стратегической линии озера Шамплейн, генералу было приказано разделить их на три части и направить одну дивизию на границу Ниагары, *вторую* — на Кингстон, а *третью* — на Монреаль. Эти приказы были отправлены из Вашингтона 26 июня, почти через месяц после того, как Халл начал свой поход из Дейтона. 1 сентября армия Дирборна состояла из шести тысяч пятисот регулярных солдат и семи тысяч ополченцев — всего тринадцать тысяч пятисот человек: шесть тысяч триста для границы Ниагары, две тысячи двести в Сакеттс-Харборе и пять тысяч для озера Шамплейн. Даже с этим абсурдным планом кампании и неверным разделением сил мы могли бы добиться успеха, если бы генерал действовал энергично, настолько слабыми были канадские средства обороны; но вместо того, чтобы воспользоваться своим численным превосходством и благоприятными обстоятельствами того времени, он заключил перемирие с британским генералом, и вся его армия из 13 500 человек пролежала без дела до 13 октября, когда абсурдный проект перехода через Ниагару в Льюистоне провалился, потому что ополчение Нью-Йорка имело *конституционные сомнения* по поводу перехода через реку, пока на другой стороне находился враг. Колонна озера Шамплейн, состоящая из трех тысяч регулярных войск и двух тысяч ополченцев, значительная часть которых была собрана еще в первых числах августа, за четыре месяца продвинулась до реки Ла Коле, расположенной на расстоянии около двухсот миль от Олбани. Незначительные боевые действия в этом месте положили конец кампании, и армия Севера вернулась в зимние квартиры.

Вся первая часть кампании 1813 года на северной границе прошла в виде войны отрядов, в ходе которой наши войска захватили форты Джордж и Йорк и отразили грабительские набеги врага. В этих операциях наши войска проявили большую храбрость и энергию, а молодые офицеры, которые ими командовали, — немалое мастерство и военный талант. Но ничего не могло быть более абсурдным, чем то, что генерал, имея превосходство в силах вблизи врага, действовал только отрядами в то время, когда число его противников ежедневно увеличивалось. Эта бесполезная война аванпостов и отрядов продолжалась до июля, когда генерал Дирборн был отозван, а на его место был поставлен генерал Уилкинсон, другой старый офицер революции. Теперь было решено нанести удар по Монреалю, объединив силы северной армии. Уилкинсон с 8000 человек спустился по реке Святого Лаврентия, но достиг Прескотта только 6 ноября, что дало англичанам достаточно времени, чтобы подготовиться к его приему. Хэмптон, еще один старый офицер революционной армии, поднялся по озеру Шамплейн с другой колонной из 4000 человек, но отказался

сотрудничать с Уилкинсоном, и после незначительного сражения при Кристлерс-Филд вся армия снова отступила в зимние квартиры.

Тем временем армия Запада под командованием Харрисона, которому помогали военные навыки и знания Маккри и Вуда, а также храбрость Крөгана и Джонсона, сдерживала британцев и индейцев; сражение на Темзе и победа на озере Эри стали блестящим завершением кампании в этом районе. Если бы такие победы были одержаны в Монреале или в восточной части границы, они привели бы к важнейшим результатам.

План операций для кампании 1814 года был таким же разнообразным и противоречивым, как и раньше. Но командование войсками теперь перешло в руки молодых и энергичных офицеров, и Браун, при поддержке таких людей, как Вуд, Маккреа, Скотт, Рипли, Миллер, вскоре одержал победы в Форт-Эри, Чиппева и Ландис-Лейн, а Маккомб и Макдоноу оттеснили врага от линии озера Шамплейн. Этими операциями завершилась северная кампания 1814 года, последняя из проведенных на этой границе.

Теперь перейдем к системе сооружений, запланированных для обороны этой линии.

Первые укрепления находятся у водопада Св. Марии, на западной оконечности линии.

Вторые укрепления находятся в Макино.

Третьи сооружения находятся у подножия озера Гурон.

Четвертые укрепления находятся недалеко от Детройта.

Пятые сооружения находятся недалеко от Буффало.

Шестые работы ведутся в устье реки Ниагара.

Седьмой завод находится в Освего.

Восьмые работы ведутся в Сакеттс-Харборе.

Девятая станция находится ниже Огденсбурга.

Десятые работы ведутся в Рауз-Пойнт.

Одиннадцатые сооружения находятся вблизи истоков рек Кеннебек или Пенобскот.

Двенадцатые укрепления находятся в Кале, на реке Сент-Круа.

Все эти сооружения небольшие и простые по своему характеру, хорошо рассчитанные для оказания помощи вооруженным силам на поле боя, но неспособные противостоять длительной осаде. Они полностью отличаются по своему характеру от сооружений на побережье, которые в основном предназначены для использования нашими гражданскими солдатами в целях обороны наших приморских городов, в то время как первые предназначены лишь в качестве вспомогательных средств для операций более дисциплинированных войск.

Эта система обороны нашей северной границы вызвала много комментариев со стороны людей, претендующих на некоторое знание военного искусства, и были высказаны различные мнения относительно ее достоинств. Некоторые считают, что на западной оконечности этой линии следует разместить больше и более крупных сооружений; другие придают гораздо большее значение центральной части границы или части, прилегающей к Монреалю; третьи же придают большее значение восточной оконечности линии.

Последние предлагают сосредоточить наши основные силы в верховьях рек Кеннебек и Пенобскот, а затем продвигаться на Квебек, расположенный на расстоянии около 250 миль, по изолированной дороге для экипажей через долину Шодьер. Здесь есть только одна дорога, по которой редко ездят и которая проходит через широкую и почти незаселенную пустыню. Генерал Жомини категорически заявляет, что *линия операций всегда должна предлагать две или три дороги для передвижения армии в сфере ее предприятий*, что является непреодолимым возражением против маршрута Кеннебек, за исключением случаев, когда он используется в качестве отвлекающего маневра для основного наступления. Но есть еще более веские возражения против этого маршрута, чем его нецелесообразность для перевозки основной армии; даже если бы этой армии удалось благополучно добраться до Квебека, экспедиция не принесла бы никаких военных результатов, если бы не удалось немедленно захватить эту крепость, что было бы крайне сомнительным даже при самых благоприятных обстоятельствах; и даже если бы нам повезло в наших операциях, осада такого места заняла бы значительное время. Это означало бы бросить наши силы на самую сложную линию операций, против самого сильного пункта в линии обороны противника, и поставить успех всего плана в зависимость от вероятности взятия за несколько дней одной из самых сильных крепостей в мире. Какой принцип военной науки оправдал бы такой план кампании? Мы полностью осознаем огромные преимущества, которые можно извлечь из взятия Квебека, и мы также осознаем огромные трудности, с которыми придется столкнуться при любой попытке достичь этой цели. Возможно, и, вероятно, в скором времени, он будет вынужден сдаться нашим войскам, но было бы полной глупостью основывать наши военные операции на вероятности короткой и успешной осады. Продвигаясь на Монреаль по маршруту озера Шамплейн, мы могли бы отрезать канадские войска на западе от всех подкреплений; а затем, в зависимости от обстоятельств, могли бы осадить Квебек, атаковать врага в поле или, возможно, маневрируя, как французы при осаде Мантуи, достичь обеих целей одновременно.

Мы видели, что одной из максим Наполеона было то, что *армия должна выбирать кратчайшую и наиболее прямую линию операций, которая должна либо прорвать линию обороны противника, либо отрезать его от базы*. По мнению лучших военных специалистов нашей армии, линия озера Шамплейн удовлетворяет всем этим условиям одновременно; это самая прямая, самая осуществимая и самая решающая линия, которую можно использовать в случае операций против Канады; и для успеха в войне необходимо, чтобы эта линия была хорошо укреплена в мирное время. Все согласны с тем, что река Святого Лаврентия выше Квебека является *ключевым* пунктом обороны противника и целью, на которую должны быть направлены все наши операции. Чтобы достичь этой цели, все наши инженерные советы сочли лучшим собрать наши войска в Олбани и продвигаться по озеру Шамплейн, расстояние которого составляет всего двести миль. Помимо преимуществ хорошего водного сообщения на всем протяжении транспортировки военных запасов, по обеим сторонам есть несколько дорог, все сосредоточенных на этой линии в пределах нашей территории. Краткий обзор наших северных войн уже показал, что эта линия была полем сражений и кровопролития в течение *пятнадцати кампаний*. Природа обозначила ее как нашу короткую и легкую линию связи с Канадой, как в мирное, так и в военное время. Военные отвлекающие маневры всегда будут проводиться на восточной и западной окраинах этой границы, а важные второстепенные или вспомогательные операции будут осуществляться по восточным и западным маршрутам; но пока мы не свергнем всю систему военной науки, установленную римлянами, возрожденную Фридрихом и практикуемую и усовершенствованную Наполеоном, *центральная и внутренняя линия* при всех обычных обстоятельствах будет обеспечивать наибольшие шансы на успех.

Если линия озера Шамплейн, как мы постарались показать, является самой важной линией на севере, то ее безопасность с помощью укреплений представляет собой вопрос первостепенной важности. Работы, рекомендованные Советом, состоят из одного форта стоимостью 600 000 долларов в Рауз-Пойнт, на крайней границе, и неукрепленных складов в Платтсбурге и Олбани. Но достаточно ли этого для достижения цели? Если вражеская армия прорвет крайний пограничный барьер, что сможет задержать ее продвижение, какие оборонительные сооружения защитят выход северного канала или даже спасут большой центральный склад? Нам не известно ни одного иностранного инженера, который рекомендовал бы менее *трех* линий укреплений для обеспечения безопасности сухопутной границы, и Наполеон, эрцгерцог Карл и генерал Жомини сходятся во мнении, что необходимо по крайней мере такое количество линий. Могут быть обстоятельства, при которых не будет необходимости прибегать к тройной обороне на всей протяженности нашей северной границы, но на нашей главной линии связи с Канадой — линии, имеющей максимальное значение как для нас, так и для врага, — мы не знаем никаких причин для нарушения позитивных правил военного искусства, правил, которые были установлены веками и санкционированы лучшими инженерами и величайшими генералами современности.

Тикондерога не раз сдерживала волны северного вторжения, и мы не знаем ни одного изменения в военном искусстве или в положении страны, которое сделало бы менее важными, чем раньше, преимущества промежуточного пункта опоры между Олбани и канадскими линиями. Более того, кажется, что соединение Гудзона с озером через северный канал даже увеличило ценность такого пункта.

Кроме того, кажется, что большая ценность центрального склада возле Олбани оправдывает использование лучших средств безопасности, которые могут быть обеспечены оборонительными сооружениями. Здесь у нас уже есть один из наших крупнейших арсеналов строительства; здесь должны быть расположены склады для сбора и хранения в мирное время пороха; здесь, в военное время, будет сформирован большой военный склад для всех наших северных армий; и здесь находится точка соединения линий связи наших северных и восточных штатов, а также большой центральный пункт сбора войск для обороны нашей северной границы или для наступательных операций против Канады. Такое место никогда не должно подвергаться *внезапному нападению* врага. Случайные операции оборонительной армии никогда не являются достаточными для обеспечения безопасности столь важного места. Мы не претендуем здесь на то, чтобы сказать, какими должны быть его укрепления. Возможно, сильные *пладармы* на реках Мохок и Гудзон и отдельные укрепления на нескольких линиях связи могут достичь желаемой цели; возможно, потребуются более центральные и компактные укрепления. Но мы настаиваем на важности обеспечения безопасности этой позиции с помощью *каких-либо* эффективных средств. Замечания Наполеона (которые уже были приведены) о преимуществах, которые можно извлечь из укрепления такого центрального места, где можно обеспечить безопасность военного богатства нации, поразительно применимы к данному случаю.

Но давайте на мгновение обратимся к так называемому *западному* плану обороны нашей северной границы.

Некоторые писатели и ораторы западных штатов в своих планах военной обороны предлагают разместить основные укрепления северной границы на озере Эри, реке Детройт, реке Сент-Клер и озере Гурон; а средства, выделенные на другие пограничные и прибрежные сооружения, потратить на создание военных и военно-морских складов в Мемфисе и Питтсбурге, а также на строительство судоходного канала от нижней части

Иллинойса до озера Мичиган — с целью получения военно-морского контроля над северными озерами.

Говорят, что британские военные и военно-морские силы поднимутся по реке Св. Лаврентия до озера Онтарио; что для противодействия этим операциям мы должны построить противостоящий паровой флот в Питтсбурге и Мемфисе, собрать войска на Огайо и Миссисипи, подняться по Миссисипи и Иллинойсу, озеру Мичиган озеро Гурон и залив Джорджиан, переправиться на реке Френч и озере Ниписсинг или реке Мун и Мускаго, а затем спуститься по реке Оттава до Монреаля. Однако, поскольку может возникнуть определенная сложность с перевозкой военных пароходов через двенадцать или пятнадцать переносов между заливом Джорджиан и рекой Оттава, а также поскольку верхнее течение этой реки несухопутно для таких судов, некоторые из упомянутых выше военных авторов считают предпочтительным спуститься по озеру Гурон, рекой Сент-Клер и озером, пройти мимо британских фортов в Детройте, спуститься по озеру Эри и Ниагаре^[26] в озеро Онтарио, чтобы встретить англичан, когда они будут подниматься по реке Св. Лаврентия!

[26]

Как они должны были пройти мимо водопадов, не было определено ни Гарри Блаффом, ни Мемфисской конвенцией.

Все стороны согласились, что британцы должны сначала собрать свои силы в Квебеке, а затем пройти по линии реки Святого Лаврентия и озера Онтарио, чтобы достичь границ Ниагары и Детройта. Наши инженерные советы сочли лучшим собрать войска на линии Шамплейна и, проникнув между Монреалем и Квебеком, разделить силы противника и отрезать всю остальную часть Канады от поставок и подкреплений из Англии. Но некоторые западные люди обнаружили, что перерезать *ствол* дерева — не самый правильный способ его срубить: мы должны взобраться на *верхушку* и защемить почки или, в крайнем случае, отрезать несколько мелких веток. Чтобы взорвать дом, мы не должны помещать мину под фундаментом, а прикрепить ее к одной из черепиц крыши! Мы уже показали, что войска, собранные в Олбани, могут достичь важной стратегической точки на реке Святого Лаврентия по легкому и прямому маршруту длиной *в двести миль*; но войска, собранные в Питтсбурге и Мемфисе, должны пройти по труднопроходимому и малопосещаемому маршруту длиной *в две тысячи миль*.

Наш торговый флот на озерах обеспечивает нам морское превосходство в этом районе в начале войны, а наши возможности по строительству кораблей там равны, если не превосходят, возможности врага. Поэтому единственный способ, которым мы можем утратить свое превосходство на озерах, — это введение паровых судов с Атлантического океана. Каналы и шлюзы, построенные для этой цели, будут пропускать суда небольших размеров и осадкой не более восьми с половиной футов.

Как мы можем предотвратить ввод этих атлантических пароходов на наши озера? Должны ли мы, при первом же начале военных действий, направить вооруженные силы на линию искусственных коммуникаций противника и взорвать шлюзы их судоходных каналов, тем самым встретив морские силы противника на самом пороге их входа во внутренние моря? или мы должны построить противостоящие пароходные флоты в Питтсбурге и Мемфисе, расположенных на расстоянии около двух тысяч миль, а затем потратить около сорока или

пятидесяти миллионов^[27] на открытие искусственного канала, чтобы они могли достичь озера Онтарио после того, как его границы будут опустошены вражескими силами? Очень немногие беспристрастные судьи будут колебаться при формировании своего мнения по этому вопросу.^[28]

[27]

Строительство судоходного канала в Иллинойсе для судов с осадкой восемь с половиной футов оценивается в пятнадцать миллионов; чтобы обеспечить такую же осадку на Миссисипи и нижнем Иллинойсе, потребуется еще как минимум десять миллионов; судоходный канал с соответствующей осадкой вокруг Ниагарского водопада будет стоить, скажем, десять миллионов; военно-морская верфь в Мемфисе с доками, складами и т. д. обойдется примерно в два миллиона, а пароходы, отправляющиеся оттуда на озера, будут стоить около пятидесяти тысяч долларов за оружие. С другой стороны, военные укрепления, которые считается необходимым возвести в мирное время для обеспечения безопасности границы Шамплейна, обойдутся всего в две тысячи долларов за оружие; общие расходы не превысят, в крайнем случае, двух миллионов долларов!

Нельзя отрицать, что водная коммуникация между Миссисипи и северными озерами будет иметь большие коммерческие преимущества и что в случае затяжной войны вспомогательные войска и военные склады могут быть переброшены из долины Миссисипи, чтобы помочь Северу и Востоку предотвратить пополнение британских вооруженных сил в Канаде. Мы говорим только о политике расходования огромных сумм денег на этот *военный* (?) *проект*, в ущерб более насущным и неотложным нуждам. Мы не говорим ни о его характере как *коммерческого проекта*, ни о конечных военных преимуществах, которые могут быть получены от такой работы. Мы говорим только о нынешнем состоянии и нуждах страны, а не о том, какими могут быть это состояние и эти нужды через несколько поколений!

[28]

Не существует книг, посвященных исключительно темам, затронутым в этой главе, но читатель найдет много замечаний о защите северной границы в исторических хрониках войны 1812 года, в отчетах Конгресса (см. House Doc. 206, XXVIth Congress, 2d session; и Senate Doc., № 85, XXVIII Конгресс, 2-я сессия) и в многочисленных брошюрах и очерках, опубликованных в прессе за последние несколько лет.

ГЛАВА IX.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ — ШТАБ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОРПУС.

Согласно закону от 12 декабря 1790 года об организации публичных сил Франции, армия была определена как «постоянная сила, сформированная из публичных сил и

предназначенная для действий против внешних врагов» [*Une force habituelle extraite de la force publique, et destinée essentiellement à agir contre les ennemis du dehors*].

В мирное время, когда мы говорим об *армии*, мы имеем в виду всю организованную военную силу государства; но в военное время эта сила разделяется на две или более частей, каждая из которых называется *армией*. Эти армии обычно называются по конкретной задаче, которая может быть им поручена, — например, *армия вторжения, армия оккупации, армия наблюдения, армия резерва и т. д.*; или по стране или направлению, в котором они действуют, — например, *армия Севера, Юга, Мексики, Канады, Рейна и т. д.*; или по генералу, который ею командует, — например, *армия Сульта, армия Веллингтона, армия Блюхера и т. д.*

Все современные армии организованы по одному и тому же принципу. Они состоят из штаба и административных подразделений, а также четырех отдельных родов войск — пехоты, кавалерии, артиллерии и инженеров; каждый из них имеет свои особые обязанности, но все вместе они образуют единый военный орган. В ходе фактических военных операций эти силы объединяются в *армейские корпуса*, каждый из которых состоит из двух или более *крупных подразделений*; каждое крупное подразделение — из двух или более *бригад*; а каждая бригада — из нескольких *рот, эскадронов или батарей*.

Говоря об армии в полевых условиях, иногда предполагается, что она делится на два класса людей — *штаб и линию*. Сюда мы включаем в первый класс

Всех офицеров, независимо от рода войск, выше звания полковника;

всех офицеров штабных войск любого звания;

всех офицеров, прикомандированных к штабу в качестве адъютантов и т. д.;

всех офицеров административных подразделений;

всех офицеров артиллерийского и инженерного штабов;

Корпус географов и топографов, а также

Охрана.

Во второй класс входят все войска, независимо от рода войск, которые принадлежат к действующей армии, в пехоте, кавалерии, артиллерии и инженерных войсках. Все войска, находящиеся на отдельной службе, такие как вербовка, охрана постов и складов, сопровождение конвоев и т. д., а также все сидячие корпуса, гарнизоны укрепленных мест и т. д., в этой классификации не считаются частью *линейных* войск армии.

Термин «*линейные войска*» применяется только к тем войскам, которые образуют основную линию на поле боя, а именно: тяжелая пехота и тяжелая кавалерия. Технически они называются *линейной пехотой* и *линейной кавалерией*. В этом смысле термина легкая пехота, легкая кавалерия или драгуны, артиллерия и инженеры не относятся к *линейным* войскам. Однако в настоящее время это различие практически вышло из употребления, и разделение армии на штабные и административные подразделения и четыре рода войск — пехоту, кавалерию, артиллерию и инженеров — считается наиболее удобным, поскольку оно является точным и четким по своему значению.

Генеральный штаб армии включает в себя всех генералов армии, а также офицеров более низких званий, которые прикреплены к этой общей службе, а не служат в войсках или

выполняют специальные административные обязанности. Генералы — это: 1) *генералиссимус* или главнокомандующий; 2) *генералы* или маршалы, как их называют во Франции, или фельдмаршалы и генералы пехоты и кавалерии, как их называют в Англии и северных странах Европы; 3) *генерал-лейтенанты*; 4) *генералы дивизии* или генерал-майоры, как их называют в Англии; 5) *генералы бригады* или бригадные генералы, как их иногда называют; полковники, майоры, капитаны, лейтенанты, прапорщики и корнеты или кадеты также либо прикреплены к штабу, либо входят в состав *штабного корпуса*. Звания «адъютант-генерал» и «инспектор-генерал» присваиваются штабным офицерам, отобранным для этих специальных служб, либо в генеральном штабе, либо в нескольких *корпусах армии*. К этим должностям не привязано никакого особого звания, и звание тех, кто их занимает, определяется по какому-то особому правилу или по их общему званию в армии.

Во время войны за независимость Вашингтон имел звание генерала, а в 1798 году — звание генерал-лейтенанта. Во время войны 1812 года самым высоким званием, которое имел любой из наших офицеров, было звание генерала дивизии, или генерал-майора, как его называли. Наивысшее звание в нашей армии в настоящее время называется генерал-майор — звание, которое по праву принадлежит не генералу армии, а начальнику штаба. Гамильтон имел это звание, когда был начальником штаба Вашингтона; Бертье и Султ — когда были начальниками штаба Наполеона, первый до конца кампании 1814 года, а второй — в кампании при Ватерлоо. Генерал Жomini сначала прославился как начальник штаба Нея, а затем в штабе императора России. Другие генералы во многом обязаны своим успехом начальникам своих штабов: Пишегру — Ренье, Моро — Дессолесу, Кутузов — Толлу, Барклай — Дибичу, а Блюхер — Шарнгорсту и Гнейзенау.

Генералиссимус или главнокомандующий армией — это лицо, назначенное законом страны для управления организованными вооруженными силами государства. В этой стране президент через своего министра войны осуществляет это общее командование. В Англии Веллингтон действует в качестве главнокомандующего всеми британскими вооруженными силами. Во Франции эту общую дирекцию осуществляет министр войны, подчиняющийся королю. В других европейских армиях функции генералиссимуса выполняет какой-нибудь принц крови или выдающийся генерал.

Активная армия в полевых условиях должна находиться под командованием *генерала* или, как это делается в некоторых европейских странах, *маршала*. Их можно считать равноранговыми.

Армейский корпус должен находиться под командованием *генерал-лейтенанта*. Это правило является практически универсальным в Европе. Во Франции при Наполеоне было так много маршалов, что офицеры этого звания часто назначались в *армейские корпуса*.

Большая дивизия армии должна находиться под командованием *генерала дивизии*. В Англии аналогичным званием является генерал-майор, а во Франции в настоящее время дивизиями командуют младшие генералы-лейтенанты или *маршалы-де-камп*.

Бригадой должен командовать *бригадный генерал*. В настоящее время во французской армии *маршалы-де-камп* выполняют функции командиров бригад.

Несколько *армейских корпусов* обозначаются цифрами: 1-й, 2-й, 3-й и т. д., и таким же образом обозначаются несколько дивизий в каждом *армейском корпусе* и несколько бригад в каждой дивизии.

Когда войска приводятся в боевую готовность, каждый *корпус армии* обычно насчитывает от двадцати до тридцати тысяч человек.

Командование этими несколькими *армейскими корпусами*, дивизиями и бригадами принимают на себя офицеры соответствующих званий в соответствии со старшинством по званию и без учета рода войск, если иное не предписано генералиссимусом, который всегда должен иметь право назначать офицеров для специальных команд.

Начальник штаба армии обычно выбирается из числа офицеров, занимающих звание, непосредственно ниже звания командующего генерала, и получает на время звание, которое используется для обозначения этого особого звания. В некоторых европейских армиях, а ранее и в нашей собственной армии, этот офицер назывался генерал-майором. Во Франции, если генералиссимус командует лично, маршал назначается начальником штаба с временным званием *генерал-майора*; но если армией командует маршал, начальником штаба становится генерал-лейтенант или *маршал-де-камп* с званием *адъютанта генерал-майора*. Начальники штабов *армейских корпусов* и дивизий выбираются точно таким же образом.

Место, назначенное командующим генералом для проживания его штаба, называется *Главным штабом армии*; место проживания штаба *корпуса армии* — *Штабом* [1-го или 2-го и т. д.] *корпуса армии*; место проживания *штаба* дивизии — *Штабом* [1-й или 2-й и т. д.] *дивизии*, [1-го или 2-го и т. д.] *армейского корпуса*.

Незначительные штабы полков, эскадронов и т. д., состоящие из адъютанта, старшего сержанта и т. д., организуются специально командирами полков и т. д. и не имеют никакого отношения к генеральному штабу армии. Разумеется, они не рассматриваются в настоящем обсуждении.

В военное время подчиненные офицеры штаба армии выполняют важные и ответственные обязанности, связанные с выполнением приказов своих начальников. Но в мирное время они слишком склонны деградировать до четвертосортных клерков генерал-адъютантского департамента и простых военных денди, тратящих свое время на обсуждение самых неважных и действительно презренных моментов военного этикета или критикуя письма и депеши вышестоящих офицеров, чтобы проверить, соответствует ли формулировка отчета или складывание письма конкретному правилу, применимому к данному случаю. Такой характер был присущ первому штабу Веллингтона, и подобный класс людей составлял штаб итальянской армии, когда она была упразднена Наполеоном и на ее месте сформирована новая. Есть также некоторые офицеры такого рода в нашей службе, но они вызывают всеобщее презрение в армии. Штаб нашей армии требует новой и иной организации и должен быть значительно расширен.

Ниже приводится состав регулярного генерального штаба французской армии, рассчитанного на армию численностью в сорок или пятьдесят тысяч человек, разделенную на два *армейских корпуса* и резерв.

1. Маршал (или генерал) главнокомандующий; один полковник или подполковник, один майор, три капитана и три младших офицера в качестве адъютантов.

2. Генерал-лейтенант в качестве начальника штаба с званием *генерал-майора*, которому помогают один полковник или подполковник, три майора, пять капитанов и один младший офицер в качестве адъютантов.
3. Три генерал-лейтенанта, командующие *армейским корпусом* и резервом. Каждому из них будут помогать адъютанты, как и *генерал-майору*, и каждый из них также будет иметь свой штат *армейского корпуса*, возглавляемый генералом дивизии или генералом бригады.
4. Шесть или девять генералов, командующих дивизиями, каждый из которых имеет свой собственный отдельный штаб. Во французской армии штаб офицера, командующего дивизией, состоит из одного полковника, двух майоров, трех капитанов и шести младших офицеров.
5. Двенадцать или более генералов бригады, каждый из которых имеет одного капитана и одного младшего офицера в качестве помощников.
6. К штабу главнокомандующего армией также прикреплены командиры артиллерии и инженеров с несколькими подчиненными, генеральные инспекторы и старшие офицеры каждого из административных департаментов с их помощниками.

Генералы выбирают своих помощников и ассистентов из штабного корпуса или из любого из четырех родов войск.

Войска этих родов войск могут быть распределены следующим образом:

52 батальона пехоты,	35 000 человек.
42 эскадрона кавалерии	6500
13 батарей артиллерии (4 конные и 9 пеших)	2500
5 рот саперов, 2 роты понтонеров, ^[29] и 1 рота артиллеристов	1500
	45 500

[\[29\]](#)

Для каждого *корпуса армии* требуется одна мостовая команда.

Если к этому добавить штаб, а также нескольких офицеров и служащих административных подразделений, то мы получим армию численностью почти пятьдесят тысяч человек.

Следует помнить, что это организация армии в полевых условиях; в общей военной организации государства число штабных офицеров будет еще выше.

В 1788 году Франция, имевшая военную организацию численностью около трехсот двадцати тысяч человек, имела восемнадцать маршалов, двести двадцать пять генерал-лейтенантов, пятьсот тридцать восемь *маршалов-де-камп* и четыреста восемьдесят три бригадира. Аналогичная организация генерального штаба сохранялась при Наполеоне. В настоящее время генеральный штаб французской армии состоит из девяти маршалов (двенадцати в

военное время), восьмидесяти генерал-лейтенантов в действующей армии, пятидесяти двух в резерве и шестидесяти двух *в отставке* — всего сто девяносто четыре; ста шестидесяти *маршалов-де-кампа* в действующей армии, восьмидесяти шести в резерве и ста девяносто *в отставке* — всего четыреста тридцать шесть. Офицеры штабного корпуса: тридцать полковников, тридцать подполковников, сто майоров, триста капитанов и сто лейтенантов. Офицеры других европейских армий организованы на той же основе.

Из этих замечаний видно, что организация нашего генерального штаба чрезвычайно несовершенна и совершенно не соответствует цели, для которой он был создан. У нас есть два бригадных генерала для командования двумя бригадами и один генерал дивизии с званием генерал-майора, который выполняет четыре функции: командующего армией, генерал-лейтенанта, генерала дивизии и начальника штаба армии. Но поскольку с таким количеством людей невозможно поддерживать надлежащую организацию, президент (по совету и с согласия Сената) время от времени увеличивал это число до трех генерал-майоров, девяти бригадных генералов и многочисленных офицеров штаба с более низкими званиями. Почти все эти офицеры откомандированы из своих полков и корпусов, что снижает эффективность полков и рот; и в результате этого абсурдного способа восполнения недостатков нашей системы организации с помощью временных званий у нас в армии сложилась аномальная ситуация, *когда офицеры являются генералами и в то же время не являются генералами, имеют определенные звания и ранги, но при этом не имеют этих званий и рангов!* Пусть Конгресс отменит эту абсурдную и нелепую систему, установит надлежащую и эффективную организацию генерального штаба и восстановит звания генерала и генерал-лейтенанта. Во время войны 1812 года, вместо того чтобы прибегнуть к надлежащей организации, когда потребовалось увеличение генерального штаба, мы просто увеличили число генерал-майоров и генералов бригады путем прямого назначения или присвоения званий. Сейчас признается, что никогда не было более неэффективного генерального штаба, чем тот, которым была проклята наша армия во время войны; и с тех пор претензии на звания бревет-генералов являются источником бесконечных беспорядков и недовольства, изгоняя из армии многих из ее самых достойных представителей.

В случае новой войны можно надеяться, что Конгресс не будет снова прибегать к губительной системе 1812 года. Возможно, некоторые могут возразить против создания генералов, генерал-лейтенантов и т. д., что это увеличивает расходы армии и число ее офицеров. Это не обязательно. Число, жалование и т. д. могут остаться такими же или почти такими же, как в настоящее время. Но, увеличив количество званий, вы в значительной степени избежите трудностей, связанных с требованиями старшинства и званиями по заслугам — главными проклятиями нашей нынешней системы. Если мы просто увеличим количество каждого существующего звания, присвоив часть из них выше их имени и должности, мы просто умножим зло. Но мы оставим эту тему на данный момент и вернемся к общему обсуждению обязанностей штаба.

Следующие замечания Жомини о важности штаба армии заслуживают внимания. «Хороший штаб, — говорит он, — более всего необходимо для устройства армии, ибо он должен рассматриваться как питомник, где командующий генерал может вырастить своих главных помощников — как корпус офицеров, чей ум может помочь его собственному. Когда между гением, который командует, и талантами тех, кто воплощает его замыслы, нет гармонии, успех не может быть гарантирован, поскольку даже самые умелые комбинации могут быть разрушены () из-за ошибок в исполнении. Кроме того, хороший штаб имеет преимущество в том, что он более долговечен, чем гений любого отдельного человека; он не только исправляет многие недостатки, но и, можно с уверенностью утверждать, является для армии

лучшей из всех гарантий. Мелкие интересы клик, узкие взгляды и неуместный эгоизм противоречат этой последней позиции; тем не менее, каждый военный, способный к размышлениям, и каждый просвещенный государственный деятель сочтут ее истинность неоспоримой, поскольку хорошо укомплектованный штаб для армии — это то же, что умелый министр для монархии: он поддерживает взгляды главы, даже если он способен руководить всем самостоятельно; он предотвращает ошибки, даже если командующий генерал не имеет достаточного опыта, давая ему хорошие советы. Сколько посредственных людей как в древности, так и в наше время прославились благодаря достижениям, которые в основном были заслугой их соратников! Рейнье был главной причиной побед Пишегру в 1794 году; и Дессольс, таким же образом, способствовал славе Моро. Разве генерал Толл не связан с успехами Кутузова? Дибеч — с успехами Барклая и Витгенштейна? Гнейзенау и Мюффлинг — с успехами Блюхера? Можно привести множество других примеров в подтверждение этих утверждений».

Хорошо сформированный штаб не всегда является результатом хорошей системы образования молодых соискателей, поскольку человек может быть хорошим математиком и прекрасным ученым, но при этом не быть хорошим воином. Штаб всегда должен обладать достаточным авторитетом и прерогативами, чтобы к нему стремились офицеры различных родов войск, и таким образом привлекать людей, которые уже известны своей способностью к войне. Инженерные и артиллерийские офицеры больше не будут противостоять штабу, если они поймут, что это откроет им более широкие возможности для немедленного отличия и что в конечном итоге штаб будет состоять исключительно из офицеров этих двух родов войск, которые могут быть поставлены в распоряжение командующего генерала и которые наиболее способны руководить военными операциями».

«В начале революционных войн, — пишет этот способный историк в другом месте, — в французской армии генеральный штаб, который необходим для руководства военными операциями, не имел ни образования, ни опыта». Несколько адъютантов-генералов, прикомандированных к итальянской армии, были настолько некомпетентны, что Наполеон стал предвзято относиться к существующему штабу и фактически уничтожил его, набрав своих штабных офицеров из других корпусов армии. В его ранних войнах большая часть штабных обязанностей была возложена на инженеров, но в более поздних кампаниях офицеры этого корпуса были особенно востребованы для осад, проводившихся в Германии и Испании, и возникли значительные трудности с поиском подходящих офицеров для штабной службы. Некоторые недостатки первого французского штабного корпуса были устранены в конце карьеры Наполеона, и в 1818 году он был реорганизован маршалом Сен-Сиром, а для его обучения была создана специальная школа.

Некоторые европейские страны создали регулярные штабные корпуса, из которых заполняются вакансии в генеральном штабе; другие набирают всех своих штабных офицеров из корпуса армии. Лучшие эксперты отдают предпочтение сочетанию этих двух систем. Жомини рекомендует регулярный штабной корпус со специальными школами для его обучения, но считает, что его офицеры должны, по крайней мере частично, набираться из других корпусов армии: он считает, что офицеры инженерных войск и артиллерии, благодаря своему образованию, особенно подходят для штабной службы. Политика одновременного занятия двойной должности в штабе и в корпусе армии, как это делается в нашей службе, признана всеми компетентными экспертами губительной для армии, поскольку она одновременно разрушает характер штаба и наносит ущерб эффективности линии.

Следующие замечания о характере и обязанностях генералов армии, сделанные в начале войны 1812 года, принадлежат перу одного из самых способных военных писателей, которых когда-либо производила эта страна:

«Генералы делятся на три класса: *теоретики*, которые благодаря изучению и размышлениям ознакомились со всеми правилами и принципами своего искусства; *маршалы*, которые сосредоточили свое внимание исключительно на механической стороне дела; и *практические люди*, которые не имеют другого или лучшего руководства, кроме собственного опыта в любой из этих областей. Последний тип встречается во всех видах вооруженных сил, за исключением наших, в наибольшем количестве, но у нас он уступает место четвертому классу, а именно людям, лишенным как *теории*, так и *опыта*».

«Самоуважение — это одно, а самонадеянность — другое. Без первого никто никогда не становился хорошим офицером; под влиянием второго генералы совершали большие ошибки. Первое — необходимый результат знания, второе — невежества. Человек, знакомый со своими обязанностями, редко попадает в новые, неожиданные или затруднительные обстоятельства; человек, не знающий своих обязанностей, всегда будет вынужден *гадать* и, не зная, как поступить правильно по *системе*, часто будет ошибаться *случайно*».

«Эти замечания не сделаны и не предложены как применимые исключительно к науке о войне. Они применимы ко всем другим наукам, но в них ошибки сравнительно безвредны. Естествоиспытатель может развлекать себя и публику ложными и причудливыми теориями о Земле, а метафизик может очень плохо рассуждать об отношениях и формах материи и духа, не причиняя никакого вреда, кроме как выставляя себя в смешном свете. Их промахи только развлекают нас; они не крадут, не ломают ноги и не уничтожают жизни, в то время как промахи генерала приносят с собой самые сложные и пагубные беды — гибель армии, опустошение государства, разрушение империи!»

«В той мере, в какой невежество может быть губительным, причины для приобретения знаний умножаются и усиливаются. Вы *честный* человек? Вы не пощадите ни труда, ни жертв, чтобы приобрести достаточные знания о своем долге. Вы человек *чести*? Вы будете осторожны, чтобы избежать упреков в адрес себя. Ваша грудь горит святым *патриотизмом*? Вы будете стремиться к самосовершенствованию, чтобы не навлечь на свою страну ни оскорбления, ни вреда».

«Более эгоистичные побуждения также имеют аналогичную тенденцию. *Голод* сделал вас солдатом? Разве вы не будете заботиться о своем хлебе? Ваш принцип действия — *тщеславие*? Разве вы не будете охранять эти могущественные благословения — свои эполеты и перья? Вас движет любовь к *славе* или любовь к *власти*? И разве вы можете забыть, что этих кокетливых любовниц можно завоевать только интеллектом и хорошим поведением?»

«Но где найти *средства* обучения, спросите вы? Наша постоянная армия — это лишь плохо организованное ополчение, а наше ополчение не лучше толпы. И эти недостатки не восполняются лицами, пританеями и политехническими школами. Болезненный патриотизм одних и ложная экономия других почти полностью уничтожили все, что похоже на военные знания, среди нас».

«Это, читатель, лишь еще один мотив для его восстановления. Благодаря благородному искусству печати у вас все еще есть *книги*, которые, если *их изучать*, научат искусству войны».

«*Книги!* А что они, как не мечты педантов? Они могут создать Мака, но создали ли они когда-нибудь Ксенофона, Цезаря, Сакса, Фридриха или Бонапарта? Кто не рассмеется, услышав, как афинский сапожник читает лекции Ганнибалу по военному искусству?»

«Верно, но поскольку вы не Ганнибал, послушайте сапожника. Ксенофонт, Цезарь, Сакс, Фридрих и Наполеон все высоко ценили книги и даже сами их писали. И это неудивительно, поскольку они являются лишь хранилищами максим, которые подсказал гений и подтвердил опыт; поскольку они просвещают и сокращают путь путешественника, а также делают труд и гений прошлых веков приносом для нашего времени. *Они* самым наглядным образом учат, что секрет успешной войны заключается не в *ногах* и *руках*, а в *голове*, которая ими управляет. Если она не одарена от природы или не обучена изучением и размышлением, то лучшие планы маневров и кампаний не приносят никакой пользы. Последние два столетия принесли много революций в военном деле, и все они были основаны на этом принципе. Было бы бесполезно перечислять их. Мы приведем только самую великую и последнюю — *войска Фридриха!* Как они были славны под его командованием! Как они были презренны под командованием его преемников! Тем не менее, его система осталась: его двойные линии марша на полном расстоянии, его кривой порядок боя, его простые линии маневров в присутствии врага, его мудрое формирование *штаба* — короче говоря, все, что отличало его практику от практики обычных людей, пережило его, но голова, которая действительно понимала и знала, как применять все это, умерла вместе с Фридрихом. Какое предупреждение представляет собой этот факт для самообразования, для неустанного усердия, для изучения и размышления! И сила этого предостережения не должна уменьшаться из-за соображения, что, в конце концов, если природа не сделала свою часть работы, если душе, не поддающейся никаким изменениям судьбы, хладнокровной, собранной и энергичной, не придала она голову, плодотворную в изобретении средств, быструю в решениях и здравую в суждениях, то ни один человек никогда не сможет заслужить звание *генерала*.

Знаменитый маршал Сакс высказал следующие замечания о необходимых качествах хорошего генерала. Самым незаменимым из них, по его мнению, является доблесть, без которой все остальные качества окажутся бесполезными. Следующим является здравый ум с некоторым гением: ведь он должен быть не только мужественным, но и чрезвычайно изобретательным. Третьим является здоровье и крепкое телосложение.

«Его ум должен быть способен к быстрым и энергичным решениям; он должен обладать способностью и талантом раскрывать замыслы других, не выдавая ни малейшего следа своих собственных намерений; он должен быть, *казалось бы*, общительным, чтобы побудить других раскрыться, но оставаться стойко сдержанным в вопросах, касающихся его собственной армии; одним словом, он должен обладать активностью и здравым смыслом, уметь правильно выбирать своих офицеров и никогда не отклоняться от строжайших норм военной справедливости. Старые солдаты не должны становиться несчастными и неудовлетворенными из-за необоснованных повышений, а выдающиеся таланты не должны ущемляться в ущерб службе из-за простых правил и положений. Великие способности оправдывают исключения, но невежество и бездеятельность не компенсируют годы, проведенные в профессии».

«В своем поведении он должен быть приветливым и всегда выше раздражительности или плохого настроения; он не должен знать, или, по крайней мере, казаться, что не знает, что такое дух обиды; и когда он вынужден применять военное наказание, он должен следить за тем, чтобы виновный был наказан без компромиссов и глупой человечности; и если правонарушитель является одним из его ближайших друзей, он должен быть вдвойне строг к несчастному человеку. Ведь в случаях исправления лучше, чтобы один человек был подвергнут строгому наказанию (по приказу того, на кого он, как предполагается, имеет некоторое влияние), чем чтобы в армии распространилась идея о том, что общественное правосудие приносится в жертву личным чувствам».

«Современный генерал должен всегда иметь перед глазами пример Манлия; он должен избавиться от личных чувств и не только убедить себя, но и убедить других, что он является органом военного правосудия и что то, что он делает, является непреложным предписанием. Обладая этими качествами и следуя этой линии поведения, он обеспечит себе любовь своих подчиненных, внушит им уважение и почтение; его будут бояться и, следовательно, слушаться».

«Ресурсы ума генерала столь же разнообразны, сколь многообразны и пестры случаи их применения: он должен в совершенстве владеть искусством поддерживать армию в любых обстоятельствах и ситуациях; уметь применять ее силу или бережно расходовать ее энергию и уверенность; уметь размещать все ее различные составные части так, чтобы не быть вынужденным давать или принимать сражение вопреки установленным планам. Как только он вступил в бой, он должен обладать достаточным присутствием духа, чтобы уловить все относительные моменты расположения и расположения сил, воспользоваться благоприятными моментами для оказания впечатления и быть хорошо осведомленным о бесконечных переменах, которые происходят в разгар сражения; от готовности к ним зависит его окончательный успех. Эти требования, несомненно, многообразны и вытекают из разнообразия ситуаций и случайного смешения событий, которые обуславливают их необходимость».

«Чтобы в совершенстве владеть ими, генерал в день сражения должен быть лишен всяких мыслей и недоступен для всяких чувств, кроме тех, которые непосредственно касаются дела дня; он должен вести разведку с быстротой опытного географа, чей взгляд мгновенно охватывает все соответствующие участки местности и инстинктивно чувствует почву под ногами; при расстановке своих войск он должен продемонстрировать совершенное знание своего дела и выполнять все свои распоряжения точно и оперативно. Его боевой порядок должен быть простым и понятным, а выполнение его плана должно быть таким же быстрым, как если бы оно состояло лишь в произнесении нескольких командных слов, таких как: *«Первая линия атакует! Вторая линия поддержит ее! Или такой-то батальон продвинется вперед и поддержит линию»*.

Генералы, действующие под началом такого генерала, должны быть действительно невежественны в своем деле, если, получив эти приказы, они не смогут немедленно отреагировать на них быстрым и готовым сотрудничеством. Таким образом, генералу остается только отдавать приказы в соответствии с развитием обстоятельств и быть уверенным, что каждая дивизия будет действовать в соответствии с его намерениями; но если, напротив, он настолько забудет о своем положении, что станет сержантом-инструктором в разгаре сражения, то окажется в положении мухи из басни, которая присела на колесо и глупо вообразила, что движение кареты зависит от ее положения. Поэтому генерал в день сражения должен полностью владеть собой и сосредоточить свой ум и взгляд на непосредственном месте действия. Таким образом, он сможет видеть все, его суждения

будут беспристрастными, и он мгновенно обнаружит все уязвимые места противника. В тот момент, когда появляется благоприятная возможность, благодаря которой может быть решен исход сражения, его долгом становится возглавить ближайший отряд войск и, не заботясь о личной безопасности, наступать на линию противника. [Благодаря подобной готовности к действию в сочетании с большой смелостью генерал Дессе определил исход битвы при Маренго]. Однако никому не под силу установить правила или точно определить все различные способы достижения победы. Все зависит от множества ситуаций, случайных событий и промежуточных обстоятельств, которые невозможно предсказать, но которые можно обратить в свою пользу благодаря быстрому взгляду, готовому представлению и оперативному исполнению».

«Принц Евгений был необычайно одарен этими качествами, особенно тем возвышенным умственным даром, который составляет сущность военного характера».

«Многие главнокомандующие были настолько ограничены в своих представлениях о ведении войны, что когда события приводили к сражению и две соперничающие армии выходили на поле боя, все их внимание было сосредоточено на прямом выравнивании, равном шаге или регулярном расстоянии между колоннами. Они считали достаточным отвечать на вопросы своих адъютантов, отправлять приказы в разные стороны и мчаться от одного места к другому, не следя за изменениями в ходе дня и не выжидая спокойно подходящего момента для нанесения решающего удара. Фактически они пытались делать все и тем самым ничего не делали. Они похожи на людей, которых покидает присутствие духа, как только они выходят за рамки привычного или вынуждены отвечать на неожиданные вызовы необычными усилиями; и откуда, продолжает тот же разумный автор, возникают эти противоречия? Из незнания тех высоких качеств, без которых простая рутина обязанностей, методичная организация и выработанная дисциплина обречены на провал и саморазрушение. Многие офицеры проводят всю свою жизнь, обучая несколько полков регулярным маневрам, и, сделав это, тщетно воображают, что вся наука настоящего военного состоит в этом приобретении. Когда со временем им выпадает командование большой армией, они явно теряются в масштабах этого предприятия и, не зная, как поступать, как следует, остаются довольны тем, что делают то, чему частично научились».

«Военные знания, в том что касается генерала или главнокомандующего, можно разделить на две части: одна включает в себя простую дисциплину и устоявшиеся системы для применения определенного числа правил на практике; другая же порождает возвышенность концепции, которой метод может помочь, но не дать».

«Если человек рожден с способностями, которые естественным образом подходят для положения генерала, но его таланты не соответствуют чрезвычайным обстоятельствам войны, он никогда не поднимется выше посредственности».

«На самом деле, в войне все так же, как в живописи или музыке. Совершенство в любом из этих искусств проистекает из врожденного таланта, но без него его никогда не достичь. Изучение и настойчивость могут исправить представления, но никакое применение, никакая усердность не придадут жизни и энергии действию; это дело природы».

«Мне посчастливилось (замечает маршал) видеть, как несколько очень хороших полковников становились посредственными генералами. Я знал других, которые отличились в осадах и в различных маневрах армии, но теряли самообладание и казались невежественными в своей профессии, как только их снимали с этой конкретной должности, и были неспособны командовать даже несколькими эскадронами кавалерии. Если человек такого типа будет поставлен во главе армии, он ограничится простыми расположениями и

маневрами; в них он будет искать безопасность; и если однажды его планы будут сорваны, его поражение будет неизбежным, потому что его ум не способен к другим ресурсам».

«Чтобы наилучшим образом предотвратить бесчисленные бедствия, которые неизбежно возникают из-за неопределенности войны и еще большей неопределенности средств, применяемых для ее ведения, необходимо установить некоторые общие правила не только для управления войсками, но и для обучения тех, кто ими командует. Необходимо соблюдать следующие принципы: когда линия или колонны наступают, следует строго соблюдать расстояния между ними; когда отряду войск приказывают атаковать, все подразделения линии должны бросаться вперед с бесстрашием и энергией; если в первой линии появляются пробелы, вторая линия обязана немедленно заполнить эти пробелы».

Эти инструкции вытекают из простых законов природы и не требуют ни малейшего разъяснения в письменной форме. Они составляют азы солдатского дела. Ничто не может быть проще и понятнее; настолько, что было бы смешно, если бы генерал жертвовал важными задачами, чтобы заниматься такими мелочами. Его функции в день сражения ограничиваются теми умственными занятиями, которые позволяют ему наблюдать за поведением врага, следить за его движениями и видеть орлиным взглядом или взглядом короля Пруссии все направления, в которых движутся его противники. Его задача — вызвать тревогу и подозрения среди вражеских рядов в одном месте, в то время как его реальное намерение — действовать против другого; сбить его с толку и вывести из равновесия в его планах; воспользоваться многочисленными возможностями, которые создали его уловки, и, когда борьба дойдет до кульминации, быть способным нанести удар по самой слабой части и нанести смертельный удар там, где он будет непременно смертельным. Но для достижения этих важных и незаменимых целей его суждение должно быть ясным, ум сосредоточенным, сердце твердым, а взгляд неспособным отвлекаться, даже на мгновение, на мелкие события дня».

Административная служба армии обычно делится на несколько отдельных подразделений, таких как

Отдел оплаты.

Отдел снабжения

Отдел одежды

Медицинский отдел

Больничные отделы

Казармы

Топливо

Транспорт

Вербовка

Военная юстиция, или отдел
военного трибунала.

В нашей службе эти отделы объединены.

то же

Эти подразделения в нашей службе объединены в одно
под названием интендантский отдел

Мы намеревались подробно рассмотреть историю, организацию и использование каждого из этих гражданско-военных подразделений армии, но ограниченность нашего материала не позволяет провести столь подробное обсуждение, которое необходимо для правильного понимания данного вопроса. Поэтому мы переходим от штаба непосредственно к *линии*, или, вернее, к четырем основным родам войск в армейской организации.^[30]

[30]

Из работ, непосредственно посвященных организации и обязанностям штаба, лучшими считаются работы Гримоарда, Тьебо, Бутурлина, Лабома. Сочинения Жомини, Наполеона, Рокканкура, Вошеля, Одье, Шарнхорста также содержат много ценной информации по этому вопросу. Для получения дополнительной информации по темам, затронутым в этой главе, можно обратиться к следующему списку книг:

Aide-Mémoire des officiers généraux et supérieurs et des capitaines.

Précis de l'art de la guerre. Жомини.

Mémoires de Napoléon. Монтолон и Гурго.

Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires. Роканкур.

Cours élémentaire d'administration militaire. Вошель.

Элементарные основы военного искусства и т. д. Гай де Вернон.

Исторический военный справочник и др. Сикар.

Краткий курс военного управления. Бернье.

Курс военного управления и т. д. Одье.

Об управлении испанской армией. Одье.

Об организации вооруженных сил во Франции. Карион-Нисас.

Элементы военного искусства и др. Куньо.

Мемуары о войне. Фёкиер.

Курс военного искусства и истории. Жаккино де Пресле.

Курс военного искусства. Фалло.

Теория высшего офицера. Леорие.

История военного управления. Одуэн.

Различные инструкции для использования в школе при Королевском генеральном штабе.

Справочник для офицеров и т. д. Шарнхорст.

Поскольку мы не стали рассматривать отдельные подразделения административной службы армейской организации, мы не считаем необходимым приводить названия справочных книг по вопросам оплаты, военных трибуналов, медицинских и госпитальных подразделений и т. д.

ГЛАВА X

АРМИЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.^[31] —ПЕХОТА И КАВАЛЕРИЯ

Пехота. — Пехота составляет в действующей армии, безусловно, наиболее многочисленную часть; в мирное время ее обязанности просты и в большинстве стран имеют сравнительно небольшое значение; однако в нашей стране постоянно возникающие трудности на индийских границах делают этот род войск особенно необходимым и важным даже в период всеобщего мира. В силу характера пехотной службы — отсутствия особых технических знаний (мы говорим о рядовых и офицерах низших званий), которые были бы столь же абсолютно необходимы, как в других родах войск, — солдат может быть в короткие сроки обучен и подготовлен к выполнению своих обязанностей. По этой причине соотношение пехоты в мирном состоянии обычно гораздо меньше, чем в активной службе, поскольку этот род войск всегда способен к значительному расширению, когда того требует ситуация.

[31]

Обсуждая нашу собственную организацию, было бы неплохо сравнить ее с армиями некоторых из основных европейских стран. Ограниченность объема не позволяет нам углубляться в детали и проводить сравнение более чем с одной европейской державой. Мы выберем Францию, поскольку ее армейская организация служила образцом для остальной Европы и по-прежнему в некоторых отношениях превосходит большинство других.

В ранние периоды развития общества и в странах, где было много лошадей, люди обычно предпочитали сражаться верхом, но цивилизация и более глубокое знакомство с войной всегда повышали значение пехоты.

Евреи, а также египтяне, использовали почти исключительно эту род войск. Азиаты обычно использовали как пехоту, так и кавалерию, но у греков *пехота* была любимым родом войск. Даже их цари и полководцы обычно сражались пешком. Римляне завоевали мир в основном благодаря своей пехоте. Этот вид войск также считался наиболее важным древними германцами и галлами, но миграция гуннов и других монгольских племен, ездивших на небольших и быстрых лошадях, а также знакомство франков северной Испании с маврами, которые ездили на прекрасных лошадях из Аравии и плато Азии, привели к появлению в Западной Европе интереса к кавалерии. Эта мода еще более укрепилась в условиях феодальной системы, поскольку рыцари предпочитали сражаться верхом, а не пешком. Во время крестовых походов пехота попала в немилость. Но изобретение пороха изменило всю систему ведения войны и вернуло пехоте ее прежнее значение.

«У римлян, — пишет Наполеон в своих мемуарах, — было две пехоты: первая, легко вооруженная, была снабжена метательным оружием; вторая, тяжело вооруженная, была вооружена короткими мечами. После изобретения пороха два вида пехоты по-прежнему существовали: аркебузиры, которые были легко вооружены и предназначались для

наблюдения и преследования врага, и пикинёры, которые заменили тяжеловооруженную пехоту. За сто пятьдесят лет, прошедших с тех пор, как Вобан изгнал копья и пики из всей пехоты Европы, заменив их ружьями и штыками, вся пехота была легко вооружена... С тех пор, строго говоря, существовал только один вид пехоты: если в каждом батальоне была рота стрелков, то это было для уравнивания роты гренадеров; поскольку батальон состоял из девяти рот, одной отборной роты было недостаточно. Если император Наполеон создал роты вольтижеров, вооруженных как драгуны, то это было для того, чтобы заменить ими роты стрелков. Он сформировал их из мужчин ростом менее пяти футов, чтобы задействовать тот класс призывников, чей рост составлял от четырех футов десяти дюймов до пяти футов; и, поскольку до этого времени они были освобождены от призыва, это сделало бремя призыва более тяжелым для других классов. Эта мера послужила вознаграждением для большого числа старых солдат, которые, будучи ниже пяти футов ростом, не могли поступить в роты гренадеров, но благодаря своей храбрости заслуживали поступления в отборные роты: это было мощным стимулом к соперничеству, чтобы гиганты и пигмеи соревновались друг с другом. Если бы в армиях императора были люди разного цвета кожи, он бы сформировал роты из чернокожих и роты из белокожих; в стране, где были бы циклопы или горбуны, можно было бы с пользой использовать роты из циклопов, а другие — из горбунов».

«В 1789 году французская армия состояла из линейных полков и батальонов егерей; егеря из Севенн, Виваре, Альп, Корсики и Пиренеев, которые во время Революции сформировали полубригады легкой пехоты; но цель заключалась не в том, чтобы иметь два разных вида пехоты, поскольку они набирались одинаково, обучались одинаково, тренировались одинаково; только батальоны егерей набирались из жителей горных районов или из сыновей егерей; поэтому они были более пригодны для службы на границах Альп и Пиренеев; а когда они находились в армиях Севера, их всегда предпочитали отправлять на высоты или в леса; когда этих людей выстраивали в линию в бою, они отлично служили как батальон линейной пехоты, потому что они получали такое же обучение, были вооружены и дисциплинированы таким же образом. Каждая держава время от времени создает в военное время нерегулярные корпуса под названием свободных или легионерских батальонов, состоящих из иностранных дезертиров или сформированных из лиц, принадлежащих к определенной партии или фракции; но это не составляет двух видов пехоты. Есть и может быть только один. Если обезьяны древности должны подражать римлянам, то им следует вводить не легко вооруженные войска, а тяжеловооруженных солдат или батальоны, вооруженные мечами, поскольку вся пехота Европы порой служит в качестве легких войск».

Большинство европейских стран, вероятно, по причинам, схожим с причинами Наполеона, сохраняют это номинальное деление *пехоты на линейную и легкую*, но обе обычно вооружены и экипированы одинаково, и обе получают одинаковую организацию и обучение. Легкая пехота обычно формируется из класса людей или района страны, который предоставляет наибольшее количество стрелков и снайперов. Во Франции легкая пехота лучше всего укомплектована охотниками из районов Арденн, Вогезов и Юры; в Австрии — хорватами и тирольцами; в Пруссии — «фёрстерами», или лесниками; а в России — казаками. Наши западные охотники, при надлежащей дисциплине, являются лучшими стрелками в мире.

Легкая пехота обычно используется для защиты флангов основной армии, обеспечения безопасности аванпостов, разведки местности, обеспечения безопасности подходов, введения врага в заблуждение демонстрациями и обеспечения покоя других войск с помощью патрулей. Обычно они начинают сражение, а затем занимают свои места в линии, либо на флангах, либо в промежутках между более крупными подразделениями. Битва при

Йене является хорошим примером использования французской легкой пехоты; а в битве при Ватерлоо прусские тиральеры были чрезвычайно эффективны в расчистке местности для продвижения тяжелых колонн Блюхера. Атаки Флох-Хуга Ожеро, Вирцен-Хайлегена Суше и Изерштадта Дежардена являются образцами, достойными изучения.

Пехота линии действует массово и на поле боя составляет основную боевую силу. Ее построения и способы ведения боя уже были рассмотрены в разделе, посвященном тактике.

Важность пехоты в значительной степени обусловлена тем, что ее можно использовать везде — в горах или на равнинах, в лесистой или открытой местности, в городах или в полях, на реках или на море, в редутах или при штурме брешей; пехота зависит только от себя, в то время как другие рода войск в значительной степени зависят от эффективности своего снаряжения, а также от воли и силы грубой силы; и когда снега России или пустыни Египта лишают их животных средств к существованию, они становятся совершенно бесполезными.

В древние времена пехотинцы были вооружены копьем, а иногда мечом, стрелами, копьем и пращей. В настоящее время они вооружены ружьем и штыком, а иногда мечом. В некоторых европейских армиях некоторые пехотинцы вооружены пикой. Некоторые из легких войск, используемых в качестве снайперов, носят винтовку, но это оружие бесполезно для большей части пехоты. Короткий меч более полезен как инструмент для рубки веток, дерева и т. д., чем для реального боя. Пехота не имеет защитного покрытия или, по крайней мере, имеет его очень мало. Шлем или каска служат для защиты головы, а плечи в некоторой степени защищаются эполетами. В наше время часто предлагается восстановить древнюю защитную броню пехотинца, но это было бы хуже, чем бесполезно против огнестрельного оружия, и, кроме того, уничтожило бы эффективность этих войск, затрудняя их движения. Сила этого рода войск в значительной степени зависит от его дисциплины, поскольку, если он спокоен и тверд, масса пехоты в колонне или в квадрате практически непробиваема.

Штык был введен Вобаном во время войн Людовика XIV, и после 1703 и 1704 годов пика была полностью вытеснена из французской армии. Эта мера встретила горячее сопротивление маршала Монтескье, и этот вопрос обсуждался им и маршалом Вобаном с умением и эрудицией, достойными этих великих людей. Аргументы Вобана были сочтены наиболее убедительными, и его проект был принят королем.

Этот вопрос вновь подняли военные писатели в более позднее время: Пуйсегур выступал за мушкет, а Фолар и Ллойд — за восстановление пики. Даже в нашей армии, еще во время войны 1812 года, один выдающийся генерал настойчиво призывал к использованию пики, и пятнадцатый (и, возможно, еще один полк) был вооружен и экипирован частично как *пикинёры*; но опыт вскоре доказал нелепость этого проекта.

Наполеон называет пехоту *оружием сражений и мускулами армии*. Но если признать, что после таланта главнокомандующего пехота является первым инструментом победы, то следует также признать, что она находит мощную поддержку в кавалерии, артиллерии и инженерах, и что без них она часто оказывалась бы в уязвимом положении и могла бы добиться лишь половинного успеха.

Французская пехота разделена на сто полков по три батальона в каждом, причем батальон состоит из семи рот. Есть также несколько других батальонов егерей, зуавов и т. д., организованных специально для службы в Африке и состоящих частично из местных войск.

В нашей армии есть восемь пехотных полков, каждый из которых формирует один батальон из десяти рот. Фланговые роты предназначены для легкой пехоты.

Во всех правильно организованных армиях пехота составляет от трех четвертей до четырех пятых всей действующей силы на поле боя и от двух третей до трех четвертей, то есть около семи десятых всей военной организации. В мирное время эта пропорция может быть немного уменьшена.

Кавалерия. Использование кавалерии, вероятно, почти так же старо, как и сама война. Египтяне имели кавалерию еще до времен Моисея, и израильтяне часто сталкивались с кавалерией в своих войнах с соседями, хотя сами они не использовали этот вид войск до времен Соломона.

Греки позаимствовали свою кавалерию у азиатов, и особенно у персов, которые, по словам Ксенофонта, высоко ценили этот вид войск. После битвы при Платеях собравшиеся греки договорились, что каждая держава должна предоставить одного всадника на каждые десять пехотинцев. В Спарте для этого вида войск отбирались самые бедные, и кавалерия отправлялась на бой без какой-либо предварительной подготовки. В Афинах кавалерийская служба была более популярна, и они сформировали хорошо организованный корпус из двенадцати сотен всадников. В Фивах этот род войск также пользовался уважением во времена Эпаминонда. Но кавалерия Фессалии была самой известной, и как Филипп, так и Александр набирали свои конные войска из этой страны.

Римляне достигли лишь небольшого прогресса в этом роде войск, когда столкнулись с фессалийцами, которые сражались в армии Пирра. Затем они увеличили свою кавалерию, но она не была многочисленной до окончания войн с карфагенянами. Сципион организовал и дисциплинировал римскую кавалерию по образцу нумидийской. Этот род войск комплектовался из рядов самых богатых граждан и впоследствии сформировал промежуточное сословие между сенатом и народом под названием *всадников*.

В более поздний период особенно хорошей была кавалерия галлов. Франки не имели кавалерии, когда они впервые вторглись в Галлию. При правлении Хильдерика I мы впервые видим «кавалеристов-франков» в составе национальных войск. В битве при Туре соотношение кавалерии и пехоты было один к пяти, а при Пепине и Карле Великом их численность была почти равной. При Карле Лысого армии состояли исключительно из кавалерии, а в средние века рыцари презирали пехоту и сражались только верхом на лошадях.

После появления артиллерии кавалерия по-прежнему использовалась, хотя и с небольшой пользой. Густав Адольф был первым, кто осознал реальное значение этого рода войск в современной войне, и он использовал его с большим успехом. Но его усовершенствование было оставлено Зайдлицу под руководством Фридриха Великого.

Маршал Саксен очень справедливо заметил, что кавалерия — это *«arme du moment»*, поскольку почти в каждой битве бывают моменты, когда решающая атака кавалерии приносит победу, но если она не будет произведена в нужный момент, может быть уже слишком поздно. Эффективность кавалерии зависит от морального впечатления, которое она производит на врага, и тем больше она, чем больше численность кавалерии и чем быстрее ее движение. Последнее качество позволяет командиру немедленно воспользоваться решающим моментом, когда враг обнажает слабое место или когда в его рядах возникает беспорядок. Но для этого требуется смелый и активный дух, который не уклоняется от ответственности и способен быстро и решительно воспользоваться любой возможностью. Если помнить, что этот редкий и так трудно приобретаемый *«coup d'oeil»* должен сопровождаться ничем не поколебимой смелостью и энергией исполнения, то мы не будем удивляться, что история знает так мало хороших кавалерийских генералов и что эта

рода войск так редко добивается таких успехов, как под командованием Фридриха и Наполеона, с Сейдлицем и Муратом в качестве командиров.

Использование лошадей на войне дает солдату большую *скорость*, но в других отношениях он теряет. Большие расходы и заботы, необходимые кавалеристу для содержания лошади; трудности, с которыми он сталкивается при преодолении обычных препятствий и при использовании своего огнестрельного оружия, — все это мешает успеху.

Неравномерные размеры лошадей, а также большое разнообразие их силы и породы сделали необходимым разделить эту род войск на *легкую* и *тяжелую* кавалерию, а также смешанный класс, называемый *драгунами*. Тяжелая кавалерия обычно используется в массовых сражениях, где требуется в основном *сила*; более легкие войска используются по отдельности и в небольших отрядах, где наиболее важна быстрота передвижения.

Тяжелая кавалерия делится на карабинеров, кирасиров и иногда лансиров. Две последние категории часто объединяются, поскольку кирасиры вооружены копьями. Эти войска редко используются для разведки, авангарда и конвоев, но часто применяются для поддержки легкой кавалерии. Их основная задача — «*появляться на поле боя и наносить решающие удары*».

Легкая кавалерия состоит из егерей, гусаров и лансиров. Последние, когда состоят из крупных мужчин и ездят на тяжелых лошадях, присоединяются к тяжелой кавалерии.

Драгуны ранее были смешанным подразделением, состоящим из конницы и пехоты, но поскольку оказалось невозможным объединить эти два разных рода войск в одно, а попытка уничтожила полезность подразделения для действий в любом из этих родов, термин стал применяться к смешанному виду кавалерии между тяжелой и легкой конницей. В более поздних войнах их также обучали как пехоту и использовали как пехотинцев, пока в стране противника не находились лошади, на которых их можно было оседлать. Но мы полагаем, что в более поздних войнах нет примеров, когда они использовались одновременно в обоих качествах.

Этот термин очень неправильно применяется ко всей нашей кавалерии; и некоторые из мудрецов в Конгрессе недавно провели эксперимент с одним из наших так называемых полков *драгун*, сняв его с конного вооружения на один год, продав его лошадей с аукциона и изменив его вооружение и снаряжение, а на следующий год снова купив новые лошади, оружие и снаряжение, чтобы снова поставить его на конное вооружение; и все это ради *экономии!*

Римская кавалерия сначала носила круглый щит и шлем, а остальная часть тела была почти не защищена. Их оружием были меч и длинное тонкое копье или пика с железным наконечником. Позже они уменьшили щит до гораздо меньшего размера и сделали его квадратным, а их копье значительно увеличилось в размере и длине и было вооружено с обоих концов. В остальном они были вооружены так же, как пехота. Использование копья и щита одновременно, конечно, делало и то, и другое практически бесполезным. Римская кавалерия превосходила кавалерию своих врагов, за исключением, пожалуй, легкой кавалерии парфян.

Тяжелые доспехи, которые иногда носили древние, как и *gens d'armes* средневековья, делали их значительно уступающими пехоте в ближнем бою. Тигран, царь Армении, вывел на поле боя армию в сто пятьдесят тысяч всадников против римского полководца Лукулла, который имел только около шести тысяч всадников и пятнадцать тысяч пехотинцев. Но

армянская кавалерия, называемая *катафрактами*, была настолько перегружена доспехами, что, падая с лошадей, они едва могли двигаться или пользоваться своим оружием. Они были разгромлены всего лишь горсткой римской пехоты.

Современная кавалерия гораздо легче и, отказавшись от доспехов, щитов и т. д., может двигаться с гораздо большей скоростью. Современная кавалерийская лошадь несет вес от 250 до 300 фунтов, а именно:

	Тяжелая кавалерия	Легкая кавалерия
Всадник	160	140 фунтов
Его оружие и снаряжение	55	40
Его конное снаряжение	60	45
Двухдневный запас провианта и зерна	25	25
	300	250

Скорость движения лошади в минуту —

В шаге, от 110 до 120 ярдов

Рысью — от 220 до 240

В галопе — 330–360

Но при марше по обычным дорогам, как хорошим, так и плохим, кавалерия проходит около ста ярдов в минуту, а в легкой рыси — двести.

Обычный дневной марш для кавалерии составляет около тридцати миль, но при форсированном марше этот род войск может пройти пятьдесят миль за двадцать четыре часа. Один всадник или небольшой отряд могут легко превысить это расстояние.

«Легкая кавалерия, — пишет Наполеон в своих мемуарах, — должна вести разведку и следить за движениями врага, значительно опережая армию; она не является придатком пехоты: ее должны поддерживать и защищать, в первую очередь, кавалерия линии. Между пехотой и кавалерией всегда существовали соперничество и соперничество: легкая кавалерия незаменима для авангарда, арьергарда и флангов армии; поэтому ее нельзя прикрепить к какому-либо конкретному пехотному корпусу и заставлять следовать за его передвижениями. Было бы более естественно прикрепить ее к кавалерии линии, чем оставлять в зависимости от пехоты, с которой она не имеет никакой связи; но она должна быть независимой от обеих».

«Если легкая кавалерия должна формировать авангард, она должна быть организована в эскадроны, бригады и дивизии для маневрирования, поскольку это все, что делают авангард и арьергард: они преследуют или отступают взводами, формируются в несколько линий, поворачивают в колонну или быстро меняют свое положение, чтобы выйти вперед всего крыла. Благодаря сочетанию таких маневров авангард, уступающий по численности, избегает активных действий и общих сражений, но при этом задерживает противника на достаточное время, чтобы дать возможность подойти основной армии, развернуться пехоте, главнокомандующему принять меры и багажу и паркам занять свои позиции. Искусство генерала авангарда или арьергарда заключается в том, чтобы, не рискуя поражением, сдерживать противника, мешать ему, заставляя его тратить три или четыре часа на продвижение на одну лигу: тактика указывает методы достижения этих важных целей и более необходима для кавалерии, чем для пехоты, и в авангарде или арьергарде, чем в любом другом положении. Венгерские повстанцы, которых мы видели в 1797, 1805 и 1809 годах, были жалкими войсками. Если легкие войска времен Марии Терезии стали грозными, то это благодаря их отличной организации и, прежде всего, их численности. Представить себе, что такие войска могли быть сильнее гусаров Вурмзера, драгун Латура или эрцгерцога Иоанна, означало бы иметь странные представления о вещах; но ни венгерские повстанцы, ни казаки никогда не составляли авангарда австрийской и русской армий, потому что говорить об авангарде или арьергарде — значит говорить о войсках, которые маневрируют. Русские считали, что один полк обученных казаков стоит трех необученных полков. Все в этих войсках презренно, кроме самих казаков, которые являются людьми прекрасной внешности, сильными, ловкими, хитрыми, хорошими наездниками и неутомимыми; он родился на лошади и вырос среди гражданских войн; он на поле боя — то же, что бедуин в пустыне или барбет в Альпах; он никогда не входит в дом, никогда не ложится в постель; и он всегда меняет свой бивуак на закате, чтобы не провести ночь в месте, где враг мог бы его заметить».

«Два мамелюка сдерживали трех французов, потому что были лучше вооружены, лучше оседланы и лучше подготовлены; у них было две пары пистолетов, *тромбон*, карабин, шлем с козырьком, кольчуга, несколько лошадей и несколько пеших сопровождающих. Но сотня французов не боялась сотни мамелюков; триста были более чем равны равной численности; а тысяча победила бы полторы тысячи: настолько сильное влияние тактики, порядка и маневров! Мурат, Леклерк и Ласаль, генералы кавалерии, выстроились перед мамелюками в несколько линий: когда последние были на грани того, чтобы обойти первую линию, вторая линия пришла ей на помощь справа и слева; мамелюки остановились и развернулись, чтобы обойти фланги этой новой линии: это был момент, когда на них нанесли удар; они всегда были разбиты».

«Задача авангарда или арьергарда заключается не в продвижении или отступлении, а в маневрировании. Он должен состоять из хорошей легкой кавалерии, поддерживаемой хорошим резервом линейной кавалерии, отличными пехотными батальонами и сильными артиллерийскими батареями: войска должны быть хорошо обучены; генералы, офицеры и солдаты должны одинаково хорошо знать свою тактику, каждый в соответствии со своим положением. Недисциплинированные войска только помешают передовой охране».

«Признано, что для облегчения маневрирования эскадрон должен состоять из ста человек, и что каждые три или четыре эскадрона должны иметь старшего офицера».

«Нецелесообразно, чтобы вся линейная кавалерия носила кирасы: драгуны, верхом на лошадях высотой четыре фута девять дюймов, вооруженные прямыми саблями и без кирас, должны входить в состав тяжелой кавалерии; они должны быть вооружены пехотными мушкетами с штыками; должны иметь *шлемы* пехоты, панталоны, покрывающие полусапоги,

плащи с рукавами и портманы, достаточно маленькие, чтобы их можно было носить на спине, когда солдаты идут пешком. Кавалерия всех видов должна быть вооружена огнестрельным оружием и уметь маневрировать пешком. Три тысячи легкой кавалерии или три тысячи кирасиров не должны позволять себе быть остановленными тысячей пехотинцев, размещенных в лесу или на местности, непригодной для кавалерии; и три тысячи драгун не должны колебаться атаковать две тысячи пехотинцев, если последние, пользуясь своим положением, попытаются их остановить.

Тюрэн, принц Евгений Савойский и Вандом придавали большое значение драгунам и успешно использовали их. Драгуны завоевали большую славу в Италии в 1796 и 1797 годах. В Египте и Испании во время кампаний 1806 и 1807 годов против них возникли определенные предубеждения. Драгунские дивизии были собраны в Компьене и Амьене, чтобы без лошадей отправиться в экспедицию в Англию и служить пешком, пока не получат лошадей в этой стране. Ими командовал генерал Барагуай д'Илье, их первый инспектор; он снабдил их гетрами и включил в их состав значительное число новобранцев, которых он обучал только пехотным маневрам. Это уже не были кавалерийские полки: они служили в кампании 1806 года пешком, пока после битвы при Йене их не оседлали на лошадях, взятых у прусской кавалерии, три четверти которых были непригодны для службы. Эти совокупные обстоятельства нанесли ущерб драгунам, но в 1813 и 1814 годах их дивизии завоевали честь, соперничая с кирасирами. Драгуны необходимы для поддержки легкой кавалерии в авангарде, арьергарде и на флангах армии; кирасиры мало пригодны для авангарда и арьергарда: их никогда не следует использовать в этой службе, за исключением случаев, когда необходимо поддерживать их в боевой готовности и приучать к войне».

Наполеон далее рекомендует разделить легкую кавалерию на два вида: егеря или кавалеристов и легкую конницу; а тяжелую кавалерию составить из драгун и кирасиров; кавалеристы должны быть на лошадях ростом 4 фута 6 дюймов; легкая кавалерия — на лошадях высотой 4 фута 7 или 8 дюймов; драгуны — на лошадях высотой 4 фута 9 дюймов; а кирасиры — на лошадях высотой 4 фута 10 или 11 дюймов; при этом для верховой езды используются лошади всех пород.

Вся кавалерия должна проходить одинаковую подготовку и в случае необходимости быть способной выполнять любые задачи конных войск. Ударная сила является основным эффектом, производимым этим родом войск; поэтому чем выше скорость, тем сильнее этот эффект, при условии, что войска могут сохранять свою массовость. Однако опыт показывает, что невозможно сохранить их в строю, когда они развивают максимальную скорость. Поэтому, как мы уже говорили, лучшие специалисты предпочитают атаку рысью, или, во всяком случае, галоп следует начинать только на очень коротком расстоянии от противника. Атака плотной массой рысью гораздо сильнее, чем атака колеблющейся массой галопом.

На поле боя кавалерия линии считается ударным родом войск, способным прорвать любой противостоящий корпус, но сама по себе она неспособна противостоять удару и поэтому ни в коем случае не должна ждать атаки другого кавалерийского подразделения. Именно по этой причине Фридрих приказал своим кавалерийским офицерам под страхом сурового наказания никогда не принимать атаку, а всегда встречать нападающие силы на полпути. Это единственный способ предотвратить поражение.

Хорошая пехота всегда может устоять перед атаками кавалерии. В сражении при Ауэрштедте в 1806 году Давуст приказал дивизиям Гюдина сформировать каре, чтобы противостоять прусской кавалерии, которая, воспользовавшись туманом, заняла наиболее выгодную позицию. Блюхер вел свою кавалерию в неоднократные и стремительные атаки, но все было

тщетно; французская пехота представляла собой железный фронт. В сражении при Красном в 1812 году кавалерия Груши, Нансонти и Бордесульта атаковала и разгромила драгунов Кларка, но русская пехота под командованием Неверовской устояла перед неоднократными атаками значительно превосходящей по численности французской кавалерии. В битве при Мольвице гренадеры выдержали атаки кавалерии противника, хотя кавалерия великого Фридриха была уже полностью разгромлена.

Но когда пехота сражается с пехотой противника, атаки кавалерии, как правило, увенчиваются успехом и иногда решают исход сражения, как это было в Росбахе, Зорнсдорфе, Вюрцбурге, Маренго, Эйлау, Бородино и т. д.

Кавалерия также может быть очень эффективна против пехоты в дождливую погоду, когда дождь или снег не позволяют пехотинцам эффективно использовать свое огнестрельное оружие, как это было с корпусом Ожеро в Эйлау и с австрийским левым флангом в битве при Дрездене. То же самое происходит, если пехота предварительно ослаблена или приведена в беспорядок огнем батарей. Натиск русской кавалерии при Хоэнфридберге в 1745 году является замечательным примером такого рода.

Кавалерия всегда должна немедленно поддерживаться в своих усилиях пехотой или другими кавалерийскими подразделениями, поскольку, как только атака начата, сила этого рода войск на время исчерпывается, и, если на нее немедленно нападают, поражение становится неизбежным. Атака кавалерии Нея на принца Гогенлоэ в битве при Йене и французской кавалерии на Госсу при Лейпциге являются прекрасными примерами успешных атак кавалерии при надлежащей поддержке. Куннерсдорф и Ватерлоо являются примерами катастрофических последствий отказа от поддержки таких атак.

Иногда выбор поля сражения делает кавалерию практически бесполезной. Так было в битве при Кассано между герцогом Вандомским и принцем Евгением. Поле было настолько изрезано рекой Адда и каналами Ритторто и Пендина, что принц Евгений не мог использовать свою кавалерию. Если бы, будучи хозяином моста Ритторто, он смог атаковать французов с помощью кавалерии, его полный успех не вызывал бы никаких сомнений.

После сражения и при преследовании бегущего врага кавалерия имеет неоценимое значение. Если бы Наполеон располагал достаточным количеством конных войск под командованием способного полководца в сражениях при Лютцене и Линьи, результаты этих побед были бы решающими, тогда как на самом деле они не имели никаких последствий. С другой стороны, прусская армия в 1806 году после битвы при Йене и армия Наполеона в 1815 году при Ватерлоо были полностью разгромлены благодаря умелому использованию кавалерии при преследовании разбитого и обескураженного врага.

Нехватка хорошей кавалерии остро ощущалась в войне за независимость США. Если бы Вашингтон располагал несколькими хорошими кавалерийскими эскадронами, его неожиданное поражение в Бруклине и последующая потеря Нью-Йорка никогда бы не произошли. Эффективное использование нескольких хороших кавалерийских эскадронов могло бы легко предотвратить поражение в Блэдсберге и потерю столицы в 1814 году.

В хорошо организованной армии кавалерия должна составлять от одной четверти до одной шестой пехоты, в зависимости от характера войны.^[32]

[32]

Чтобы получить достаточные знания об обязанностях, связанных с двумя видами войск, упомянутыми в этой главе, офицер должен тщательно ознакомиться с «Системой пехотной тактики» Скотта для пехоты Соединенных Штатов или, по крайней мере, с сокращенным изданием «Пехотной тактики» майора Купера, а также с системой кавалерийской тактики, принятой в нашей армии; а также с инструкциями по использованию этих двух родов войск в походе и их применению на поле боя, приведенными в трудах Жомини, Декера, Окунева, Рокканкура и Жаккино де Пресле.

Для получения дополнительной информации об истории, организации, использовании и обучении пехоты и кавалерии можно обратиться к следующим книгам:

Essai général de tactique. Гибер.

«Общие соображения о французской пехоте», автор — генерал в отставке. Достойная работа.

De l'infanterie, par l'auteur de l'histoire de l'expédition de Russie.

Histoire de la guerre de la peninsule. Фой. Эта работа содержит много интересных и ценных замечаний о французской и английской системах тактики, и в частности о тактике пехоты.

Курс военного искусства и истории. Жаккино де Пресле.

Искусство войны. Ронья.

Инструкция для легких войск и т. д., составленная на основе инструкции Фридриха II своим офицерам.

Правила английской пехоты.

Ордонанс (французский) для учений и маневров пехоты, составленный комиссией по маневрам.

Памятные записки генералов, старших офицеров и капитанов.

Очерк общей истории военного искусства. Карион-Нисас.

История французской милиции. Даниэль.

Элементарный курс военного искусства и истории. Роканкур.

Элементарный трактат по военному искусству и т. д. Гай де Вернон.

Введение в изучение военного искусства. Ла Рош-Амью.

Тактика трех видов войск. Декер.

Разумный анализ трех видов оружия и т. д. Окунефф.

Последние две работы имеют большую ценность. Однако сочинения Окунева очень размыты.

Инструкция по службе в легкой пехоте. Гияр.

Инструкция по пехоте и т. д. Шауэнбург.

Трактат о тактике. Терней и Кох.

Механизм военных маневров польской пехоты. Вронецкий.

Трактат о легкой пехоте. Бюрманн.

Правила английской кавалерии.

Ордонанс (французский) о упражнениях и маневрах кавалерии.

Конные войска Франции и т. д. Де Бурж.

Аванпосты легкой кавалерии. Брак. Автор с отличием служил под командованием Лассаля, Кольбера, Мезона, Пужоля и Эксельманса.

Размышления об использовании кавалерии и т. д. Караман.

Наблюдения над регламентом и т. д. кавалерии. Дежан.

Тактика кавалерии. Итье.

Элементы тактики для кавалерии, автор Моттин де ла Бальм. Работа редкой ценности.

О применении кавалерии на войне. Шауэнбург.

Замечания о кавалерии. Варнери. Это произведение давно пользуется высокой репутацией среди кавалерийских офицеров европейских армий. Парижское издание обогащено примечаниями французского генерала.

Nachrichten und Betrachtungen über die Thaten und Schicksale der Reiterei, &c. В этой работе обсуждаются действия кавалерии в походах Фридриха Великого и Наполеона вплоть до битвы при Лютцене в 1813 году.

Examen du livret provisoire, &c. Марбо.

Le Spectateur Militaire содержит множество очерков кавалерийских офицеров по различным вопросам, связанным с организацией и использованием этого рода войск.

Die Gefechtslehre der beiden verbundenen Waffen-Kavallerie und reitenden Artillerie. Декер.

Manuel de l'officier. Руле де Лилиенштерн.

Aide-mémoire, à l'usage des officiers de cavalerie.

Журнал пехоты и кавалерии.

Трактат по тактике для офицеров пехоты и кавалерии.

История подвигов и перипетий прусской кавалерии. Куц.

ГЛАВА XI.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ — АРТИЛЕРИЯ.

Артиллерия. До изобретения пороха в XIII веке военные машины делились между двумя классами военных: инженерами (*engignours*, как их называли в средние века) и артиллеристами (*artilliers*, как их называли раньше), последние были особенно ответственны за управление более легкими и переносными метательными машинами, такими как балисты и аркобалисты, которые использовались для метания различных видов стрел — *flêches*, *viretons*, *carreaux*, *matras* и т. д., в то время как первые управляли таранами, кранами, гелиполами и т. д. И действительно, в течение долгого времени после открытия пороха это различие сохранялось, и артиллерия сохраняла за собой все более обычные метательные машины, в то время как инженеры конструировали и управляли более тяжелым оружием нападения и обороны. Но новая артиллерия постепенно вводилась, однако, не вытесняя сразу старую, и в течение некоторого времени, если можно так выразиться, существовали две артиллерии: одна использовала старые метательные машины, а другая — новые изобретения. Последние назывались *канонирами*, чтобы отличать их от первых, которые по-прежнему сохраняли название *артиллеристов*.

Первые пушки были изобретены в начале XIV века, а, возможно, арабами еще в середине XIII века, но в Европе они стали широко известны только около 1350 года. Говорят, что пушки использовались маврами еще в 1249 году, а французами — в 1338 году. Англичане применили артиллерию в битве при Креси в 1346 году. И пушки, и древние метательные машины использовались при осаде Эгюйона в 1339 году, Зары в 1345 году, Ренна в 1357 году и Неаполя в 1380 году. При последней осаде древняя балиста использовалась для бросания в замок Неаполя бочек с инфекционными веществами и изуродованными конечностями военнопленных. Мы читаем о том, что то же самое делалось в Испании в более поздний период.

Пушки во Франции сначала назывались *бомбардами* и *кулеверами*, но впоследствии получили названия по изображениям, нанесенным на них, таким как *змеи*, *василиски*, *скорпионы* и т. д. В начале развития этого искусства они были небольшими, весили всего от двадцати до пятидесяти фунтов и устанавливались на небольших подвижных лафетах. Этот вид огнестрельного оружия стал довольно распространенным в начале XV века. За ним последовали более тяжелые орудия, которые использовались для атаки и обороны городов. Размеры этой осадной артиллерии продолжали увеличиваться, пока в конце XV века она не достигла таких огромных размеров, что стала практически бесполезной в качестве военного орудия. Людовик XI в 1770 году построил в Туре огромное орудие, которое, как говорили, могло переносить ядро от Бастилии до Шарантона (около шести миль!). Его калибр составлял пятьсот фунтов. Оно было предназначено для экспериментов и взорвалось при втором выстреле. Говорили, что знаменитый кулерин Болдука мог переносить ядро от этого города до Боммеля. Кулеверин из Нанси, изготовленный в 1598 году, имел длину более двадцати трех футов. В настоящее время в арсенале в Меце хранится старинная пушка примерно такой же длины, которая переносит ядро весом сто сорок фунтов. Еще в 1712 году в Париже были найдены пушечные ядра весом около двухсот фунтов и диаметром от двенадцати до шестнадцати дюймов. Во время осады Константинополя в 1453 году была известная металлическая бомбарда, которая метала каменные ядра невероятных размеров; во время осады Буржа в 1412 году использовалась пушка, которая, как говорили, метала каменные ядра «размером с жернова». Гантуа под Артевилем изготовил бомбарду длиной пятьдесят футов, выстрел которой был слышен на расстоянии десяти лиг!

Первые пушки были сделаны из дерева и покрыты листовым железом или обхвачены железными кольцами: впоследствии деревянную форму заменили продольными железными стержнями. К концу XIV века для этих целей последовательно использовались латунь, олово,

медь, кованое и литое железо. Сначала стволы орудий имели коническую форму, и только гораздо позднее была введена цилиндрическая форма.

В войнах между испанцами и маврами в конце XV века артиллерия широко использовалась при осадах и сражениях. Фердинанд Католик в то время, вероятно, имел более крупный артиллерийский парк, чем любая другая европейская держава. Испанские пушки, как правило, очень большие, состояли из железных стволов шириной около двух дюймов, скрепленных болтами и кольцами из того же металла. Орудия были прочно прикреплены к лафетам и не могли двигаться ни по горизонтали, ни по вертикали. Снаряды, которые они выбрасывали, обычно были мраморными, хотя иногда и железными. Многие из орудий, использовавшихся при осаде Базы в 1486 году, до сих пор можно увидеть в этом городе, а также пушечные ядра, которые тогда использовались. Некоторые из них имеют диаметр четырнадцать дюймов и весят сто семьдесят пять фунтов. Длина пушки составляла около двенадцати футов. Эти размеры свидетельствуют о небольшом прогрессе в этой области военной науки, которая, тем не менее, все еще находилась в зачаточном состоянии. О неуклюжести артиллерии в этот период можно судить по медленности ее огня. Во время осады Зетуэля в 1407 году пять «бомбард», как тогда называли тяжелые артиллерийские орудия, могли выпустить только сорок снарядов за день; и как замечательное обстоятельство отмечается, что во время осады Альбахара две батареи выпустили сто сорок ядров за сутки!

В итальянских войнах между Францией и Испанией в начале XVI века трудность перемещения тяжелых пушек, которые использовались в то время, была настолько велика, что на поле боя выносилось лишь очень небольшое количество орудий. В сражении при Чериньоле в 1503 году количество пушек во французской армии составляло всего тринадцать. Действительно, в течение большей части этого века четыре или пять орудий считались достаточными для обычной армии в полевых условиях, и многие соглашались с доктриной Макиавелли, что единственное законное применение артиллерии — это атака и оборона мест. Но в войнах Генриха IV Французского этот вид войск был вновь увеличен, и войска, которые этот король направил против дома Австрии, имели артиллерийский поезд из пятидесяти орудий. В этот период были также сделаны большие усовершенствования в производстве пороха и всех видов огнестрельного оружия. Сюлли дал большое развитие этому роду войск, улучшив его материально-техническое обеспечение и повысив его эффективность. Тогда, как и в большинстве других периодов, французы опережали большинство других народов в области артиллерии.

В конце XVI или начале XVII века тяжелая и неудобная артиллерия начала уступать место более маневренным и полезным орудиям. Некий М. де Линар в конце XVI века доказал, что пушки длиной двенадцать футов имеют большую дальность стрельбы, чем пушки длиной семнадцать футов, при одинаковом калибре, но прошло несколько лет, прежде чем это открытие было использовано. В 1624 году Густав Адольф провел эксперименты, чтобы проверить это, и, убедившись в его правдивости, снабдил свои батареи более короткими и легкими орудиями. Примерно в то же время этот великий король ввел новый, более легкий вид артиллерии, изготовленный из листового железа и кожи. Каждая пушка имела камеру, изготовленную из тонкого металла и окруженную прочными железными кольцами; поверх них была помещена форма из закаленной кожи, которая снова была окружена кольцами и плотно скреплена. Эти пушки были установлены на легких лафетах, так что два человека могли легко ими маневрировать. Говорили, что они могли выстрелить от восьми до десяти раз без необходимости ремонта. Густав использовал их во всех своих военных операциях с 1628 года до самой своей смерти. Они неоднократно оказывали ему отличную услугу;

благодаря своей легкости их можно было легко транспортировать, а на поле боя их движения можно было согласовывать с движениями его войск.

По мере того как пушки и стрелковое оружие постепенно вводились в общее пользование, время от времени предлагались и внедрялись различные изобретения и усовершенствования. Пушки изготавливались с двумя или более стволами; некоторые из них были приспособлены для заряжания с казенной части, а другие — с дульной части; иногда две пушки соединялись горизонтальными брусками, которые вращались вокруг вертикальной оси, так что отдача одной пушки приводила в действие другую; существовали и другие устройства подобного рода, которые недавно были возрождены, а некоторые из них запатентованы как новые изобретения. Стрелковое оружие, использовавшееся в этот период, было во многом таким же, как и современное, за исключением фитильного замка, который впоследствии уступил место кремневому. Оружие такого типа иногда изготавливалось для заряжания с казенной части, и в свое время были в моде ружья с двумя, тремя и даже восемью стволами. В *Музее артиллерии* в Париже можно найти много оружия такого типа, которое было воспроизведено в этой стране и в Англии как новые изобретения. В этом музее хранятся два старинных экземпляра, изобретенные в конце XVI или начале XVII века, которые почти полностью соответствуют *патенту Кольта*, за единственным исключением — замком!^[33]

[33]

Не следует делать вывод, что современные *усовершенствования* (как их называют) копируются из более древних *изобретений*. Два человека разного возраста или даже одного возраста иногда приходят к одному и тому же открытию, не заимствуя друг у друга.

Артиллерийское вооружение, используемое в современной войне, делится на два основных класса: 1. *Осадная артиллерия*, или такая, которая используется при атаке и обороне мест. 2. *Полевая артиллерия*, или такая, которая используется в бою или в полевых операциях армии.

1. *Осадная артиллерия* состоит из *мортир*, *больших гаубиц*, *пушек Пейксана* или *Колумбиад*, ^{пушек} и всех *пушек большого калибра*. В нашей армии к этому классу артиллерии относятся двенадцати-, восемнадцати-, двадцатичетырех-, тридцатидвух- и сорокадвухфунтовые пушки, восьми-, десяти- и тринадцатидюймовые мортиры, шестнадцатидюймовая каменная мортира, двадцатичетырехфунтовая мортира Коэрна, двадцатичетырехфунтовая каронада и восьми-, десяти- и двенадцатидюймовые гаубицы.

[34]

Эти орудия были впервые изобретены полковником Бомфордом из армии США и использовались в войне 1812 года. Размеры этих орудий были впервые завезены в Европу молодым французским офицером и таким образом попали в руки генерала Пейшана, который немедленно ввел их на вооружение французской армии. Таким образом, они впервые стали известны остальной Европе и получили имя человека, который ввел их в европейскую службу, а не имя их первоначального изобретателя. Все эти факты настолько очевидны, что европейцы теперь признают, что они обязаны нам этим изобретением; даже

генерал Пейшан отказывается от всех претензий на оригинальность своего орудия и ограничивается некоторыми усовершенствованиями, которые он внес в него. Оригинальное орудие, изобретенное полковником Бомфордом, размеры которого были переданы генералу Пейшану во Францию, в настоящее время хранится в арсенале в гавани Нью-Йорка.

Все они, за исключением небольших мортир, изготовлены из чугуна. Этот материал менее прочен, чем кованое железо или бронза, и пушки, изготовленные из него, по этой причине намного тяжелее, чем из других материалов; но для военно-морской службы, а также для атаки и обороны укреплений вес, необходимый для обеспечения требуемой прочности, не является большим недостатком. Кованое железо и бронза гораздо дороже и менее долговечны. Кроме того, сложностьковки кованого железа в достаточно больших объемах не позволяет использовать его в артиллерии. В разные периоды времени предпринимались многочисленные попытки изготовить из этого материала крупные орудия, но ни одна из них пока не увенчалась успехом. Усовершенствования, которые в настоящее время вносятся в производство кованого железа, могут сделать его предпочтительным материалом для небольших артиллерийских орудий, но наиболее осведомленные военные считают его неприемлемым для более тяжелых пушек как из-за его стоимости, так и из-за несовершенства его производства. Даже если последнее возражение будет устранено, его стоимость не позволит широко применять его для производства осадной артиллерии. Шарлатаны в области военной науки, как в этой стране, так и в Европе, поднимают эту тему каждые пятнадцать или двадцать лет как новое *изобретение*, и в газетах распространяются восторженные отзывы об *усовершенствовании* и предсказания о революции, которую оно произведет в военном искусстве, чтобы «обмануть» доверчивую публику; и после того, как на какого-нибудь придворного фаворита будет потрачено пятьдесят или сто тысяч долларов, все дело заканчивается взрывом «*усовершенствования*» и, вероятно, гибелью «*изобретателя*», а может быть, и его зрителей. Давайте четко разберемся в этом вопросе. Возможно, существуют *изобретения* и *усовершенствования* в производстве кованого железа, но нет ничего *нового* в его *применении* для изготовления пушек, поскольку оно использовалось для этой цели еще со времени первого изобретения этого искусства.

2. *Полевая артиллерия* состоит из небольших орудий и гаубиц. В нашей армии к этому классу пушек относятся шести- и двенадцатифунтовые орудия, а также двенадцати- и двадцатичетырехфунтовые гаубицы. Все они теперь изготавливаются из бронзы. Этот материал дороже чугуна, но его превосходная прочность делает его более полезным там, где большой вес является нежелательным. Усовершенствования в производстве чугуна могут сделать его безопасным для использования в конструкции полевых орудий. Также возможно, что кованое железо может быть выковано в достаточно больших массах, а его стоимость может быть снижена настолько, что его можно будет использовать для полевых орудий. Здесь важно сочетать прочность с легкостью, и для достижения этой важной цели вполне уместно понести дополнительные расходы.

В настоящее время используются следующие *виды снарядов*: цельные ядра, снаряды, ленточные снаряды, картечные снаряды, картечные ядра, легкие и огненные шары, каркасы, гранаты и ракеты.

Сплошные снаряды в настоящее время почти всегда изготавливаются из чугуна,^[35] формованного в песчаных или железных формах. Этот снаряд используется практически в любых условиях, будь то на поле боя или при атаке и обороне местностей, и является единственным, который эффективен против каменных стен фортов. *Горячие снаряды* используются против судов и деревянных сооружений любого типа. Раскаленные ядра впервые были использованы королем Польши в 1575 году, но из-за сложности их быстрого

нагрева и опасности заряжать ими орудие, этот вид снарядов не получил широкого распространения до гораздо более позднего периода. Сначала предполагалось, что при нагревании до красного или белого каления металл расширяется настолько, что ядро не может войти в орудие; однако оказалось, что зазор все же достаточен для легкой зарядки. Эти раскаленные ядра в основном используются для поджога деревянных зданий, кораблей и других горючих материалов. Поэтому они широко используются в качестве снарядов для береговой обороны, и все укрепления на побережье должны быть оснащены печами и решетками, расположенными таким образом, чтобы их можно было легко и быстро нагревать.

[35]

В Мексике, где железо является дефицитным, для изготовления пуль и снарядов используется медь, но это плохая замена.

Существует несколько видов *пуль и снарядов*, называемых *бомбами, гаубицами, гранатами* и т. д. Они изготавливаются из чугуна и обычно имеют сферическую форму, причем полость является концентрической по отношению к внешней поверхности. Раньше полость делали эксцентричной по отношению к внешней поверхности, полагая, что более тяжелая сторона всегда будет ударять первой. Вращательное движение снаряда во время полета сделало эту меру предосторожности бесполезной. Огонь передается горючим веществам внутри снаряда с помощью запала, который регулируется таким образом, чтобы взрыв произошел в нужный момент. Полые снаряды с успехом используются для разрушения обычных зданий, кораблей, земляных укреплений и тонких каменных стен; однако они малоэффективны при разрушении массивных стен хорошо построенных фортов. Гаубицы и гранаты особенно эффективны против кавалерии и пехотных колонн и широко используются на поле боя; они также широко используются при атаке и обороне местностей.

Мы обнаруживаем, что еще в 1486 году испанцы использовали снаряд, похожий на современную бомбу. «Они бросали из своих машин большие шарообразные массы, состоящие из определенных горючих ингредиентов, смешанных с порохом, которые, разбрасывая длинные следы света, — говорит очевидец, — при своем пролете через воздух наполняли зрителей ужасом и, падая на крыши зданий, часто вызывали обширные пожары». При осаде Константинополя Магометом II использовались снаряды, а также мортиры огромных размеров. В 1572 году Вальтурус предложил бросать с помощью своего рода мортиры «медные шары, наполненные порохом». В 1588 году мастер из Венло сжег Вахтендек, бросая в него бомбы. Подобная попытка была только что предпринята в Берг-оп-Зом. Использование этого снаряда стало довольно распространенным во Франции при Людовике XIII. Гаубицы не использовались широко до XVII века. Они имеют немецкое происхождение, и первоначально гаубица носила название *hausmitz*.

Ременной снаряд состоит из круглого ядра, прикрепленного к сабо того же калибра с помощью двух полосок олова, проходящих поперек снаряда под прямым углом и прикрепленных к третьей полоске, припаянной вокруг сабо. Один конец сабо предназначен для крепления к патрону, а другой выдолблен для размещения снаряда. Предполагаемые преимущества такой конструкции заключаются в следующем: 1) уменьшение ветрового сопротивления; 2) возможность более быстрого заряжания орудия; 3) более безопасная транспортировка патрона.

Картечь или *картечный снаряд* готовят, наполняя жестяную канистру картечью или мушкетными пулями и прикрепляя ее к патрону с помощью сабота. Существует два размера картечи и один размер мушкетных пуль, поэтому у нас есть три вида картечных снарядов, рассчитанных на разные дальности. Три размера картечи часто смешиваются в одной канистре. Этот снаряд особенно эффективен против пехотных и кавалерийских линий на коротких дистанциях.

Картечь состоит из маленьких шариков, расположенных вокруг вертикального штифта, прикрепленного к деревянной или железной пластине. Предпочтительна вогнутая чугунная пластина, так как она увеличивает дальность стрельбы. Шарики покрыты брезентом и тщательно закреплены прочной тесьмой. Эта картечь используется для тех же целей, что и картечный снаряд.

Световые и *огненные шары* состоят из овального мешка, наполненного горючим веществом и прикрепленного к чугунному кулуару. Все это покрыто сеткой из пряжи. Световые шары используются для освещения наших собственных сооружений и не вооружены; огненные шары, используемые для освещения сооружений или подходов врага, необходимо вооружить pistolетными стволами, чтобы никто не мог их потушить. Когда они изготовлены из очень горючих материалов и используются для поджога деревянных сооружений, их называют *зажигательными шарами*.

Корпуса используются для тех же целей, что и зажигательные шары; они бывают двух видов: 1) *корпус-оболочка* и 2) *ребристый корпус*. Первый состоит из сферической оболочки с пятью отверстиями для запала, одно из которых находится сверху, а четыре других — в плоскости, перпендикулярной к нему и под прямым углом друг к другу; оболочка заполнена легко воспламеняющимся веществом. Второй состоит из железных ребер, соединенных железными ремнями и прикрепленных на концах к кульоткам из того же материала, все это заполнено горючим составом. Он дороже корпуса снаряда и не может быть выпущен с такой же точностью; в настоящее время он используется редко. Корпуса могут быть вооружены таким же образом, как и зажигательные шары.

Дымовые и *удушающие шары* используются для изгнания врага из галерей и шахт. Они бросаются вручную.

Личный состав французской артиллерии долгое время находился, наряду с инженерами, под общим руководством «великого магистра арбалетов». В 1420 году генерал-мастер артиллерии был отделен от великого мастера арбалетов, но до правления Людовика XIV артиллерийские войска не имели организации в качестве отдельного корпуса. В 1668 году были созданы шесть рот *канониров*, а вскоре после этого — две роты *бомбардиров*. В 1693 году первый полк фузилеров был преобразован в *королевский артиллерийский полк*, и в конечном итоге в него были включены как канониры, так и бомбардиры. К концу этого правления штаб артиллерии состоял из одного великого магистра, шестидесяти лейтенантов, шестидесяти комиссаров и восьмидесяти *офицеров-наводчиков*. В 1721 году артиллерия была разделена на пять батальонов и размещена в Меце, Страсбурге, Гренобле, Перпиньяне и Ла-Фере, где были созданы школы теории и практики. В 1756 году артиллерия была организована в семь полков, каждый из которых имел свою отдельную школу. Эта организация просуществовала без каких-либо заметных изменений до Революции.

Во время ранних кампаний Французской революции невозможно проследить изменения, которые произошли в организации армии, поскольку все было тогда настолько нерегулярным и запутанным, что войска разных родов войск часто объединялись. В кампании 1792 года было около шести или семи полков пехотной артиллерии и десять рот конной. Этот род войск был значительно увеличен в ходе последующих кампаний, и его организация была полностью перестроена Наполеоном после его возвышения на пост главы правительства. *Личный состав* артиллерии тогда состоял из генерального штаба, девяти пехотных и шести кавалерийских полков. В 1815 году он был сокращен до восьми пехотных и четырех кавалерийских полков.

Личный состав артиллерии в современной армейской организации делится на четыре класса: *штаб, гвардия, артиллеристы и войска*.

I. *Штаб, или артиллерийское управление*, как его называют в нашей службе, отвечает за изготовление всех артиллерийских материалов и сбор пороха и военных запасов. Поскольку жизнь людей, использующих эти материалы, и, в значительной степени, успех войны зависят от характера и качества изготовленных и собранных запасов, очевидно, что члены этой ветви артиллерийской службы должны обладать высокими и особыми квалификациями. Во французской армии артиллерийский штаб состоит из двухсот восьмидесяти трех офицеров разных званий; к этой службе также прикреплены двадцать четыре офицера генерального штаба. В нашей армии *артиллерийский штаб* состоит из двадцати восьми офицеров разных званий.

II. *Артиллерийская охрана*. В нашей службе она делится на два класса: 1. *Военные кладовщики*. 2. *Сержанты артиллерийского снабжения*. Оба класса одинаково отвечают за уход и сохранность артиллерийского имущества и запасов в различных гарнизонах, арсеналах и складах (). В нашей армии насчитывается пятьдесят восемь таких охранников, а именно: пятнадцать унтер-офицеров-военных кладовщиков и сорок три сержанта артиллерийского снабжения. Мы редко имеем больше этого числа постоянных постов; поэтому каждый из них может быть обеспечен артиллерийской охраной для ухода за артиллерийскими запасами. На французской службе насчитывается триста пятнадцать таких артиллерийских охранников; они делятся на три класса.

III. *Мастера*. — Этот класс людей занят в строительстве и ремонте военного имущества. В большинстве наших арсеналов и оружейных мастерских считается лучшим нанимать не зачисленных на службу рабочих, с оплатой за штуку или по контракту. Тем не менее, ограниченное число зачисленных на службу людей этой категории оказывается полезным и необходимым. В нашей армии их насчитывается триста тридцать человек, а именно: двести пятьдесят зачисленных «артиллеристов» и восемьдесят «ремесленников», приписанных к полкам. Во французской армии для обслуживания арсеналов и учреждений имеется сто сорок девять «ouvriers» и двенадцать «artificers»; кроме того, к артиллерийскому корпусу приписано триста шестьдесят «ouvriers» и семнадцать «armuriers», что в общей сложности составляет пятьсот тридцать восемь человек.

IV. *Артиллерийские войска*. Артиллерия как род войск делится так же, как и ее *вооружение*: полевая артиллерия предназначена для полевой службы, а гарнизонная или осадная артиллерия — для нападения и обороны местностей. Войска артиллерийского корпуса современной армии обычно несут службу либо в полевых условиях, либо при осаде, либо в гарнизоне, в зависимости от обстоятельств. При использовании в ходе военной кампании артиллерия обычно делится на два класса: 1-й — *пешая* артиллерия и 2-й — *конная* артиллерия.

Как уже было показано, в ранней истории артиллерии на поле боя выводилось лишь небольшое количество орудий. Карл VIII пересек Альпы с довольно большим обозом, но часть из него составляли ручные орудия, и лишь очень немногие из более крупных орудий когда-либо использовались в бою; более того, в то время считалось, что это оружие будет малопригодно, за исключением осад. В сражении при Гравелине армия Филиппа II имела только семнадцать артиллерийских орудий, а в сражении при Иври французы имели только четыре пушки и две кулеврины: армия Лиги также имела только четыре орудия. В сражении при Монконтуре противостоящие армии имели по восемь орудий каждая.

Густав Адольф Шведский не только улучшил характеристики артиллерии, но и обеспечил ее значительное развитие как вида вооружения. В битве при Бретенфилде он имел сто единиц артиллерии, больших и малых, а в лагере Нюрнберга их число достигало около трехсот. Этот король также более умело использовал свои пушки, объединив их в более массивные группы, чем это делали его предшественники; тем не менее, его система была весьма несовершенной. В расположении этого рода войск на поле боя значительные улучшения внесли Конде, Тюренн и принц Евгений Савойский. Фридрих Великий также широко использовал этот род войск и был первым, кто ввел конную артиллерию. Этот способ использования полевых орудий имеет особые свойства, которые во многих случаях делают его неоценимым родом войск. Быстрота и скорость его движений позволяют ему действовать вместе с другими войсками, не мешая им. Французы вскоре внедрили в свою армию усовершенствования, внесенные королем Пруссии, и в 1763 году появился знаменитый Грибоваль. Он усовершенствовал форму пушек и значительно уменьшил вес полевой артиллерии, придав ей форму, которая с тех пор практически не изменилась.

Последовательные усовершенствования артиллерии на протяжении долгого времени были важной чертой войны. Способность этого оружия бросать снаряды на большое расстояние, а также разрушать и уничтожать препятствия противника делает его необходимым оружием на поле боя, а также сильным барьером и защитой государств. Оно является важным элементом любой армейской организации.

В нашей армии есть четыре артиллерийских полка, составляющих основу сорока батарей. Во французской армии есть четырнадцать полков, составляющих основу двухсот шести полевых батарей.

Термин «*батарея*», применительно к артиллерии как роду войск, обозначает постоянную организацию, состоящую из определенного количества пушек, а также личного состава и другого вспомогательного оборудования, необходимого для их обслуживания. Это единица боевой силы в данном роде войск. Региментальная организация является чисто номинальной, поскольку в реальной службе артиллерия действует батареями, а не полками. Поэтому ее боевая мощь неизменно оценивается по количеству батарей.

Батарея обычно состоит из шести орудий, два из которых являются гаубицами. Более легкие батареи в нашей службе формируются из шестифунтовых орудий и двенадцатифунтовых гаубиц, а более тяжелые — из двенадцатифунтовых орудий и двадцатичетырехфунтовых гаубиц. Эти тяжелые батареи обычно составляют резерв. Каждое орудие сопровождается своим ящиком, поэтому в этой формации каждой батарее приходится двенадцать лафетов: шесть для орудий и шесть для ящиков. Дополнительные ящики входят в состав резерва и перемещаются вместе с обозом. В некоторых зарубежных армиях батарея состоит из восьми орудий с ящиками.

Это оружие допускает три построения: *в колонне*, *в боевом порядке* и *в батарее*. В колонне оно обычно перемещается секциями по две единицы, каждая из которых сопровождается

или предшествуется своим ящиком. Иногда формируются колонны из половинок батарей, а также колонны из отдельных единиц, но последние никогда не должны использоваться, за исключением случаев необходимости прохождения узкого ущелья и на расстоянии от врага.

В боевом порядке орудия выстраиваются в линию, а их кареты образуют вторую линию на расстоянии нескольких шагов.

В боевом порядке орудия выстраиваются так же, как и в боевом порядке, за исключением того, что пушки направлены на противника и готовы к стрельбе.

Движения и маневры пехотной артиллерии соответствуют движениям и маневрам пехоты, а конной артиллерии — кавалерии, причем батарея рассматривается как батальон или эскадрон, в котором орудия образуют взводы. Конные батареи редко могут двигаться быстрее рыси, за исключением экстренных случаев, и даже тогда галоп может поддерживаться только в течение очень короткого времени; но это не имеет большого значения, поскольку батареи никогда не сопровождают кавалерию в атаке.

Французские и немецкие авторы обсуждают артиллерию, применяемую в бою, под двумя разными заголовками: 1) как оружие подготовки и 2) как оружие поддержки.

I. В качестве оружия подготовки она служит, во-первых, для защиты развертывания других войск; во-вторых, для дезорганизации масс противника и облегчения действий пехоты и кавалерии путем ослабления намеченных точек атаки; в-третьих, для принуждения противника к эвакуации позиции путем уничтожения препятствий, которыми он себя прикрыл; 4) продолжать действия до тех пор, пока другие войска не будут готовы нанести решающий удар.

Сила этого рода войск зависит от быстроты и точности его огня; поэтому в артиллерии гораздо менее желательна опрометчивая храбрость, чем умение, терпение и хладнокровие. Артиллерия всегда действует на расстоянии и массово; отдельные орудия используются редко, за исключением случаев прикрытия разведывательных отрядов или поддержки легкой пехоты в перестрелке. Конные батареи иногда приближаются к пехоте противника на расстояние двух-трех сотен ярдов, но это делается только при сильной поддержке других войск и для подготовки пути для кавалерийской атаки. Батареи не сопровождают атаку, но они всегда должны следовать за ней и доводить успех до конца; конные батареи особенно полезны при преследовании. Если бы в 1812 году Мюрат сопровождал свои атаки на отступающие колонны Неверовского, насчитывавшие шестьдесят тысяч пехотинцев, двумя или тремя батареями конной артиллерии, то вся колонна была бы захвачена или уничтожена.

Артиллерия на поле боя очень подвержена риску, что ее огонь будет отвлечен, а снаряды потрачены впустую, в то время как враг находится на слишком большом расстоянии, чтобы его можно было достичь. В бою очень часто в начале сражения используют две или три единицы тяжелого калибра, чтобы спровоцировать батареи противника открыть огонь раньше положенного срока. Растрата материалов — не единственная потеря, сопутствующая этой ошибке; войска устают и теряют боевой дух, в то время как мужество и уверенность их противников всегда возрождаются слабым и неточным огнем. Чтобы избежать такой ошибки, командир артиллерийской батареи должен быть хорошо знаком с эффективной дальностью стрельбы своих орудий и привык к правильной оценке расстояний. Для этой цели в мирное время следует часто тренировать глаз в оценке дальности для различных калибров.

Эффективная дальность 12-фунтового полевого орудия составляет около 1000 ярдов.

Эффективная дальность 6-фунтовой полевой пушки	800
Эффективная дальность стрельбы 24-фунтовой гаубицы составляет	600 ярдов
Эффективная дальность стрельбы 12-фунтовой гаубицы	500 ярдов
Эффективная дальность действия картечи и ядровых снарядов составляет от	500 до 600 ярдов.

Даже на таких расстояниях прицел обычно настолько неточен, что большая часть снарядов теряется. Во время атаки на Шпайер всю колонну артиллерии расстреляли на расстоянии 900 ярдов от врага, который, конечно же, не получил практически никаких повреждений. При стрельбе из укреплений прицел гораздо точнее, и поэтому артиллерию можно с успехом использовать, как только враг попадает в зону максимальной дальности.

II. В качестве вспомогательного оружия артиллерия служит, во-первых, для придания импульса атакующим колоннам; во-вторых, для помощи в остановке или, по крайней мере, замедлении наступательных действий противника; в-третьих, для защиты подходов и укреплений, прикрывающих позицию; и, в-четвертых, для прикрытия отступающих войск.

Конная артиллерия, как и кавалерия, наиболее эффективна в атаке, но пехотные батареи лучше подходят для обороны. Артиллеристы вооружены таким образом, что способны защищать свои орудия до последнего, поэтому их нелегко захватить противостоящим пехотным колоннам. «Что касается попыток броситься на орудия, — говорит Наполеон, — и захватить их штыками или расстрелять артиллеристов из мушкетов, то это фантастические идеи. Такое иногда случается, но разве у нас нет примеров еще более необычных захватов с помощью *куп-де-мен*? Как правило, нет такой пехоты, какой бы бесстрашной она ни была, которая без артиллерии могла бы безнаказанно пройти расстояние в пять или шесть сотен тоиз против двух хорошо расположенных батарей (16 орудий), обслуживаемых хорошими артиллеристами; прежде чем они смогли бы пройти две трети пути, солдаты были бы убиты, ранены или рассеяны. * * * * Хорошая пехота, без сомнения, составляет основу армии, но если ей приходится долго сражаться против значительно превосходящей ее артиллерии, ее преимущества исчерпываются, а боеспособность уничтожается. В первых кампаниях революционных войн Франция обладала наиболее совершенной артиллерией; нам не известен ни один случай, когда двадцать орудий, разумно размещенных в батарее, были бы захвачены штыками. В сражении при Вальми, в битвах при Жеммапе, Нордлингене и Флерусе французы имели артиллерию, превосходящую артиллерию противника, хотя зачастую у них было только два орудия на тысячу человек; но это было потому, что их армии были очень многочисленны. Может случиться так, что генерал, более искусный в маневрировании, более опытный, чем его противник, и командующий лучшей пехотой, может добиться успехов в течение части кампании, хотя его артиллерия может быть намного уступать артиллерии противника; но в критический день общего сражения его нехватка металла будет сильно ощущаться».

История предоставляет нам многочисленные примеры использования артиллерии для защиты подступов: например, ущелье Кёзен в битве при Ауэрштедте; подступы между редутами Пултова и т. д.

Когда армия вынуждена отступать, она прикрывает свой тыл той частью кавалерии и конной артиллерии, которая меньше всего пострадала во время сражения. Расположив эскадроны кавалерии и легкие батареи в эшелоне, отступающая колонна может быть хорошо

защищена. Артиллерия, используя пролонж, также может продолжать отступление, находясь в батарее и ведя огонь. Именно таким образом в сражении при Альбуэре в 1811 году французская артиллерия на левом фланге сдерживала правый фланг и центр англо-испанских войск до тех пор, пока армия не осуществила отступление; затем артиллерия отступила эшелонами, батареями и частями батарей, под защитой кавалерии.

Мы уже обсуждали в разделе «Общая тактика» расположение и использование артиллерии на поле боя, поэтому достаточно будет нескольких дополнительных замечаний.

Как правило, батареи должны размещаться в таких позициях, из которых они могут эффективно вести огонь, а также свободно перемещаться в любом направлении, которое может потребоваться в ходе сражения. Всегда следует использовать естественные или искусственные препятствия, такие как живые изгороди, группы деревьев, бревна, земляные насыпи и т. д., для прикрытия и маскировки орудий до момента открытия огня. Вопреки распространенному мнению, возвышенные позиции, как правило, неблагоприятны, поскольку артиллерия не может вести огонь с значительным углом снижения. Склоны впереди должны быть значительной длины, иначе снаряды будут иметь очень небольшой эффект на ту часть колонны атаки, которая занимает долину. Местность также должна быть ровной, поскольку на неровной местности снаряды либо зарываются в землю, либо ricochetят под большим углом отклонения, что значительно снижает эффективность огня. Контрфорсы или отроги холмов благоприятны для артиллерии, поскольку позволяют ей вести фланговый огонь по склонам главного хребта. Батареи редко следует размещать так, чтобы они стреляли над другими войсками, поскольку те не только будут запуганы этим огнем, но и подвергнутся ответному огню артиллерии противника. Большое количество орудий никогда не следует сгущать в одном месте, а между орудиями следует оставлять интервал в сорок или пятьдесят футов, в зависимости от местности. Наиболее благоприятное положение для этого рода войск на обычной местности — в промежутках между полками или бригадами линии, достаточно далеко впереди этой линии, чтобы не подвергать другие войска огню артиллерии противника. Фланги линии также благоприятны для действий этого рода войск.

Иногда артиллерия использовалась для формирования части линии сражения, но такие случаи являются исключениями и никогда не могут быть включены в общие правила. Всякий раз, когда принималось такое решение, оно было вызвано недостатками других видов вооружения или какими-то особыми обстоятельствами сражения, которые позволяли смелому и умелому полководцу отклоняться от обычных правил тактики. Так было с Наполеоном при Ваграме. В Саксонии в 1813 году он несколько раз был вынужден заменить артиллерией недостаток других видов оружия.

При обороне и атаке полевых укреплений, а также при переходе через реки артиллерия играет важную и незаменимую роль, но здесь она становится вспомогательным средством для инженерных войск или, по крайней мере, действует совместно с ними.

Во всех хорошо организованных армиях артиллерийские войска должны составлять примерно две трети кавалерии или одну седьмую пехоты.^[36]

[36]

Чтобы быть готовым к выполнению обязанностей, связанных со своим родом войск, артиллерийский офицер должен тщательно ознакомиться с...

Инструкцией для полевой артиллерии Соединенных Штатов, конной и пешей;

Инструкцией капитана Андерсона для гарнизонной артиллерии;

Заметки Кинсли по пиротехнике;

Заметки Ноултона о порохе и т. д.;

трудах Тиру и Пиоберта по теоретическому и практическому обучению, а также трудах Жомини, Декера и Окотмеффа по применению этого рода войск на поле боя.

Следующий список справочных книг может быть полезен тем, кто желает полностью ознакомиться со всеми отраслями артиллерии.

Histoire général de l'artillerie. Брюне.

L'artillerie à cheval dans les combats de cavalerie. Par un officier de l'artillerie Prussienne.

Considérations et experiences sur le tir des obus à bulles. Борман. *Essai sur les obusiers.* Дюсарт.

Очерк об организации артиллерии. Ле Бург.

Трактат об артиллерии (перевод с немецкого). Рувруа.

Французский бомбардир. Белидор.

Воспоминания артиллериста. Сен-Реми.

Очерк об использовании артиллерии в полевых и осадных войнах. Дюпюже.

Мемуары о новых системах артиллерии. Сен-Обен.

Трактат об артиллерии. Мюллер.

Искусственные фейерверки. Джонс.

Таблица стрельбы пушек и гаубиц. Ломбард.

О порохе. Антони.

Исследования по артиллерии в целом. Тексье де Норбек.

Описание искусства изготовления пушек. Монж.

Способы изготовления холодного оружия. Вандермонд.

Руководство артиллериста. Дюртуби.

Трактат о движении снарядов. Ломбард.

Трактат об артиллерии. Шеель. (Перевод с немецкого.)

Практический трактат о фейерверках. Морель.

Руководство для морского артиллериста. Корнибер.

Новые принципы артиллерии. Робинс.

Мемуары о производстве переносных орудий. Котти.

Исследования пороха. Коссиньи.

Дополнение. Коссины.

Изготовление пороха. Рено.

Справочник американского артиллериста. Туссар.

Таблицы дальности стрельбы морских орудий и канонады. Корнильверт.

Трактат о военных взрывчатых веществах. Биго.

Элементарный трактат о производстве орудий. Дартен.

Трактат об искусстве изготовления пороха для орудий. Ботте и Рифо.

Искусство производства селитры. Ботте и Рифо.

Словарь артиллерии. Хойер. (Немецкий язык.)

Новые эксперименты в области артиллерии. Хаттон — (Трактаты Хаттона).

Древесина, пригодная для использования в арсеналах. Эрбен де Аль.

Инструкция по обслуживанию артиллерии. Юло.

Маневры силы. Биго.

Балистика. Обенхайм.

Трактат об артиллерии. Немецкий. Шарнхорст. (Переведен на французский язык в 1840 г.)

Очерк об искусстве наведения. Пумет.

Размышления о производстве орудий. Ламартильер.

Меморандум о доске артиллериста. Обенхайм.

Aide-Mémoire. Гассенди.

Заметки об использовании артиллерии при осаде Бадахоса, Сан-Себастьяна и др.

Трактат об артиллерии. Лаллеман.

Элементы пиротехники. Руджери.

Новая морская сила. Пейханс.

Словарь артиллерии. Котти.

Recherches balistiques. Косте.

Взрывчатые порошки. Вергно.

Руководство по металлургии железа. Кульман.

Военная пиротехника (перевод с немецкого, Р. де Перецдорф).

Журнал военных наук.

Пиротехника. Катбуш.

Элементарный трактат по артиллерии. Декер.

Военные ракеты. Монтгерри.

Документы по артиллерийским снарядам. Эрве.

Наблюдения о новой системе артиллерии. Алликс.

Система полевой артиллерии. Алликс.

Карманный артиллерист. Ади.

О ракетной системе. Конгрив.

Опыт по искусству литья. Серрес.

Сборник мемуаров о порохе. Пруст.

Мемориал морского артиллериста. Мишель.

Наблюдения о новой системе артиллерии. Пумет.

Мемориал артиллерии.

Британский артиллерист. Спирман.

Правила наведения орудий на борту кораблей. Монжерри.

Руководство для мастера кузницы. Ландрен.

Морская артиллерия. Дуглас.

Металлургия железа (перевод с немецкого, Кульман). Карстен.

Памятка для офицеров артиллерии. (Страсбург.)

Трактат об организации и тактике артиллерии (перевод с немецкого Перецдорфом). Гревенитц.

Дополнение к словарю артиллерии. Котти.

Мемуары о порохе. Брэддок.

Руководство оружейника. Полен-Десормо.

Журнал специального оружия.

Курс по службе офицеров на литейных заводах. Серрес.

Опыты по изготовлению и сроку службы железных и бронзовых орудий (перевод с немецкого Перецдорфа). Мейер.

Применение железа в артиллерийском строительстве. Тьерри.

Справочник по военному искусству. Леба.

Справочник для бельгийской армии.

Инструкции и правила по обслуживанию и управлению тяжелым вооружением в британской армии.

Опыт по принципам стрельбы, проведенный в Меце в 1834 году.

Трактат по теоретической и практической артиллерии. Пиобер.

Справочник для офицеров артиллерии (с одобрением комитета по артиллерии).

Руководство по артиллерии для офицеров Швейцарской Республики. Бонапарт (Наполеон Луи).

Сравнительные опыты между дулами из чугуна французского, английского и шведского происхождения, проведенные в Гавре в 1836 году.

Испытания, проведенные в Бресте в 1831 году на пушках. Пейханс.

Опыт по организации артиллерии. Ле Бург.

Опыты с полыми снарядами, проведенные в 1829, 1830 и 1831 годах.

Практическое руководство по применению снарядов (переведено с немецкого языка Перецдорфом). Декер.

Влияние тяжелой артиллерии на военные корабли. Симмонс.

Опыты с боевыми порохами, проведенные в Эскерде в 1832, 1833, 1834 и 1835 годах. Магин.

Курс артиллерии для унтер-офицеров. Де Крепи.

Теоретическое и практическое руководство по артиллерии для учащихся Сен-Сира. Тиру.

Курс по службе офицеров артиллерии в кузницах.

Историческое руководство по технологии огнестрельного оружия (переведено с немецкого языка М. Риффелем). Мейер.

Формулы, относящиеся к эффектам стрельбы с лафета. Пуассон.

Руководство для артиллеристов. Вергно.

Современное состояние полевой артиллерии всех держав Европы (перевод Мазе; часть I, Английская артиллерия). Якоби. (Шесть других частей были опубликованы на немецком языке и содержат описания французской, бельгийской, гессенской, виртембургской, нассауской и шведской систем).

Введение в изучение артиллерии. Мадлен.

Курс по службе офицеров артиллерии в литейных заводах. Описание изготовления дул в королевском литейном заводе в Льеже. Югенен.

Poudre à canon. Тиммерханс.

Procédés de fabrication dans les forges, (extrait du cours sur le service des officiers dans les forges.)

Сведения о военно-морской артиллерии Великобритании. Зени и де Хейс.

Теория лафетных установок и артиллерийских машин. Мигу и Бержери

Руководство артиллериста. Гриффит.

Handbuch für die K.K. Oesterreichische Artillerie Offiziere, (руководство для австрийских артиллерийских офицеров).

Сборник литографий прусской артиллерии с пояснениями.

История военных ракет.

Руководство по вооружению для офицеров армии Соединенных Штатов.

Эксперименты с порохом. Капитан Мордекай.

Пиротехника для использования курсантами Военной академии США. Кинсли.

Заметки о порохе, ударном порохе, пушках и снарядах. Лейтенант Ноултон.

ГЛАВА XII.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ — ИНЖЕНЕРЫ.

Инженеры. Термин «инженер» происходит от неклассического латинского слова *ingenium*, которое применялось как к *машине*, так и к *уму* или *навыкам* человека, который ее изобрел или сконструировал.

По словам французских писателей, именно Филипп Август впервые привлек инженеров (*engigneurs* или *engignours*, как их называли) во Францию и возродил искусство осад. Инженеры того времени редко занимались строительством военных укреплений, но, подобно Архимеду в Сиракузах и Лонгину в Пальмире, они уделяли основное внимание разработке военных орудий и наиболее эффективным способам их использования. В то время военные машины делились между *engigneurs* и *artilliers*; первые занимались более тяжелыми машинами, а вторые — более легким оружием, используемым для метания снарядов. После изобретения пороха старые тараны, краны, гелиполы и т. д. исчезли, а вместе с ними и *engigneurs*, или мастера по орудиям. Новые изобретения были объединены с немногими старыми метательными машинами, которые остались в артиллерии, и инженеры на время остались почти без работы. Возрождение искусства фортификации происходило очень медленно, и современная система начала развиваться только к XVI веку.

На данный момент мы должны опустить даже краткий обзор истории военного инженерного дела и перейти к войскам этого рода войск, как составляющим существенный элемент организации армии. Тема фортификации и история ее различных изменений будут рассмотрены в следующей главе.

Инженеры в современной армейской организации составляют четвертый род войск, поскольку их относительное число по сравнению с артиллерией составляет примерно два к трем. Они делятся так же, как и артиллерия, а именно: 1) штаб; 2) гвардия или фортовые стражи; 3) мастера; 4) войска.

I. Офицеры, составляющие штаб этого корпуса, в мирное время отвечают за планирование, строительство и ремонт всех укреплений и других оборонительных сооружений;

строительством и подготовкой всех военных материалов и запасов, связанных с этим родом войск; а также (в нашей службе) расходом денежных средств, связанных с этими операциями. В военное время они отвечают за нападение и оборону военных сооружений, разбивку и строительство полевых укреплений, редутов, окопов, дорог и т. д.; при атаке они входят в состав авангарда, чтобы устранять препятствия; а при отступлении они входят в состав арьергарда, чтобы возводить препятствия, разрушать дороги, мосты и т. д., с тем чтобы задержать преследование врага.

Учитывая важность этих обязанностей, связанных со средствами, необходимыми для национальной обороны, и огромные денежные средства, затрачиваемые на эти операции, очевидно, что для выполнения обязанностей военного инженера необходимо обладать высоким уровнем знаний. Этот офицер должен обладать знаниями в области химии, чтобы правильно выбирать материалы для изготовления ракет, цемента и мастики; в области минералогии и геологии, чтобы правильно выбирать камень; в области ботаники, чтобы правильно выбирать древесину и средства для предотвращения ее гниения; в области математики, чтобы правильно планировать свою работу и рассчитывать толщину и устойчивость стен, насыпей и т. д.; механической философии для конструирования механизмов; военной инженерии для планирования укреплений; а также всех высших отраслей военной науки для выбора мест для этих сооружений, с тем чтобы они имели надлежащее отношение к средствам национальной обороны и к крупным операциям армий на поле боя. Пути поступления на службу в этот корпус в большинстве европейских армий охраняются с особой тщательностью, чтобы предотвратить влияние денег, политики или семейных связей; а в нашей армии теперь законом Конгресса оговорено, что вакансии должны заполняться только самыми выдающимися выпускниками военной академии. Раньше наша служба сильно страдала от найма некомпетентных лиц, привлеченных благодаря политическому влиянию из гражданской жизни, и иностранных шарлатанов, отбросов европейских армий. Многие из наших ранних военных сооружений (о чем будет упомянуто ниже) были построены по образцу систем, давно отвергнутых профессионалами в Европе, и даже некоторые из тех, которые были построены в течение последних тридцати лет, сделаны из таких убогих материалов и с таким низким качеством изготовления, что уже превращаются в руины. Хотя существующие законы и правила кажутся хорошо рассчитанными для предотвращения повторения подобных злоупотреблений и ошибок, тем не менее можно показать, что организация этого рода наших вооруженных сил требует изменений и расширения, чтобы обеспечить необходимую степень эффективности и экономию государственных расходов.

Войны Людовика XIV привели к созданию регулярной военной организации и регулярной системы обороны. В этих войнах инженеры получили большое развитие и с тех пор занимают видное место в армейской организации. Поэтому во всех великих осадах и сражениях этой эпохи мы видим большое и постоянно растущее число инженеров и инженерных войск, которые постепенно увеличивались по мере лучшего понимания истинных принципов войны и по мере потребностей службы. Даже в самых ранних из этих сражений инженеры играли заметную и выдающуюся роль. В войне 1688 года двадцать четыре инженера были убиты и ранены при осаде Филиппсбурга, восемнадцать — при Намюре, восемь — при Уи, десять — при Шарлеруа, восемь — при Ате, тридцать — при Барселоне и т. д. Такие потери были хорошим доказательством полезности этих офицеров, и до окончания этой войны их число увеличилось до шестисот; а в 1706 году армия насчитывала восемь бригад инженеров и четыре роты минеров.

Инженерный корпус был частично расформирован в начале Французской революции, и возникли большие трудности с его реорганизацией и поиском компетентных людей, которые могли бы заменить тех, кто был изгнан в изгнание или погиб во время террора. Энергия и активность в сочетании с республиканским рвением могли заменить навыки в других родах войск, но инженерное дело нельзя было освоить за один день.

В 1799 году штат инженерного корпуса состоял из четырехсот сорока девяти офицеров, не включая генералов, командующих департаментами или связанных с инженерными войсками. Такая же организация сохранилась и в 1804 году. В настоящее время инженерный штаб французской армии насчитывает четыреста тридцать два офицера. У нас на службе состоит сорок три инженерных офицера, выполняющих штабные обязанности, которые в настоящее время занимаются строительством и ремонтом около шестидесяти или семидесяти укреплений, а также другими работами гражданского и военного характера.

II. *Инженерные гвардейцы, или фортовые стражи*, — это класс людей, отвечающих за общее содержание фортов и всего государственного имущества, хранящегося в различных инженерных складах и гарнизонах, а также на общественных работах во время их строительства.

Во французской армии насчитывается пятьсот пятьдесят таких *«gardes du Genie»*, которые по званию стоят сразу за младшими лейтенантами инженерных войск и приравниваются к младшим лейтенантам пехоты в госпиталях, походах и т. д. *В нашей армии нет инженерных гвардейцев или фортовых стражей.*

Этот недостаток в нашей организации является причиной серьезных неудобств и, как следствие, растраты государственной собственности. Расходы на наем гражданских агентов для этих целей более чем втрое превышают расходы на содержание необходимого числа унтер-офицеров-охранников, которые поддерживали бы порядок и эффективность работы наших фортов в отсутствие инженерных офицеров, а также сохраняли и ремонтировали военное снаряжение и запасы, связанные с этим подразделением армии. Уже было показано, что у нас есть пятьдесят восемь таких охранников для артиллерийской службы, и действительно кажется несколько странным, что инженерам, которые отвечают за гораздо большее количество государственной собственности, не разрешается иметь помощников такого рода.

III. *Инженерные мастера* — это категория людей, занятых в практических работах по строительству фортов и других военных укреплений, а также в изготовлении и ремонте всего оборудования, используемого инженерными войсками при подрывных и минных работах, при переправе через реки, при строительстве полевых укреплений, а также при атаке и обороне полевых укреплений.

Поскольку в настоящее время во Франции требуется очень мало новых укреплений, услуги инженерных мастеров менее необходимы и важны, чем в нашей армии, где ежегодно тратятся большие суммы денег на военные укрепления. Однако во французской армии есть корпус инженерных мастеров, состоящий из восьми офицеров и кадра из пятидесяти четырех унтер-офицеров, с переменным числом рядовых, организованных в две роты. *Но в нашей армии нет регулярных инженерных техников!* В нашей артиллерийской службе насчитывается триста тридцать артиллерийских техников-контрактников. Если они полезны и необходимы для артиллерийской службы, в чем никто не сомневается, то по еще более веским причинам было бы выгодно для государственной службы нанять по крайней мере равное количество инженерных техников-контрактников для наших укреплений, поскольку

годовые расходы государственных средств здесь гораздо выше, чем в соответствующей ветви артиллерийской службы.

IV. *Инженерные войска* делятся на три класса: 1-й — *саперы и пионеры*; 2-й — *минеры*; 3-й — *понтонеры*.

Во французской армии 1799 года было четыре батальона саперов, состоящих из 120 офицеров и 7092 солдат. В 1804 году Наполеон организовал пять батальонов этих войск, состоящих из 165 офицеров и 8865 солдат. Даже это количество оказалось недостаточным в его кампаниях в Германии и Испании, и он был вынужден организовать дополнительное количество саперов из итальянских и французских вспомогательных войск. Пионеры были тогда частично прикреплены к другим родам войск. В настоящее время во французской армии имеется значительное количество саперов или пионеров, выделенных для обслуживания пехотных полков, три роты *sapeurs-conducteurs* и сорок две роты *sapeurs*. В французской армии 1799 года было шесть рот минеров, состоящих из 24 офицеров и 576 солдат. В 1804 году Наполеон увеличил эти войска до девяти рот, в которых было 36 офицеров и 864 солдата. Нынешний мирный штат французской армии включает шесть рот минеров, организованных практически так же, как при Наполеоне. Во французской армии 1799 года было два полка понтонеров, состоящих из 38 офицеров и 960 солдат. Но это число оказалось слишком малым в оставшихся кампаниях, и недостаток временно восполнялся за счет организации моряков для выполнения этих обязанностей. В нынешней организации французской армии есть одиннадцать рот понтонеров, образующих полк из шестидесяти трех офицеров.

В нашей армии нет саперов, минеров или понтонеров, и в случае войны мы окажемся без средств для выполнения каких-либо военных работ или проведения каких-либо военных операций, которые требуют участия инженерных войск.

На предварительных этапах организации армии при Людовике XIV пехотные войска были выделены в качестве саперов и обучены этим обязанностям инженерами. Эта нерегулярность службы вскоре привела к трудностям и потерям, и вытекающие из этого проблемы были настолько велики, что Вобан настоятельно рекомендовал создать отдельную организацию. В 1670 году он официально рекомендовал королю создать полк из 1200 саперов и *ouvriers*, а в последующем отчете о ценности этих войск использовал следующую формулировку: «Они будут полезны как в мирное, так и в военное время и позволят сэкономить значительные средства на всех укреплениях, где они будут задействованы. Более того, я не имею ни малейшего сомнения, что они ежегодно сэкономят королю гораздо больше, чем их жалованье. Я утверждаю все, что я сказал по этому поводу, с такой же уверенностью, как если бы я видел результат; и я могу с той же уверенностью добавить, что этот небольшой отряд станет средством спасения большого числа хороших инженеров и храбрых офицеров и солдат от суровой необходимости, к которой мы вынуждены прибегать, почти всегда подвергая опасности рабочих и тех, кто их поддерживает; эта необходимость не возникла бы, если бы у нас было в распоряжении достаточное количество хорошо обученных рабочих такого рода. Я настолько ощущал необходимость в саперах при каждой осаде, в которой я участвовал, что всегда имел повод сожалеть о том, что не просил более настойчиво о создании этой роты».

Таковы взгляды величайшего военного инженера, человека, который сражался в ста сорока битвах, провел пятьдесят восемь осад и построил или отремонтировал триста укреплений. Его предвидения о полезности инженерных войск полностью оправдались, и с тех пор им уделяется самое пристальное внимание, и теперь они составляют, как только что было

показано, одно из самых важных и эффективных родов войск во французской армии. Укрепления, построенные инженерами по проекту Вобана, с тех пор являются одним из основных элементов французской военной мощи.

В войнах Наполеона есть бесчисленные примеры, иллюстрирующие задержки и катастрофы, сопровождавшие операции армий, не обеспеченных инженерными войсками, и, с другой стороны, преимущества, полученные благодаря их услугам, когда они были правильно организованы и обучены. Мы уже указали на влияние, которое укрепления в руках французов оказали на результаты этих войн, и на фатальные последствия для союзников, пренебрегавших этими работами по национальной обороне. Каждый студент, изучающий военную историю, сразу вспомнит о влиянии Савоны, Кони, Мондови, Чевы, Гови, Алессандрии, Тортоны, Пиццигитоне, Пескьеры, Мантуи, Пальма-Нуова, Осопо, Клагенфурта и т. д. в кампаниях 1796-1797 годов; Генуи, Порт-Барда, укреплений Вар, Ульма, Ингольштадта и т. д. в 1800 году; Милана, Турина, Мантуи, Роко-д'Ауфо, Генуи, Алессандрии и т. д. в 1805 году; важность Келя, Касселя, Везеля и т. д. для французов в 1806 году и фатальные последствия для пруссаков в той кампании их полного и виновного пренебрежения собственными укреплениями.

Все военные историки говорят о влиянии укреплений в кампаниях на Пиренейском полуострове: те, которые были сданы Наполеону до начала военных действий, в значительной степени способствовали успеху его войск, в то время как те, которые остались у Испании и ее союзников, в равной степени способствовали затруднению и сдерживанию его операций. Некоторые из них, такие как Сарагоса и Таррагона, с их разрушенными стенами и неисправным вооружением, сдерживали врага в течение примерно шестидесяти дней каждая и во многом ослабили французскую мощь на полуострове.

Временные или полевые укрепления также имели здесь важное значение. Линии Торрес-Ведрас, полевые укрепления Ронды, окопанные лагеря в Пиренеях, Байонне, Тулузе и т. д. являются примерами этого. Фактически, полевые укрепления играли важнейшую роль во всех войнах Наполеона. Можно упомянуть редут Монтенотт, укрепления в Милезимо, батареи Лобау, полевые укрепления Угомон, Ла-Э-Сент и Папелотт при Ватерлоо, а также множество других не менее впечатляющих примеров. Незадолго до битвы при Ватерлоо Веллингтон нанял около 18 тысяч крестьян и 2 тысячи лошадей под руководством британских инженерных офицеров. Говоря об этих укреплениях, полковник Пэсли говорит: «Легко представить, что без принятой системы разделения различных работ между унтер-офицерами и рядовыми инженерных войск, каждый из которых был ответственен за разработку деталей своей части и за руководство группой от двадцати до ста человек, а то и больше, в зависимости от обстоятельств, было бы невозможно эффективно руководить такой большой группой рабочих с помощью нескольких офицеров-инженеров». в зависимости от обстоятельств».

Но вернёмся к войне на Пиренейском полуострове. Эти кампании ярко демонстрируют преимущества, полученные, с одной стороны, благодаря хорошо организованному инженерному корпусу, а с другой — потери, задержки и недостатки, понесённые до устранения недостатков в организации. Наполеон вторгся в Испанию с хорошо оснащенной армией и вскоре, благодаря стратегии и хорошо направленным силам, захватил важные крепости полуострова; таким образом, захватив стратегические маршруты и важные географические точки, он смог удержать власть над страной в течение восьми лет, несмотря на многочисленные силы, выступившие против него, отсутствие его самого и его лучших генералов в Германии, а также большую неэффективность Иосифа и многих его генералов. Эти укрепления были старыми и уступали по прочности современным оборонительным

сооружениям, но потребовались годы и миллионы человеческих жизней и материальных ресурсов, чтобы изгнать из страны тех, кто их удерживал.

В течение первых пяти лет этой войны англичане боролись с крайне несовершенной организацией армии.^[37] Когда британская армия предприняла «первую серьезную осаду», говорит Нейпир, «к позору английского правительства, ни одна армия никогда не была так плохо снабжена средствами для осуществления такого предприятия. Инженерные офицеры были чрезвычайно ретивы, и многие из них хорошо разбирались в теории своего дела. Но даже самые способные из них дрожали, когда задумывались о своей полной нехватке всего, что было необходимо для реальной службы. Не имея корпуса саперов и минеров, не имея ни одного рядового, который знал бы, как вести наступление под огнем, они были вынуждены атаковать крепости, защищаемые самыми воинственными, опытными и научно подготовленными войсками того времени».

[37]

В письме от 11 февраля 1812 года Веллингтон писал государственному секретарю следующее: «Позвольте мне предложить Вашему Превосходительству целесообразность пополнить инженерные войска корпусом саперов и минеров. Невозможно представить, с какими трудностями мы сталкиваемся при проведении осады из-за отсутствия подобной помощи. Нет ни одного французского *корпуса армии*, который не имел бы батальона саперов и роты минеров, но мы вынуждены полагаться на помощь такого рода со стороны линейных полков, и хотя солдаты храбры и готовы к бою, им не хватает необходимых знаний и подготовки. В результате среди них происходит много потерь, и в самый критический период осады теряется много ценного времени».

«Лучшие офицеры и отборные солдаты были вынуждены приносить себя в жертву, чтобы компенсировать халатность и некомпетентность правительства, всегда готового ввергнуть нацию в войну, не заботясь ни о чем, что необходимо для достижения успеха. Осады, проводимые британцами в Испании, были чередой кровавых бойней, потому что инженерам отказывали в самых обычных материалах и средствах, необходимых для их работы». Полковник Дж. Т. Джонс пишет почти в тех же выражениях о ранних осадах на полуострове и, говоря об осаде Бадахоса, добавляет в явных выражениях, что «подразделение саперов и минеров, а также необходимые фасины и габионы обеспечили бы несомненный успех операции». Вскоре после этой осады из Англии прибыл отряд инженерных войск, но их число было недостаточным, и Веллингтон, на собственном горьком опыте убедившись в важности инженерных войск, приказал отделить от линии фронта отряд из двухсот добровольцев, «которых ежедневно обучали подрывному делу, изготовлению и укладке фашинов и габионов, строительству батарей и т. д.». Осада Сьюдад-Родриго, которая последовала сразу за этой организацией, была проведена с большим мастерством и успехом, чем любая другая до самого конца войны, и все военные писатели приписывают этот результат большей эффективности инженерных войск, участвовавших в осаде. Эта часть теперь постепенно увеличивалась, и в последний год войны инженерные войска английской армии в поле состояли из семидесяти семи офицеров, семи помощников инженеров и геодезистов, четырех хирургов и ассистентов, тысячи шестисот сорока шести саперов, минеров, мастеров и т. д., тысячи трехсот сорока лошадей и ста шестидесяти повозок.

Полковник Пэсли утверждает, что в ходе войны на Пиренейском полуострове неподготовленные войска за *всю ночь* выполняли только *полтора ярда земляных работ* на человека, тогда как обученный сапер может легко выполнить эту работу за *двадцать минут*, а один из его самых умелых саперов в Чатеме сделал это за *семь минут!*

Все это время французы снабжали свои армии в Испании хорошо организованными инженерными войсками. Мы попытались составить сравнение числа французских инженеров и артиллеристов, задействованных в этих осадах на полуострове. Но из-за неточного характера, с которым эти данные обычно приводятся историками, почти невозможно провести различие между ними. Обе категории нередко указываются под одним заголовком, а когда различие, по-видимому, сохраняется, под заголовком «инженеры» упоминается только инженерный *штаб*, а саперы, минеры, артиллеристы, обоз и т. д. указываются как артиллерия. В следующей таблице мы постарались расположить их так, как это делается в нашей армии. Обозы обеих родов войск не указаны, поскольку часто один род войск выполнял обязанности другого. Кроме того, в нашей армии часть этих обязанностей инженерных и артиллерийских поездов выполняется интендантским отделом. Для тех, кто желает узнать точную организацию французского инженерного поезда, мы приводим его состав, как он существовал в 1811 году, а именно: семь рот, каждая из которых состояла из трех офицеров, ста сорока одного унтер-офицера и рядового, двумястами пятьюдесятью лошадьми и пятьюдесятью повозками, перевозящими пять тысяч двести семьдесят инструментов для рытья окопов, тысячу семьсот режущих инструментов, тысячу восемьсот два инструмента мастеров, двести пятьдесят три инструмента горняков и восемь тысяч триста восемнадцать килограммов оборудования и запасов, каждый предмет из которых изготовлен по особому образцу. Пионеры в Испании действовали то с одной, то с другой стороной, и мы распределили их соответственно в таблице. Однако понтонеры, находящиеся на нашей службе, включены в инженерные войска; поэтому мы поместили их в нашей таблице в ту же колонку, что и инженеры.

Название осады.	Инженерный штаб, саперы, минеры, понтонеры и пионеры.		Артиллерийский штаб, конная и пешая артиллерия, ouvriers и пионеры		Общее количество инженеров, саперов, минеров, понтонеров и пионеров	Всего артиллерийский штаб, конная и пешая артиллерия, ouvriers и пионеры
	Офицеры	Солдаты	Офицер	Солдаты		
Сарагоса	86	1180	90	1276	1275	1360
Росас	21	211	-	-	232	461
Жирона	54	603	62	1299	637	1361
Асторга	7	91	17	427	98	444
Лерида	15	316	11	208	331	219
Мегиненца	34	278	-	-	312	136
1-е место. Куидад-Родриго	34	441	-	-	475	1019
Алмейда	34	489	-	-	523	1019

Тортоса	43	429	32	381	472	413
Таррагона	50	681	46	701	731	747
Оливенса	10	106	-	-	116	186
1-е.	25	707	41	699	732	740
Бадахос						
Тарифа	12	235	17	148	247	165
Пенискола	13	138	9	183	151	192
2-е место.	3	12	8	160	15	168
Куидад-Родриго						
2-е место.	9	256	-	-	265	268
Бадахос						
Бургос	4	124	3	126	128	129
Кастьо	5	68	8	197	73	205
Удиалес						
Святой Себастьян	13	248	7	166	261	173

Из этой таблицы видно, что соотношение двух родов войск при этих осадах, если сравнивать на основе нашей собственной организации, примерно такое же, как и в нынешней французской армии в Алжире, или чуть больше пяти инженеров на шесть артиллеристов.

До сих пор мы говорили о полевых операциях инженерных войск в связи с укреплениями, лишь вскользь упоминая об использовании военных мостов и переправах через реки. В первых войнах Французской революции остро ощущалась нехватка понтонеров, и из-за недостатка этой службы операции французских генералов в нескольких случаях были сильно ограничены. Впоследствии эта проблема была в значительной степени решена путем введения нескольких батальонов понтонеров в регулярную армейскую организацию. Наполеон во время своих войн неоднократно ощущал и признавал важность этих войск, но, пожалуй, нигде эта важность не проявилась так явно, как при переходе через Березину во время отступления из Москвы с разгромленной армией. Русские перерезали мост в Борисове и заняли сильные позиции на правом берегу реки, как в этом месте, так и ниже по течению; Французы, утомленные долгими и трудными маршами, лишённые артиллерии, провианта и военных запасов, с широкой и глубокой рекой перед собой и сильным врагом на фланге и в тылу, ошеломленные суровым климатом и обескураженные поражением, — все казалось предвещающим их полное уничтожение. «Генерал Эбле, — говорит английский генерал в своих замечаниях об этом отступлении, — который с самого начала кампании принимал все меры по оборудованию и строительству военных мостов, был специально поручен важной задачей обеспечить переправу через эту реку; и он выполнил эту задачу с такой дальновидностью и умением, что, несомненно, Наполеон обязан ему своим спасением, а его армия — своей безопасностью. Генерал Эбле начал готовиться в Смоленске к трудностям, которые он предвидел в этой операции. Он с большой тщательностью сформировал поезд, достаточный для перевозки всех необходимых инструментов и запасов; кроме того, чтобы обеспечить защиту от непредвиденных обстоятельств и несчастных случаев, каждый человек, принадлежащий к ротам понтонеров,

был обязан везти из Смоленска какой-либо инструмент или орудие, а также определенное количество гвоздей: и армии повезло, что он так поступил; поскольку было так трудно протащить повозки с припасами, что удалось сохранить только две повозки с кузнечным оборудованием и шесть ящиков с инструментами и гвоздями. К ним генерал добавил количество металлических деталей, взятых с колес повозок, которые были брошены во время марша. Многое было пожертвовано, чтобы доставить эти ценные материалы для изготовления зажимов и креплений, но, как замечает Сегур, эти усилия «*sauva l'armée*» (спасли армию).

Но не всегда, обладая чем-то, мы можем по достоинству оценить его полезность; зло и неудобства, возникающие из-за его отсутствия, нередко самым сильным образом впечатляют нас его важностью и преимуществами, которые можно извлечь из его обладания. Несколько примеров такого рода, взятых из военной истории, могут быть поучительными. Не нужно возвращаться к катастрофическому переходу Вислы Карлом XII, неудаче Мальборо в переходе через Дайл и Евгения в переходе через Адду в 1705 году, а также к трем неудачным попыткам Карла Лотаринского перейти Рейн в 1743 году. Войны, последовавшие за Французской революцией, содержат достаточно полезных уроков по этому вопросу.^[39]

[39]

Прежде чем перейти к ним, было бы полезно привести один часто упоминаемый пример из кампании 1702 года. Для успеха кампании было сочтено важным атаковать принца Баденского в его лагере в Фридлингене. Соответственно, через Рейн в Хунингене был построен мост, переправа осуществлена, и победа одержана. Но Виллар несколько раз был на грани потери всего из-за недостатка понтонного оборудования. Имея только *один* мост, переправа была неизбежно медленной; артиллерия и склады часто прерывались пехотой, спешащей на поле боя; в результате возникла неразбериха, и все движение было задержано; Виллар смог задействовать только небольшую часть своей артиллерии, а к концу сражения пехота испытывала нехватку боеприпасов; кроме того, вся операция едва не провалилась из-за попытки противника разрушить этот мост, но мастерство французских понтонеров спасло его. Здесь мы отмечаем, во-первых, что переправа обеспечила Виллару важную победу; во-вторых, из-за неэффективного мостового оборудования вся его армия оказалась в большой опасности, и операция едва не провалилась; в-третьих, если бы принц Баденский располагал умелым корпусом, способным противостоять корпусу Виллара, этот единственный мост был бы разрушен, а армия разбита на части; 4) мастерство небольшого корпуса французских понтонеров спасло мост и, следовательно, армию.

В 1794 году беспорядок в управлении делами был настолько велик, что лодки мостов через Вааль и Рейн были использованы в коммерческих целях; и в начале 1795 года, по словам Жомини, «завоеватели Бельгии и Голландии не имели даже мостового оборудования, в то время как успех кампании зависел исключительно от возможности переправиться через реку». Несколько лодок было добыто из Вахаля и Мааса, а другие изготовлены в лесах Мозеля, но «эти операции отняли драгоценное время, и *четыре месяца* прошли в подготовке». Даже после того, как все остальное было готово, армия была вынуждена ждать тридцать дней прибытия лодок для понтонных мостов; во время этой задержки австрийцы укрепили свои позиции и с очень небольшими усилиями могли легко предотвратить переправу.

В 1796 году, извлекая уроки из ошибок предыдущих кампаний, французы собрали более подходящее мостовое оборудование, и две армии переправились через Рейн в Нойвайде и Келе без потерь и задержек. Последний из этих переходов часто упоминается как образец для подобных операций и, безусловно, делает честь генералу, который его руководил. Но поскольку мостовое оборудование Моро было уничтожено во время этой катастрофической кампании, его операции в следующем году были значительно задержаны из-за необходимости подготовки нового оборудования, и даже тогда он был вынужден захватывать все частные лодки, которые можно было найти в пределах досягаемости; но трудности со сбором и использованием лодок всех размеров и типов были настолько велики, что полностью сорвали его план застать врага врасплох на противоположном берегу реки. Необходимость сотрудничества с Хошем не допускала дальнейших задержек, и теперь он был вынужден форсировать реку в открытый день и перед лицом врага. Предпринятое в таких условиях, «предприятие было чрезвычайно кровопролитным и в какой-то момент весьма сомнительным»; и если бы оно провалилось, «армия Моро была бы разрушена на всю кампанию».

Знаменитый переход Наполеона через По в Пiacентии ясно показывает, насколько важно для генерала иметь средства для переправы через реки. «Я чувствовал важность ускорения предприятия, чтобы не дать врагу времени помешать ему. Но По, река, такая же широкая и глубокая, как Рейн, является труднопреодолимым барьером. У нас не было средств для строительства моста, и мы были вынуждены довольствоваться средствами переправы, найденными в Пiacентии и ее окрестностях. Ланнес, начальник бригады, переправился на первых лодках с передовым отрядом. У австрийцев на другом берегу было только десять эскадронов, и их легко удалось победить. Переправа теперь продолжалась без перерыва, но очень медленно. *Если бы у меня было хорошее понтонное оборудование, судьба вражеской армии была бы предрешена, но необходимость переправляться через реку последовательными перевозками спасла ее.*

В кампании 1799 года эрцгерцог попытался переправиться через Аар и атаковал французов на противоположном берегу, но из-за отсутствия подходящего оборудования его операция была отложена до тех пор, пока враг не собрал достаточно сил, чтобы перехватить переправу; теперь он был вынужден заключить соглашение о приостановке военных действий и убрать свои мосты.

Операции французов в кампании 1800 года привели к самым славным результатам, но их выполнение сопровождалось огромными трудностями. Переход через Альпы был значительно облегчен благодаря способностям главного инженера Мареско и мастерству войск под его командованием; а возможность перехода через реки, обеспеченная Наполеону его понтоньерами, оказала важное влияние на успех кампании. «Армия резерва имела много рот понтонеров и саперов; понтоны, конечно, не могли быть переправлены через Сен-Бернар, но понтонеры вскоре нашли материалы на По и Тезине для строительства мостовых сооружений». В том же году армия Моро хорошо воспользовалась услугами своих понтонеров при переправе через Инн, Сальцу, Траун, Альзу и т. д., а также при преследовании австрийской армии — преследовании, которое имеет только один аналогичный пример в современной истории.

Легкость, с которой Наполеон пересекал реки, совершал форсированные марши, строил редуты, укреплял склады и захватывал важные стратегические пункты противника в кампании 1805 года, была результатом умелой организации его армии и эффективности сил, задействованных в этих важных операциях. Инженерный штаб французской армии в этот период состоял из четырехсот сорока девяти офицеров, а также четырех батальонов

саперов, насчитывавших сто двадцать офицеров и семь тысяч девяносто два солдата; шести рот минеров, насчитывавших двадцать четыре офицера и пятьсот семьдесят шесть солдат; и двух полков понтонеров, насчитывавших тридцать восемь офицеров и девятьсот шестьдесят солдат. Напротив, пренебрежение врагом этими вещами является одним из самых ярких из многих недостатков войны, а его неверно направленные усилия по уничтожению большого деревянного моста через Дунай и успешные операции французских саперов по его защите стали одним из главных поворотных моментов в кампании.

Та же самая организация позволила французам совершить свои удивительно быстрые и решительные маневры в прусской кампании 1806 года и в северных операциях 1807 года.

В 1809 году армия Наполеона с поразительной быстротой переправилась через Инн, Зальца, Траун и другие реки, впадающие в Дунай, и достигла Вены, прежде чем потрясенные австрийцы успели подготовиться к ее обороне. Затем французам необходимо было переправиться через Дунай, который был сильно разбухшим из-за недавних дождей и таяния снега в горах. Учитывая глубину и ширину реки, позиции противника и его приготовления к противодействию переправе, а также катастрофические последствия, которые могли бы возникнуть для французов в случае неудачи, Дюжени назвал эту операцию «одной из самых опасных и сложных из всех военных операций». Здесь судьба армии, по-видимому, зависела от мастерства и эффективности инженеров и понтонеров, и они благородно оправдали возложенные на них надежды. Когда понтоны вышли из строя, их заменили тресслевыми мостами, и даже были реквизированы пятьдесят четыре огромных лодки. Эти операции были проведены настолько умело, что огромная армия Наполеона переправилась в безопасности, прямо перед лицом превосходящего врага, и в тот же день сразилась в памятной битве при Эслинге. Вынужденный отступить перед значительно превосходящими силами противника, Наполеон сконцентрировал свои войска на острове Лобау и укрепил свои позиции. Окруженный широким и глубоким руслом Дуная и наблюдаемый многочисленными и искусными врагами, он требовал самой постоянной активности и величайшей удачи, чтобы осуществить переправу. Здесь ярко проявились мастерство и эффективность инженеров; перед австрийцами и против почти непреодолимых препятствий было построено несколько мостов; вся французская армия переправилась в безопасности и вскоре нанесла окончательный удар по этой блестящей кампании. Наполеон так высоко ценил строительство этих мостов, что, когда переход был завершен, он предложил поставить Бертрана, инженера-строителя, хотя и относительно низкого ранга, во главе французского *инженерного корпуса*.

Во время отступления в 1812-13 годах от Березины до левого берега Рейна, через Неман, Вислу, Одер, Эльбу и многие другие реки, разделяющие эту огромную страну, французы не раз извлекали огромную выгоду из опыта и мастерства своих инженеров и понтонеров, благодаря которым несколько раз целые корпуса ускользали из рук преследователей. Однако когда бедствия этого отступления поглотили большую часть материальных ресурсов армии и печально истощили ряды опытных и квалифицированных людей, они понесли много тяжелых и, в других обстоятельствах, ненужных потерь. В качестве примера можно упомянуть переход через Эльстер по мосту Линдау, где из-за невежества и небрежности тех, кто отвечал за мины, а также из-за отсутствия подходящих мостовых конструкций тысячи храбрых людей были погребены в мутных водах этой небольшой реки. Наполеон так остро ощущал нехватку мостового оборудования зимой 1813-14 годов, что обратился к своему министру войны по этому поводу со следующими замечательными словами: «Если бы у меня были понтоны, я бы уже уничтожил армию Шварценберга и положил конец войне; я бы захватил у него восемь или десять тысяч повозок и всю его армию в деталях; но из-за

отсутствия надлежащих средств я не смог перейти Сену». 2 марта он снова писал: «Если бы у меня было мостовое оборудование сегодня утром, армия Блюхера была бы потеряна». Любой, кто изучит детали операций этой кампании, убедится в полной силе этих замечаний.

В Испании в 1808 году сэр Джон Мур, чтобы помочь местным войскам, проник так близко к армии Наполеона, что отступление стало чрезвычайно затруднительным, и он несколько раз был на грани поражения. Английская армия в то время испытывала острую нехватку инженерных войск, и Мур сильно страдал от отсутствия саперов для разрушения мостов и понтонов для строительства новых. Чтобы прикрыть свое отступление и помешать продвижению французов, главнокомандующий, по словам Нейпера, «отдал приказ уничтожить несколько мостов, но инженеры [из-за нехватки саперов и саперных инструментов] не смогли осуществить ни одну попытку».

Во время отступления Сульта в 1809 году он пересек Дуэро в Опорто и уничтожил мосты, чтобы отрезать преследование Веллингтона. Но в то время как Султ, обманутый предательством в своем собственном корпусе, не уделил должного внимания охране реки, Веллингтон собрал лодки в разных точках, переправил свою армию, застал французов врасплох и, если бы не необычная задержка и нерешительность генерала Мюррея, наверняка заставил бы всю армию капитулировать; в любом случае, его операция оказала решающее влияние на ход кампании и обеспечила безопасность корпуса Бересфорда. Султ уничтожил свою артиллерию и обоз и поспешно отступил через горные перевалы; но его армия была снова остановлена у реки Кавадо и оказалась на грани уничтожения, когда храбрый и умелый Дюлонг сумел прорваться через Понте-Нова; тот же смелый офицер в тот же день открыл путь для дальнейшего отступления французов через Мисареллу через Сальтадор.

При преследовании Массены в 1810 году для англичан было важно пересечь Гвадиану и атаковать французов до того, как Бадахос смог бы привести свои войска в состояние обороны. Веллингтон приказал Бересфорду перейти эту реку в Джермине, где португальцы обещали предоставить понтоны; но они не выполнили свое обязательство, и армия была вынуждена ждать, пока капитан Сквайр, способный и эффективный офицер-инженер, смог построить другие средства для переправы. Было сделано все, что только мог придумать гений и осуществить трудолюбие; тем не менее, операции армии были значительно задержаны — *«задержка, — говорит историк, — которая может считаться главной причиной тех долгих и кровопролитных операций, которые впоследствии задержали лорда Веллингтона более чем на год на границах Португалии»*.

Мы могли бы продолжить эти замечания, обсудив переправы через реки Сейра и Альва и их влияние на преследование Массены; переправу Веллингтона через Тежу и его отступление из Бургоса в 1812 году; переход через Адур и Гаронну в 1814 году; а также неудачу взрыва мостов в Сальтадоре, Алкантаре и т. д. Однако, как полагается, уже приведено достаточное количество примеров, чтобы продемонстрировать преимущества наличия хорошо организованного и обученного корпуса саперов, минеров и понтонов, а также фатальные последствия отсутствия таких войск в составе армейской организации.

Уже отмечалось, что пехота армии всегда должна составлять основу распределения; и согласно общему правилу, установленному военными авторами, кавалерия должна составлять от одной четверти до одной шестой пехоты, в зависимости от характера войны; артиллерия должна составлять около двух третей кавалерии или одну седьмую пехоты; а инженерные войска — от половины до трех четвертей артиллерии, то есть около двух третей. Штаб и административный корпус должны варьироваться в зависимости от характера

организации и характера театра военных действий. Первый должен составлять от двух до пяти из тысячи, а второй — от двадцати пяти до семидесяти пяти,^[40] как правило. Эти соотношения обеспечат хорошую организацию армии;

Штаб	5
Административная служба — оплата, медицинское обслуживание, продовольственное снабжение, интендантская служба и т. д.	65
Пехота	650
Кавалерия	130
Артиллерия	90
Инженеры	60
	=====
Всего	1000

В раздробленной стране, против диких и недисциплинированных врагов, таких как индейцы в этой стране, туземцы, противостоящие англичанам в Индии, французам в Алжире или русским в Черкесии, кавалерия, артиллерия и инженеры будут сокращены, а пехота и административные корпуса пропорционально увеличены; первые — потому что легкие войска всегда предпочтительнее против недисциплинированного противника, а вторые — из-за трудностей с передвижением и снабжением в новых и некультивированных странах. Французские войска в Алжире в 1844 году насчитывали около шестидесяти тысяч человек в следующем соотношении:

Штаб	4,7
Административный персонал и т. д.	112,3
Пехота	687,3
Кавалерия,	86,6
Артиллерия	61,2
Инженеры	47,9
	=====
	1000 человек.

[\[40\]](#)

Это предполагает, что возчики, кочегары, слуги в госпиталях и т. д. являются зачисленными в армию солдатами, а не лицами, нанятыми для этой цели, как это делается в нашей армии.

В небольших мирных вооруженных силах относительная доля пехоты и кавалерии должна быть гораздо меньше, чем при подготовке к полевым действиям, поскольку войска этих двух родов войск можно гораздо легче сформировать в случае чрезвычайной ситуации, чем те, которые требуют более научных знаний, технических навыков и подготовки. Штаб и инженерные войска, очевидно, наиболее трудно сформировать в случае войны, а за ними следуют артиллерия и административные корпуса.

В этой стране в мирное время мы можем поддерживать только основу армии, рассчитывая на то, что в случае необходимости наши граждане-солдаты сформируют основную массу наших вооруженных сил. Это отправная точка нашей военной системы и основа организации нашей армии. Давайте посмотрим, реализуется ли этот принцип на практике.

На каждую тысячу человек в нашей нынешней организации^[41] у нас есть

Для штаба	2
Административный	20 ^[42]
Пехота	513
Кавалерия	150
Артиллерия	310
Инженеры	5
	=====
	1000 человек

[41]

Эти цифры отражают реальные, а не *номинальные* пропорции, поскольку многие из наших офицеров называются *штабными*, хотя по сути относятся к одной из других категорий.

[42]

Большая часть административных обязанностей в нашей армии выполняется лицами, не состоящими на военной службе, или солдатами, откомандированными из своих рот. В таких случаях соотношение в этой сфере службы не должно превышать указанного выше.

Из этой таблицы видно, что, хотя наша артиллерия почти в шесть раз превосходит по численности артиллерию обычных армий, наш штаб меньше наполовину, а инженеры составляют не более половины от того, какова должна быть их доля в военном учреждении. К такому превышению артиллерии над пехотой и кавалерией в нашей армии в мирное время нет никаких возражений, поскольку в случае войны последние могут быть более легко расширены, чем артиллерия. Но по еще более веской причине наш штаб и инженеры также должны быть пропорционально увеличены, а не значительно сокращены, как это происходит в настоящее время.

Опыт первых кампаний Американской революции сильно впечатлил Вашингтона и убедил его в абсолютной необходимости создания регулярной и систематической армейской организации. Но было так трудно найти инженеров с надлежащей подготовкой, что он был вынужден искать инженерных офицеров среди иностранных авантюристов, а также проводить набор из других родов войск, регулярно обучать их обязанностям инженерных войск и подчинять их командованию офицеров этого корпуса. Приказ, написанный его собственной рукой, с подробностями этой временной меры датирован 30 марта 1779 года. До тех пор, пока не будут набраны люди для этой цели, роты саперов и минеров будут формироваться из призывников из линейных войск. «Обязанности рот саперов и минеров, — продолжает он, — под руководством инженеров, состоят в сооружении полевых укреплений всех видов и всех сооружений, необходимых для атаки или обороны мест, в зависимости от обстоятельств. Во время марша вблизи врага отряд рот саперов и минеров должен располагаться впереди колонны, непосредственно за авангардом, с целью открытия и ремонта дорог, а также устранения препятствий» и т. д. и т. п.

Большие трудности, с которыми столкнулся Вашингтон при обучении своих неопытных войск более сложным отраслям военного искусства, заставили его в последующие годы еще более настойчиво внушать нам, как важно *в мирное время готовиться к войне*. Под подготовкой здесь подразумевается не содержание в мирное время большой постоянной армии, всегда готовой выйти на поле боя, а скорее формирование небольшого подразделения, обученного и натренированного во всех научных и сложных аспектах профессии; подразделения, которое будет служить *кадровым ядром* или основой большой армии, способной передать новым и неопытным солдатам республики навыки и эффективность, приобретенные практикой. Насколько мы достигли этой цели и какими будут вероятные действия в случае нового конфликта с европейской державой? Новые и неопытные войска будут призваны на поле боя, чтобы противостоять ветеранской и дисциплинированной армии. От этих войск мы будем ожидать всей храбрости и энергии, проистекающих из горячего патриотизма и восторженной любви к свободе. Но мы не можем ожидать от них высокой дисциплины, военных навыков или знаний в различных областях военного искусства. Мирные привычки наших граждан мало способствуют воспитанию военного духа. Как же тогда нам противостоять вражеским силам? Должна ли человеческая кровь заменить навыки и подготовку, а трупы наших граждан служить эпаулементами против вторжения врага? В некоторой степени, боимся, что так и будет, но не полностью, потому что правительство не совсем пренебрегло подготовкой к такому событию. На наиболее важных и уязвимых позициях были запланированы или возведены укрепления; в государственных арсеналах были собраны военные материалы и боеприпасы; была организована военная школа для обучения военным наукам; регулярно поддерживаются небольшие подразделения пехоты и кавалерии, слабые по численности, но способные вскоре сделать хорошими солдатами население, столь хорошо осведомленное, как наше, в использовании мушкетов и лошадей; также регулярно поддерживаются артиллерийские силы, пропорционально гораздо более крупные, с достаточным количеством солдат и офицеров, чтобы организовать и сделать хорошими артиллеристами граждан, уже частично знакомых с использованием пушек. Но знание обязанностей пехоты, кавалерии и артиллерии — не единственные практические знания, необходимые на войне. В ходе практических операций армии в полевых условиях необходимо пересекать реки, внезапно возводить и разрушать мосты, строить и защищать полевые укрепления, захватывать и уничтожать батареи; необходимо приводить в порядок и защищать укрепления или осаждать и отбивать их; необходимо рыть окопы, взрывать мины, устанавливать батареи, пробивать бреши и штурмовать; строятся трос-де-лу, завалы, частоколы, габионы, фашины и многое другое военное оборудование и техника. Имеют ли наши граждане знания об этих вещах, или мы обеспечили в нашей военной системе группу

людей, обученных и практикующихся в этой области военного искусства и способных придать армии необходимую эффективность для этой службы? К сожалению, на этот вопрос нужно ответить отрицательно; и есть большие опасения, что будущие историки скажут о нас то же, что Напир сказал об англичанах: *«Лучшие офицеры и солдаты были вынуждены приносить себя в жертву, чтобы компенсировать халатность и неспособность правительства, всегда готового ввергнуть нацию в войну, не заботясь ни о чем, что необходимо для достижения успеха. Их осады были чередой кровавых бойней, потому что инженерам отказывали в самых обычных материалах и средствах, необходимых для их искусства»*.^[43]

[43]

Темы, обсуждаемые в этой главе, также рассматриваются большинством авторов, пишущих о военной организации и военной истории, а также несколькими авторами, пишущими о военном инженерном деле. Можно с пользой обратиться к работам Аллента, Вобана, Кормонтайна, Рокканкура, Пэсли, Дугласа, Джонса, Белмаса, Нэпира, Гэя де Вернона. Пэсли, Дуглас, Джонс и Нэпир самым решительным образом говорят о важности инженерных войск в активных военных операциях и об абсолютной необходимости организации этих сил в мирное время. Список справочных книг по военному инженерному делу будет приведен в конце следующих глав.

В то время как эти страницы проходят через печать, Конгресс уполномочил президента сформировать *одну роту* инженерных войск! Это число слишком мало, чтобы быть полезным в военное время.

ГЛАВА XIII.

ПОСТОЯННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ.

Укрепление определяется как искусство расположения местности таким образом, чтобы небольшое количество войск могло как можно дольше сопротивляться более многочисленной армии. Если сооружение расположено в очень важном месте и построено из прочных материалов, оно называется постоянным; в противном случае оно получает название *полевым* или *временным*. Полевые сооружения, как правило, ограничиваются операциями в рамках одной кампании и используются для укрепления позиций, которые должны занимать только в течение короткого периода времени. Как правило, эти сооружения представляют собой земляные насыпи, возведенные войсками за один день. Они тесно связаны с системой постоянных укреплений, но благодаря простоте их строительства нет необходимости готовиться к их возведению до фактического начала войны. Более того, их невозможно построить до начала военных действий, поскольку их расположение в каждом конкретном случае определяется позицией вражеских сил.

Уже описав общее влияние постоянных укреплений как средства национальной обороны, мы здесь ограничимся лишь принципами их строительства. Мы не собираемся вдаваться в технические дискуссии по вопросам, которые относятся к сфере компетенции инженеров, а лишь приведем номенклатуру и назначение наиболее важных частей военного сооружения; одним словом, ту общую информацию, которой должны владеть офицеры всех званий и родов войск.

Первые виды укреплений у древних были, конечно, очень простыми и состояли лишь из земляного вала или частокола. Позже стали использовать стены, а затем к ним добавили рвы. Выяснилось, что прямые стены легко пробивались таранами врага; чтобы исправить это, в небольших промежутках друг от друга строили башни, образуя изломанную линию выступающих и заходящих частей. Эти башни или выступающие точки постепенно приобрели форму, приближенную к современному бастиону.

После изобретения пороха и применения пушек для атаки и обороны мест, возникла необходимость устроить земляные валы за тонкими стенами древних сооружений для размещения новой артиллерии. Кроме того, эти стены вскоре оказались недостаточными для сопротивления снарядам осаждающих, и возникла необходимость заменить их земляными парапетами. Чтобы защитить подпорные стены этих парапетов от осадных батарей, также оказалось необходимым максимально снизить эти стены и поднять контрскарпы. Однако следы или планы сооружений не претерпели существенных изменений примерно до конца XV века.

Неизвестно, кто первым превратил древние башни в бастионы. Некоторые приписывают это итальянцу, и с достаточным основанием, поскольку бастион был построен в Турине еще в 1461 году. Говорят, что Ахмед Паша укрепил Отранто таким образом в 1480 году, но нельзя определить, была ли эта система ранее известна среди турок. Другие приписывают это изобретение Зишке, прославленному лидеру гуситов. Наиболее вероятно, что переход от башни к бастиону был очень постепенным и что это изменение было доведено до совершенства в нескольких странах примерно в одно и то же время.

Фортификационное дело, как и другие виды искусства и науки, получило большое развитие в Италии при Медичи, и эта страна снабдила Европу своими самыми искусными инженерами. Екатерина Медичи привезла во Францию многих своих соотечественников, прославившихся в этой профессии; среди них можно назвать Белламата, Бефано, Кострицио, Релогgio, Ворганно, двух Марини, Кампи и Иеронимо, которые построили несколько важных сооружений и руководили осадами других. Этим способным иностранцам составляли конкуренцию некоторые выдающиеся французские инженеры, которые заложили основу «*corps du Genie*», который с тех пор стал школой военного обучения для всего мира. Среди ранних французских инженеров можно выделить Лафонтена Де Серре, Фейкьера и Сен-Реми. Педро Наварро был назначен членом этого корпуса, но его внимание было больше сосредоточено на горном деле, и нам не известно, чтобы он отличился в строительстве каких-либо укреплений.

В Германии в начале XVI века Альберт Дюрер прославился как автор трудов по фортификации; его книга примечательна тем, что содержит зародыши многих усовершенствований, которые были сделаны его последователями. Это тем более удивительно, что он не был профессиональным инженером. За ним последовал Спекель, уроженец Страсбурга, умерший в 1589 году. Его труды ценны тем, что отражают состояние

искусства того времени и изменения, которые он сам внес в него. Он был инженером с большим практическим знанием и опытом, участвовавшим в осадах Мальты, Голетты, Вены, Юлы, Никосии, Фамагусты и т. д.

Первым французским инженером, писавшим о фортификации, был Эррар де Бар-ле-Дюк, который опубликовал свои работы в конце XVI века. Как инженер он имел соперника в лице Шатильона, человека выдающихся заслуг. Эррар укрепил Амьен, построил часть замка Седан и часть укреплений Кале. При правлении Людовика XIII большую известность приобрели Деснойер, Девиль, Паган и Фабр. Девиль опубликовал свои работы в 1628 году. Он был человеком очень образованным и опытным, но, как говорят, в своей теории и практике он принял принципы итальянской школы со всеми ее ошибками. Паган начал свою военную карьеру в молодом возрасте и стал *маршалом* в 38 лет, когда, к несчастью, ослеп и был вынужден отказаться от своих блестящих надежд. Он был самым способным инженером своего времени и также прославился в других областях науки. В своих планах он склонялся к голландской, а не к итальянской школе фортификации. Он опубликовал свои работы в 1645 году.

В конце XVI века голландцы были вынуждены прибегнуть к военной обороне, чтобы защитить себя от агрессии испанцев. Поскольку голландцы уступали в других военных средствах, фортификация стала одним из жизненно важных ресурсов страны. Однако их сооружения, возведенные в спешке, были во многих отношениях несовершенны, хотя и хорошо адаптированы к требованиям времени. Фрейтаг, их главный инженер, написал свою работу в 1630 году. Некоторые из его усовершенствований были внедрены во Франции Паганом. Его предшественником был Маролуа (современник Пагана), который опубликовал свою работу в 1613 году.

В Германии саксонец Римплер написал о фортификации в 1671 году. Он был человеком с большим опытом, участвовавшим в осадах Кандии, Филипсбурга, Бонна, Риги, Бремена, Дансбурга, Боммельна и т. д. Он пал при осаде Вены в 1683 году. Говорят, что его труды содержат основы системы Монталембера.

В Италии после Тартальи, Марки, Кампи и других мы не видим значительных улучшений в этом искусстве. Однако несколько итальянцев прославились как инженеры, работая на испанцев. Укрепления Бадахоса являются хорошим примером состояния искусства в Италии и Испании той эпохи. Цитадель Антверпена, построенная двумя итальянскими инженерами, Пачотти и Чербеллони, в 1568 году, прославилась благодаря осаде, которой она подверглась в 1832 году.

Эпоха Людовика XIV принесла большую революцию в искусстве фортификации и довела его до такой степени совершенства, что с тех пор оно претерпело лишь незначительные улучшения. 1633 и 1634 годы являются интересными датами в истории этого искусства, поскольку в них родились соответственно Вобан и Козхорн. Первый был главным инженером Франции при Людовике XIV, а второй занимал аналогичную должность в Голландской республике. Идеи Козерна в области фортификации были разработаны с учетом особенностей болотистой местности его страны и, хотя они хорошо подходили для достижения поставленной цели, в результате оказались менее применимыми в общем плане, чем идеи его более выдающегося современника и соперника. Лучшими образцами его метода строительства, сохранившимися до наших дней, являются крепости Мангейм, Берген-оп-Зом, Нимвеген и Бреда.

В Голландии Козхорна сменил Ландсберг, способный и практичный инженер, который к обширным знаниям добавил богатый опыт, сам участвовав в шестнадцати осадах. Его

система была во многих отношениях своеобразной, как по плану, так и по рельефу; она обходилась без гласиса и всех обратных каменных конструкций. Его планы могли применяться только на болотистой местности. Первое издание его работы было опубликовано в 1685 году.

Но карьера Вобана является наиболее заметной и выдающейся эпохой в истории фортификации; она представляет собой связующее звено между грубыми набросками ранних инженеров и устоявшейся формой, которую искусство приняло с тех пор. В его ранних работах мы находим многие ошибки его предшественников, но, по-видимому, размышления и опыт постепенно изменили его мышление, и эти недостатки были вскоре исправлены, а новая и четкая система была разработана. Вобань не оставил после себя трактатов о своем любимом искусстве, и его идеи по фортификации были выведены из его сооружений и отдельных мемуаров, оставленных среди его бумаг. О характере его труда, масштабах его деятельности и трудолюбии можно судить по тому факту, что он сражался в ста сорока битвах, провел пятьдесят восемь осад и построил или отремонтировал триста укреплений. Его мемуары, найденные среди его рукописных документов, на различные военные и политические темы, многочисленны и высоко ценятся даже в наши дни. Но его прекрасные и многочисленные сооружения, как гражданского, так и военного характера, являются настоящими памятниками его гению. Лучшие иллюстрации его принципов фортификации можно найти в Лилле, Страсбурге, Ландау, Живе и Нев-Брисаке. Его труды по минному делу, а также по нападению и обороне мест считаются классическими в своей области. Его усовершенствования существующих методов нападения обеспечили его соотечественникам значительное превосходство в вооружении и даже позволили ему осадить и захватить своего соперника Коэрна в его собственных укреплениях. Он умер в 1707 году, и вскоре его сменил Кормонтань.

Последний не пытался ввести какую-либо новую систему, а ограничился улучшением и совершенствованием планов своих прославленных предшественников. Однако его усовершенствования были обширными и разумными и достаточными, чтобы обеспечить ему место одного из самых способных военных инженеров, которых когда-либо знал мир. Его работы по теме фортификации, помимо того, что они написаны элегантно, содержат самую ценную информацию из всех имеющихся у нас работ. Его самые известные сооружения находятся в Меце, Тионвиле и Биче. Прекрасные укрепления Билькруа в Меце являются идеальными образцами своего рода. Кормонтань умер в 1750 году.

Его современниками были Стурин и Глассер. Первый лишь незначительно отклонился от систем своих предшественников, но второй изобрел несколько гениальных усовершенствований, которые принесли ему большую славу.

Далее следует Росард, баварский инженер, и Фридрих Август, король Польши, который особенно посвятил себя этому искусству. Первый укреплял казематами только фланги своих сооружений, а второй ввел казематный огонь в более широком масштабе, чем кто-либо из его предшественников.

Во Франции Белидор и Де Филие опубликовали свои работы примерно в середине прошлого века. Оба они были способными инженерами, но их системы уступали системе Кормонтайна.

В 1767 году Де ла Шиш ввел систему укреплений, во многих отношениях оригинальную. Он поднял свои крытые пути, чтобы скрыть всю свою каменную кладку, и казематировал большую часть своей *окружающей стены*. Для внешней обороны он использовал прямой огонь из своих барбетов и криволинейный огонь из своих казематов; прямой огонь последних обеспечивал безопасность его рвов.

За Де ла Шишем следует Монталембер, который опубликовал свои работы в 1776 году. Он был человеком с большим опытом и значительной оригинальностью, но не обладал большими способностями как инженер. Большинство его идей были заимствованы у Де ла Шиша и немецкой школы Римплера. Его планы в целом были отвергнуты его соотечественниками, но все еще имеют сторонников среди немцев.

Генерал Виргин, выдающийся шведский инженер, писал в 1781 году. Его идея укрепления небольших городов за счет относительного пренебрежения крупными городами является одной из главных новизн его системы.

В 1794 году Реверони разработал систему, в которой использовались казематы Монталембера, но его орудия были расположены таким образом, чтобы их можно было использовать в барбетах, пока осаждающие находились на расстоянии, а затем использовать для казематического огня. Казематная лафетная установка, которая была частью его изобретения, была гениальной, но на практике практически не использовалась.

Бусмард, французский эмигрант, опубликовал свою работу в 1790 году. Он взял за основу общие принципы Вобана, но внес изменения в детали, существенно отличающиеся от изменений Кормонтайна. Некоторые из этих изменений являются очень ценными усовершенствованиями, в то время как другие носят более сомнительный характер. Бусмард, в целом, является очень способным писателем, и его работы должны быть в библиотеке каждого военного инженера.

Знаменитый трактат Карно был опубликован в 1810 году. Он был, очевидно, гениальным человеком, и за время его карьеры во главе Военного министерства Франции были сделаны многочисленные и очень важные усовершенствования в нескольких отраслях военного искусства, особенно в стратегии. Его работа по фортификации демонстрирует большую оригинальность и гениальность, но сомнительно, что она внесла значительный вклад в совершенствование этого искусства. Его идеи были очень строго и довольно несправедливо раскритикованы англичанами, в частности сэром Говардом Дугласом.

Шасселуп де Лаубат рано проявил себя как инженер с большими способностями и талантом. Он сопровождал Наполеона почти во всех его походах и проводил многие из его осад. Он перестроил укрепления Северной Италии и Нижнего Рейна. В 1811 году он опубликовал свою работу. Внесенные им усовершенствования многочисленны и ценны, и он, вероятно, внес большой вклад в развитие своего искусства и восстановление равновесия между атакой и обороной, чем любой другой инженер со времен Кормонтайна. После падения Наполеона и раздела его империи союзники разрушили или уничтожили сооружения Шасселупа, так что, как полагают, не сохранилось ни одного совершенного образца его системы.

Современники Шасселу в основном занимались активной полевой службой и осадами, и лишь немногие из них имели свободное время или возможность посвятить себя усовершенствованию постоянных укреплений.

Шумара опубликовал свою работу в 1827 году. Его система отличается большой оригинальностью, а его труды свидетельствуют о таланте и гениальности автора. Очевидно, что у него больше оригинальности, чем здравого смысла, и вряд ли его система когда-либо будет широко применяться на практике.

Система Меца, разработанная Нуазе, как теоретическое исследование, несомненно, является лучшей из всех известных на сегодняшний день. Однако она требует значительных модификаций для адаптации к различным местностям. Для горизонтального участка это,

вероятно, самая совершенная система из всех когда-либо разработанных. Она основана на системе Вобана, усовершенствованной Кормонтаном, и содержит несколько модификаций, предложенных современными инженерами. Она применяется в модифицированном виде в новых укреплениях Парижа.

Барон Роо де Флери ввел много модификаций обычной французской системы в своих новых укреплениях Лиона. Мы не видели письменных отчетов об этих работах, но по результатам беглого осмотра в 1844 году они показались нам слишком сложными и дорогостоящими.

Новые укрепления Западной Германии являются модификациями системы Ремплера, усовершенствованной Де ла Шишем и Монталембером. Говорят, что генерал Астер, главный инженер, также ввел некоторые из основных принципов Шасселупа и Карно.

Английские инженеры довольствуются тем, что следуют по стопам своих континентальных соседей, и не могут претендовать на оригинальность.

Мы не можем высказать никакого мнения о системе укреплений, которая сейчас используется в нашей армии; еще не настало время подвергать ее строгой и разумной критике. Но о системе, применяемой до 1820 года, мы можем без особого опасения быть опровергнутыми сказать, что худшей системы вряд ли можно было бы придумать. Вместо людей, обладающих талантом и знаниями в области военной науки, большинство наших инженеров в то время были либо иностранцами, либо гражданскими лицами, которые получили свои звания исключительно благодаря политическому влиянию. Квалификация первых, вероятно, ограничивалась воспоминаниями о нескольких случайных посещениях двух-трех старых европейских крепостей, а вторые, вероятно, черпали все свои военные знания из старых военных книг, которые, утратив свою актуальность в Европе, попали в нашу страну и которые они читали, не понимая и, вероятно, даже не глядя на дату издания. Результат был предсказуем — полная трата государственных денег. Мы могли бы проиллюстрировать это многочисленными примерами. Однако достаточно будет одного. Примерно в период последней войны для защиты гавани Нью-Йорка было построено восемь новых фортов, что обошлось примерно в два миллиона долларов. Шесть из них были *круглыми*, а два других — *звездообразными* — системы, которые были отброшены в Европе почти две тысячи лет назад! Три из этих сооружений в настоящее время полностью заброшены, два других бесполезны, а на остальные три недавно были потрачены большие суммы денег в попытке исправить их недостатки и сделать их пригодными для хорошей обороны. Более того, ряд сооружений, построенных нашими инженерами до того, как этот корпус почувствовал влияние научного образования, введенного через Военную академию, — мы говорим, что значительное количество наших укреплений, построенных инженерами, которые обязаны своим назначением политическому влиянию, не только неправильны в своих планах, но и построены из таких убогих материалов и с таким качеством исполнения, что уже превращаются в руины.

Укрепление в своей простейшей форме состоит из земляного вала, называемого *валом*, который окружает укрепленное пространство; *парапета*, возвышающегося над валом и защищающего людей и орудия от вражеских снарядов; *стены-скарпы*, которая выдерживает давление земли вала и парапета и представляет собой непреодолимое препятствие для штурма; широкий и глубокий *ров*, который не дает врагу приблизиться к основной части укрепления; *контрскарп*, который удерживает землю с внешней стороны рва; *крытый проход*, который занимает пространство между контрскарпом и земляным валом, называемым *гласисом*, насыпанным в нескольких ярдах перед рвом с целью прикрытия ската основного сооружения.

Сооружение, которое непосредственно окружает укрепленное пространство, называется *оградой* или *основной частью укрепления*. К ограде обычно добавляются другие сооружения для укрепления слабых мест фортификационных сооружений или для затягивания осады, вынуждая врага захватить их, прежде чем он сможет прорвать основную часть укрепления: они называются *внешними укреплениями*, когда окружены крытым проходом, и *передовыми укреплениями*, когда расположены снаружи крытого прохода, но каким-то образом связаны с основным сооружением; но если они находятся полностью за гласисом и не в пределах поддержки крепости, их называют *отдельно стоящими укреплениями*.

В бастионном фронте главным внешним укреплением является *полулунная башня*, расположенная перед завесой; она служит для прикрытия главного входа в укрепление и для размещения соседних бастионов в сильных ре-энтри.

Тенналь — это небольшое низкое сооружение, расположенное в рву, для прикрытия стены завесы и флангов от огня батарей осаждающих, установленных вдоль гребня гласиса.

Места для оружия — это точки, где собираются войска для действий снаружи сооружения. *Внутренние места для оружия* — это небольшие реданты, расположенные в точках соединения крытых проходов бастиона и полулуния. *Выступающие места для оружия* — это части крытого прохода перед выступами бастиона и полулуния.

Небольшие постоянные сооружения, называемые *редутами*, размещаются внутри полулуния и повторных мест оружия для укрепления этих сооружений. Сооружения такого типа, построенные внутри бастиона, называются *внутренними укреплениями*; когда они достаточно высоки, чтобы контролировать внешнюю территорию, их называют *кавалерами*.

Капоньеры — это сооружения, построенные для прикрытия прохода от тенаиля к ущелью полулуны, а также от полулуны к крытому проходу, благодаря чему может поддерживаться связь между оборонительным сооружением и внешними укреплениями.

Постерны — это подземные ходы, проложенные через тело укрепления или некоторые из внешних сооружений.

Выходные проходы — это узкие отверстия, сделанные в гребне гласиса, которые обычно поднимаются в виде ramпы от крытого прохода, с помощью которого можно поддерживать связь с внешним миром. Эти проходы устроены таким образом, что их не может охватить огонь противника. Другие надземные коммуникации называются *рампами*, *лестницами* и т. д.

Траверсы — это небольшие сооружения, возводимые на крытом проходе для перехвата огня батарей осаждающих.

Иногда для защиты рва сооружаются галереи на *скарпе* и *контрскарпе*. Они оборудованы бойницами, через которые войска гарнизона обстреливают осаждающих, когда те входят в ров, не подвергаясь при этом обстрелу из батарей противника.

В прибрежных укреплениях, а иногда и на сухопутном фронте для защиты рва, в скарпной стене делаются амбразуры для артиллерийского огня; все это защищается от снарядов бомбоубежищем над головой: такая конструкция называется *казематом*.

Иногда образуются двойные валы и парапеты, так что внутренний может вести огонь над более выдвинутым; последний в этом случае называется *faussebraie*.

Если внутреннее сооружение отделено от другого, оно называется *укреплением*¹, а если к тому же оно имеет превосходство в огневой мощи, оно называется, как только что было отмечено, *кавалером*.

[44]

Термин «*укрепление*» подразумевает внутреннее сооружение, которое строится внутри или позади другого сооружения с целью его укрепления; термин «*окоп*», напротив, подразумевает независимое сооружение, построенное в открытом поле, без связи с каким-либо другим соседним сооружением.

Вершина бастиона — это линия, делящая его выступ пополам. Все сооружения, расположенные между вершинами двух соседних бастионов, называются *фронтом*: он считается единицей постоянной фортификации.

Рис. 39 представляет собой план современного бастионного фронта правильной и простой формы на горизонтальном участке.

A, A, A — это ограждение или основная часть укрепления.

B — бастионы.

C — главный ров.

D — крытые пути.

E — места для повторного входа оружия.

F — Выступающие места для оружия.

G — Полумесяц.

H — Ров полумесяца.

J — Редут полумесяца.

L — Ров полулунного редута.

M — Редут повторных мест для оружия.

N — Рва редутов.

O — Тенналь.

P — Двойной капоньер.

a — Траверсы.

b — Выходные проходы.

c — Лестницы.

d — Вырез в полулуны для флангового обстрела редута места повторного входа оружия.

Рис. 40 представляет собой разрез по линии *mn'* предыдущего рисунка.

A — вал.

B — Парапет.

C — Ров.

D — Скальная стена.

E — Контрскарпная стена.

F — Гласис.

G — Крытый проход.

H — Терра-плейн.

J — Парадный двор.

Иногда в земляном парапете форта вырезают полуэмбразуры, чтобы опустить орудие ниже гребня и таким образом более эффективно прикрыть солдат от вражеского огня.

Однако орудия в амбразурах имеют гораздо меньший угол обстрела, чем орудия, установленные на барбетах; кроме того, амбразуры представляют собой отверстия, через которые враг может проникнуть при штурме. Из-за этих недостатков они используются только для защиты определенных точек, то есть там, где важно прикрыть артиллеристов от вражеского огня, или там, где орудия используются исключительно для защиты рва, для флангового обстрела дороги и т. д. Дно амбразуры называется *дном*, боковые стороны — *щеками*, а массив земли между двумя амбразами — *мельзоном*. Эмбразуры могут быть прямыми или косыми, в зависимости от того, требуется ли огонь перпендикулярный или косой по отношению к парапету.

Укрытие — это небольшое укрепление любой удобной формы, возводимое непосредственно перед воротами, чтобы защитить их от вражеского огня.

Контргард — это более обширное сооружение, построенное перед частью самой крепости или каким-либо другим укреплением большей важности, которое оно призвано прикрывать. Иногда их называют *прикрытием*, исходя из их расположения и назначения, но чаще всего используется первый термин.

Иногда укрепления, называемые *тенайоны*, состоящие из одной длинной и одной короткой стороны, размещаются по обеим сторонам полумесяца передней части укрепления с целью продления осады. (Рис. 41.)

Малые, или полутенайоны, часто располагаются таким образом, что покрывают только половину полулуны, а затем перед выступающей частью полулуны сооружается *козырек*. (Рис. 42.) В этом случае козырек флангируется короткими сторонами полутенайонов; эти короткие стороны сами флангируются полулуной, в то время как бастионы флангируют длинные стороны.

Рог состоит из передней части укрепления и двух крыльев, опирающихся на грани бастионов передней части крепости. Иногда он также имеет полумесяц или башню, как в случае с полутенайонами. (Рис. 43.)

Коронная работа состоит из двух фронтов укреплений и двух крыльев. (Рис. 44.) Иногда она бывает двойной и даже тройной.

Эти сооружения также используются в качестве передовых сооружений и располагаются полностью перед гласисом. Обычно они добавляются к крепости с целью занятия какого-либо важного участка земли, не входящего в пределы основного сооружения. Они могут быть построены с крытыми проходами, и иногда может оказаться целесообразным укрепить их ретраншеями.

Отдельное сооружение может быть построено в любой форме, которая считается наиболее подходящей для данного места. Поскольку оно удалено от крепости, последняя будет оказывать лишь незначительное влияние на характер его плана или конструкции. Обычно они имеют ограниченную протяженность и небольшой рельеф, во многом напоминая полевые сооружения.^[45]

[45]

Общие принципы постоянных укреплений можно лучше всего изучить по трудам Кормонтайна, Сен-Поля де Нуазе и Лориллара-Фалло. Список ценных справочных книг по различным отраслям военного инженерного дела будет приведен в конце следующей главы.

ГЛАВА XIV.

ПОЛЕВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Полевое инженерное дело включает в себя проведение военной разведки, сооружение временных укреплений и военных дорог; проектирование и строительство военных мостов; нападение и оборону военных сооружений; — короче говоря, все разнообразные обязанности инженерных войск, как в ходе военной кампании, так и при развертывании на поле боя.

Военная разведка. — Под этим термином понимается исследование части театра военных действий с целью выяснения его военного характера и ресурсов. Если исследование проводится на большой территории страны и в течение всей кампании, разведка является *общей*; если оно проводится с целью сбора подробной информации о предполагаемой линии марша, переходе через реку, положении противника и т. д., оно называется *специальным*.

При проведении общей разведки следует уделять большое внимание сбору точной информации о общей топографии местности; характере гор, лесов и водотоков; состоянии дорог, каналов и железных дорог; качестве почвы и количестве производимых ею

продовольственных и кормовых ресурсов; население и характер городов, поселков и деревень, торговые и производственные ресурсы каждой части страны, а также средства транспорта, имеющиеся в каждом районе. План военных операций будет основываться на полученной таким образом информации, и любая серьезная ошибка в разведке может повлиять на результаты кампании и даже на исход войны.

При проведении специальной разведки потребуются не только точная, но и подробная информация: необходимо подробно описать характер дорог; природу водотоков, их глубину и скорость; расположение и характер мостов и бродов; — короче говоря, полное описание всех препятствий, с которыми можно столкнуться, и средств, которые могут быть использованы для преодоления этих препятствий.

Офицер, проводящий разведку, обычно может получить много ценной информации из опубликованных карт и описаний местности, подлежащей изучению; дополнительные подробности можно узнать у лесников, охотников и рыбаков, а также у трактирщиков и местных властей района. Но офицер должен всегда проверять эту информацию, насколько это возможно, путем личного осмотра. При проведении разведки вблизи врага он должен быть поддержан сильным конвоем конных войск, и во всех его операциях для обеспечения успеха потребуется максимальная осторожность.

Некоторые простые инструменты, такие как карманный секстант или компас, будут достаточными, чтобы разведывательный офицер мог с значительной точностью измерить высоту гор, ширину ручьев и т. д., а обычный масштаб и циркуль позволят ему составить подходящий военный эскиз.

Временные укрепления. В предыдущей главе было указано, что временные укрепления ограничиваются операциями одной кампании и используются для укрепления позиций, которые должны занимать только в течение короткого периода времени, и что они обычно сооружаются из земли, насыпанной войсками за один день. Временные укрепления, как часть полевого инженерного дела, могут поэтому рассматриваться скорее как *оружие*, чем как *искусство*. Принципы их строительства, конечно, вытекают из теории постоянных укреплений, но при применении этих принципов на практике в полевых условиях допускается гораздо большая свобода, чем при точном научном расположении постоянных сооружений.

Цель полевых укреплений (или окопов, как их обычно называют) состоит в том, чтобы остановить или, по крайней мере, затруднить продвижение наступающего врага; укрыть обороняющиеся войска от метательного оружия нападающих и удержать их в положении, где они будут подвержены огню обороняющихся сил. Числовая и фактическая сила атакуемых может быть намного меньше, чем у нападающих, и тем не менее существует равновесие; материальные препятствия компенсируют разницу в численности. Окопы, хотя и являются инертными массами, должны поэтому рассматриваться как наиболее ценные и важные вспомогательные средства при обороне позиции.

Укрепления состоят либо из *линий* сооружений, предназначенных для прикрытия протяженных позиций, либо из *отдельных* сооружений, предназначенных просто для защиты занимаемой ими территории. Первые, как правило, представляют собой фронт против врага только в одном направлении, в то время как вторые обычно закрыты со всех сторон.

Для плана простых укреплений использовались следующие фигуры: многоугольник, редан, лунет, митра, звездчатый форт и бастион.

Квадратные или многоугольные редуты являются наиболее распространенными формами полевых укреплений из-за простоты их строительства. Но у них есть много недостатков. Перед каждым выступающим углом находится сектор без огня, а рвы не имеют защиты. Последнее возражение также справедливо в отношении всех круглых укреплений.

Редан (рис. 45) часто используется для прикрытия точки в тылу, такой как мост, брод или ущелье. При использовании в одиночку его горловина должна быть закрыта частоколом. Его рвы не имеют защиты.

Лунет (рис. 46) имеет почти те же недостатки, что и редан.

Митра, или священническая шапка (рис. 47), может быть с успехом использована, когда требуется перекрестный огонь на вершине сооружения. *Звездчатый форт* имеет все недостатки многоугольного редута, не обладая при этом его преимуществом простоты.

Бастионный форт (рис. 48) более полно удовлетворяет условиям хорошей обороны, чем любой другой план, но он менее прост и легк в исполнении. Обычно он состоит из четырех или пяти фронтов, но может быть применен к многоугольнику с любым количеством сторон.

Для получения подробной информации о конструкции этих нескольких сооружений необходимо обратиться к специальным трактатам по полемому фортификационному делу.

Линии укреплений могут быть сплошными или с промежутками. При выборе любого из этих планов инженер должен использовать все естественные препятствия, которые представляет собой данная местность, чтобы уменьшить трудозатраты на возведение искусственных средств обороны.

Самым простым вариантом непрерывных укреплений является *кремайе* или зубчатая линия. При применении на неровной местности или для соединения удаленных и отдельных сооружений зубчатая линия может считаться хорошим расположением. Иногда используются митры и реданты, соединенные прямыми завесами, а также комбинация больших и малых редантов, образующих чередующиеся выступы и углы. Непрерывная линия бастионов предпочтительнее любой другой конфигурации, когда есть достаточно времени для их строительства.

Линии с промежутками часто формируются из чередующихся лунет и квадратных редутов. Другие отдельно стоящие сооружения могут использоваться таким же образом. Такой способ укрепления позиции имеет несколько преимуществ при наличии дисциплинированных войск. Первый удар нападающего принимают на себя отдельно стоящие сооружения, и когда он пытается проникнуть в промежутки, его фланги подвергаются смертельному перекрестному огню. Эти промежутки также позволяют атакуемым действовать в наступлении, атакуя врага в подходящий момент. Но с неопытными войсками и ополчением будет безопаснее прибегнуть к непрерывным линиям. Если кавалерия составляет какую-либо часть оборонительных сил, будет абсолютно необходимо оставить промежутки, через которые эти войска могут атаковать.

Вертикальный разрез всех укреплений имеет одинаковую общую форму; размеры, конечно, будут варьироваться в зависимости от характера почвы, а также времени и средств, затраченных на их строительство. Минимальные размеры, которые можно использовать с значительной выгодой, приведены на рис. 49.

При разбивке полевых укреплений следует использовать все имеющиеся искусственные препятствия, такие как живые изгороди, стены, дома, хозяйственные постройки и т. д. Густую

живую изгородь можно сделать обороноспособной, насыпав перед ней небольшой земляной вал. Каменные заборы можно использовать таким же образом. В каменных стенах можно проделать бойницы и организовать один или два яруса огня. Стены домов пробиваются таким же образом, и иногда с пола второго этажа делается выступающая деревянная конструкция, называемая *галереей-машикули*, чтобы атакуемые могли стрелять вниз на своих противников. Такая конструкция часто с успехом используется в деревянных блокгаузах против диких врагов, но она малоэффективна при обстреле артиллерией. Некоторые предлагали использовать галереи такого типа в постоянных каменных сооружениях, но этот проект слишком очевидно абсурден, чтобы заслуживать обсуждения.

В дополнение к парапету укрепления хороший инженер всегда найдет время и средства для сооружения других искусственных препятствий, таких как трос-де-лу, абаттис, палисады, частоколы, фрейзы, шеваль-де-фриз, вороны лапы, мины и т. д.

Тру-де-лу — это ямы, вырытые в земле в форме перевернутого усеченного конуса, диаметром около шести футов и глубиной примерно столько же. Обычно они располагаются в нескольких ярдах перед рвом и скрываются под небольшим покрытием.

Abattis — это верхушки и крупные ветви деревьев, уложенные вдоль гласиса сооружения; концы ветвей обрезаны и заострены.

Палисады представляют собой кольца длиной около восьми или десяти футов, один конец которых закреплен в земле, а другой заострен. Они располагаются рядом друг с другом и соединяются между собой горизонтальными перемычками. Такая конструкция часто устанавливается у подножия контрскарпы. Когда брусья большие и сооружение предназначено для первичной обороны, оно называется *частоколом*; когда кольца устанавливаются у подножия ската, горизонтально или под наклоном, они получают название *фрейз*.

Cheval-de-frise состоит из горизонтальной деревянной балки, укрепленной деревянными или железными копиями, которые выступают на восемь или десять футов. Он широко используется против кавалерии, а на каменистой почве служит заменой палисадам.

Crows'-feet — это небольшие деревянные или железные формы, заполненные острыми шипами. Их бросают остриями вверх на землю, по которой должна пройти кавалерия.

Мины иногда используются в связи с окопами, но чаще всего при атаке и обороне постоянных сооружений. О них будет сказано далее.

Полевые сооружения, которые должны занимать в течение значительного времени, обычно имеют более крутые склоны, облицованные, и оборудованы шансами и контршансами, галереями, траверсами, бронированными навесами и т. д. Такие сооружения занимают промежуточное положение между временными и постоянными укреплениями.

В качестве примеров важности полевых укреплений и способов их организации читателю предлагается обратиться к знаменитой битве при Фонтенуа в 1745 году, где тщательно организованные окопы маршала Сакса позволили французам отразить с огромными потерями атаки значительно превосходящих сил противника; к сражению при Флерусе в 1690 году, где принц Вальдек подверг себя катастрофическому поражению, «пренебрегая средствами укрепления и другими необходимыми мерами предосторожности»; к сражению при Мальплаке в 1709 году, где маршал Виллар, не заняв и не укрепив ферму, закрывавшую проход между лесами Сарса и Ланьера, подверг себя катастрофическому поражению; к операциям 1792 года, когда генерал Кустин, пренебрегая рекомендациями инженеров

укрепить высоты, прикрывавшие Бинген, подверг себя ужасным бедствиям, которые вынудили его к поспешному отступлению; к укреплениям Вервике, которые благодаря энергичному сопротивлению 10 сентября 1793 года спасли голландскую армию от полного уничтожения; к укрепленному лагерю Ульма в 1800 году, который в течение шести недель сдерживал победоносную армию Моро; к укрепленным линиям Торрес-Ведрас в 1810 году, которые спасли от уничтожения английскую армию Веллингтона; к полевым укреплениям Угомонта, которые так много способствовали победе при Ватерлоо и т. д.

Военные коммуникации. Движение армий всегда значительно затрудняется лесами, болотами и водотоками, и ничто так не способствует проведению военных операций, как средства обеспечения практичной и легкой связи через эти различные препятствия.

Здесь нет необходимости вдаваться в подробное обсуждение способов строительства военных коммуникаций через леса или болота. В новой стране, такой как наша, где почти каждый имеет некоторый опыт в строительстве дорог, для сооружения временных объектов такого рода не требуется особых технических знаний, но инженерам, которые проводят предварительную разведку и определяют местоположение этих дорог, потребуются значительные профессиональные навыки и опыт.

Водные пути можно пересекать с помощью бродов, по льду или с помощью паромов и мостов. Когда временные мосты или паромы строятся армией в полевых условиях, они классифицируются под общим названием «*военные мосты*» или, более правильно, «*понтонные мосты*».

Если глубина реки небольшая, течение слабое, а дно ровное и твердое, переход можно осуществить *вброд*. Если дно илистое или покрыто крупными камнями, переход будет трудным и опасным, даже если глубина и течение благоприятны. При благоприятных обстоятельствах пехота может перейти вброд реку, глубина которой не превышает четырех футов; кавалерия — глубиной до четырех или пяти футов; но артиллерия и инженерные подразделения не могут переходить ручей глубиной более двух с половиной футов, не подвергая большому риску свои боеприпасы и военные запасы. Перед попыткой перехода необходимо точно разметить броды и натянуть веревки через ручей или разместить кавалерию и небольшие лодки ниже по течению, чтобы предотвратить гибель людей.

Пехота может переходить лед небольшими отрядами. Его прочность можно увеличить, покрыв его досками или соломой, чтобы распределить вес по большей площади. Полив соломой водой и дав ей замерзнуть, можно сделать массу еще более плотной. Но большие отряды кавалерии и тяжелая артиллерия не могут рисковать переходить лед, если он не имеет большой толщины и прочности. Армия никогда не может доверять ни бродам, ни льду в течение длительного времени; если она это сделает, то паводок или оттепель поставят ее в крайне опасное положение. Поэтому военные мосты станут единственной надежной опорой для поддержания связи.

Военные мосты строятся из эстакад, плотов, лодок и других плавучих средств. Иногда войска также используют веревочные мосты для перехода через реки.

Эстакадные мосты в основном используются для перехода через небольшие ручьи глубиной не более семи-восьми футов; они также служат для соединения плавучих мостов с берегом на мелководье. Форма эстакады во многом похожа на форму обычной *столярной козлы*, т. е. горизонтальная балка, поддерживаемая четырьмя наклонными опорами. Эти эстакады устанавливаются в русле реки на расстоянии от двенадцати до двадцати футов друг от друга и соединяются стрингерами (или *балками*, как их называют в техническом языке),

которые покрываются досками. Действию течения на мост можно противодействовать с помощью якорей и тросов или с помощью ящиков или корзин, прикрепленных к ножкам эстакад и наполненных камнями. Мост можно сделать более прочным, заменив эстакады сваями или обычными каркасными опорами, которые так широко используются в новых районах нашей страны.

В качестве примеров использования мостов такого типа можно привести знаменитый мост Цезаря через Рейн; переход через Шельду в 1588 году испанцами; переход через Лех в 1631 году Густавом Адольфом; переход через Дунай в 1740 году маршалом Саксом; великий мост через Вар во время итальянских кампаний Наполеона; переход через Лех в 1800 году Лекурбом; мосты через Пьяву, Изонцо и т. д. в последующих операциях армии в Италии; знаменитый переход через Дунай на острове Лобау в 1809 году; переход через Агеду в 1811 году англичанами; переходы через Двину, Москову, Днепр, Березину и т. д. во время кампании 1812 года; ремонт моста возле Дрездена и переход через Эльбу в 1813 году и т. д.

Плоты, сформированные из бревен, бочек, бочонков и т. д., часто используются в качестве военных мостов. Они могут выдерживать практически любой вес и подходят для переправы через реки любой глубины и ширины, при условии, что течение не быстрое.

Если мост должен поддерживаться плотами из массивных бревен, эти бревна сначала следует поместить в воду, чтобы определить их естественное положение устойчивости, а затем срезать более крупные концы с нижней стороны, чтобы они оказывали как можно меньшее сопротивление действию течения. Затем они связываются между собой прочной веревкой или прутьями, либо крепятся поперечинами, вставленными в бревна, и удерживаются болтами или деревянными штифтами. Эти плоты удерживаются на месте якорями и тросами, установленными вверх и вниз по течению. Дорожная часть формируется почти так же, как и у моста, опирающегося на эстакады. При строительстве плотов вместо бревен можно использовать пустые бочки и другие плавучие предметы.

В качестве примеров использования плотов при строительстве военных мостов можно привести переправу через Сену в 1465 году графом Шароле; переправу через Маас в 1579 году Александром Фарнезе; переправу через Вислу в 1704 году, через Бистрицу в 1709 году и через Зунд в 1718 году Карлом XII; переход через Адидже в 1796 году; переход через По в 1807 году; и последующие военные операции на Иберийском полуострове.

Военные мосты часто сооружаются из *лодок* и обычных речных судов, которые можно найти вблизи предполагаемого места переправы. Для этой цели наиболее подходят плоскодонные лодки, но если их нет, то в качестве замены можно использовать килевые лодки. Когда эти суда имеют очень разные размеры (что часто бывает), два меньших судна можно связать вместе, чтобы сформировать единую опору; их можно выровнять с помощью каменного балласта. Борты должны быть соответствующим образом устроены для поддержки балок, или же для этой цели следует возвести каркас из центра лодки. Устройство дорожного полотна, якорей и т. д. такое же, как и ранее.

Мостовое оборудование, предназначенное для сопровождения армии в ее передвижениях по полю, обычно состоит из легких лодок или баркасов, а также необходимых брусьев, досок, якорей и т. д. для формирования дорожного полотна и удержания моста в нужном положении. Все эти предметы изготавливаются специально для этой цели. Все деревянные конструкции должны быть из прочного и хорошо высушенного дерева, чтобы не создавать лишней нагрузки на обозы. Бато также должны быть изготовлены из прочных и легких материалов. Для удобства транспортировки эти лодки иногда изготавливаются с петлями, чтобы их можно было складывать. Ребра обычно изготавливаются из дуба, а борты и дно — из

сосны. Вместо досок иногда используется покрытие из жести, меди, каучука и т. д. Плавающие опоры такого типа часто изготавливаются в виде отсеков, чтобы предотвратить их затопление в случае повреждения вражескими снарядами. Каучуковые понтоны можно сложить в небольшое пространство, а их небольшой вес делает их удобными для транспортировки.

На судоходных реках часть моста, опирающаяся на одну или две лодки, должна быть устроена таким образом, чтобы ее можно было убрать с места, образуя *проход* для речных судов. Действительно, даже там, где река не судоходна, было бы хорошо создать проход для деревьев и других плавающих предметов, сбрасываемых врагом на мост.

Обычное мостовое оборудование из баркасов или легких понтонов для переправы через реку шириной от трехсот до четырехсот ярдов и с умеренным течением потребует от шестидесяти до восьмидесяти вагонов.^[46] При благоприятных обстоятельствах и с хорошо обученным корпусом понтонеров мост может быть переброшен через реку и подготовлен для прохода армии за несколько часов. После переправы войск мост можно разобрать и за четверть-полчаса снова установить на вагонах.

[46]

Количество вагонов в понтонном поезде значительно уменьшится, если будет установлено, что в качестве опор для моста можно использовать индийские резиновые лодки. Инженерный отдел нашей армии проводит эксперименты, чтобы определить этот момент.

[47]

В 1746 году через реку По, недалеко от Пьяченцы, были переброшены три моста из баркасов, каждый длиной 1500 футов, и полностью завершены за восемь часов. В 1757 году через Рейн, в Везеле, за полчаса были переброшены два моста из баркасов; в том же году третий мост был переброшен через эту реку недалеко от Дюссельдорфа за шесть часов. В 1841 году полковник Бираго из австрийской армии прибыл на берег рукава Дуная Вайсгербен со своим мостовым оборудованием, не замедляя шага, и сразу же приступил к строительству моста, без какой-либо предварительной подготовки или осмотра. Менее чем за три четверти часа мост был построен, и по нему прошли в галопе три груженных четырехколесных повозки, за которыми следовала колонна пехоты.

Следующие примеры послужат иллюстрацией использования различных видов лодочных мостов в военных операциях: переход через Рейн в 1702 году Вилларом; переход через Днепр и Болото в 1739 году русскими; переход через Дунай в 1740 году маршалом Саксом; переход через Рейн, недалеко от Кельна, в 1758 году принцем Клермоном; переход через Рейн в 1795 году Журданом; переход через Рейн в Келе в 1796 году Моро; и снова в том же году в Вайсентурне и Нойвиде Журданом; мосты через Рейн при осаде Келя и Хунинген в 1797 году; переход через Лиммат в 1799 году Массеной; переходы через Минчо, Адидже, Бренту, Пьяву и т. д. в 1800 году; походы через эти реки снова в 1805 году; походы через Нарев в 1807 году русскими; несколько переходов через Дунай в 1809 году французской и австрийской армиями; переходы через Тежу и Дору в 1810 году англичанами; переходы через Неман, Двину, Москву и Березину в 1812 году французами; и через великие реки Германии и Франции в 1813 и 1814 годах.

Плавающее судно, перемещаемое от одного берега к другому течением реки, называется *плавучим мостом*. Обычно такой паром устанавливается следующим образом: нос судна прикрепляется с помощью троса и якоря к какой-либо точке вблизи середины реки. Управляя судном под углом к течению, его можно переправлять в одну и ту же точку. Один переход может быть осуществлен таким же образом, под действием течения, без троса и якоря, но в этом случае лодка будет унесена на некоторое расстояние вниз по течению. Гребные лодки используются для переправы пехоты последовательными высадками, но этот процесс слишком медленный для переправы больших сил; его вполне можно использовать в качестве вспомогательного средства к другим средствам.

В настоящее время пароходы настолько распространены на всех судоходных реках, что армия в полевых условиях часто может воспользоваться этим средством для переправы через крупные реки. Однако в враждебной стране или в стране, уже захваченной врагом, полагаться на получение судов такого типа будет небезопасно. Хорошо организованная армия всегда будет иметь в своем распоряжении средства для надежного и быстрого перехода всех водотоков, которые могут пересекать ее линию марша.

Летучие мосты или гребные лодки использовались при переходе Двины в 1701 году шведами; при переходе По в 1701 году принцем Евгением; при переходе Рейна в Хунингене в 1704 году; переправа Журдана через Рейн в 1795 году; переправа Моро в 1796 году; осады Келя и Хунинген в 1797 году; переход Массена через Лиммат и переход Сульта через Линт в 1799 году; переход через Рейн в Люциштайге в 1800 году; переход через По французами непосредственно перед битвой при Маренго; а также другие переходы в Италии, Германии и Испании в последующих кампаниях Наполеона.

Военные мосты иногда строились из веревок, тросов, натянутых через водоток и прочно прикрепленных на каждом конце к деревьям или столбам, вбитым в землю. Если берег скалистый, лучшим способом закрепить концы основных веревок являются кольца со скобами, вбитыми в камень. На эти тросы укладывают доски, образующие проезжую часть. Вережки, образующие «боковые перила» моста, пропускают через подпоры на каждом берегу, а затем крепят, как и ранее. Короткие вертикальные веревки крепят основные опоры к этим боковым веревкам, чтобы они могли выдержать часть веса, проходящего по мосту. Конструкции такого типа подробно описаны в работе Дугласа «Очерк о военных мостах». Например, см. переход через По у Казалья в 1515 году швейцарцами; мост, построенный адмиралом Колиньи через Клен во время осады Пуатье в 1569 году; операции принца Оранского против Гента и Брюгге в 1631 году; переправа через Тежу в Алкантаре в 1810 году англичанами; мост, построенный через Зезере французами в 1810 году; мост, построенный через Скарп у Дуэ в 1820 году; эксперименты, проведенные в Фере в 1823 году, и т. д.

Переход реки в присутствии врага, действующего в наступлении или отступающего, является операцией, требующей большой деликатности и сопряженной с большим риском. В любом случае армия должна проявить максимальное хладнокровие и решимость, поскольку ее успех будет зависеть от соблюдения строжайшей дисциплины и порядка.

В случае отступления мост должен быть прикрыт полевыми укреплениями, называемыми *tête de pont*, и защищаться сильной охраной. Если река умеренной ширины, враг может быть удержан на расстоянии с помощью тяжелых батарей на противоположном берегу. Как только переправа будет осуществлена основными силами, мост, если он постоянный, будет взорван или иным образом разрушен саперами, а если он плавучий, то будет перемещен на другой берег. Арьергард переправится на весельных лодках или на понтонах, отсоединенных для этой цели. Армия, отступающая перед лицом врага, никогда не должна полагаться на один-

единственный мост, каким бы он ни был, поскольку малейшая авария, произошедшая с ним, может подвергнуть всю армию неизбежному уничтожению.

Переход реки основными силами против предприимчивого и активного врага на противоположном берегу всегда является операцией крайней сложности и нередко сопровождается самыми кровавыми результатами.

Наиболее эффективный способ достижения этой цели — это хитрость. Одновременно проводятся демонстрации в нескольких точках: после наступления темноты отряды войск переправляются на весельных лодках или по мостам, чтобы захватить противоположный берег. Авангард легкой кавалерии может переправиться вплавь. Понтоньеры должны иметь свое мостовое оборудование в готовности вблизи предполагаемого места переправы, чтобы его можно было перебросить с максимально возможной быстротой, пока передовые отряды еще способны удерживать врага на расстоянии. При благоприятных обстоятельствах понтоньеры подготовят мост для переправы армии до того, как враг сможет собрать свои войска на угрожаемом участке.

Пушечные ядра и полые снаряды являются наиболее эффективным средством для уничтожения моста противника, когда наши батареи могут быть установлены в пределах досягаемости. Когда это невозможно, мы должны прибегнуть к огненным лодкам, плавучим плотам и т. д., чтобы достичь нашей цели. Операции такого рода, проводимые ночью, имеют наибольшие шансы на успех.

Для защиты мостов от воздействия этих плавучих объектов через поток на некотором расстоянии выше моста сооружаются заграждения или плавучие шевалье-де-фриз; вместо заграждений или в сочетании с ними можно использовать прочные тросы или цепи, натянутые прямо через реку или под углом вверх по течению. Над мостом должны быть размещены охранники с лодками, канатами, крюками и т. д. для задержания всех плавучих объектов и вытаскивания их на берег или безопасного направления их через *проход* в мостовой конструкции.

Войска, специально отвечающие за строительство и управление различными видами военных мостов, называются *понтоньерами*. Обязанности этих войск являются тяжелыми и важными, и в такой стране, как наша, пересеченной многочисленными водотоками, успех кампании часто зависит от их мастерства и эффективности.

Саперные работы — это общий термин, применяемый к операциям по формированию траншей, по которым войска могут приближаться к объекту, не подвергаясь обстрелу со стороны осажденных.

В дополнение к обычным инструментам для подрывных работ, таким как лопаты, кирки, вилы для габионов и т. д., используемым при строительстве траншей, потребуется также значительное количество материалов для подрывных работ, таких как габионы, фашины, подрывные фаготы, мешки с песком и т. д.

Габион — это цилиндрическая корзина из веток, диаметром около двух футов и длиной около трех футов, без дна. Его изготавливают, вбивая в землю по кругу несколько небольших кольев диаметром около дюйма и длиной, необходимой для габиона. Ветки переплетаются между кольями, как в обычной плетеной корзине, и закрепляются на концах веревкой или шпагатом. Габионы используются для формирования сапов, батарей, брони, пороховых погребов и для укрепления крутых склонов полевых сооружений.

Фашина представляет собой плотно связанный пучок веток диаметром от девяти до двенадцати дюймов и длиной от десяти до пятнадцати или двадцати футов. Самые большие из них иногда называют *сосисонами*. При изготовлении фасцины прямые ветки толщиной примерно с палец человека укладываются рядом друг с другом и плотно сжимаются с помощью прочной веревки или цепи, прикрепленной к концам двух рычагов. В этом положении ветки прочно связываются прутьями или веревками. Фасцины используются при строительстве траншей, батарей и т. д., а также для засыпки влажных рвов.

Сап-фагот — это прочная фасцина диаметром около десяти дюймов и длиной два фута, с колом, вставленным посередине. Он используется в двойном сапе в сочетании с габионами.

Мешки с песком обычно изготавливаются из грубой парусины. Когда они наполнены землей, их диаметр составляет около шести-восьми дюймов, а длина — от восемнадцати дюймов до двух футов. Из-за своей нестойкости они используются только в тех случаях, когда невозможно достать другие материалы и когда важно быстро укрыть войска от вражеского огня.

Баллы шерсти, хлопка, сена, соломы и т. д. могут использоваться для подкопа с той же целью, что и вышеперечисленные материалы, если их можно приобрести в достаточном количестве. Бочки из-под свинины и муки, которых обычно в избытке в лагере, часто наполняют песком и используют для создания складов, укрытий и т. д. в полевых укреплениях.

Окоп, построенный в обычной почве за пределами досягаемости вражеского картечного огня, называется *простым подкопом* или обычным окопом. Земля выбрасывается на сторону, обращенную к осаждаемому месту, чтобы сформировать своего рода парапет для укрытия людей в окопе. Работы здесь выполняются под надзором инженерных солдат силами рабочих групп, выделенных из других родов войск. [Рис. 50](#) представляет вертикальный разрез простого подкопа.

Когда траншея находится в пределах досягаемости вражеского картечного огня, используется *летучий ров*, чтобы быстро укрыть рабочих. При этой операции габионы устанавливаются рядом со стороной, обращенной к осаждаемому сооружению, и рабочие как можно быстрее заполняют их землей. Обычно на верхнюю часть габионов укладывают три ряда фасцин, чтобы увеличить высоту. Самая сложная часть летучего рва выполняется инженерными войсками, а траншея достраивается обычными рабочими отрядами. На [рис. 51](#) показан разрез этого рва.

Полный ров используется, когда сооружения осаждающих находятся в пределах досягаемости мушкетного огня или когда картечный огонь осажденных настолько смертоносен, что летучий ров больше не может быть использован. Это сложная операция, и, если она не будет выполнена с большой осторожностью и хорошо обученными инженерными войсками, строительство траншеи будет сопровождаться огромными человеческими потерями. Работа должна выполняться под прикрытием *сап-роллера*, который представляет собой цилиндрическую массу из фашин, шерсти или хлопка диаметром около двух футов. На очень ровной поверхности вместо него можно использовать противопулевое укрытие на колесах. Саперный валик размещается вдоль линии траншеи так, чтобы прикрывать сапера, находящегося впереди, который вооружен шлемом и кирасой, защищающими от пуль. Сапер начинает рыть траншею, размещая габион на линии предполагаемой траншеи и заполняя его землей, работая на руках и коленях. Заполнив первый габион, он продвигает сап-роллер вперед и устанавливает второй рядом с первым, закрывая открытый стык между ними с помощью стоп-фагота. Второй габион заполняется

таким же образом, как и первый, после чего устанавливаются остальные. Когда первый сапер продвигается на несколько футов, за ним следует второй, также в защитной броне, который увеличивает объем земляных работ и насыпь; за этим сапером таким же образом следуют третий и четвертый, после чего траншея будет достаточно продвинута, чтобы передать ее обычным рабочим. Фаготы для рытья траншей можно удалить, когда насыпь станет достаточно толстой, чтобы противостоять картечи. На рис. 52 представлен план и разрез полного рва.

Когда направление траншеи таково, что люди подвергаются опасности с обеих сторон, необходимо возвести насыпь как справа, так и слева. Эта операция называется *двойным сапом* и выполняется двумя группами саперов, работающих бок о бок. В этом сапе необходимо будет часто менять направление траншеи или возводить траверсы, чтобы прикрыть людей, находящихся на расстоянии от сап-роллера. Крыльчатые траверсы, расположенные на стороне траншеи, которая наименее подвержена опасности, иногда служат той же цели, что и двойной сап.

Мины. Под *минированием*, как военным термином, мы понимаем операции, проводимые с целью разрушения с помощью пороха военных сооружений любого типа. Термин «мина» применяется как к выемке, заряженной порохом с целью взрыва, так и к коммуникациям, ведущим к этой выемке.

Место, в котором размещается заряд пороха, называется *камерой*, ход, по которому достигается это место, — *галереей*, а выемка, образованная взрывом, — *кратером*.

Предполагается, что форма кратера, образованного взрывом в обычной почве, представляет собой усеченный конус, диаметр нижнего круга с d (рис. 53) составляет половину диаметра верхнего круга a b . Точность этой формы никогда не проверялась, но теоретические результаты, полученные на основе математического анализа этой фигуры, были полностью подтверждены на практике. Радиус верхнего круга r b называется *радиусом кратера*; линия o p , проведенная от центра заряда перпендикулярно поверхности, на которой происходит взрыв, называется *линией наименьшего сопротивления*; линия o b , проведенная от центра пороха к любой точке на окружности верхнего круга, называется *радиусом взрыва*.

Когда радиус кратера равен линии наименьшего сопротивления, мина называется *обычной*; когда этот радиус больше линии наименьшего сопротивления, мина называется *перезаряженной*; а когда радиус меньше, она называется *недозаряженной*. Мина небольших размеров, образованная путем проходки шахты в земле, называется *фугасом*. Термин «камуфле» применяется к мине, используемой для удушения вражеского минера, без производства взрыва. Небольшие мины, установленные в скале или каменной кладке, исключительно для целей раскопок, без значительного внешнего взрыва, называются *взрывами*.

На основании экспериментов, проведенных на обычных минах, линия наименьшего сопротивления которых не превышала пятнадцати футов, было установлено, что прочность земли полностью разрушается вокруг кратера на расстоянии, равном радиусу кратера, и что пустые галереи будут разрушены сразу же и на расстоянии, в полтора раза превышающем это расстояние. Экспериментально также было доказано, что радиус кратера в перезаряженных минах может быть увеличен до шести раз по сравнению с линией наименьшего сопротивления, но не намного больше; что в пределах этого ограничения диаметр кратера увеличивается почти пропорционально квадратному корню заряда; и что пустые галереи могут быть разрушены перезаряженными минами на расстоянии, в четыре раза превышающем линию наименьшего сопротивления.

С помощью выводов физико-математической теории и результатов экспериментов были определены правила, по которым горняк может с большой точностью рассчитать заряд, необходимый для достижения требуемого результата в любой данной почве.

На ранних этапах истории этого искусства мины использовались только для прорыва брешей и разрушения массивных каменных конструкций, но в более позднее время они стали важным элементом в атаке и обороне мест.

Изолированную стену толщиной всего два-три фута можно легко разрушить, взорвав один или два бочонка пороха, помещенные вплотную к ее основанию. Если стена имеет толщину пять-шесть футов, заряды следует поместить под фундаментом. Для стен еще большей толщины лучше всего проложить галерею до центра стены, на фут или два выше ее основания, и поместить порох в вырытые таким образом камеры. Опорные стены можно разрушить, поместив заряды сзади стены, примерно на одной трети или одной четверти высоты от основания. Если поместить их слишком близко к основанию, в стене будет пробита брешь, но она не будет разрушена.

Для сноса каменного моста порох следует поместить в камеры, вырытые в центре опор. Если нет времени для выемки этих камер в опорах, можно вырезать траншею над ключом арки, в которую помещается порох и взрывается; или же бочки с порохом можно подвесить непосредственно под аркой, что даст тот же результат. Если важно сэкономить порох, можно выкопать небольшие камеры в подкосах арки и тщательно *утрамбовать* мину перед взрывом.

Деревянные мосты можно разрушить, подвесив бочки с порохом под основными балками или прикрепив их к опорам.

Палисады, ворота, двери и т. д. могут быть разрушены таким же образом, подвесив бочки или мешки с порохом к их сторонам; или еще более эффективно, зарыв заряды прямо под их основанием.

Чтобы разрушить башню, пороховой погреб или каменный дом, поместите заряды пороха под опоры и основные стены здания. В деревянных сооружениях порох следует помещать под основные опоры или прикреплять к ним. Если нет времени для таких приготовлений, здание можно взорвать, поместив большую массу пороха внутрь. В этом случае можно сэкономить порох, поместив его в прочный ящик, который следует соединить со стенами здания со всех сторон деревянными подпорками.

Специальные трактаты по военному минному делу содержат полные инструкции по регулированию размера и положения заряда для различных случаев, которые могут встретиться в практических операциях полевой инженерии.

Применяемые для атаки и обороны укрепленного места, мины делятся на два основных класса — *наступательные* и *оборонительные*. Первые используются осаждающими для разрушения скрапов и контрскрапов места, сноса барьеров, частоколов, стен и других временных средств обороны, а также для уничтожения мин осажденных. Последние используются противоположной стороной для взрыва укреплений осаждающих и защиты проходов через рвы от штурма. Для последней цели могут использоваться небольшие мины, называемые *фугасами*. *Фугас из снарядов* состоит из деревянного ящика, заполненного одним или несколькими рядами снарядов и закопанного чуть ниже поверхности земли. Иногда под снарядами помещается некоторое количество пороха, чтобы выбросить их в воздух перед взрывом. *Каменная фугасса* формируется путем рытья воронкообразной ямы

глубиной около пяти или шести футов и размещения на дне заряда пороха, заключенного в ящик и покрытого прочным деревянным щитом; несколько кубических ярдов гальки, щебня или кирпичной крошки укладываются против щита, а вокруг хорошо утрамбовывается земля, чтобы предотвратить взрыв в неправильном направлении. Эти мины взрываются с помощью порохового шланга или проводов, соединенных с гальванической батареей.

Оборонительные мины, используемые для взрыва укреплений осаждающих, как правило, представляют собой обычные мины с линиями наименьшего сопротивления, редко превышающими пятнадцать футов. Все основные галереи и главные ответвления мин для постоянных укреплений строятся одновременно с другими частями сооружения, оставляя только второстепенные ответвления, камеры и т. д. для строительства во время осады. Общее расположение этих галерей и меры предосторожности, необходимые для их защиты от действий осаждающих, описаны в трактатах, специально посвященных этому вопросу.

Шахты редко могут быть с успехом использованы в сооружениях с небольшим рельефом, подверженных нападению. Но если они разумно расположены в плане их строительства и хорошо управляются во время осады, они вносят очень существенный вклад в продолжительность обороны.

Атака и оборона. — Эта тема делится на две части: 1) укрепления и 2) постоянные сооружения.

I. Окопы могут быть атакованы либо *внезапно*, либо *открытой силой*. В любом случае операции должны основываться на точной информации о прочности сооружений, а также о численности и характере гарнизона — информации, которую можно получить от шпионов, дезертиров и пленных и подтвердить путем допросов или разведки, проводимой инженерными офицерами. Таким образом можно получить довольно точные сведения о естественных особенностях местности за пределами сооружений, их слабых и сильных сторонах, а также о внутренней организации обороны.

При внезапном нападении войска должны состоять из штурмовой группы и резерва избранных бойцов. Штурмовую колонну предваряет рота саперов, вооруженных топорами, лопатами, кирками, ломami и т. д.; мешки с порохом также используются для взрыва ворот, частоколов и т. д. Все операции должны проводиться с максимальной оперативностью. Наиболее благоприятное время для внезапного нападения — за час или два до рассвета, так как в это время часовые обычно менее бдительны, а гарнизон крепко спит; кроме того, последующие операции после первого внезапного нападения будут облегчены с наступлением дня. При определенных обстоятельствах может быть целесообразно одновременно с настоящим нападением проводить ложные атаки, чтобы отвлечь внимание гарнизона от реальной точки опасности. Однако ложные атаки, как правило, имеют недостаток, заключающийся в разделении сил как нападающих, так и атакуемых. Во всех внезапных атаках секретность является душой предприятия.

При открытом штурме, если используется артиллерия, войска должны быть выстроены в укрытой позиции, пока не будет заглушен огонь из укреплений и не будут пробиты бреши в парапете. Но если используется только штык, войска немедленно выдвигаются вперед в начале штурма. Атака начинается с штурмовой группы избранных солдат: перед ними, как и раньше, идет отряд саперов, оснащенных необходимыми средствами для устранения препятствий, а за ними следует второй отряд инженеров, которые расширяют проходы и делают их более доступными для основной части войск, которые теперь выдвигаются на помощь штурмовой группе. Если нападающие будут остановлены у контрскарпы препятствиями, которые необходимо устранить, прежде чем можно будет продвигаться

дальше, пехотные войска отряда открывают огонь по противнику, чтобы отвлечь его огонь от саперов. Несколько легких артиллерийских орудий, расположенных по флангам колонны, иногда могут быть с большим успехом использованы для этой цели.

Штурмовая группа всегда должна быть снабжена лестницами, досками, фашинами и т. д. для перехода через ров и подъема на спуск. Если контрскарп облицован каменной кладкой, войска должны либо спускаться по лестницам, либо засыпать ров фашинами, соломенными тюками, связками шерсти и т. д.; если он не облицован, саперы быстро проложат проход для войск в ров с помощью лопат. Когда ров будет преодолен, войска укрываются в мертвом углу, пока не будут подготовлены средства для подъема на откос и штурм укрепления. Если откос только земляной, саперы быстро подготовят проход для штурма; но если он облицован каменной кладкой, стены должны быть пробиты пушечными ядрами или преодолены с помощью лестниц.

При обороне необходимо постоянно проявлять строжайшую бдительность, чтобы не допустить внезапного нападения: на всех наиболее важных точках укрепления выставляются часовые; все подступы тщательно охраняются; патрули постоянно прочесывают местность во всех направлениях. Ночью все эти меры предосторожности удваиваются. Перед укреплением бросают световые и огненные шары, чтобы осветить местность и обнаружить движения и приближение врага. Каждый человек должен иметь свой конкретный пост и быть тщательно проинструктирован о своих обязанностях. Все вспомогательные сооружения, такие как частоколы, завалы и т. д., должны защищаться с максимальной упорностью; чем дольше враг удерживается этими препятствиями, тем дольше он будет подвергаться обстрелу из мушкетов и картечью основного укрепления. Когда он будет штурмовать парпет, ему будут противостоять штыки спереди и меткий огонь с флангов. Находясь в рву или поднимаясь на откос, на его голову будут катиться пустотелые снаряды, зажигательные устройства, камни, бревна и т. д. Но когда штурмовая колонна достигнет вершины откоса, штыки станут самым эффективным средством сопротивления.

Меры, принимаемые при атаке и обороне более крупных полевых укреплений, неизбежно будут во многом повторять характер операций, применяемых при атаке и обороне постоянных укреплений.

II. Атака и оборона крепости могут осуществляться либо путем регулярной осады, либо путем нерегулярных операций и штурма. Последний план иногда применялся, когда укрепления места были слабыми и плохо защищенными; когда не хватало времени и средств для проведения регулярной осады; или когда нападающие не знали, какими средствами следует воспользоваться для взятия крепости. Однако такие операции обычно сопровождаются огромными человеческими жертвами, и генерал, который пренебрегает использованием всех ресурсов инженерного искусства при проведении осады, по праву несет ответственность за жизни своих солдат. Во время осады Камбре Луи XIV по просьбе Дю Меца, но вопреки совету Вобана, приказал взять полумесяц штурмом, вместо того чтобы дожидаться результата регулярной осады. Штурм был проведен, но оказался неудачным, и французы понесли большие потери. Тогда король приказал Вобану взять полумесяц обычным способом, что и было сделано в очень короткие сроки и с потерей *всего пяти человек!* Опять же, при осаде Ипра генералы советовали штурмовать крепость до того, как были готовы проломы. «Вы выиграете день благодаря штурму, — сказал Вобан, — но потеряете тысячу человек». Король приказал продолжить обычные работы, и на следующий день место было взято с небольшими потерями для осаждающих.

Но укрепление может быть такого характера, что не потребуется прибегать ко всем средствам нападения, которые были бы необходимы для взятия обычного бастионного форта, расположенного на горизонтальной местности. Например, характер местности может быть таким, что войска могут приблизиться к подножию гласиса без возведения каких-либо сооружений; конечно, в этом случае можно обойтись без всех сооружений до третьей параллели, не нарушая правил осады. Кроме того, точка атаки может быть такой, что другие части места не будут флангировать подходные сооружения; в этом случае одной линии боя и коротких параллелей может быть вполне достаточно.

Но для целей обсуждения мы будем считать, что осаждаемое место представляет собой обычное бастионное сооружение на горизонтальном участке (рис. 54).

Операции осады можно разделить на три отдельных периода.

1. Предварительные операции по атаке и обороне до начала рытья траншей.
2. Операции обеих сторон с момента открытия траншей до установления третьей параллели.
3. С момента завершения третьей параллели до взятия места.

Первый период. Цель осады места заключается в том, чтобы перерезать все коммуникации между сооружением и внешним миром, тем самым лишив его возможности получать подкрепление, провизию и военные припасы, а также облегчить тщательную разведку места инженерами, которые всегда должны сопровождать осаждающий корпус и выполнять свою работу под его защитой. Этот корпус должен состоять в основном из легких войск — кавалерии, легкой пехоты, конной артиллерии, «бригад инженеров и конных саперов», — которые маршируют впереди осаждающей армии и внезапным движением окружают укрепление, захватывают все подступы к нему и уносят все, что может быть полезно как гарнизону, так и осаждающим. Для достижения этой цели операция должна проводиться в тайне и оперативно.

Осаждающий корпус теперь распределен вокруг укрепления в наиболее благоприятных позициях, чтобы перекрыть все подходы к нему, а также предотвратить любую связь с внешним миром отрядами гарнизона, и даже отдельными лицами, отправленными для передачи разведданных армии, приходящей на помощь, или для разведки действий осаждающего корпуса. Эти посты и часовые, называемые *дневным кордоном*, размещаются в миле или полутора милях от укреплений, вне досягаемости орудий. Но в ночное время эти посты недостаточны для достижения своей цели, и поэтому, как только стемнеет, войска подходят как можно ближе к укреплениям, не подвергаясь обстрелу из мушкетов. Такая организация составляет *ночной кордон*.

К моменту прибытия основной армии разведка будет достаточно полной, чтобы главный инженер мог представить генералу план атаки, чтобы определить расположение складов и лагеря. Они будут размещены примерно в двух милях от объекта, в зависимости от характера местности. Поскольку они занимают значительную площадь вокруг укреплений, обычно необходимо соорудить достаточно прочные укрепления, чтобы предотвратить доставку подкреплений, провианта и т. д. в осажденный город, а также сдерживать вылазки гарнизона. Укрепления, сооруженные между лагерем и осажденным городом, называются *линией контрвалляции*, а укрепления с внешней стороны лагеря образуют *линию циркумвалляции*. Эти линии обычно находятся на расстоянии около шестисот ярдов друг от друга. В современной войне нередко обходятся без линий окружения (за исключением нескольких отдельных сооружений для прикрытия парков инженеров и артиллерии) и сдерживают

армию, приходящую на помощь, с помощью противостоящих сил, называемых *армией наблюдения*.

Меры обороны, к которым прибегает гарнизон, будут, конечно, в некоторой степени подчиняться мерам нападения. Как только возникнет опасность осады, командующий генерал должен собрать в этом месте все необходимые продовольственные запасы, фураж, военные боеприпасы и т. д., которые можно найти в окрестностях; все ненужные лица должны быть изгнаны из гарнизона; должен быть подготовлен запас древесины для инженерных и артиллерийских работ, фашины, габионы, частоколы и т. д.; вся местность в пределах досягаемости пушек вокруг укреплений должна быть выровнена; живые изгороди и деревья должны быть срублены; ямы должны быть засыпаны; временные постройки должны быть снесены или сожжены; все препятствия, способные укрыть врага и помешать обстрелу укреплений, должны быть устранены.

В течение этого периода инженерные войска и рабочие отряды, выделенные из других родов войск, будут наиболее активно задействованы. Как только появляется осаждающий корпус, отряды легкой пехоты выдвигаются, чтобы перехватить разведывательные отряды и, по возможности, заманить врага в засаду. Для облегчения этих внешних операций и предотвращения неожиданности несколько орудий большой дальности размещаются на выступах бастионов и полумесяцев, а другие, заряженные картечью, — в амбразурах флангов, чтобы очистить рвы. Около одной трети гарнизона может быть задействовано во внешних операциях, а две трети — в организации средств обороны внутри.

Второй период. — Как только инженеры завершают разведку и определяют фронт атаки, а также все другие приготовления, генерал дает команду на открытие траншей. После предварительной разметки местности батальоны легких войск, называемые *стражей траншей*, с наступлением темноты размещаются примерно в тридцати ярдах перед первой параллелью (А. [Рис. 54](#)), а более мелкие подразделения и часовые — примерно на таком же расстоянии дальше вперед. Эти стражи ложатся на землю или иным образом скрываются от огня укреплений. Инженерные войска и отряды рабочих, сначала прошедшие маршем к складам и снабженные всеми необходимыми инструментами для выполнения работ, теперь приступают к своим трудам под защитой этих стражей. К рассвету строительство первой параллели и траншей, соединяющих ее с складами, будет достаточно продвинуто, чтобы укрыть людей от огня с позиции; поэтому стражи будут отозваны, а рабочие продолжат свою работу в течение дня, чтобы придать траншеям надлежащий размер и форму.

Параллели — это длинные линии траншей, которые окружают осажденное сооружение и служат как укрытыми путями для передвижения осаждающих, так и средством защиты от вылазок гарнизона; поэтому они оборудованы банкетками для стрельбы из мушкетов. Бойо — это траншеи, проложенные зигзагообразно вдоль вершин фронта атаки и предназначенные исключительно для передвижения войск; они не имеют банкетов. Первая параллель находится примерно в шестистах ярдах от места и, следовательно, вне досягаемости картечи. Она построена с помощью *простого подкопа*. После первой ночи стражи, вместо того чтобы продвигаться перед сооружением, размещаются в окопах.

Вторая параллель (В) проходит примерно в трехстах или трехстах пятидесяти ярдах от этого места и, будучи сильно подвержена обстрелу картечью, для ее строительства используется *летучий ров*. Между первой и второй параллелями установлены батареи (Н) для подавления огня полумесяцев боковых бастионов, а другие (I) — возле второй параллели, для флангового обстрела фронта атаки. Они вооружены частично мортирами, частично тяжелыми осадными орудиями.

Сейчас работы постепенно продвигаются к третьей параллели (С), которая строится примерно в шестидесяти ярдах от выступающих частей места. Поскольку действия осаждающих здесь в значительной степени подвержены мушкетному огню, траншеи строятся с использованием *полного подкопа*. Третья параллель, которая должна содержать охрану траншей и является менее развитой, чем две предыдущие, сделана гораздо шире. Вторая параллель теперь содержит резерв, а первая параллель становится складом материалов. Между второй и третьей параллелями часто устанавливаются *полупараллели* (G), которые занимают отряды охраны.

Операции по обороне в этот период направлены на то, чтобы мешать рабочим в окопах и задержать продвижение наступательных работ. Гарнизонные орудия большой дальности и большие гаубицы выдвигаются на выступающие части бастионов и полумесяцев атаки, чтобы вести рикошетный огонь по верхушкам, на которые должны быть продвинуты бойни: как только стемнеет, бросают светящиеся шары и огненные шары, чтобы осветить территорию, занятую осаждающими, тем самым подвергая их огню из укреплений и атакам отрядов, выходящих из укреплений. Эти отряды состоят из легких войск, которые атакуют стражу и заставляют рабочих бросить свои подрывные инструменты и встать на оборону. Они наиболее эффективны, когда осаждающие начинают вторую параллель, так как стража в первой параллели не может сразу же прийти на помощь рабочим. Когда отряд вылазки вытеснит этих рабочих из окопов, вместо того, чтобы преследовать их в первую параллель, он выстроится в боевой порядок, чтобы прикрыть инженерные войска (которые всегда должны сопровождать отряд в этом предприятии), пока те засыпают окопы и уничтожают орудия осаждающих. Когда охрана траншей появляется в полном составе, отряд отступает, по возможности, таким образом, чтобы втянуть противника в зону действия картечи и мушкетного огня сопутствующих сооружений. Эти вылазки, если они успешны, могут повторяться часто, поскольку они в значительной степени способствуют продлению осады. Лучшее время для их проведения — за час или два до рассвета, когда рабочие и охрана утомлены ночным трудом. Пока осаждающие устанавливают свои фланговые батареи, на выбранные для их строительства точки будет сосредоточен сильный огонь твердыми ядрами и снарядами. Гарнизон также будет работать в этот период, чтобы привести сооружение в полную боевую готовность: построить все необходимые частоколы, траверсы, заграждения, барьеры и, при необходимости, укрепить покрытие складов.

Третий период. — После завершения строительства третьей параллели, увенчание крытого подхода может быть осуществлено штурмом, регулярными подходами или (если сооружение защищено оборонительными минами) подземными боевыми действиями.

В первом случае перед третьей параллелью устанавливаются каменные минометные батареи, которые по заданному сигналу открывают огонь одновременно со всеми фланговыми и минометными батареями. Когда этот огонь даст свой эффект, очистив внешнюю оборону, отборные войска выйдут вперед и захватят укрытый проход штыками, укрываясь за траверсами, пока саперы не выкопают траншею в четырех-пяти ярдах от гребня гласиса, достаточно высокую, чтобы защитить войска от огня осажденных. Затем она может быть соединена с третьей параллелью боя.

Когда укрытый проход должен быть увенчан регулярными подходами, *двойной подкоп* продвигается вперед от третьей параллели до тридцати ярдов от выступа укрытого прохода; затем траншея продлевается на пятнадцать или двадцать ярдов вправо или влево, а земля поднимается достаточно высоко, чтобы осаждающие могли вести стрельбу по укрытому проходу и таким образом не дать врагу его занять. Этот земляной вал называется *траншейным кавалером* (O). Теперь боязы продвигаются к завершению крытого прохода и

установке батарей для прорыва (J). Затем сооружаются спуски в рвы, и как только эти батареи прорывают стены бастионов и укреплений, боязы продвигаются через рвы и укрепляются в прорывах. Сначала захватывается полулунная башня, затем полулунный редут и бастион, и, наконец, внутренние укрепления и цитадель. В некоторых случаях проломы захватываются штурмом, но здесь применимо то же возражение, что и при штурме крытого прохода: *выигрывается время, но за счет огромных человеческих жертв*.

Если место защищается минами, осаждающим необходимо будет нейтрализовать их действие, прибегая к медленным и утомительным операциям подземной войны. В этом случае перед третьей параллелью формируется четвертый ров; в нем прокладываются шахты, расположенные на расстоянии около шести ярдов друг от друга, для установки мин с перегрузкой; как только галереи осажденных разрушаются взрывом этих мин, крытый проход атакуется штурмом; другие мины устанавливаются на *терреплане* крытого прохода, чтобы разрушить вход в галереи и таким образом лишить осажденных возможности использовать всю их систему мин.

Меры обороны в этот период должны включать все, что может задержать работы осаждающих. Это можно наиболее эффективно осуществить, поддерживая постоянный огонь картечью и мушкетами по головам саперов и бросая гранаты, снаряды и т. д. в окопы, чтобы беспокоить и уничтожать рабочих. Поскольку мушкетный огонь осаждающих теперь становится очень разрушительным для артиллеристов у орудий, устанавливаются прочные мушкетные заслоны, чтобы закрывать устья амбразур, когда орудия не находятся в батарее, а также наклонные заслоны, чтобы прикрывать людей, обслуживающих орудия. За владение внешними укреплениями следует бороться за каждый сантиметр, и когда осаждающие достигнут рва основной части места, следует использовать вылазки и все виды снарядов, чтобы отбить саперов и задержать строительство их укреплений. В конце концов, все ресурсы инженерного искусства должны быть задействованы для защиты пролома, а окончательному штурму следует энергично сопротивляться штыками и хорошо поддерживаемым огнем со всех сопутствующих сооружений.

Что касается соотношения сил противостоящих сторон, то следует отметить, что при правильном строительстве крепости гарнизон сможет противостоять осаждающей армии, превосходящей его по численности в *шесть раз*. Такова оценка лучших инженеров.^[48]

[48]

Хорошее представление о нескольких темах, обсуждаемых в этой главе, можно получить из трудов Вобана, Кормонтайна и Нуазе де Сен-Поля, посвященных нападению и обороне мест и полевым укреплениям; из нескольких *руководств*, используемых во французской армии по подкопу, минированию и понтонированию; из экспериментов полковника Пасли по операциям осады, подкопа, минирования и т. д.; работы Дугласа по военным мостам; работы Маколея по полевым укреплениям; а также *трактата* профессора Махана *по полевым укреплениям*. Последний, без сомнения, является лучшей работой, когда-либо написанной

по полевым укреплениям, и каждый офицер, отправляющийся в поле, должен обзавестись ее экземпляром.

В качестве справочных книг по темам, обсуждаемым в трех предыдущих главах, рекомендуются следующие издания.

Mémorial pour la fortification permanente et passagère. Кормонтань.

Défense des places. Кормонтань.

Attaque des places. Кормонтань.

Attaque des places. Ваубан.

Трактат о минах. Вобан.

Мемориал о кастрации и временных укреплениях. Лафит-Клаве.

Упражнение по укреплениям. Давиньо.

Мемориал офицера инженерных войск. Периодическое издание редкой ценности, содержащее наиболее ценные военные и научные материалы. Оно издается офицерами французского инженерного корпуса. Уже вышло четырнадцать номеров, каждый из которых составляет отдельный том.

Полное руководство по фортификации. Нуазе де Сен-Поль.

Трактат о военном искусстве и фортификации. Гай де Вернон.

Искусство войны. Ронья.

Общее эссе по фортификации и т. д. Бусмард.

Aide-mémoire portatif à l'usage des officiers du génie. Laisné. Очень ценная и полезная книга.

Справочник военного инженера. Гриве.

Курс военного искусства. Лориллар Фалло.

Курс фортификации и т. д. Лаварт.

Книга о войне. Перро.

Журналы осады на полуострове. Бельмас.

Журнал осады в Испании. Джон Джонс.

Обе вышеупомянутые работы имеют большую ценность.

Курс военного искусства и военного фортификационного дела. Франсуа.

Военная архитектура. Марки.

Очерк о фортификации. Балтар.

La fortification. Бар-ле-Дюк.

Элементы фортификации. Беллар.

Наука инженеров. Белидор.

Всеобщее искусство фортификации. Битанвье.

Новый способ укрепления мест. Блондель.

Семь осад Лилля. Брун Лавейн.

Оборона крепостей. Карно.

Мемуары о фортификации. Карно.

Оборона Сарагосы. Кавалеро.

Мемуары о фортификации. Шумара.

Новое укрепление. Коэхорн.

Теория фортификации. Куньо.

О крепостях и т. д. и т. д. Дарсон.

Отчет о защите Данцига. Д'Артуа.

Укрепления. Девиль.

Перибология. Дилих.

О постоянных укреплениях. Дюфур. Заслуживающая внимания работа.

Очерк о защите государств с помощью укреплений. Дювивье.

Атака и оборона позиций лагеря Сент-Омер.

Школа фортификации. Фаллуа.

Введение в фортификацию. Де Фер.

Краткое изложение обороны Валансьена. Ферран.

Теоретический трактат и др. Фуассак-Латур.

Подробное исследование и т. д. Фуассак-Латур.

Военные сооружения Фосса.

Инструкция по фортификации и т. д. Гайар.

Мемуары об атаке и обороне места. Гулон.

Осада Пескьеры. Энен.

Дневник осады Филисбурга.

Краткое изложение осады Данцига. Киргенер.

Вторая оборона Бадахоса. Ламаре.

Укрепление, атака и оборона мест. Леблу.

Произведения Лефевра.

Архитектура крепостей. Мандар.

Трактат об искусстве осад. Мазерой.

Безопасность государств с помощью крепостей. Майгре.

Оборона Анконы. Мангурит.

Укрепления. Маролуа.

Осада Турина. Менжин.

Исследования по искусству обороны и т. д. Михалоз.

Укрепления на поле боя и т. д. Миллер.

Искусство обороны и т. д. Монталембер.

Журналы осады Фландрии.

Отношения осады в Европе и т. д. Муссе-Фатай. Очень ценная и интересная работа.

Описание осады Меца.

Описание осады Антверпена.

Осады Яффы и Сан-Жан-д'Акра.

Осады Сарагосы и Тортосы. Ронья.

Осада Данцига. Сент-Сюзанна.

Мемуар о постоянных укреплениях. — Сеа.

Осада Константины.

Элементы укреплений. Тринчано.

Крепости. Валазе.

Очерк о военных мостах. Дуглас. Ценная работа.

Руководство по понтонным мостам. Дрие.

Мемуары о подземной войне. Контеле.

Трактат о минах. Этьен.

Трактат об искусстве минщика. Гесс.

Трактат о подземных укреплениях. Жийо.

Практический и теоретический трактат о шахтах. Лебрун.

Новый трактат о шахтах и т. д. Прюдом.

Руководство сапера. Используется во французской армии.

Руководство горняка. « »

Руководство по понтонным работам. « »

Очерк о полевых укреплениях. Плейделл.

Элементы полевых укреплений. Лоше.

Отчет об осаде Граве и Майнца.

Осады Генуи. Тьебо.

Трактат о подземных укреплениях. Муз.

Военные сообщения. Ксиландер.

Укрепление городов. Хаузер.

Трактат об искусстве укрепления и т. д. Хаузер

Опыт по искусству укрепления. Мюллер.

Курс элементарной фортификации. Пэсли. Это очень подробное произведение, несомненно, полезное для необразованного инженера-солдата, но для офицера, знакомого со своей профессией, оно должно показаться смехотворно мелочным.

К вышеуказанному списку можно было бы добавить длинный список книг по той области инженерного искусства, которая называется *строительством*; но поскольку эта часть профессии в некоторой степени является общей как для гражданских, так и для военных инженеров, не считается необходимым включать работы такого рода в список строго военных книг.

ГЛАВА XV

ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ В ЗВАНИИ.

У римлян для подготовки солдата требовалось шесть лет обучения; эти древние завоеватели мира придавали такое большое значение военному образованию и дисциплине, что само название их армии происходило от глагола «*практиковаться*».

Современные нации, извлекая уроки из опыта, что военный успех зависит больше от мастерства и дисциплины, чем от численности, в целом приняли то же правило, что и римляне, и почти все европейские державы создали военные училища для обучения своих офицеров и солдат.

Франция, которая долгое время лидировала в военной науке, имеет шесть военных школ для обучения офицеров, в которых обучается более тысячи учеников, а также многочисленные дивизионные и полковые школы для унтер-офицеров и солдат.

Пруссия имеет около двенадцати общих школ для военного образования, в которых обучается около трех тысяч учеников, а также многочисленные дивизионные, бригадные, гарнизонные и ротные школы для практического обучения.

Австрия имеет около пятидесяти военных училищ, в которых обучается в общей сложности около четырех тысяч курсантов.

Россия имеет тридцать пять инженерных и артиллерийских технических школ с около двумя тысячами учеников; двадцать пять военных школ для дворянства, в которых обучаются восемь тысяч семьсот учеников; школы корпуса армии с несколькими тысячами учеников; полковые школы с одиннадцатью тысячами учеников; и бригадные школы с более чем ста пятьюдесятью тысячами учеников, что в общей сложности составляет около двухсот тысяч учеников в ее военных школах!

В Англии пять военных училищ для подготовки офицеров, количество учащихся неизвестно; военное училище для сирот, в котором обучается около двенадцати тысяч учащихся; и многочисленные депо и полковые училища для практических занятий.

Меньшие европейские державы — Бельгия, Сардиния, Неаполь, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Вюртемберг, Бавария, Баден — имеют по несколько военных школ с большим количеством учеников.

Из этих статистических данных видно, что европейские державы не так небрежны в образовании своих офицеров и в обучении и дисциплинировании своих солдат, как некоторые в этой стране хотели бы нас убедить.

Вашингтон, Гамильтон, Нокс, Пикеринг и другие, на собственном опыте в войне за американскую революцию убедившись в большой необходимости военного образования, еще в 1783 году убеждали наше правительство в важности создания военной академии в этой стране, но этот вопрос продолжал откладываться из года в год до 1802 года. В 1794 году законом Конгресса был создан младший офицерский чин *кадета*, офицеры этого чина прикреплялись к своим полкам и «обеспечивались за государственный счет необходимыми книгами, инструментами и приборами» для обучения. Однако этот план обучения молодых офицеров на их постах оказался невыполнимым, и в своем последнем ежегодном послании 7 декабря 1796 года Вашингтон вновь настоятельно призвал к созданию военной академии, где можно было бы проводить регулярные курсы военного обучения. «Какие бы аргументы ни выдвигались на основании отдельных примеров, поверхностно рассматриваемых, тщательное изучение этого вопроса покажет, что военное искусство является одновременно всеобъемлющим и сложным, что оно требует длительного предварительного изучения и что владение им в его наиболее совершенном и доработанном виде всегда имеет огромное значение для безопасности нации», — сказал он.

Однако этот вопрос откладывался из раза в раз, пока в марте 1802 года не был принят закон о создании *Военной академии*. Сначала она была небольшой, а курс обучения — скудным и неполным. Постепенно она расширялась, но развивалась медленно, без значительных улучшений, пока в 1817 году капитан Патридж не был отстранен от руководства, и его место занял полковник Тейер. С этого периода мы датируем начало успеха и репутации, которыми с тех пор пользуется Военная академия.

В настоящее время в этом учебном заведении обучается по одному курсанту от каждого избирательного округа и несколько курсантов, не связанных с конкретными округами, что в среднем составляет 237 человек. Продолжительность обучения составляет четыре года, по истечении которых курсант направляется в свой полк или корпус с более высоким званием, если есть вакансии, а если вакансий нет, он поступает в качестве курсанта с временным званием следующего более высокого ранга.

Экзамен для поступления в учреждение очень ограничен и сводится к элементарным предметам английского образования.

Годовой курс обучения в академии делится на два отдельных периода: первый длится с июня по сентябрь, а второй — с сентября по следующий июнь. В течение первого периода курсанты покидают казармы и размещаются в палатках, подчиняясь полиции и дисциплине армии в военное время. В дополнение к тщательному и строгому курсу практических занятий и учений по различным видам оружия в течение этих трех летних месяцев каждого года, они выполняют те же дежурства, днем и ночью, что и обычные солдаты в условиях реальной войны. Это продолжается до первого сентября каждого года, когда курсанты возвращаются в казармы и в течение оставшихся девяти месяцев посвящают себя предписанному курсу научных и военных исследований, чередующихся с военными учениями и практическими занятиями в лаборатории и на поле.

Для проверки успеваемости курсантов в учебе два раза в год проводятся публичные экзамены. Эти экзамены строгие и суровые, и все, кто не соответствует установленным стандартам, обязаны покинуть учебное заведение, чтобы дать возможность пройти испытание кому-то другому из того же района.

Во время обучения курсанты, как унтер-офицеры армии, получают жалование, едва достаточное для покрытия необходимых расходов. Пособие каждому составляет двадцать шесть долларов в месяц, но ни одна часть этой суммы не выплачивается курсанту, а идет на покупку книг, топлива, освещения, одежды, питания и т. д.

Это учебное заведение ежегодно поставляет в армию около сорока младших офицеров, тщательно обученных всем теоретическим и практическим обязанностям своей профессии. После завершения этого курса кадет обычно получает повышение с звания унтер-офицера до звания офицера и немедленно направляется на службу в свой полк или корпус.

Эта система назначения в армию дала самые удовлетворительные результаты и получила высокую оценку наших лучших военных, а также одобрение всех наших президентов и наиболее способных государственных деятелей. Тем не менее, она иногда сталкивается с сильным сопротивлением, которое частично вызвано недостатком надлежащей информации о характере и функционировании системы, а частично — совместными усилиями тех, кто по небрежности или неспособности не смог сдать экзамены для получения повышения, и тех, кто, осознавая отсутствие у себя необходимых квалификаций или заслуг, уверен, что не сможет получить звание в армии, пока существует эта система заслуг, основанная на экзаменах. Отсюда и попытки уничтожить Военную академию и полностью открыть армию для *политических* назначений.

Несколько законодательных органов, действуя под этим совместным влиянием, приняли резолюции, в которых высказывались различные возражения против Военной академии и рекомендовалось ее упразднить. Возражения, выдвинутые законодательными органами Теннесси, Огайо, Коннектикута, Нью-Гэмпшира и Мэна, в основном основаны на ложной информации и могут быть легко опровергнуты ссылкой на официальные документы Военного министерства. Однако в данном случае не ставится цель вступать в общее обсуждение обвинений против этого учреждения, за исключением тех случаев, когда они связаны с важностью военного образования и правилами военных назначений и продвижения по службе.

Многие противники Вест-Пойнтской академии утверждают, что военное образование приносит генералу мало пользы или не приносит ее вовсе;— что в войнах Наполеона, в

Американской революции и в американской войне 1812 года армии, как правило, приводили к победе люди, не имевшие военного образования и не знакомые с военной наукой; — и что в случае новой войны в этой стране мы должны искать наших генералов в рядах гражданского населения, а не среди выпускников нашей Военной академии.

Возражение, выдвинутое здесь против военного образования, с равной силой будет действовать и в отношении образования в любой другой профессии. Иногда мы встречаем людей, которые достигли выдающихся успехов в проповедничестве и адвокатуре, в медицине и науке, не имея преимуществ образования в академических или университетских залах и, возможно, даже не имея того предварительного образования, которое обычно считается необходимым для профессиональной деятельности. Должны ли мы поэтому упразднить все наши колледжи, теологические семинарии, юридические и медицинские школы, наши академии и начальные школы и искать наших профессионалов среди необразованных и невежественных? Если профессиональное невежество является рекомендацией для наших генералов, почему бы не сделать то же самое для наших юристов и хирургов? Если мы считаем профессиональное образование необходимым для заботы о нашей личной собственности и здоровье, разве мы должны требовать меньшего для защиты чести и безопасности нашей страны, репутации наших вооруженных сил и жизней тысяч наших граждан?

Но в действительности, разве эти люди, о которых мы упоминали, не были выдающимися в своих профессиях *не благодаря, а вопреки* отсутствию профессионального образования? И разве такие люди, ощущая на себе недостатки, с которыми им приходилось работать, не были почти без исключения сторонниками образования для других?

Но правда ли, что большинство выдающихся генералов в более поздних войнах были людьми, не имевшими военного образования, — людьми, которые поднялись из рядовых до вершин военной славы благодаря сочетанию невежества в военном деле и презрения к военному обучению? Давайте взглянем на жизни самых выдающихся генералов Французской революции, ведь именно на этих людей постоянно ссылаются, чтобы доказать, что Военная академия — ненужное и бесполезное учреждение, а лучшие генералы неизменно встречаются в рядах армии, а *не* в рядах военных училищ. Факты могут убедить там, где рассуждения бесполезны.

Сам Наполеон был учеником военных школ Бриенна и Парижа и имел все преимущества лучшего военного и научного образования, которое давалось во Франции.

Дессе был учеником военной школы Эффиата и обладал всеми преимуществами, которые могли обеспечить богатство и дворянство. Даву был учеником военной школы Осера и сокурсником Наполеона в военной школе Парижа. Клебер получил образование в военной школе Баварии. Эжен Богарне был учеником Сен-Жермен-ан-Лойе, и его военным инструктором был великий полководец того времени. Вся его жизнь была посвящена военному искусству. Бертье и Мармон были сыновьями офицеров и, будучи с ранних лет предназначенными для армии, получили военное образование. Лекурб также имел преимущества военного образования до вступления в армию. Пишегру и Дюрок были учениками военной школы Бриенна. Друэ был учеником артиллерийской школы. Фуа сначала получил образование в колледже Суассона, а затем в военных школах Ла-Фер и Шалон. Карно, называемый «организатором французской победы», получил хорошее раннее образование, а также был учеником инженерной школы Мезьера.

Некоторые из выдающихся французских генералов сначала получили хорошее научное и литературное образование в колледжах Франции, а затем прошли военную подготовку в

подчиненных званиях армии; таким образом, до своего продвижения на ответственные должности они получили тщательную практическую подготовку, основанную на основательном предварительном образовании. Таким был Суше, ученик колледжа Лиль-Барб; Ланн, ученик колледжа Лектур; и Мортье, который получил самое тщательное образование в Камбре; Лефевр и Мюрат оба получили образование для церкви, хотя последний мало извлек пользу из своего образования; Моро и Жубер были подготовлены к адвокатской профессии; Массена не был выпускником колледжа, но получил хорошее предварительное образование и в течение нескольких лет до поступления на военную службу в качестве офицера пользовался всеми преимуществами, которые давали ему досуг и благополучное материальное положение; Ней, хотя и был беден, получил хорошее предварительное образование и поступил в нотариальную контору, чтобы изучить профессию. Оше был лишен преимуществ раннего образования, но, стремясь восполнить этот недостаток, он рано прославился своими усилиями по приобретению книг и своей необычайной преданностью военным наукам. За несколько лет, посвященных профессиональным исследованиям и практическим обязанностям подчиненного звания в армии, Оше приобрел военные знания, которые рано выделили его среди генералов Французской революции. Сульт и Гувийон-Сен-Сир, будучи детьми родителей с ограниченными средствами, не имели преимуществ обширного образования, но усердное и прилежное отношение к делу, горячая амбиция и сильный и мощный интеллект в сочетании с долгими годами службы в практических операциях на поле боя в конце концов позволили этим людям преодолеть все препятствия и пробиться на более высокие ступени своей профессии. Но оба они по собственному опыту знали преимущества военного образования и важность профессиональной подготовки в армии, и поэтому оба были самыми горячими друзьями и самыми ярыми сторонниками военных училищ Франции.

Политехническая школа была основана слишком поздно, чтобы подготовить офицеров для ранних войн Наполеона, но в своих последних кампаниях он начал пожинать плоды учреждения, которое находилось под его покровительством, и Бертран, Доде, Дюпонтон, Аксо, Ронья, Флери, Валазе, Гурго, Шамберри и множество других выдающихся молодых генералов полностью оправдали похвалы, которыми император щедро осыпал свою *«курицу, несущую золотые яйца»*!

В нашей собственной революционной войне генералы Вашингтон, Гамильтон, Гейтс, Шуйлер, Нокс, Александр (лорд Стирлинг), два Клинтона, Ли и другие были людьми с прекрасным образованием, а часть из них — с высокими литературными и научными достижениями; Вашингтон, Гейтс, Чарльз Ли, Клинтоны и некоторые другие имели значительный военный опыт еще до войны: тем не менее, армия в целом была настолько лишена военной науки, что правительство было вынуждено искать ее у иностранцев — у Лафайетов, Костюшко, Стюбенов, Де Калбов, Пуласки, Дюпортайлей, — которые были немедленно повышены до высших званий в нашей армии. Фактически, офицеры нашего научного корпуса тогда были почти все иностранцами.

Но, как говорят противники Академии, военные знания и образование — не единственные условия военного успеха; юношеская энергия и эффективность гораздо важнее, чем простое знакомство с военной наукой и военным искусством: долгая служба в гарнизоне в сочетании с ленивыми привычками, приобретенными офицерами мирного времени, настолько притупляют энергию старших офицеров армии, что в случае войны военная энергия и эффективность неизбежно будут черпаться из рядов гражданского населения.

Мы не склонны ставить под сомнение важность молодой энергии в командире армии и с готовностью признаем, что, стремясь обеспечить нашу службу надлежащим уровнем

военных знаний, мы также должны быть очень осторожны, чтобы не уничтожить ее влияние, обрекая ее мертвым грузом изношенного старшинства. Но мы ставим под сомнение мудрость средств, предлагаемых для обеспечения нашей армии этой желаемой эффективностью. Умы, наполненные обширными профессиональными знаниями и богатым наследием прошлого; суждения, созревшие в результате долгих исследований и опыта; страсти, угасшие или, по крайней мере, смягченные влиянием возраста — все это может быть наиболее подходящим для судей и государственных деятелей, поскольку здесь есть время для размышлений, для медленного и зрелого суждения, основанного на многолетнем опыте. Но для генерала на поле боя требуются и другие качества. Для *нанесения* удара необходимы не только военные знания, но и военная энергия, необходимая для *нанесения* этого удара, и военная активность, необходимая для отражения атак врага. Быстрый *взгляд*, быстрое решение, активные действия так же необходимы, как и здравый смысл, потому что генерал должен *видеть, принимать* решения и *действовать* — и все это в одно мгновение. Соответственно, мы видим, что большинство великих полководцев древности и современности завоевали свои лавры еще в молодости.

Филипп Македонский взошел на престол в возрасте двадцати двух лет и вскоре прославился в войнах с соседними государствами. В возрасте сорока пяти лет он завоевал всю Грецию. Он умер в возрасте сорока семи лет.

Александр Македонский разгромил знаменитое фиванское войско в битве при Херонее и завоевал военную славу в возрасте восемнадцати лет. Он взошел на престол своего отца Филиппа до двадцати лет, а в двадцать пять достиг зенита своей военной славы, уже покорив весь мир. Он умер не достигнув тридцати двух лет.

Юлий Цезарь командовал флотом, отправленным для блокады Митилены, где он прославился еще до достижения двадцати двух лет. Вскоре после этого он занял важные должности трибуна, квестора и эдила. Он завершил свою первую войну в Испании и был назначен консулом в Риме еще до достижения сорока лет. Он дважды пересек Рейн, завоевал всю Галлию и дважды переправился в Британию до сорока пяти лет; в пятьдесят два года он одержал победу на поле Фарсала и достиг верховной власти. Он умер в пятьдесят шесть лет, победитель пятисот сражений и завоеватель тысячи городов.

Ганнибал в двадцать два года присоединился к карфагенской армии в Испании, а в двадцать шесть лет был назначен главнокомандующим. Победив в Испании и Франции, он пересек Альпы и выиграл битву при Каннах, не достигнув тридцати одного года.

Сципион Африканский (старший) в шестнадцать лет отличился в битве при Тицине; в двадцать лет был назначен эдилом, а вскоре после этого проконсулом в Испании; в двадцать девять лет он выиграл великую битву при Заме и завершил свою военную карьеру. Сципион Африканский (младший) также отличился в ранней молодости; в возрасте тридцати шести лет он победил карфагенские войска и завершил разрушение Карфагена.

Чингисхан унаследовал владения своего отца в возрасте тринадцати лет и почти сразу собрал армию из тридцати тысяч человек, с помощью которой он разгромил многочисленные силы мятежников, которые надеялись воспользоваться его крайней молодостью, чтобы вырваться из-под его власти. Он быстро завоевал военную славу благодаря многочисленным завоеваниям и до сорока лет стал императором Моголов.

Карл Великий был коронован в двадцать шесть лет, завоевал Аквитанию в двадцать восемь, стал властелином Франции и большей части Германии в двадцать девять, возложил на свои венцы железную корону Италии в тридцать два и завоевал Испанию в тридцать шесть.

Гонсалво де Кордова, «великий полководец», вступил в армию в пятнадцать лет, а до семнадцати лет приобрел блестящую военную репутацию и был посвящен в рыцари самим королем на поле битвы; в сорок один год он был продвинут по службе, обойдя более старших ветеранов, и стал главнокомандующим армией в Италии.

Генрих IV Французский в шестнадцать лет был поставлен во главе армии гугенотов, в девятнадцать лет стал королем Наварры, в сорок лет он сверг всех своих врагов, вззошел на престол Франции и стал основателем новой династии.

Монтекукули в возрасте тридцати одного года с двумя тысячами всадников атаковал десять тысяч шведов и захватил весь их багаж и артиллерию; в тридцать два года он одержал победу при Трибеле, в сорок девять лет разгромил шведов и спас Данию, а в пятьдесят три года разгромил турок в великой битве при Сен-Готарде. В своих поздних кампаниях против французов он считал своим главным достоинством «не то, что он побеждал, а то, что его не побеждали».

Сакс вступил в армию в раннем возрасте двенадцати лет и вскоре получил командование кавалерийским полком; в двадцать четыре года он стал *маршалом-де-кампом*, в сорок четыре — маршалом Франции, а в сорок девять одержал знаменитую победу при Фонтенуа. Он умер в возрасте пятидесяти четырех лет.

Вобань вступил в армию Конде в качестве кадета в возрасте семнадцати лет, в двадцать лет был произведен в лейтенанты, в двадцать четыре года командовал двумя ротами, в сорок один год был бригадиром, в сорок три года — *маршалом-де-кампом*, а в сорок пять лет — генеральным комиссаром всех укреплений Франции. В возрасте двадцати пяти лет он сам провел несколько осад и участвовал во многих других.

Тюрэн поступил на военную службу до четырнадцати лет; он прослужил один год добровольцем, четыре года капитаном, четыре года полковником, три года генерал-майором, пять лет генерал-лейтенантом и в тридцать два года стал маршалом Франции. К сорока годам он завоевал всю свою военную славу.

Принц Морис командовал армией в возрасте шестнадцати лет и завоевал свою военную славу в очень раннем возрасте. Он умер в возрасте пятидесяти восьми лет.

Великий Конде увековечил свое имя в битве при Рокруа, в которой в возрасте двадцати двух лет он разгромил испанцев. Он завоевал всю свою великую военную славу до двадцати пяти лет.

Принц Евгений Савойский был полковником в двадцать один год, лейтенант-фельдмаршалом в двадцать четыре года, а вскоре после этого — генерал-фельдмаршалом. Он выиграл битву при Зенте в тридцать четыре года и битву при Бленхейме в сорок один год. В начале войны 1733 года он вновь появился во главе армии в преклонном возрасте шестидесяти девяти лет, но, утратив энергию и задор молодости, не добился ничего значительного.

Петр Великий был провозглашен царем России в возрасте десяти лет; в двадцать лет он организовал большую армию и построил несколько кораблей; в двадцать четыре года он сражался с турками и захватил Асоф; в двадцать восемь лет он вел войну со Швецией; в тридцать лет он торжественно вступил в Москву после победы при Эмбахе и захвата Нотебурга и Мариенбурга; в тридцать один год он начал строительство города Санкт-Петербурга; в тридцать девять лет он был разгромлен турками и вынужден выкупить себя и

свою армию. Последние годы своей жизни он посвятил в основном гражданским и морским делам. Он умер в возрасте пятидесяти пяти лет.

Карл XII Шведский вззошел на престол в возрасте пятнадцати лет, завершил свою первую успешную кампанию против Дании в возрасте восемнадцати лет, разгромил восемьдесят тысяч русских под Нарвой до достижения девятнадцати лет, завоевал Польшу и Саксонию в возрасте двадцати четырех лет и умер в возрасте тридцати шести лет.

Фридрих Великий из Пруссии вззошел на престол в возрасте двадцати восьми лет и почти сразу же начал свою военную карьеру, которая увековечила его имя. Он завоевал репутацию в первой Силезской войне, которую завершил в возрасте тридцати лет. Вторая Силезская война закончилась, когда ему было тридцать три года, а в возрасте сорока трех лет он успешно противостоял союзу из более чем ста миллионов человек при населении в пять миллионов.

Принц Генрих Прусский прошел свою первую кампанию в звании полковника полка в шестнадцать лет; в возрасте тридцати одного года он обеспечил победу в Праге, и в том же году был повышен до командования отдельной армией. Военная репутация, которую он приобрел в Семилетней войне, уступала только репутации Фридриха.

Кортес завоевал Мексику и завершил свою военную карьеру в возрасте тридцати шести лет.

Сандовал, самый выдающийся из его великих полководцев, умер в возрасте тридцати одного года. Он заработал свою великую славу и завершил свои военные достижения до достижения двадцати пяти лет.

Писарро завершил завоевание Перу в тридцать пять лет и умер примерно в сорок.

Лорд Клайв начал свою военную карьеру в двадцать два года и достиг вершины своей военной славы в тридцать пять; в тридцать шесть он был возведен в пэры, а умер в пятьдесят.

Гастингс начал свою военную службу примерно в двадцать пять лет и стал губернатором Бенгалии в сорок лет.

Наполеон был произведен в лейтенанты в семнадцать лет, в капитаны в двадцать, в *шеф-де-батальоны* в двадцать четыре, в генералы бригады в двадцать пять и в главнокомандующие армией Италии в двадцать шесть. Все его самые выдающиеся генералы были, как и он, молодыми людьми и поддерживали его в нескольких кампаниях со всей энергией и активностью юношеского мужества и энтузиазма.

Дессе вступил в армию в пятнадцать лет; в начале войны он быстро прошел через низшие звания и стал генералом бригады до двадцати пяти лет, а в двадцать шесть лет — генералом дивизии; он умер до тридцати двух лет, имея репутацию, уступавшую только репутации Наполеона.

Клебер поступил на военную службу позже, но быстро прошел через подчиненные звания и в тридцать восемь лет стал генералом бригады, в сорок — генералом дивизии, а в сорок один — главнокомандующим армией; он умер в возрасте сорока шести лет. После его смерти и в отсутствие Наполеона Мено, пожилой и неэффективный, по праву старшинства унаследовал командование армией Египта. Почти немедленным следствием этого стало ее полное разорение.

Массена впервые поступил на военную службу в семнадцать лет, но вскоре женился на богатой женщине и ушел в гражданскую жизнь. Он вернулся в армию в начале революции и

через два года, не достигнув тридцати пяти лет, был произведен в генералы дивизии. Он сразу же завоевал высокую репутацию, которую поддерживал на протяжении всей своей долгой карьеры, полной военных побед.

Сульт стал младшим лейтенантом в двадцать два года, капитаном в двадцать четыре; в следующем году он прошел несколько званий от *шефа батальона* до полковника и генерала бригады и в двадцать девять лет стал генералом дивизии.

Даву был младшим лейтенантом в семнадцать лет, генералом бригады в двадцать три года и генералом дивизии в двадцать пять лет.

Эжен Богарне поступил на военную службу в очень раннем возрасте. В девятнадцать лет он стал *шеф-де-батальоном*, в двадцать один — полковником, в двадцать три — генералом бригады, а в двадцать пять — вице-королем Италии. Вскоре он проявил себя как один из самых способных генералов Наполеона. В двадцать восемь лет он командовал армией Италии, а в тридцать один год завоевал большую славу в русской кампании, возглавляя четвертый *армейский корпус*.

Гувион-Сен-Сир поступил на военную службу в начале Революции и, быстро проходя через низшие звания, стал генералом бригады в двадцать девять лет, а в тридцать лет — генералом дивизии.

Суше стал *шеф-де-батальоном* в двадцать лет, генералом бригады в двадцать пять, генерал-майором армии Брюна в двадцать семь и генералом дивизии и *армейского корпуса* в двадцать восемь.

Удино стал капитаном в двадцать три года, *шеф-де-батальоном* в двадцать четыре, генералом бригады в двадцать пять и генералом дивизии в двадцать восемь.

Ней был капитаном в двадцать три года, генерал-адъютантом в двадцать шесть, генералом бригады в двадцать семь и генералом дивизии в двадцать девять.

Ланнес был полковником в двадцать семь лет, генералом бригады в двадцать восемь и вскоре после этого генералом дивизии.

Жубер стал генерал-адъютантом в двадцать пять лет, генералом бригады в двадцать шесть, генералом дивизии в двадцать восемь и главнокомандующим армией Италии в двадцать девять. Он умер в тридцать лет.

Виктор был *шеф-де-батальоном* в двадцать семь лет, генералом бригады в двадцать девять и генералом дивизии в тридцать два.

Мурат был лейтенантом в двадцать лет и, быстро проходя через низшие звания, стал генералом бригады в двадцать пять лет и генералом дивизии в двадцать семь лет.

Мортье был капитаном в двадцать три года, генерал-адъютантом в двадцать пять, генералом бригады в тридцать и генералом дивизии в тридцать один.

Макдональд был полковником в двадцать семь лет, генералом бригады в двадцать семь лет и генералом дивизии в тридцать лет.

Мармонт в двадцать один год был капитаном, в двадцать два — *шеф-де-батальоном*, в двадцать четыре — генералом бригады, в двадцать семь — генеральным инспектором, а в тридцать два — главнокомандующим армией.

Бернадот был полковником в двадцать восемь лет, генералом бригады в двадцать девять и генералом дивизии в тридцать.

Лефевр был назначен капитаном при организации армии в 1793 году; в тридцать восемь лет он стал генералом бригады, а в тридцать девять — генералом дивизии.

Бессьер поступил на военную службу в двадцать шесть лет, стал полковником в тридцать, генералом бригады в тридцать два и генералом дивизии в тридцать четыре. Он умер в сорок семь лет.

Дюрок был капитаном в двадцать три года, *шеф-де-батальоном* в двадцать шесть, полковником и *шеф-де-бригадой* в двадцать семь, генералом дивизии в тридцать. Он умер в сорок один год.

Этот список можно было бы продолжить с теми же результатами, но приведенных имен достаточно, чтобы показать, что генералы, помогавшие Наполеону в его бессмертных походах, были все, за редким исключением, *молодыми людьми*, все еще горящими огнем юношеского рвения и энтузиазма. Звание маршала было создано только после того, как Наполеон стал императором. Взойдя на императорский трон, он назначил на эту должность восемнадцать самых выдающихся генералов Франции. Некоторые из них были генералами ранних войн Революции и никогда не служили под его командованием. Другие были моложе, некоторым было всего тридцать четыре, тридцать пять и тридцать шесть лет. Средний возраст всех составлял сорок четыре года. Позже он назначил еще семерых маршалов, средний возраст которых составлял сорок три года. Однако эти назначения рассматривались скорее как награда за *прошлые* заслуги, чем как звание, от которого ожидалась служба, поскольку несколько старших маршалов после своего повышения так и не были вызваны на поле боя.

Отметив возраст главных генералов, командовавших армиями Наполеона, давайте на мгновение обратимся к тем, кто противостоял ему. В кампании 1796 года вражескими войсками командовали Болю, которому тогда было почти восемьдесят лет, Вурмсер, также восьмидесятилетний, и Альвинци, которому тогда было за семьдесят: все трое прославились в молодости, но к тому времени утратили молодую энергию и активность, столь необходимые для военного командира.

В кампании 1800 года главнокомандующим австрийскими войсками был Мелас, старый генерал, прослуживший в армии около пятидесяти лет; он прославился еще в Семилетней войне, но теперь стал робким и неэффективным, поскольку возраст лишил его энергии.

В кампании 1805 года французам противостояли Кутузов, которому тогда было шестьдесят лет, и Мак, которому было пятьдесят три года; план операций был составлен еще более пожилыми генералами аульского совета.

В кампании 1806 года французам противостояли герцог Брауншвейгский, которому тогда было семьдесят один год, Гогенлоэ, которому тогда было шестьдесят, а также Моллендорф, Клейст и Массенбах, старые генералы, служившие под командованием великого Фридриха, — люди, по словам Жомини, «выкопанные из Семилетней войны», «чьи способности были заморожены возрастом», «которые последние десять лет провели в летаргическом сне».

В кампании 1807 года французам противостояли Каменский, которому тогда было восемьдесят лет, Беннингсен, которому тогда было шестьдесят, и Буксхоуден, которому тогда было пятьдесят шесть. Союзники теперь начали извлекать выгоду из своего опыта, и в 1809 году австрийскую армию возглавил молодой, активный, умелый и энергичный эрцгерцог

Карл; и эта кампания, хотя главнокомандующий и был несколько скован глупыми проектами старых генералов аулического совета и сдерживаем непослушанием своего брата, тем не менее стала самой славной в австрийских анналах войн Революции.

В начале кампании 1812 года император Александр, молодой (ему было всего тридцать пять лет), активный, умный и амбициозный, реорганизовал свою армию и привил ей свою энергию и энтузиазм в стремлении к славе. Он сам стоял во главе армии и руководил ее операциями. Кутузов в течение короткого времени был номинальным главнокомандующим и проявлял необычную для своего возраста активность, но он был окружен более молодыми генералами — Барклаем-де-Толлеем и Милорадовичем, которым тогда было сорок девять лет, Винценцереде, которому тогда было сорок три года, Шувалов, которому тогда было тридцать пять лет, и эрцгерцог Константин, которому тогда было тридцать три года, — генералы, которые, возглавляя свои корпуса и под руководством молодого императора и его способного штаба молодых офицеров, в двух последующих кампаниях отбросили волны французского завоевания и в конце концов свергли французскую империю. Веллингтон, который возглавлял англичан в этих кампаниях, был ровесником Наполеона и учился вместе с ним в военных училищах Франции. Австрийцами командовал Шварценбург, которому тогда было всего около тридцати, а пруссаками — Йорк, Бюлов и Блюхер. Последний из них был уже в преклонном возрасте, но все его действия направлялись более молодыми людьми — Шарнхорстом и Гнейзенау, — и его операции отличались энергией его способных начальников штаба.

В кампании 1815 года Наполеону противостояли Веллингтон и Гнейзенау, оба моложе большинства его собственных генералов, которые, как хорошо известно, в этой кампании проявили меньше, чем в предыдущих, той горячей энергии и неумемной активности, которые были характерны для их молодости. Никогда планы Наполеона не были лучше продуманы, никогда его войска не сражались с большей храбростью, но медлительные действия его генералов позволили его активным врагам парировать удар, направленный на их уничтожение.

В американской войне 1812 года мы пошли по тому же пути, что и Австрия, Пруссией и Россией в их ранних сражениях с Наполеоном, *т. е.* чтобы снабдить наши армии генералами, мы вытащили из забвения Болиу, Вурмсеров, Альвинзи, Меласов, Максов, Брунсвиков и Каменных из нашей революционной войны; но после того, как мы достаточно пострадали от Халлов, Армстронгов, Уинчестеров, Дирборнов, Уилкинсонов, Хэмптонов и других ветеранов революции, мы также изменили нашу политику и позволили более молодым людям — Джексонам, Харрисонам, Браунам, Макрисам, Скоттам,^[49] Рипли, Вудам, Маккомбам, Вулам и Миллерам — привести наши войска к победе и славе. В случае новой войны с любой страной, способной оказать нам мощное сопротивление, будем ли мы снова вызывать ветеранов прошлых дней и снова ставить во главе наших армий уважаемых, но неэффективных стариков, или будем ли мы искать молодых, предприимчивых и активных людей, обладающих военной наукой и подготовкой? Результаты войны, честь страны, слава нашего оружия в значительной степени зависят от ответа на этот вопрос.

[49]

Скотт завоевал военную репутацию и достиг звания генерал-майора в двадцать восемь лет.

Но можно спросить, как нам обеспечить это сочетание военного образования и военной энергии; как нам заполнить высшие чины нашей армии молодыми и активными людьми, обладающими надлежащим военным образованием и талантом? Вопрос не сложный, и наше правительство может легко достичь желаемой цели, если только оно будет честно работать, игнорируя все партийные предрассудки и корыстные и эгоистичные интересы своих членов и советников. Другие правительства указали нам путь. Он заключается в следующем: пусть *заслуги* будут главным критерием для всех назначений и повышений в армии. Пусть одна или несколько подчиненных должностей будут открыты для молодежи всей страны, без различия по происхождению, богатству или политическим взглядам; пусть они проходят испытательный срок на этой подчиненной должности и получают тщательную подготовку во всем, что касается военной профессии; после строгого экзамена пусть они продвигаются на вакантные должности в высших званиях так быстро, как только они покажут себя достойными выполнять обязанности этих званий, причем заслуги и заслуги здесь, как и везде, являются единственными критериями.

Первая часть этого правила уже выполняется Военной академией. В среднем один молодой человек выбирается из каждого избирательного округа примерно раз в два года, и выбор делается представителем округа; эти молодые люди становятся унтер-офицерами в армии и отправляются на военный пост для обучения; проводятся частые и строгие экзамены для определения их способностей и пригодности к военной службе; после испытательного срока определенной продолжительности *лучшие из них* отбираются для получения звания в армии, причем соответствующее звание и назначение в корпус строго определяются с учетом заслуг; происхождение, богатство, влияние политических друзей — все посторонние обстоятельства исключаются из рассмотрения. Что может быть более истинным и полностью демократичным, чем это? Какую систему можно придумать лучше, чтобы обеспечить нашу армию хорошими офицерами, исключить из военной системы коррумпирующее влияние партийной политики и предотвратить назначение в армию «сыновей богатых и влиятельных людей, почти полностью исключая сыновей бедных и менее влиятельных людей, независимо от их квалификации и заслуг»?

К сожалению для армии и для страны, эта система заканчивается здесь, и все дальнейшее продвижение по службе происходит исключительно по старшинству или по фаворитизму исполнительной власти, а заслуги имеют лишь небольшое или вообще не имеют никакого влияния. Более того, нередко исполнительной власти разрешается нарушать даже эти благотворные правила назначения и назначать родственников и политических друзей на высшие офицерские должности непосредственно из гражданской жизни, «независимо от квалификации и заслуг», в то время как множество «сыновей бедных и менее влиятельных людей», прошедших четырех- или пятилетнюю испытательную службу в военных учебных заведениях и на учениях и доказавших в ходе тридцати экзаменов, проводимых компетентными комиссиями военных офицеров, что они в высшей степени подходят для получения офицерских званий, остаются без внимания! Наша армия гораздо более подвержена такого рода фаворитизму и политической пристрастности, чем армии почти всех европейских правительств, которые мы привыкли считать аристократическими и совершенно недружественными к реальным заслугам.

В прусской армии в мирное время правительство не может назначить никого, даже на подчиненную должность прапорщика, пока он не пройдет курс обучения в дивизионной или бригадной школе своего рода войск и не сдаст экзамен на удовлетворительную оценку. И «ни один прапорщик не может быть повышен в звании, пока его повышение не будет одобрено высшей комиссией или экзаменационной комиссией в Берлине, а его имя не будет

внесено в список тех, чьи знания и навыки (*connaissances*) делают их пригодными (*aptes*) для выполнения ответственных обязанностей своей профессии. Назначение на должность второго лейтенанта, даже после выполнения всех этих условий, не остается на усмотрение правительства. Когда в этом звании появляется вакансия, младшие офицеры представляют командиру полка список из трех прапорщиков, которые закончили курс обучения; командир, после консультации с вышестоящими офицерами полка, выдвигает наиболее заслуженного из этих трех кандидатов королю, который и назначает его на должность». Правительство может назначать на должности инженеров и артиллеристов только тех, кто прошел обучение в берлинской школе кадетов и школе артиллерии и инженеров, и эти назначения должны производиться в порядке, в котором учащиеся сдали выпускные экзамены. В этих корпусах лейтенанты и вторые капитаны могут быть повышены в звании только после сдачи удовлетворительного экзамена. Никакое политическое влияние, даже королевская пристрастность, не может повлиять на это правило.

Даже в абсолютных монархиях Австрии и России считается необходимым подчинять все военные назначения и повышения в звании в мирное время определенным фиксированным правилам. В австрийской армии все младшие лейтенанты должны быть выбраны из военных школ или специально обученных корпусов кадетов и императорской гвардии; от этого звания до звания капитана все повышения в звании производятся командирами полков и корпусов по рекомендации других старших офицеров. Выше звания капитана все назначения на повышение в звании производятся императором по решению Аулического совета в порядке старшинства по званию, за исключением случаев, когда имеются особые заслуги. «В русской армии, — говорит Хайо, — никто, даже принц императорской семьи, не может достичь звания офицера, пока не сдаст удовлетворительно несколько экзаменов или не пройдет строгий новициат, которому подвергаются кадеты в корпусе». Продвижение по службе ниже звания полковника осуществляется частично по старшинству, частично по заслугам; выше этого звания — только по отбору.

В британской армии звания в строевой армии приобретаются за деньги, и таким образом высшие звания занимают энергичные и предприимчивые молодые люди; но эта эффективность достигается за счет несправедливости по отношению к бедным людям, которые не имеют средств для покупки звания. В некоторых отношениях это предпочтительнее нашей губительной системы исключительного старшинства и фаворитизма со стороны руководства, но гораздо более предосудительно, чем система, основанная на заслугах. Веллингтон недавно заявил, что система исключительного старшинства вскоре полностью уничтожит эффективность армии, не давая молодым людям достичь более высоких званий. «Сначала, — говорит один из высокопоставленных офицеров британского флота, говоря о продвижении по службе в этом роде войск, — конечно, очень тяжело видеть, как старые ветераны ворчат, разочаровавшись в своих надеждах; однако нет сомнений в том, что флот и, конечно, страна в целом, получают гораздо больше пользы от нынешней системы, при которой на службу принимаются активные, молодые и оптимистичные офицеры, чем от любой другой системы, основанной на старшинстве. Не следует забывать, что на определенном этапе карьеры офицеров поочередное продвижение по службе уже является нормой и давно принято, но, согласно мудрому правилу, оно не вступает в силу до достижения звания капитана. До этого момента должно быть достаточно возможностей для отсева тех лиц, которые, если бы было принято правило исключительно по старшинству, чрезвычайно затрудняли бы составление списка военно-морского флота». Мы полностью согласны с этим автором в отношении недостатков системы исключительного старшинства, но не в отношении лучших средств исправления этих недостатков. В Англии, где государством правят богатые и аристократические классы, они вполне могут

предпочесть систему военных назначений и продвижения по службе, основанную исключительно на богатстве и политическом влиянии; но в этой стране нас учат считать *заслуги* гораздо более важными, чем богатство, звание или привилегии.

Различные изменения в правилах назначения и продвижения по службе во французской армии, а также различные результаты этих изменений, как для характера армии, так и для благосостояния государства, настолько поучительны, что мы сожалеем, что наши ограничения не позволяют нам в полной мере обсудить их. Мы можем дать только очень краткий обзор.

До революции назначения и продвижение по службе в армии полностью подчинялись правилам дворянства, причем определенные звания в армии по праву принадлежали определенным сословиям *дворянства*, а заслуги и служба не принимались во внимание. Но учредительное собрание изменило этот порядок вещей и установило правило, согласно которому три четверти младших лейтенантов назначаются по результатам *конкурса*, а остальная четверть назначается из числа унтер-офицеров, поочередно по старшинству и по результатам отбора, без *конкурса*; капитаны и лейтенанты — по старшинству; полковники и подполковники — две трети по старшинству и одна треть по результатам отбора; *маршалы* и генерал-лейтенанты — половина по старшинству и половина по результатам отбора. В 1793 году звания были еще больше открыты для отбора, а в последующие беспокойные времена часть из них была даже открыта для выборов солдатами. Но в 1795 году была восстановлена комбинированная система заслуг и старшинства с некоторыми улучшениями. В 1796 году и в последующих войнах единственным требованием для получения звания были *заслуги*, и Бонапарт, Моро и другие молодые генералы фактически были поставлены во главе своих старших по званию. Военный талант и военная служба, а не звание, были признанными основаниями для продвижения *по службе*, а «*крещение кровью*», как его называли, уравнило все звания. Бонапарт, покидая Египет, не обратил внимания на старшинство по званию, а передал командование Клеберу, который тогда был только генералом бригады, в то время как Мену был генералом дивизии. Всем известно, что после смерти Клебера генерал Мену стал командующим и что Египет, спасенный *выбором* Клебера, был потерян из-за *старшинства* Мену.

Наполеон сформировал правила продвижения по службе, как в мирное, так и в военное время, основанные на заслугах. Его мирные правила были во многом схожи с системой 1795 года; однако его полевые правила, в силу обстоятельств того времени, были практически единственными, которые использовались. Следующий отрывок из *Reglement de Campagne* of 1809 (раздел XX) отражает дух этой системы: На следующий день после сражения генералы бригады представляют генералам дивизии имена всех, кто особенно отличился; генералы дивизии немедленно докладывают об этом главнокомандующему, а также сообщают имена генералов и старших офицеров, чье поведение в наибольшей степени способствовало успеху, чтобы главнокомандующий мог немедленно проинформировать об этом его величество».

С восстановлением Бурбонов были также восстановлены многие древние привилегии и права на звание офицеров *maison militaire du roi*, а заслуги и служба были заменены придворным фаворитизмом. Но революция 1830 года привела к изменению порядка вещей. «Теперь законы регулируют военное продвижение по службе; король может назначать или продвигать по службе только в соответствии с законодательными предписаниями; и даже при осуществлении этой прерогативы он достаточно мудр, чтобы сдерживать себя определенными фиксированными правилами, которые защищают его от интриг и от навязчивых идей влиятельных лиц и партийных политиков». Хотелось бы, чтобы то же самое

всегда можно было сказать об исполнительной власти этой страны при назначениях и продвижении по службе в армии.

Существующие законы и положения французской службы немного отличаются для разных родов войск, но общее правило таково: никто не может быть назначен на должность офицера в армии, если он не окончил одну из военных школ или не прослужил не менее двух лет в качестве унтер-офицера в *корпусе армии*. В мирное время никто не может быть произведен в лейтенанты, капитаны или майоры (*chef-d'escadron* и *chef-de-bataillon*), пока не прослужит два года в следующем более низком звании; никто не может быть произведен в подполковники, пока не прослужит четыре года, и в полковники, пока не прослужит три года в следующем более низком звании; никто не может быть произведен в *маршалы-де-камп*, генерал-лейтенанты или маршалы Франции, пока не прослужит два года в следующем более низком звании. В военное время все эти цифры уменьшаются вдвое. Для званий первого лейтенанта и капитана две трети повышений в звании производятся по старшинству, а одна треть — по отбору; для званий *шефа батальона* и *шефа эскадрона* половина повышений производится по старшинству, а половина — по отбору; для всех остальных званий — только по отбору. Во время войны половина повышений до званий первого лейтенанта и капитана заполняется путем отбора, а все повышения до других званий — таким же образом. Для повышения по отбору инспекторы и *специально* назначенные экзаменационные комиссии ежегодно составляют список утвержденных кандидатов для каждого звания, в котором указываются фамилия, квалификация и особые заслуги каждого офицера, допущенного к конкурсу. Рекомендации этих инспекторов и экзаменаторов почти всегда принимаются во внимание правительством при отборе кандидатов. Эта комбинированная система старшинства и заслуг обеспечивает постепенное продвижение по службе для всех и в то же время позволяет офицерам с большими талантами и знаниями достигать более высоких званий, пока они еще молоды и эффективны. Таким образом, заслуги не всегда остаются в низших званиях и подчиняются невежеству и глупости только потому, что они случайно наделены привилегиями старшинства. Кроме того, правительство не может продвигать своих фаворитов в более высокие звания и ставить их выше более способных и лучших людей.

Если бы такая система назначений была введена в нашей армии и закреплена законодательно, и никто не мог бы получить звание, пока не проявил себя на поле боя или не сдал экзамен перед комиссией компетентных офицеров, мы уверены, что при назначениях из гражданской жизни были бы сделаны лучшие выборы, чем те, которые были сделаны за последние десять лет при нынешней системе политического влияния. Вряд ли можно было бы сделать худший выбор.^[50] И если бы комбинированная система старшинства и экзаменов применялась при продвижении по службе уже служащих младших офицеров, это, безусловно, привело бы к меньшей несправедливости и повышению эффективности армии, чем нынешняя система исключительного старшинства и временных званий, полученных благодаря интригам и политическому влиянию, или высоких военных званий, присваиваемых в качестве награды за грязные и коррумпированные партийные услуги. В качестве военной максимы *следует обеспечить эффективность, ограничив привилегии, связанные с званием; исключить фаворитизм, предоставив право выбора комиссиям из компетентных офицеров, полностью независимых от партийной политики*. Такая система уже некоторое время применяется в медицинском отделе нашей армии; она дала самые удовлетворительные результаты; глупость, невежество и неэффективность пожилых людей были *преодолены* и вскоре полностью исчезнут из этого корпуса; их заменили молодые люди, обладающие активностью, талантом, характером, интеллектом и большими профессиональными навыками. Разве менее важно иметь компетентных военных офицеров,

от чьего суждения и поведения зависят жизни тысяч людей, честь нашего флага и безопасность страны, чем иметь компетентных хирургов, которые лечат больных и раненых?

[50]

Чтобы показать, как работает эта система политических назначений, мы хотели бы обратить внимание на один факт. При формировании дополнительного полка драгун в 1836 году *тридцать* его офицеров были назначены из гражданской жизни, и только *четверо* — из выпускников Военной академии. Из тех, кто был назначен в этот полк из гражданской жизни, *двадцать два* уже были уволены или уволились (большинство из последних, чтобы спастись от увольнения), и из всех *тридцати* политических назначений сейчас осталось только *восемь*, а их места в основном заняли выпускники Военной академии.

В случае очередного увеличения численности нашей армии, какой курс будет следовать наше правительство? Будет ли оно снова обходить стороной заслуженных молодых офицеров нашей армии — выпускников Военной академии, — которые потратили десять или двенадцать лучших лет своей жизни на то, чтобы подготовиться к выполнению высших обязанностей своей профессии, и поставить над ними гражданских лиц с меньшим образованием и худшим характером — людей, совершенно не знакомых с военными обязанностями, простых политиканов из пивных, и низких наемников партии — тех, кто громче всех кричит в поддержку партийных мер и больше всех унижает себя, чтобы служить целям партии? И, посвятив таким образом армию, как таможенную и почту, политическим целям, будет ли оно стремиться усилить то огромное покровительство исполнительной власти, которое уже унижает индивидуальную мораль и разрушает национальный характер? Если какая-либо администрация правительства будет настолько безразлична к интересам и чести страны, что снова пойдет по такому пути, то остается надеяться, что меч политической справедливости не будет долго дремать в ножнах.

Мы хотим обратить особое внимание на эту тему. Она заслуживает внимания в любое время, но в настоящее время она особенно требует тщательного и откровенного рассмотрения. Высшие чины нашей мирной армии в настоящее время заняты людьми, которые настолько преклонны в возрасте, что в случае увеличения армии многие из них, несомненно, должны быть либо пропущены, либо переведены в отставку. Рано или поздно такие изменения, несомненно, будут произведены. Это необходимо для блага службы даже в мирное время, а в военное время это будет абсолютно необходимо для успеха наших вооруженных сил.^[51] Но большая опасность заключается в том, что изменения могут быть к худшему — что все назначения и продвижения по службе на высшие должности будут производиться под влиянием политических факторов, что превратит армию и флот в политические инструменты. Необходимо принять надлежащие меры, чтобы предотвратить столь опасный результат; необходимо ограничить исполнительную власть в армии с помощью разумных законов, подобных тем, что действуют во Франции и Пруссии; и необходимо, чтобы военные заслуги и служба, определяемые комиссиями компетентных военных офицеров, были единственными признанными основаниями для назначения и продвижения по службе, что даст бедным и заслуженным людям по крайней мере равные шансы с богатыми и низкими наемниками партии. В реальной службе система исключительного старшинства не может существовать; она умертвила бы и парализовала всю нашу энергию. Воспользовавшись этим, политики доведут нас до противоположной крайности, если исполнительная власть не будет ограничена разумными законами, основанными на справедливых принципах *заслуг* и *заслуг*.

Даже в настоящее время, отправляя войска в Техас, где ожидается немедленная и активная служба, необходимо расформировать полки и отправить на поле боя только молодых и способных офицеров, оставив большинство старших офицеров с чисто номинальными командованиями. Очень многие из офицеров, находящихся сейчас в Техасе, действуют в качестве, намного превышающем их номинальные звания, но не получают звания, жалованья и вознаграждения, причитающихся им за их службу.

Однако важность поддержания в нашей военной организации подходящей системы военного обучения не ограничивается требованиями нашей текущей ситуации. Она в основном основана на абсолютной необходимости иметь в стране группу людей, которые будут посвящать себя изучению военной науки, чтобы иметь возможность конкурировать с военной наукой трансатлантических держав. Не следует ожидать, что наши гражданские солдаты, какими бы умными, патриотичными и храбрыми они ни были, смогут добиться больших успехов в военных науках. У них нет ни времени, ни возможностей для таких занятий, и если они могут приобрести практические знания по элементарной тактике — простому алфавиту военного искусства — это уже все, что можно разумно от них ожидать. Как правило, ополченцы индивидуально более способны и умны, чем солдаты регулярной армии. Но они неизбежно уступают им в практических профессиональных знаниях.

Техническое образование необходимо в любой сфере деятельности. Возможно, что адвокат может добиться успеха в некоторых конкретных делах, не зная закона, но у него, вероятно, будет мало клиентов, если он останется в неведении относительно законов и прецедентов, которые регулируют деятельность судов. Необразованный химик может добиться успеха в проведении какого-то отдельного эксперимента, но его прогресс будет медленным и неопределенным, если он не ознакомится с экспериментами и открытиями своих предшественников.

Применение знаний в сельском хозяйстве поднимает его с уровня простой механической работы до уровня науки. Анализируя состав почвы, которую мы возделываем, мы узнаем о ее способности к улучшению и получаем возможность стимулировать землю к наиболее плодотворному производству. Насколько отличаются результаты труда умного земледельца, руководствующегося светом знаний, от результатов труда невежественного раба, следующего бесплодным формулам традиционных предписаний! Применяемое к производству и механическим искусствам, обучение развивает новые трудовые способности и новые возможности для существования и наслаждения. Личные удобства всех видов значительно увеличиваются и становятся доступными для более скромных классов; в то же время «приспособления искусства создаются для удовлетворения требований изысканного вкуса и более высокой моральной культуры». Применяемое к торговле, оно не только значительно увеличивает возможности для более широкого распространения цивилизации и знаний, но и оказывает огромное влияние на гармонизацию противоречивых интересов наций.

Образование не менее гуманизирует и умиротворяет, когда применяется к военному искусству. «В темные века, последовавшие за крахом Римской империи, военная наука, на которой была построена эта империя, была утрачена вместе с другими отраслями знания. Когда образование возродилось, вместе с ним возродилось и военное искусство, которое внесло немалый вклад в восстановление господства разума над грубой силой. Кроме того, каждое великое открытие в военном искусстве имеет спасительное и миротворческое влияние. Последствия изобретения пороха являются известным доказательством этого

замечания; и тот же принцип применим к открытиям современности. Совершенствуя себя в военной науке, как бы парадоксально это ни казалось, мы тем самым способствуем распространению мира и ускоряем наступление того периода, когда мечи будут перекованы на плуги, а копья — на серпы».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

С момента публикации первого издания этой работы начались и закончились две важные войны — между Соединенными Штатами и Мексиканской Республикой и между Россией и западными державами Европы — а сейчас идет еще одна между Францией и Австрией на старых полях сражений Северной Италии. При выпуске нового издания «Элементов военного искусства и науки» считается целесообразным упомянуть об этих войнах и применить обсуждаемые здесь принципы к военным операциям, проводимым в Мексике и на Крымском полуострове. Предлагается сделать это в форме примечаний к нескольким главам. Поскольку война в Италии еще не завершена, а подробности нескольких сражений, которые уже были проведены, известны лишь неполно, очевидно, что было бы неправомерно пытаться критиковать их стратегический характер или тактическую организацию.

H.W.H.

НЬЮ-ЙОРК, июль 1859 г.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ II — СТРАТЕГИЯ.

При вторжении в Мексику Соединенные Штаты сформировали четыре отдельных армии, действовавших по *четырем различным линиям*: 1. «Армия Запада» под командованием генерала Керни, действовавшая из Сент-Луиса в направлении Нью-Мексико и Калифорнии; 2. «Армия Центра» под командованием генерала Вула, действовавшая из Сан-Антонио-де-Бексар в направлении Чиуауа; 3. «Армия оккупации» под командованием генерала Тейлора, действовавшая на Рио-Гранде и продвигавшаяся из Корпус-Кристи на Матаморас, Монтерей и Сальтильо; и 4-я. «Главная армия» под командованием генерала Скотта, действовавшая из Веракруса на столицу Мексики.

Армия Запада под командованием генерала Керни действовала по отдельной и самостоятельной линии операций, не имея стратегической связи с тремя другими армиями; ее целями были завоевание и оккупация Нью-Мексико и Верхней Калифорнии. Первая цель была легко достигнута, но затем генерал отделил столь значительные силы для операций в Чиуауа после отвлечения колонны Вула, что его экспедиция в Калифорнию, без помощи военно-морских сил в Тихом океане, была обречена на полный провал.

Линии Тейлора и Вула были явно выбраны неудачно, поскольку находились на таком расстоянии друг от друга, что давали врагу возможность занять центральную позицию между ними. К счастью, Вул не продвинулся дальше Монкловы, а затем повернул, чтобы оккупировать Паррас, тем самым попав под непосредственное командование генерала Тейлора. Последний сражался в битвах при Пало-Альто и Ресака-де-ла-Пальма и выдержал

осаду форта Браун; затем, перейдя Рио-Гранде в Матаморасе, он захватил Монтерей и, соединившись с Вулом, разгромил армию Санта-Анны при Буэна-Виста. Эта битва положила конец кампании, которая, несмотря на блестящее проведение, не принесла никаких стратегических результатов.

Скотт высадил свою армию вблизи острова Сакрифисиос без сопротивления и немедленно осадил Веракрус, который сдался после короткой осады и бомбардировки. Таким образом обеспечив себе базу, он немедленно продвинулся к городу Пуэбла, встретив и разгромив армию Санта-Анны при Серро-Гордо. Оставшись некоторое время в Пуэбле для усиления своей армии, он продвинулся в долину Мехико и после блестящих побед в Контрерасе, Чурубуско, Молино-дель-Рей и Чапультепеке захватил город и положил конец войне.

Что касается двойной линии операций Тейлора и Скотта, то достаточно отметить, что Санта-Анна, находясь в центральном положении, сражался с теми же войсками в битвах при Буэна-Виста и Серро-Гордо. Следует также отметить, что линия операций армии Рио-Гранде не была одобрена ни Скоттом, ни Тейлором, ни, как полагают, каким-либо другим офицером нашей армии. Линия операций Скотта, однако, была действительно стратегической, и, обойдя мексиканский фланг у озера Чалько и Педрегала, он продемонстрировал мастерство великого полководца.

Война в Крыму, ввиду ограниченности театра военных действий, давала обеим сторонам мало возможностей проявить стратегическое мастерство. Тем не менее, действия обеих сторон до осады Севастополя являются хорошим предметом для военной критики с точки зрения планов операций.

Когда союзники высадили свои войска в Старом форте, русскому генералу было предложено рассмотреть три плана: 1. Уничтожить или закрыть гавани Балаклавы, Камиеша, Казача и Стрелицкой, разместить в Севастополе сильный гарнизон, а остальной частью армии занять укрепленное плато к югу от города и таким образом заставить союзников осаждать укрепления на севере. 2. Закрыв гавани на юге и обеспечив Севастополь от штурма со стороны любого отряда союзников, действовать на их левом фланге, беспокоя и преследуя их своими казаками, и таким образом задержать их на много дней в сложном и неустойчивом положении, которое они заняли бы. 3. Наступать всеми силами и предложить им сражение при Альме. Был принят последний и наименее выгодный из этих планов, и поскольку гарнизон Севастополя во время сражения состоял только из четырех батальонов и моряков флота, он, учитывая слабость своих укреплений, мог быть легко захвачен отрядом союзных войск.

Союзникам у Альмы представились два плана: 1. Обойти левый фланг русских, отрезать их от Севастополя и силой занять этот город. 2. Обойти правый фланг русских, отбросить их назад к Севастополю и отрезать их от всякой внешней помощи. Ни один из планов не был полностью осуществлен. Колонна генерала Боске обошла левый фланг русских и решила их отступление, но стратегическое преимущество этой победы не было использовано. Сражение произошло 20 сентября, а к полудню 26-го союзники продвинулись только до Балбека, преодолев за шесть дней расстояние чуть более десяти миль! 27-го они восстановили связь с флотом в Балаклаве, не пытаясь занять Севастополь и подвергнув себя опасности уничтожения из-за неудачно проведенного флангового марша. К счастью для союзников, русские не сумели воспользоваться преимуществами, которые враг так легко предоставил им. После того как флот вошел в открытую гавань Балаклавы, союзники приступили к высадке и перемещению осадных орудий, а также к рытью окопов, в то время

как русские готовили укрепления к югу от Севастополя, чтобы противостоять этой гигантской осаде, не имеющей аналогов в истории.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ III — УКРЕПЛЕНИЯ.

В войне между Соединенными Штатами и Мексикой последняя не имела укреплений на своих сухопутных границах, и, за единственным исключением Веракруса, ее гавани были полностью лишены оборонительных сооружений. Поэтому американцы не встретили препятствий такого рода на трех из своих линий операций, и когда Скотт взял Веракрус, его линия марша была открыта до самой столицы. Кроме того, почти все морские порты на побережье Мексиканского залива и Тихого океана попали в наши руки без единого выстрела. Если бы высадке Скотта было оказано должное сопротивление, а Веракрус был бы хорошо укреплен и хорошо защищен, его можно было бы взять только после долгой и тяжелой осады. Более того, если бы вторгшаяся армия столкнулась с сильными и хорошо защищенными укреплениями на пути следования в Мексику, война неизбежно затянулась бы и, возможно, закончилась бы иным результатом.

Российские укрепления на Балтике не позволили союзникам предпринять какие-либо серьезные операции в этом районе, а укрепления на Черном море ограничились войну одной точкой — Гераклеиским Херсонесом. Если бы Россия полагалась исключительно на свой флот для предотвращения морского десанта и оставила Севастополь полностью без укреплений, то результат Крымской войны был бы совсем другим.

Эта тема будет вновь затронута в примечаниях о береговой обороне и постоянных укреплениях.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ IV — ЛОГИСТИКА.

Война в Мексике ярко продемонстрировала наше превосходство над противником в этой области военного искусства. Ни одна армия не была лучше снабжена, чем наша, во всех вопросах продовольствия, одежды, медицинских и госпитальных запасов, а также средств транспорта. Однако в этой связи следует отметить два момента: 1. Огромные потери материальных средств, которые были результатом использования неопытных солдат, набранных на короткий срок, и командовавших ими офицеров, назначенных из гражданской жизни, не имевших опыта и лишенных военной подготовки; и 2-е. Огромные расходы на транспорт, которые были частично вызваны вышеуказанной причиной, а частично — использованием в административных подразделениях гражданских лиц, совершенно не знакомых с правилами и порядком военной службы. Эта война велась по системе снабжения продовольствием и припасами, перевозимыми в обозе армии или закупаемыми у жителей и регулярно оплачиваемыми, причем к принудительным реквизициям прибегали редко и в очень умеренных количествах. Мудрость этого плана была доказана общим хорошим порядком и дисциплиной наших войск, а также общей доброжелательностью не участвующих в боевых действиях жителей страны, по которой проходила или которую занимала армия.

Война в Крыму наиболее убедительно доказала огромное превосходство французской административной системы над английской — военной над гражданской организацией

административного корпуса армии. Французские войска перед Севастополем регулярно, дешево и в изобилии снабжались всем необходимым: провизией, одеждой, боеприпасами, медицинскими средствами, военным инвентарем, госпитальным и походным снаряжением; в то время как английская армия, несмотря на огромные денежные затраты, часто была парализована в своих операциях из-за нехватки надлежащего военного снаряжения и нередко была лишена даже самого необходимого для жизни.

Вместо того чтобы извлечь уроки из этого опыта, в последнее время наше правительство (особенно при снабжении армии в Юте) склонно подражать печальному примеру англичан и превращать снабжение наших армий в систему политического покровительства, используемую в партийных целях. Если эта практика будет проводиться в полном объеме, она неизбежно приведет к разорению армии, ограблению казны и полной коррупции правительства.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ V. — ТАКТИКА.

Война в Мексике, из-за небольшого числа участвовавших в ней войск и особенности местности в большинстве случаев, давала лишь немногие возможности продемонстрировать те навыки в тактике ведения боя, которые так часто определяли победу на великих полях Европы. Тем не менее, история этой войны не лишена полезных уроков по использованию различных видов оружия при атаке и обороне позиций. Ограниченный объем этих заметок позволяет сделать лишь несколько кратких замечаний об этих сражениях.

Сражения при Пало-Альто и Ресака-де-ла-Пальма фактически составляют одно сражение. В первом, которое было фактически канонадой, линии были почти параллельны, и изменение фронта Аристой на косое положение во время сражения было сопровождено соответствующим движением со стороны генерала Тейлора. Осознав превосходство американской артиллерии, мексиканский генерал отступил к ущелью Ресака-де-ла-Пальма, выстроив свои войска в вогнутую линию в соответствии с физическими особенностями местности. Американцы атаковали всю линию с помощью стрелков и драгун, поддерживаемых легкой артиллерией, и атака тяжелой колонны пехоты решила исход сражения. Операции генерала Тейлора в Монтерее носили скорее характер атаки на укрепленную позицию, чем регулярного сражения на поле боя. Несомненно, движение Уорта вправо оказало важное влияние на исход сражения, но отделение его колонны от основной части войск на расстояние около пяти миль было, мягко говоря, весьма рискованной операцией. Однако мексиканцы не воспользовались возможностью действовать между разрозненными частями американской армии. Потери, нанесенные нам мексиканцами, были скорее результатом их сильной позиции, чем умелого использования оборонительных сооружений. В сражении при Буэна-Виста усилия Санта-Анны были направлены главным образом на то, чтобы обойти левый фланг американцев. Если бы он сконцентрировал свои силы больше на центре плато, успех, достигнутый в начале сражения, вероятно, был бы решающим. Американский правый фланг в Ла-Ангостуре был практически недоступен из-за глубоких оврагов перед ним, и умелое использование артиллерии с этой точки позволило генералу Тейлору одержать победу, даже после того, как его левый фланг был полностью обойден, а часть добровольцев фактически бежала с поля боя.

То, как Скотт руководил своими войсками в различных сражениях на пути от Веракруса к столице, доказало, что он был одним из лучших генералов своего времени. В Серро-Гордо он

настолько полностью обошел левый фланг Санта-Анны, что отрезал ему путь к отступлению и почти уничтожил его армию, а сам генерал едва избежал плена. Окружение позиций Валенсии у деревни Сан-Херонимо в сражении при Контрерасе и атака пехотных колонн Райли были хорошо спланированными и блестяще выполненными маневрами, как и быстрое преследование Санта-Анны до Чурубуско и фланговые и тыловые атаки бригад Пирса и Шилдса. Победа при Молино-дель-Рей была в основном одержана с помощью мушкетов, без существенной помощи тяжелой артиллерии, и стала одним из самых блестящих, но дорогостоящих достижений войны. Штурму Чапультепека предшествовала длительная и интенсивная канонада, которая оказала решающее моральное воздействие на противника и значительно облегчила штурм.

Что касается сражений Крымской войны, то только сражение при Альме подлежит тактической критике обычных сражений; сражения при Балаклаве, Инкермане и Черной были по своему характеру вылазками, предпринятыми для предотвращения штурма незавершенных оборонительных сооружений и продления осады. Поэтому их следует оценивать как таковые, а не в соответствии с обычными правилами, применимыми к сражениям на открытом поле. В сражении при Альме русские были атакованы в позиции, причем две линии сражения были почти параллельны. Согласно первоначальному плану атаки, турецкая армия и дивизия Боске должны были обойти русский левый фланг, в то время как основная атака была направлена на центр. Однако из-за разделения командования в союзной армии не было согласованности действий. Тяжелая колонна Боске, вероятно, решила исход сражения, хотя сражение велось по всей линии. Английская армия наступала колоннами бригад на расстоянии развертывания, ее правый фланг был связан с французским, а левый защищался линией стрелков, кавалерии и конной артиллерии. Что касается формирования и использования войск в других сражениях, можно отметить, что атака английской легкой кавалерии в Балаклаве была, по-видимому, ненужной и бесцельной и привела к ее неизбежному уничтожению. В сражении при Инкермане русские направили свою главную атаку на правый фланг и центр англичан, с ложными атаками на левый фланг французов и в направлении Балаклавы. Но эти ложные атаки, как обычно в таких случаях, не были проведены с достаточной энергией и решимостью, и Боскет смог таким образом распознать истинные намерения врага в отношении английской части линии и прийти ей на помощь. Кроме того, основные силы русских двигались слишком тяжелыми и неповоротливыми массами, что подвергло их ужасным потерям и сделало невозможным быстрое и эффективное развертывание их численного превосходства. Такая же критика применима к их построению в сражении при Теерной.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ VI. — СРЕДСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ.

На момент вторжения Соединенных Штатов в Мексику бывшая республика располагала большой армией из достаточно хороших войск, хотя и с плохим офицерским составом, еще худшим снаряжением и почти полным отсутствием надлежащих военных запасов; но ей полностью не хватало двух важных элементов национальной обороны — укреплений и флота. Ее слабость проявилась в быстром и легком завоевании почти всей страны.

Мы уже отмечали, что укрепления России ограничили театр военных действий одной точкой в Крыму и ограничили военные операции союзников длительной и лишь частично успешной осадой Севастополя.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ VII. — ОБОРОНА МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Уже упоминалось о слабости Мексики, вызванной отсутствием береговой обороны, что продемонстрировала война между этой республикой и Соединенными Штатами. Это было бы еще более очевидно, если бы она обладала чем-то вроде торгового флота, подверженного захвату нашими военно-морскими силами. В действительности мексиканская война не принесла ни одного сражения между кораблями и фортами, поскольку оккупации мексиканских портов нашими военно-морскими силами не было оказано никакого сопротивления. Единственная береговая оборона, замок Сан-Хуан-д'Улика, не подвергалась нападению, но после бомбардировки и захвата Веракруса сдалась без боя.

Крымская война, напротив, наиболее ярко продемонстрировала важность хорошо укрепленного морского побережья. Несмотря на огромную силу объединенных флотов Англии и Франции, ни на Кронштадт, ни на Севастополь не было совершено ни одного морского нападения, а большие военно-морские силы России оказались совершенно бесполезными для защиты от морского десанта. Действительно, 17 октября 1854 года на последнем месте была имитация «морской канонады», предназначенная для отвлечения внимания и сил гарнизона с суши, где велась настоящая борьба за превосходство между осажденными и осаждающими. Бесполезность этой попытки была настолько очевидна, что никакой серьезной морской атаки предпринято не было, несмотря на то, что союзники были готовы применить против устаревших и плохо вооруженных русских укреплений самое мощное морское вооружение, которое когда-либо видел мир.

Результаты этой «имитации морской канонады», как ее называли, заслуживают внимания. Подробности взяты из блестящей брошюры майора Барнарда «Опасности и оборона Нью-Йорка» и интересной и ценной работы командера Дальгрена «Снаряды и орудия».

«Союзный флот состоял из 14 французских, 10 британских и 2 турецких линейных кораблей (некоторые из которых имели вспомогательную паровую тягу) и ряда пароходов с боковыми колесами для их буксировки; в общей сложности он имел на вооружении около 2500 орудий. Ему противостояли около 280 орудий из укреплений. Флот держался (в целом) на приличном расстоянии (от 1500 до 2000 ярдов); слишком далеко, чтобы нанести существенный ущерб своим вооружением (32-фунтовые пушки с умеренной долей 8-дюймовых орудий) укреплениям; — слишком далеко, чтобы получить значительный урон от неэффективного вооружения русских укреплений».

Единственное исключение из этого правила составляла отдельная английская эскадра под командованием сэра Эдмунда Лайонса, состоявшая из кораблей «Агамемнон», «Санспарель», «Лондон», «Аретуса» и «Альбион», первый из которых занял позицию в 750 или 800 ярдах от форта Константин, а остальные расположились примерно на таком же расстоянии от форта Константин, башни «Оса» и батареи «Телеграф». Дальгрэн описывает результат следующим образом:

«Корабль «Агамемнон» был очень серьезно поврежден, хотя и не настолько, чтобы это повлияло на его огневую мощь или двигатель. Он несколько раз загорался, был поражен 240 пулями или снарядами и, что примечательно, потерял только 29 человек, в то время как второй корабль, находившийся рядом, потерял 70 человек. *Альбион* пострадал еще больше и через час был отбуксирован в поврежденном состоянии, горящим в нескольких местах, с потерей 81 человека. Экипажи *Лондона* и *Аретузы* пострадали меньше, но корабли были повреждены почти так же сильно, и они тоже оставались на месте всего немного дольше *Альбиона*. Корабль «Куин» был оттеснен вскоре после того, как занял новую позицию, в большой опасности; а корабль «Родни»

получил лишь небольшое удовлетворение от того, что сел на мель и остался на плаву после получения некоторых повреждений.

«Значение небольших сооружений на мысе и утесах было ясно определено этими результатами: находясь над густым облаком дыма, окутавшим корабли и нижние форты, их цель не была затруднена (), в то время как моряки испытывали трудности при стрельбе с неудобным подъемом по целям, которые они видели редко, да и то смутно и кратковременно. В результате три линейных корабля и фрегат были очень быстро и с большим риском оттеснены, а четвертый был сильно поврежден; в то время как «Агамемнон» стоял напротив одного из самых мощных морских фортов с двумя ярусами казематов и через пять часов ушел с относительно небольшими потерями».

«Каким бы превосходством ни обладали батареи на возвышенностях (а у нас так мало сведений об этих сооружениях, что мы не можем сделать никаких уверенных выводов из этого голого утверждения о повреждениях, полученных кораблями), очевидно, что «Агамемнон» ушел с такими незначительными повреждениями не потому, что его *не поражали* достаточно часто (с дымом или без дыма). Он «был поражен 240 выстрелами и снарядами», и только благодаря неэффективности снарядов, которыми он был поражен, он не был уничтожен».

«Что касается повреждений, полученных фортом Константин, Дальгрэн говорит:

«Расстояние между «Агамемноном» и «Санспарелем» и фортом Константин (17 октября 1854 г.) предположительно составляло около 800 ярдов; лорд Раглан утверждает, что оно было несколько меньше. Эти два корабля могли применить около 87 орудий, и обстрел с них, вероятно, длился около четырех часов. Нет сомнений, что это нанесло большой ущерб, поскольку российский главнокомандующий признает это в своем официальном отчете, но этого было недостаточно, чтобы ослабить прочность каменной кладки и далеко не достаточно, чтобы пробить в ней брешь».

«В Бомарсунде результаты были несколько иными: три 32-фунтовых пушки весом 42 центнеров (пушки меньшего веса) были выгружены с палубы корабля и установлены в батарее в 950 ярдах от Северной башни — каменная кладка была хорошего качества и толщиной 6,5 футов. За восемь часов стена между двумя амбразурами была пробита сверху донизу, образовав проход, для чего было выпущено 487 ядров и 45 снарядов, то есть по одному выстрелу из батареи чуть менее чем за минуту, или по одному выстрелу из каждой пушки за 2-3/4 минуты. Башня сдалась».

«Кажется почти невероятным, что три орудия смогли полностью выполнить то, что не удалось восьмидесяти семи орудиям, причем расстояния до цели были одинаковыми, особенно если учесть, что многие из последних были большего калибра, а большинство из них использовали гораздо более тяжелые заряды при одинаковом калибре. Если бы пушки корабля стреляли с той же скоростью, что и батарея, которая не была необычно быстрой (один выстрел за две с четвертью минуты), то за четыре часа они выпустили бы около семи тысяч семисот снарядов и гранат, при условии, что не было бы никаких перерывов; количество, которое, если бы было правильно применено, судя по результатам трех орудий, было бы достаточно для пробивания стены форта в четырнадцать местах; тогда как они не произвели ни одного пробоина, что является ярким доказательством недостаточной точности. Они либо были рассеяны по поверхности форта, либо вообще промахнулись, и это могло быть вызвано только недостатком точности, которой достигала батарея. Постоянно выдвигаемая жалоба на движение кораблей не могла быть принята во внимание, потому что в день канонады по Севастополю почти не было ветра, а корабли были слишком большими, чтобы их легко сдвинуть с места волнением, если только оно не было очень сильным. Тот факт, что форт не нанес кораблям большего ущерба, чем получил от них, доказывает лишь то, что его огонь был столь же неточным, а калибры слишком малы. Говорят, что «Агамемнон» был поражен в корпус двумя сотнями сорока снарядами и гранатами, что, должно

быть, составляло лишь небольшую часть всего выпущенного огня, хотя и было достаточно, чтобы иметь решающее значение, если, как уже отмечалось, калибр был бы больше».

Таким образом, ряд снарядов, выпущенных с кораблей, которые были бы достаточными, если бы они были выпущены с наземной батареи, судя по результатам в Бомарсунде, чтобы произвести четырнадцать практических пробоин, не только не произвели ни одной пробоины, но даже «не повредили прочность каменной кладки».

Причина этого очевидна. Такая степень точности огня, при которой брешь создается наземной батареей, совершенно недостижима с плавучей конструкции, поскольку движение воды даже в самые спокойные дни вполне достаточно, чтобы помешать точности прицеливания по объекту на расстоянии, как в данном случае, в семь-восемь сотен ярдов.

Что касается действия снарядов и гранат на «Агамемноне», то следует отметить, что мы до сих пор не имели возможности должным образом проверить мощь огня современных крупнокалиберных гранатометов с наземных батарей против военных кораблей. Русские имели несколько таких орудий в своем флоте и в Синопе с помощью своих артиллерийских орудий взорвали два турецких фрегата *за пятнадцать минут*. Похоже, что в Крымской войне они еще не оснастили свои укрепления современным вооружением, поскольку снаряды, выпущенные из их береговых батарей, были во всех случаях меньшего калибра.

Что касается морской атаки на Кинберн, которая, как утверждается, продемонстрировала важность плавучих батарей в качестве вспомогательного средства для кораблей в ослаблении обороны гавани, у нас нет официальных отчетов русских, из которых можно было бы почерпнуть точную информацию о силе атакованных сооружений. Дальгрэн, черпая информацию из официальных отчетов «английских и французских адмиралов», описывает сооружения и их расположение следующим образом:

«Буг и Днепр впадают в большой бассейн, образованный частично выступом главного берега, частично длинной узкой полосой песчаного пляжа, которая продолжается от него и проходит в северо-западном направлении до мыса Очаков, где заканчивается, и от которого он отделен каналом, по которому воды устья впадают в Черное море».

«Расстояние между косой или концом этого языка и мысом Очакова, или противоположным главным берегом, составляет около двух миль; но вода слишком мелкая, чтобы пропустить большие военные корабли, за исключением узкого канала, который проходит ближе всего к косе и ее северному берегу. Поэтому здесь расположены сооружения, предназначенные для контроля входа. Их три. Рядом с крайней точкой косы находится крытая батарея, построенная из бревен, которые заполнены и покрыты песком, — с отверстиями для восемнадцати орудий, но на ней установлено только десять».

«Далее по пляжу находится круглый редут, соединенный с батареей на косе крытым проходом. Это сооружение, построенное из камня и укрепленное дерном, является открытым и считается самым прочным из трех; в нем установлено одиннадцать пушек, а внутри находится печь для нагрева снарядов».

«Далее, где пляж значительно расширяется, находится форт Кинберн, квадратное бастионное сооружение, простирающееся к морю на юге и к водам устья реки на севере. Оно частично казематировано, хотя лишь немногие из этих амбразур были вооружены — его главная сила заключалась в орудиях *на барбетах* и девяти или десяти мортирах. Каменная кладка, хотя и прочная, по свидетельству очевидца, не является бомбоубежищем и настолько обветшала от старости, что раствор выпадает из щелей, оставляя камни разваливаться. Внутреннее

пространство занимали ряды деревянных построек, слегка сконструированных и обштукатуренных».

«Говорят, что этот форт был вооружен шестьюдесятью орудиями. Английский адмирал утверждает, что все три сооружения были оснащены восемьюдесятью одним орудием и мортирами. Калибры официально не указаны, но в частных письмах говорится, что это были 18-фунтовые и 32-фунтовые орудия».

Вышеприведенное описание вполне оправдывает следующее замечание относительно этих сооружений:

«Они были ущербны во всех отношениях и явно неспособны противостоять каким-либо серьезным операциям с моря или суши. Главный форт был особенно слаб по конструкции и находился в запущенном состоянии; все они были плохо вооружены и укомплектованы гарнизоном».

«Это что касается сооружений. Что же касается характера вооружения, примененного при штурме, то тот же источник сообщает:

«Союзные силы были прекрасно приспособлены к операции, включая все типы судов, от самых больших до самых маленьких, и все они были паровыми. Были винтовые лайнеры и подобные суда более низкого класса, пароходы с боковыми колесами, винтовые канонерские лодки, плавучие батареи, минометные суда и т. д., каждое из которых было вооружено самым надежным образом. И эта поистине грозная военно-морская сила, *помимо всего прочего*, перевозила на борту несколько тысяч солдат, всех предназначенных для атаки этих ветхих укреплений Кинберна».

Не вдаваясь в подробности, мы просто приводим рассказ Дальгрена об этом событии:

«Французские плавучие батареи (*Devastation, Lave* и *Tonnante*) подошли, чтобы сделать свою первую попытку, бросив якорь примерно в шести-семи сотнях ярдов от юго-восточного бастиона форта Кинберн, и в 9:20 открыли огонь, при поддержке минометных судов, шесть из которых были английскими, канонерских лодок, пять французских и шесть английских, и парохода *Odin*, 16."

«Тяжелые металлические снаряды плавучих батарей (по слухам, двенадцать 50-фунтовых на борту каждой) вскоре сказались на стенах форта; вертикальный огонь был настолько эффективен, что французский адмирал в значительной степени приписал ему быструю капитуляцию форта. Канонерские лодки также продемонстрировали хорошую практику рикошета, которая, как было замечено, оказала серьезное воздействие на барбетные батареи».

«Российские артиллеристы, несколько не испугавшись этого разнообразного огня, быстро ответили огнем, направляя свое внимание главным образом на плавучие батареи, которые находились ближе всего».

«Ровно в полдень адмиралы вошли в гавань на кораблях «*Ройал Альберт*» 121, «*Алжир*» 91, «*Агамемнон*» 90 и «*Принцесса Роял*» 90, а четыре французских линейных корабля следовали за ними в плотном строю, заняв позиции в линии, простирающейся с северо-запада на юго-восток, примерно в миле от форта, на глубине 28 футов».

«В то же время эскадра паровых фрегатов под командованием контр-адмиралов Стюарта и Пеллиона ворвалась через проход в бассейн, открыв огонь по косым и центральным батареям, и бросила якорь далеко внутри фортов Николаев и Очаков. Атаку с моря завершили корабли

«Аккре» (100), «Курасао» (30), «Трибун» (30) и «Сфинкс» (6), открыв огонь по центральной батарее, а корабли «Ганнибал» (91), «Даунтлесс» (24) и «Террибл» (21) атаковали батарею на косе. На эту бурю пушечных ядер и снарядов русские не смогли долго отвечать. В батарее на косе песок, проваливавшийся между бревнами, смещенными пулями и снарядами, засыпал амбразуры и заблокировал орудия. В форте легкие деревянные постройки загорелись в ранние часы; затем стены начали рушиться под ударами снарядов, летевших со всех сторон, спереди, сбоку и сзади; по мере того как орудия поочередно выходили из строя, ответный огонь становился все слабее, пока в состоянии стрелять осталось лишь несколько орудий, и только центральный редут стрелял одиночными выстрелами с большими перерывами. Однако русский командующий не давал никаких признаков капитуляции; но адмиралы, видя, что его огонь прекратился и дальнейшая оборона бесполезна, в 13:35 подняли белый флаг, после чего укрепления были сданы на почетных условиях».

«Гарнизон состоял из примерно 1400 человек; их потери оцениваются по-разному: французский адмирал говорит о 80 раненых, другой — о 43 убитых и 114 раненых».

«Англичане понесли наименьшие потери, имея всего двух раненых; кроме того, двое были убиты и двое ранены на корабле «Арроу» в результате взрыва двух 68-фунтовых пушек Ланкастера».

«Превосходство союзных кораблей по количеству и калибру орудий было очень очевидным; у них должно было быть не менее шестисот пятидесяти орудий, в основном 32-фунтовые и 8-дюймовые снарядные пушки, с достойной долей 68-фунтовых и мортир, помимо 50-фунтовых французских плавучих батарей. Россияне могли ответить на это лишь 81 пушкой и мортирой, причем ни одна из них не превышала 32-фунтового калибра, а многие были и того меньше. Большое неравенство в наступательной мощи не компенсировалось преимуществом командной позиции, поскольку русский форт и редут находились почти на одном уровне с батареями кораблей, а также были очень слабы в плане прочности. С другой стороны, глубина воды не позволяла линейным кораблям приблизиться ближе, чем на одну милю, и поэтому их огонь был далеко не таким интенсивным, как при меньшей дальности.

Это был единственный случай, когда плавучие батареи имели возможность продемонстрировать свою выносливость, что было вопросом первостепенной важности, поскольку никто не мог усомниться в эффективности длинных 50-фунтовых или 68-фунтовых орудий, когда они находились в нескольких сотнях ярдов от каменных сооружений и могли сохранять устойчивость, необходимую для ведения огня по укреплениям.

«Ни одна осада никогда не включала батареи такой мощности, поскольку, хотя англичане и использовали длинные 68-фунтовые пушки в Севастополе, расстояние до целей превышало тысячу ярдов, а концентрация огня, насколько можно судить по опубликованным заявлениям, была намного ниже, чем у тридцати шести 50-фунтовых пушек, расположенных в бортовом огне трех батарей, стоящих на якоре в плотном порядке».

«Они были неоднократно пробиты пулями; одна из них (*Devastation*), как говорят, шестьдесят семь раз, но это не повлияло на прочные железные пластины, разве что вмяло их, самое большее, на полтора дюйма, — тем не менее, в этой батарее десять человек были убиты и ранены снарядами и ядрами, проникшими в порты, — и большая часть потерь среди французского личного состава (двадцать семь человек) произошла в трех плавучих батареях».

Майор Барнард, комментируя это событие, говорит, что оно «ничего не доказывает, разве что то, что ветхие, плохо спроектированные и плохо построенные сооружения, вооруженные орудиями меньшего калибра, не могут противостоят такой подавляющей силе, какая была продемонстрирована здесь». * * * Форт Кинберн сдался *не потому*, что был взломан, и не

потому, что защитники понесли такие большие потери, что не могли продолжать сражение, а просто потому, что орудия и артиллеристы, подверженные всевозможным ударам, были выведены из строя, а калибры (орудий в Кинберне) были неспособны нанести значительный ущерб кораблям на том расстоянии, на котором они находились».

Пушки в низких *открытых* батареях были подвержены рикошету и вертикальному огню, чему французский адмирал в значительной степени приписывал сдачу этого места. Здания за батареями, построенные из дерева, «непрочные и обштукатуренные», были подожжены, и жара и дым, должно быть, сделали использование орудий практически невозможным. Тем не менее, из 1400 гарнизонных солдат только 157 были убиты и ранены — очень небольшие потери, учитывая все обстоятельства. Если бы сооружения были хорошо построенными казематами, защищающими солдат от рикошета и вертикального огня, а также от снайперов войск, которые окружили сушу, потери гарнизона были бы еще меньше; а если бы они были вооружены более тяжелыми снарядами, нападающим войскам был бы нанесен гораздо больший ущерб.

Что касается использования плавучих батарей в данном случае, командир Дальгрэн очень разумно замечает:

«Использование плавучих батарей в качестве вспомогательных средств при атаке береговых укреплений должно зависеть от дальнейшего подтверждения их заявленной неуязвимости. Возможно, что результаты в Кинбурне оправдали ожидания французского императора в отношении наступательной мощи, поскольку это лишь вопрос ударной способности самых тяжелых калибров, которая не вызывает сомнений; но главный вопрос, касающийся их прочности, не может быть решен с помощью 32-фунтовых снарядов, выпущенных с расстояния 600 и 700 ярдов. В будущем на всех прибрежных укреплениях будут использоваться гораздо более тяжелые снаряды, а изобретательность артиллеристов может проявиться более успешно, чем в Кинбурне. Тем не менее, нет сомнений в том, что плавучая батарея является грозным элементом при штурме фортов, даже если ее прочность не достигает абсолютной неуязвимости, и оборона должна быть готова к ее применению».

Укрепления в Бомарсунде были взяты с помощью *наземных батарей*, которые пробили открытые стены башен и главных укреплений. Флот открыл вспомогательный огонь по набережной, но он дал очень небольшой эффект. Однако после того, как укрепления были взяты, был проведен экспериментальный обстрел с корабля «*Эдинбург*», вооруженного самыми большими и мощными орудиями в британском флоте.

Говоря о воздействии осадных батарей на стены Бомарсунда и экспериментальном обстреле «*Эдинбурга*», сэр Говард Дуглас отмечает:

«Эта успешная операция (наземных батарей) очень часто, но ошибочно, считается результатом обстрела с кораблей, и даже активно продвигается как доказательство того, на что способны корабли и что они должны пытаться делать в других местах». «Но результаты пробного обстрела остатков форта, который, если только предыдущий обстрел кораблями во время атаки не был абсолютно безвредным, должен был быть в некоторой степени поврежден и, кроме того, потрясен взрывом соседних частей, не подтверждают этот вывод, даже если атакующим кораблям, таким как «*Эдинбург*», было бы позволено спокойно и хладнокровно занять позиции в пределах 500 ярдов, а затем намеренно начать и продолжить обстрел, не

подвергаясь ответному огню! Обстрел «Эдинбурга» с расстояния 1060 ярдов был неудовлетворительным. Было выпущено 390 снарядов и гранат из самых больших и мощных орудий британского флота (а именно из орудия «Ланкастер» калибром 95 центнеров с удлиненным снарядом весом 100 фунтов; — из 68-фунтовых орудий весом 95 центнеров и 32-фунтовых орудий весом 56 центнеров, стреляющих твердыми снарядами; — из 10-дюймовых орудий весом 84 центнеров, стреляющих полыми снарядами весом 84 фунта; — из 8-дюймовых орудий калибром 65 и 60 центнеров с пустотелыми снарядами весом 56 фунтов), но нанесли лишь незначительный ущерб сооружению. На расстоянии 480 ярдов было выпущено 250 снарядов, снарядов и пустотелых снарядов. В облицовке внешней стены, построенной из крайне плохого камня, образовалась небольшая брешь, а амбразурам и другим частям стены был нанесен значительный ущерб; но решающего результата не было достигнуто — не было образовано никакого практического пролома, через который можно было бы атаковать, захватить и эффективно уничтожить сооружение, хотя в него было выпущено 640 снарядов и снарядов (40 000 фунтов металла), сначала с расстояния 1060, а затем 480 ярдов».

Безусловно, эта «морская атака», рассматриваемая в связи с реальными фактами захвата Кинберна, неудачной попыткой британского флота в Тихом океане атаковать русские укрепления Петропавловска, не может повлиять на устоявшееся мнение о способности фортов сопротивляться морским атакам.

Немногие сейчас готовы оспаривать общее превосходство береговых орудий над плавучими, но некоторые считают, что каменные сооружения неспособны противостоять сильному и непрерывному огню, который теперь может быть нанесен по ним флотами и плавучими батареями, и поэтому предлагают расширить площадь сооружений и полагаться в основном на земляные парапеты с орудиями в барбетах. Этот вывод они делают на основании результатов морской атаки на Кинберн и наземных батарей на Бомарсунде.

Майор Барнард в своей ценной работе «Опасности и оборона Нью-Йорка» делает из этих атак совершенно иной вывод и утверждает, что они в полной мере доказывают способность хорошо построенных каменных сооружений противостоять огню кораблей и плавучих батарей, если последние противостоят надлежащему вооружению фортов; более того, они доказали превосходство казематированных фортов над низкими открытыми батареями с орудиями в барбетах в защите гарнизона от вертикального и рикошетного огня. Несомненно, каменная кладка в Бомарсунде была плохо построена; тем не менее, огонь с кораблей оказал на нее очень небольшое воздействие. Столь же несомненно, что Кинберн был взят не благодаря прорывному огню, а главным образом благодаря воздействию вертикального и рикошетного огня.

Что касается нашей собственной системы береговой обороны, то можно отметить, что с момента написания этой главы работы, упомянутые в ней как начатые, постепенно продвигались к завершению, и что приобретение Техаса и Калифорнии, а также заселение территории Орегона и Вашингтона, значительно расширив нашу линию морской обороны, сделали необходимым укрепление других точек. Следует также отметить, что, хотя ценность и необходимость этих работ общепризнаны, а общие черты системы почти повсеместно одобрены, многие считают, что увеличение возможностей для морских атак и огромная мощь современных морских экспедиций, подобных той, что была направлена на Севастополь, делают необходимым более сильное укрепление крупных военно-морских и торговых портов Нью-Йорка и Сан-Франциско — одного из *ключевых пунктов* Атлантического побережья, а другого — Тихоокеанского. Возможно, система, принятая нашими инженерными советами, может вызвать возражения в связи с тем, что они

приняли *слишком много* точек обороны, не уделив достаточного внимания нашим крупным морским портам, которые являются стратегически важными точками береговой обороны. Как бы то ни было *на момент принятия этой системы*, нет сомнений в том, что относительная мощь сооружений, предназначенных для различных точек нашего побережья, не соответствует *нынешней* относительной важности защищаемых мест и относительной привлекательности, которую они представляют для врага, способного организовать морскую атаку. По этому вопросу мы цитируем работу майора Барнарда:

«Хотя в последние годы средства морского нападения приобрели масштабы и мощь, о которых не могли и мечтать при планировании нашей системы обороны, и наша страна настолько увеличилась в численности населения, богатстве и военных ресурсах, что ни один враг не может надеяться произвести какое-либо впечатление вторжением на нашу территорию, — с другой стороны, наши крупные морские центры, такие как Нью-Йорк, еще больше увеличились во всех отношениях, что делает их объектами нападения». «Строения, которые в прежние годы считались достаточными для обороны Нью-Йорка, по своей природе не могут быть достаточными в настоящее время». «Недавняя война Англии и Франции против России может иллюстрировать мою мысль, поскольку она научила нас, чего следует ожидать, если одна из этих стран вступит в войну против Соединенных Штатов». «Не было предпринято и не планировалось никакого вторжения на территорию, никаких попыток территориального завоевания, поскольку было хорошо предвидено, что такие средства не принесут решающих результатов. Война заключалась исключительно в нападениях на морские объекты — крупные морские порты — центры торговой и военно-морской мощи. Такие объекты, в силу их огромного значения для благосостояния и процветания нации, в силу большого населения и огромного богатства, сосредоточенного в них, а также в силу их уязвимости для морских атак, сразу же представляют собой точки, в которых могут быть достигнуты наиболее решающие результаты. Кронштадт, Севастополь, Свеаборг, Кинберн, Одесса, Керчь, Петропавловск и другие менее известные места были последовательно или одновременно объектами нападений, в то время как такие, как первые из названных, стали, по сути, настоящими центрами войны». Вокруг Севастополя собрались силы нападавших и защищающихся, и можно сказать, что исход этой тяжелой борьбы решил исход войны. Если бы дело не решилось *там*, следующим полем сражения стал бы Кронштадт, к которому союзники, по сути, подготовились самым тщательным образом. Разве не *очевидно*, что в будущем все войны морских держав против Соединенных Штатов будут проходить по аналогичному сценарию? Поскольку территориальное вторжение исключено, враг сосредоточит свои усилия на наших *крупных* морских портах и стратегических пунктах береговой обороны, таких как Нью-Йорк, Новый Орлеан и Сан-Франциско, и в первую очередь на Нью-Йорке. Против них он подготовит огромные вооружения, против них он создаст специальные ударные силы, которые (если им не противостоит неприступная система обороны) *обеспечат успех*. «Речь уже не идет о простой защите города от *обычных флотов*; благодаря оборонительным сооружениям, которые будут здесь возведены, нация сможет измерить свою силу в борьбе с самым щедрым использованием ресурсов великой морской державы, которой помогают все достижения современной науки и механического гения в создании или изобретении средств нападения, которые могут

быть направлены против них; короче говоря, укрепляя Нью-Йорк, мы на самом деле готовим поле битвы, на котором будет решена судьба будущих важных сражений».

Однако некоторые возражают против принятой в настоящее время системы на том основании, что казематированные сооружения не обеспечивают достаточного сопротивления кораблям и плавучим батареям, а земляные сооружения, покрывающие большую площадь, гораздо более эффективно решают эту задачу, при этом их более длинные наземные фронты будут более трудно поддаваться осаде.

Несомненно, что земляные батареи с орудиями в барбетах, как правило, легче захватить штурмом, они более уязвимы для вертикального и рикошетного огня и более подвержены опасности быть сбиты снайперами. Кроме того, они обеспечивают лишь очень ограниченный огонь по наиболее желательной точке, такой как вход в гавань. С другой стороны, не доказано, что казематированные сооружения из каменной кладки, если они построены и вооружены надлежащим образом, не смогут эффективно противостоять артиллерийскому обстрелу с кораблей или плавучих батарей. Результаты недавних войн и экспериментов генерала Тоттена в Вест-Пойнте, по-видимому, доказывают, что они вполне способны на это. Против таких доказательств простое утверждение об их неспособности может иметь лишь небольшой вес — определенно недостаточный, чтобы оправдать отказ от системы, одобренной лучшими военными авторитетами этой страны и Европы и подтвержденной многолетним опытом.

Майор Барнард, говоря о способности казематированных фортов из каменной кладки противостоять огню вражеского вооружения и о целесообразности отказа от них в пользу земляных батарей в нашей системе береговой обороны (), использует следующие убедительные слова: Если мы помним, что вражеские «плавучие батареи», какого бы типа они ни были, сами будут подвергаться обстрелу самыми грозными снарядами, которые могут быть выпущены с береговых батарей, — что, когда они решат подойти «вплотную», чтобы попытаться прорвать оборону, их «ембразуры» представляют собой отверстия, через которые на артиллеристов может обрушиться град картечи, ядра и мушкетных пуль; и учитывая то, что показывает опыт и чему учит нас разум в отношении казематов, — нам не нужно опасаться, что наши казематные сооружения будут разрушены, и не нужно сомневаться, что они, как и в России, выполняют важные задачи, для которых были спроектированы».

«Остается только показать *необходимость* таких сооружений. В целом, разместить орудие за земляным парапетом обходится гораздо дешевле, чем построить каменное сооружение, покрытое бомбоубежищами, в котором его можно установить. Все авторитеты сходятся во мнении, что открытая барбетная батарея (цитируется очень убедительное признание Гривеля) на низком месте, к которой суда могут приблизиться на расстояние 300 или 400 ярдов, совершенно недопустима. Можно с уверенностью сказать, что в девяти случаях из десяти места, обеспечивающие эффективный обстрел каналов, имеют именно такой характер; и действительно, очень часто бывает, что *других мест просто нет.*»

«Когда такие места находятся, редко бывает так, чтобы они могли вместить достаточное количество орудий в открытых батареях. Отсюда возникает необходимость размещать их ярусами, что, конечно, предполагает казематированную конструкцию. Такие сооружения, обеспечивающие с нижнего яруса низкий обстрел и (если они имеют несколько ярусов) обстрел с барбетов, являются наиболее благоприятными местами для размещения орудий и обеспечивают их

артиллеристам максимальную безопасность, которую только можно обеспечить людям, занимающимся такой деятельностью».

«В вопросах, имеющих чисто теоретическое значение, нет опасности давать волю спекуляциям; но в вопросах, имеющих такое реальное и интенсивное практическое значение, как защита от вражеской агрессии великого города и порта Нью-Йорка, недопустимо игнорировать опыт прошлого или мнения лучших умов, посвятивших себя таким вопросам. Средство защиты, одобренное тем, что ему доверена защита великих портов Европы, которое защитило великие порты России от самого грозного военно-морского вооружения, когда-либо плававшего по океану, заслуживает нашего доверия, которое не может быть подорвано простой критикой, и заслуживает того, чтобы к нему придерживались вместо всех новых «систем», пока время и испытания не сделают *необходимым* (а не просто оправданным) изменение».

«Если же мы обратимся к практике других стран, чтобы узнать, что было сочтено необходимым для защиты важных портов, — к опыту, чтобы узнать, как такие оборонительные системы выдержали испытание реальными событиями, — мы сможем сделать полезные выводы относительно того, что сейчас необходимо для защиты Нью-Йорка. В *Севастополе* — узкой гавани, которая обязана своим значением тому, что является крупнейшим военно-морским складом России на Черном море — мы найдем 700 орудий, из которых около 500 были размещены в пяти «казематированных» сооружениях (некоторые из них больших размеров), а остальные — в открытых батареях. Эти оборонительные сооружения выполнили свою задачу и выдержали атаку союзного флота 17 октября 1854 года без значительного ущерба».

«Легкость, с которой флоты атакуют морские порты, — огромные приготовления, необходимые для этого, — большие риски, связанные с высадкой осаждающей армии на побережье грозного врага (в то время как для защиты от *первого* вида атак необходимы дорогостоящие сооружения, а от второго — полевые сооружения и люди, которые в экстренных случаях могут обеспечить защиту), естественно, заставили русских сделать эти водные укрепления своей *первоочередной* задачей. Однако, несмотря на практически полную незащищенность с суши, Севастополь в течение целого года сопротивлялся атакам с этой стороны, и « » показал, как при наличии достаточного количества людей и материалов можно импровизировать энергичную и эффективную *сухопутную оборону* там, где обеспечена *морская оборона*, как это было в том месте».

«Возьмем еще один пример — Кронштадт. Несмотря на то, что его оборона имела огромное значение для России, она не была более важной — и уж точно *не столь важной*, как оборона Нью-Йорка для нашей страны. Этот порт, а также военный и военно-морской склад, защищались (на главном подходе) более чем 600 орудиями, 500 из которых были установлены в пяти «каменных казематах», а остальные — в открытой барбетной батарее, которая обстреливала главный канал. Это число само по себе внушительно, но такое же количество орудий, установленных в гавани Нью-Йорка, не обеспечило бы такой же мощной обороны, как в Кронштадте, из-за его большой площади и длинной линии подхода по сравнению с последним».

«*Эти сооружения выполнили свою задачу.* Они защитили большой порт и склад Кронштадта, а также столицу империи от вторжения. В течение двух лет подряд могущественные вооруженные силы Франции и Англии угрожали, но они были напуганы грозным видом «казематированных замков», которые предстали перед ними, и отказались от борьбы».

«Обратим теперь наш взор на большой военно-морской склад Франции. После почти невероятных затрат, потраченных здесь на создание гавани, обращенной к берегам ее великого соперника, Англии, и столь же щедрых затрат на обеспечение всего, что составляет большой военно-морской склад, мы можем предположить, что здесь будут использованы лучшие средства, независимо от

стоимости, которые может придумать человеческая наука, чтобы защитить эту великую цитадель военно-морской мощи от грозных средств нападения, которыми обладает великая морская держава, наиболее вероятный агрессор. Средства, используемые там (по крайней мере, в том, что касается защиты *гавани*), точно такие же (а именно, казематированные сооружения в несколько ярусов в сочетании с открытыми батареями в благоприятных местах); и применение средств такое же, какое мы считаем столь успешным в России, — такое же, какое составляет систему защиты гавани Нью-Йорка».

Капитан Макклелланд в своем официальном отчете Военному министерству об осаде Севастополя использует столь же сильные и уместные выражения:

«Постоянные укрепления Севастополя против нападения с моря, хотя и уступающие по материалам и деталям конструкции нашим самым последним сооружениям, полностью оправдали свое предназначение. Действительно, события на Тихом, Балтийском и Черном морях, по-видимому, бесспорно подтверждают правильность мнения, которое так долго высказывали все умные военные, что хорошо построенные укрепления всегда оказываются сильнее самого мощного флота.» «Считается, что спокойное рассмотрение событий, столь поспешно и неполно описанных на предыдущих страницах, должно привести всех беспристрастных соотечественников к твердому убеждению в двух важных моментах: «1. Наша система постоянных береговых укреплений является разумной и правильной, и ее следует завершить и вооружить с наименьшей возможной задержкой». «2. что одной только индивидуальной храбрости недостаточно для победы над силами, которые будут направлены против нас, если мы окажемся вовлеченными в европейскую войну, но что она должна быть подчинена дисциплине и направлена с помощью того совершенного и механического мастерства, которое можно приобрести только в ходе специального обучения, организованного для этой цели, и благодаря долголетней практике». «В эпоху парусных судов успешная осада Севастополя была бы невозможна. Очевидно, что русские не оценили преимущества, предоставляемые пароходами, и были не готовы выдержать осаду». «Эта же сила пара позволила бы европейским странам высадить на наши берега даже более крупные силы, чем те, которые в конечном итоге разбили лагерь вокруг Севастополя. Чтобы противостоять такой атаке, если она когда-либо будет предпринята, наши города и гавани должны быть укреплены, а эти укрепления должны быть снабжены орудиями, боеприпасами и обученными артиллеристами. Чтобы отразить продвижение такой армии вглубь страны, недостаточно полагаться на количество храбрых, но недисциплинированных людей, которых мы можем противопоставить ей. Армия захватчиков численностью 15 000 или 20 000 человек может быть легко разгромлена непрерывными атаками превосходящих сил, но когда речь идет о более чем 100 000 дисциплинированных ветеранах, само их многочисленность приводит к их собственному уничтожению, потому что без дисциплины и обучения они неуправляемы и действуют по-своему. Мы не можем позволить себе московскую кампанию». «Наша регулярная армия никогда не может и, возможно, не должна быть достаточно большой, чтобы обеспечить все возможные непредвиденные обстоятельства, но она должна быть такой большой, насколько это оправдывают ее обычные задачи по защите границы; число офицеров и унтер-офицеров должно быть необычно большим, чтобы обеспечить возможность внезапного увеличения численности; и следует уделять максимальное внимание обучению специальным видам войск — артиллерии и инженерным войскам. Система ополчения и добровольчества должна быть поставлена на какую-то ощутимую и эффективную основу; им должны предоставляться инструкторы из регулярной армии, и должны быть приняты все возможные меры для распространения среди них достоверной военной информации. Вблизи наших прибрежных укреплений было бы хорошо обеспечить достаточное количество добровольческих рот средствами обучения тяжелой артиллерии, назначая офицеров регулярной артиллерии в качестве инструкторов».

По поводу обучения наших добровольцев и ополченцев использованию береговых батарей мы добавляем следующую цитату из брошюры майора Барнарда:

«Одной из главных причин неэффективности береговых батарей, которая дала повод для мнения, что их можно пройти или даже *атаковать* безнаказанно, я считаю недостаток *навыков* и *осторожности* в использовании орудий. Результатом является огромное количество дыма, огромное количество потраченных снарядов и очень небольшой ущерб. Однако это ни в коем случае не является *особенностью* береговой обороны. Та же система беспорядочной стрельбы до сих пор преобладала как при использовании стрелкового оружия на суше, так и при использовании тяжелой артиллерии в морских сражениях; и, по-видимому, даже величайшим мастерам военного искусства не приходило в голову спросить, почему за одного раненого человека или за один эффективный выстрел в корпус корабля нужно бесполезно выбрасывать в воздух тысячи снарядов». «Но *теперь* этот вопрос задается как при использовании нарезных мушкетов солдат, так и при управлении корабельными орудиями, а также артиллерией всех видов». «Наконец-то обнаружено, что более важно научить солдата точно направлять свое оружие, чем выполнять определенные движения на параде с точностью автомата. Эта же идея сейчас пронизывает все области военной и военно-морской науки и является *необходимым* результатом недавних значительных усовершенствований в конструкции оружия. Короче говоря, наконец стала очевидной истина, что старая система беспорядочной стрельбы, хотя, возможно, и подобная «атаке шестисот» в Балаклаве, «*bien magnifique, n'est pas la guerre*» (очень великолепна, но *не является войной*). «Крайне важно, чтобы мы применили этот принцип к управлению нашими береговыми батареями и придали ему практический эффект. В военное время *добровольцы* из наших городов будут в *основном* составлять артиллеристов наших фортов и манипуляторов наших береговых орудий. Во время войны они, вероятно, будут обучаться этим обязанностям. Но было бы очень желательно, чтобы у нас *всегда* был отряд артиллеристов, обученных этим упражнениям. Результатом этого стало бы не только укрепление уверенности наших *граждан*, а также граждан-солдат в защитных сооружениях, обеспечивающих их безопасность, но и распространение военных знаний и разумного представления о значении и целях различных оборонительных сооружений. Для реализации этой идеи было бы желательно, чтобы в каждом крупном портовом городе имелся достаточный гарнизон *артиллерийских* войск, который помогал бы в обучении добровольцев. В нынешнем состоянии армии на *это* нельзя надеяться, но, по крайней мере, возможно, было бы целесообразно выделить для этой цели одного или двух артиллерийских офицеров».

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ VIII. — НАША СЕВЕРНАЯ ГРАНИЧНАЯ ОБОРОНА.

С момента написания этой главы автор не увидел ничего, что заставило бы его изменить высказанные в ней взгляды на превосходную стратегическую важность линии озера Шамплейн как линии военных операций, так и линии обороны. Взаимные торговые интересы Соединенных Штатов и Канады делают войну между этими двумя странами менее вероятной, чем раньше; тем не менее, такое событие ни в коем случае не является невозможным, и здравый смысл должен побудить нас подготовиться к такой возможности наилучшим образом.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВАМ IX, X, XI И XII — ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ.

С момента написания этих глав в организации нашей армии произошло несколько важных изменений. Было восстановлено звание генерал-лейтенанта (по крайней мере, по званию), увеличен штат, административный корпус, пехота и кавалерия, а также организована рота инженерных войск. Однако эта рота в основном используется в Вест-Пойнте для обучения курсантов различным отраслям военного инженерного дела и, таким образом, служит для восполнения недостатка, давно ощущаемого в системе образования Военной академии. Однако потребность в войсках этого рода войск для строительства, ухода и сохранения наших постоянных укреплений, а также для выполнения общих задач полевого инженерного дела по-прежнему остается неудовлетворенной. Из всех родов войск военной организации этот наиболее нуждается в обучении в мирное время; его невозможно обеспечить в момент объявления войны.

Говоря о нашей нынешней армейской организации по сравнению с организациями различных европейских держав, которые он был послан изучить и о которых должен был доложить, капитан Макклелланд говорит:

«Наша артиллерия значительно превосходит по численности другие рода войск, в то время как количество наших инженерных войск смехотворно и постыдно мало; поэтому более чем вероятно, что в любой будущей осаде артиллерии будет легко соорудить свои собственные батареи, в то время как инженеры будут достаточно загружены сооружением других наступательных сооружений; теперь у нас, наконец, есть зачатки артиллерийской школы практики; я бы хотел предложить министру рассмотреть целесообразность того, чтобы артиллерия строила свои собственные батареи. Расположение и вооружение осадных батарей должно определяться по согласованию между инженерами и артиллеристами, причем первые должны иметь преимущественное право голоса, чтобы обеспечить необходимую согласованность и связь между всеми частями наступательных сооружений. Это изменение, — говорит он, — потребует внесения в артиллерийский учебник и курс обучения всего, что касается подготовки фашин, габионов, платформ и складов, размеров батарей, способа расположения, рабочих групп и т. д.».

Что касается предложения капитана Макклеллана, то достаточно заметить, что оно стремится исправить одно зло, вводя другое, столь же большое и столь же неприемлемое. Недостаток нашей нынешней армейской организации заключается в том, что одно из ее родов войск слишком мало для выполнения задач, которые по самой природе военной службы естественно и должным образом относятся к нему; и, безусловно, постоянная передача части этих задач другому роду войск не является средством исправления этого недостатка. Так же хорошо могло бы быть сказано, что, если наши артиллерийские силы «нелепо и постыдно малы» по сравнению с пехотой и кавалерией, то полевые батареи должны быть навсегда переданы этим родам войск, а тактика легкой артиллерии должна быть включена в наши руководства по пехоте и кавалерии.

Существуют определенные обязанности, которые, как показывает многовековой военный опыт, надлежащим образом и почти неизбежно относятся к каждому отдельному роду войск в армейской организации, и каждая попытка заставить один род войск выполнять соответствующие обязанности другого неизменно приводила к снижению эффективности обоих родов войск. Предположим, что наш медицинский корпус был «нелепо и постыдно мал» по сравнению с нашим финансовым отделом, должны ли наши казначеи выполнять обязанности хирургов и

проходить обучение по использованию скальпеля и инструментов для ампутации? Это, возможно, крайний случай, но он служит для иллюстрации принципа.

Недостаток, о котором говорил капитан Макклелланд и на который так часто указывали наши лучшие военные, не может быть устранен путем какого-либо перевода или назначения, временного или постоянного, соответствующих обязанностей одного корпуса другому. Более того, такая мера только усугубила бы этот недостаток и превратила временное зло в постоянное. Его можно легко исправить с помощью законодательных мер, но никаким другим способом. Предлагаемые исполнительные меры будут осуждены всеми. Более того, это зло сейчас настолько очевидно и общепризнанно, что нет сомнений в том, что Конгресс вскоре осознает важность применения единственного правильного и эффективного средства.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ XIII. — ПОСТОЯННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ.

Хотя общие принципы планирования и устройства постоянных укреплений, установленные великими мастерами этой отрасли военной науки, остаются неизменными, тем не менее, значительные усовершенствования, которые были внесены в последние несколько лет в области боеприпасов, требуют некоторых изменений в деталях оборонительных сооружений такого рода. Эти изменения заключаются главным образом в увеличении толщины каменных и земляных парапетов и покрытия складов, в расположении амбразур и в защите гарнизона от снайперов противника. Введение более тяжелых осадных орудий и более тяжелого вооружения на военных кораблях, особенно на тех, которые приводятся в движение паром, требует гораздо более крупного вооружения в фортах, предназначенных для обороны гаваней. Во время русской войны Свеаборг подвергся дальнему обстрелу, который не повредил его укрепления. Эти изменения в устройстве и вооружении фортов абсолютно необходимы для восстановления относительной силы обороны в связи с усовершенствованием средств нападения. Их очень легко внедрить, не изменяя форму или общий характер сооружений, и они настолько важны, что без них форт, построенный 25 или 30 лет назад и хорошо подходящий для тогдашнего состояния военного искусства, скорее всего, не сможет оказать значительного сопротивления современным осадным батареям или хорошо организованным морским атакам.

Некоторые пошли гораздо дальше в своей оценке эффекта, производимого увеличением размера и силы военных снарядов, и смело утверждают, что каменные сооружения с сильным рельефом больше не могут использоваться, а увеличение дальности стрельбы из стрелкового оружия требует полного изменения бастионного фронта с более протяженными линиями.

Что касается эффекта увеличения дальности стрельбы стрелкового оружия, то вполне естественно, что поверхностный наблюдатель может прийти к мнению, что это усовершенствование должно сопровождаться расширением линий оборонительных военных сооружений; однако тщательное изучение этого вопроса, вероятно, приведет к другому выводу. По крайней мере, таково мнение самых способных военных инженеров Европы. Линии бастионного фронта, которые сейчас широко используются, были на самом деле слишком длинными для хорошей обороны с оружием, которое использовалось в то время, когда они были приняты; и, теоретически, для обороны определенных уязвимых точек следовало полагаться на «рампартные пушки». Но это оружие больше не используется; однако его место лучше заполняет увеличенная дальность действия мушкетов и винтовок. Последнее оружие практически неопределимо для обороны подходов к постоянным укреплениям.

Что касается пробивания каменной кладки осадными батареями, то давно установленным принципом является то, что вся кладка, подверженная обстрелу наземных батарей, должна быть закрыта земляными сооружениями. Несоблюдение этого правила привело к падению Бомарсунда. Те, кто на основании результатов этой осады так легко делают вывод о необходимости отказа от нынешнего способа укрепления наземных фронтов, демонстрируют свое незнание военного инженерного дела. Факты не подтверждают их выводы.

Что касается морских фронтов, которые могут быть достигнуты только с помощью плавучих орудий, то здесь дело обстоит совсем иначе. Обычно это казематы из каменной кладки, не прикрытые земляными укреплениями. Вопрос о том, требует ли повышенная эффективность снарядов, выбрасываемых с кораблей и плавучих батарей, применения этого способа защиты каменных сооружений на водных фронтах укреплений, заслуживает обсуждения. Эта тема уже затрагивалась в примечании о береговой обороне, где показано, что пока не выявлено никаких фактов, которые требовали бы или оправдывали бы какие-либо изменения в нашей нынешней системе.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ XIV — ПОЛЬСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Поскольку в Мексике не было постоянных укреплений, которые можно было бы осаждать, война в этой стране дала очень мало практики в той области инженерного дела, которая связана с атакой и обороной постоянных сооружений, в частности с подкопами и минированием. Единственной операцией, напоминавшей осаду, было окружение и бомбардировка Веракруса, и стоит отметить, что если бы генерал Скотт штурмовал это место, слабое, как оно было, он потерял бы большое количество своих людей, в то время как из своих окопов и батарей он захватил его, практически не пожертвовав ни одной жизнью.

Ни одна из сторон в этой войне не использовала полевые сооружения для атаки и обороны позиций. Тем не менее, никто не может читать историю этой войны, не оценив важное влияние, которое форт Браун оказал на оборону генералом Тейлором левого берега Рио-Гранде. Опять же, если мы сравним наши потери в других мексиканских сражениях с потерями, понесенными американцами при атаках на Монтерей, Чурубуско, Молино-дель-Кей и Чапультепек — места, частично защищенные полевыми укреплениями, — мы еще больше убедимся в ценности временных укреплений для обороны военных позиций, хотя было очевидно, что мексиканцы не знали, как их строить и как их защищать.

В этой войне также не было большого опыта в использовании военных мостов, поскольку, за исключением Рио-Гранде, нашим армиям не приходилось пересекать важных рек. Однако мы не должны упускать из виду важный факт, что генерал Тейлор не смог воспользоваться победами в Пало-Альто и Ресакаде-ла-Пальма, чтобы преследовать и уничтожить армию Аристы, *поскольку* у него не было понтонного оборудования, которое позволило бы ему переправиться через Рио-Гранде. Следует также отметить, что даже очень небольшое мостовое оборудование было бы очень полезно для перехода через другие ручьи и овраги во время военных операций этой войны. Один из наших кавалерийских офицеров пишет:

«Во время нашего марша из Матамарас в Викторию и Тампико в 1846 и 1847 годах мы испытывали огромные трудности при переходе через болотистые реки (из-за отсутствия подходящего леса) и при переходе через ущелья с отвесными берегами; несколько мостов Бираго сэкономили бы нам много дней и огромный труд. Во время операций в долине Мехико наши передвижения, которые так часто сдерживались непроходимыми влажными канавами, а иногда и сухими оврагами, были бы гораздо более

свободными и быстрыми при использовании эстакад Бираго, что позволило бы нам добиться успеха с гораздо меньшими затратами и, вероятно, быстрее, чем это было на самом деле».

Что касается военной разведки, то блестящие достижения Ли и других, связанных с операциями генерала Скотта, доказали ценность и важность этой конкретной отрасли полевого инженерного дела.

Но полевое инженерное дело, как отрасль или вид военной службы, получило наибольшее развитие и наиболее блестящее применение в Крымской войне, особенно при осаде Севастополя, и в мерах, к которым прибег генерал Тодтлебен для защиты этого места от атаки превосходящих сил.

Краткое описание этих оборонительных сооружений может быть интересно читателю:

Когда союзники достигли Балаклавы, Севастополь с южной стороны защищала только стена с бойницами толщиной около четырех с половиной футов и высотой от восемнадцати до двадцати футов, а также полукруглая редута с двумя ярусами бойниц и пятью орудиями в барбетах. Эти сооружения могли бы обеспечить некоторую защиту от *внезапного нападения* пехоты и кавалерии, но не могли бы стать серьезным препятствием для совместного нападения этих родов войск с артиллерией.

Русский инженер начал свои работы по укреплению этой позиции с занятия наиболее важных точек на линии обороны с помощью отдельных полевых укреплений, достаточно рельефных, чтобы противостоять штурму, и в целом закрытых ущельем. Эти укрепления были впоследствии соединены линиями более слабого профиля, которые служили для флангового обстрела оврагов и флангов передовых укреплений. Старая стена была укреплена земляным валом, а на значительном расстоянии впереди были построены окопы для снайперов.

Наиболее важными точками главной линии обороны были: 1. Бастион Флагшток. 2. Центральный бастион. 3. Малакофф. 4. Редан. 5. Малый редан. Командование первым составляло около пятнадцати футов, его ров был тридцать футов в ширину и от двенадцати до пятнадцати футов в глубину. Часть откоса была снабжена палисадами высотой около десяти футов. Конструкция Центрального бастиона была похожа на конструкцию Флагштокового бастиона, но имела более слабый профиль. Рельеф других сооружений был еще меньше. Командование Малакоффом составляло около четырнадцати футов, его ров был шириной восемнадцать футов и глубиной двенадцать футов. Толщина парапета в этих сооружениях обычно составляла около восемнадцати футов, а бомбоубежища были покрыты деревом толщиной восемнадцать дюймов и шестью футами земли. Стены с бойницами, соединявшие эти сооружения, были покрыты валом и парапетом или полностью заменены простым парапетом. Многие из амбразур были облицованы обычными корабельными железными водонепроницаемыми баками, заполненными землей. Тот же материал иногда использовался для траверсов. Веревочные мантилеты использовались для защиты артиллеристов у орудий от пуль и картечи. Большое внимание уделялось строительству бомбоубежищ для защиты солдат от вертикального обстрела. Иногда они находились под валом и второй линией обороны (если таковая имелаась), часто под специальными траверсами или полностью под землей, а иногда выкапывались в твердой скале. Некоторые из них имели каминные дымоходы и были хорошо вентилируемы (). Внутренние склоны были облицованы габионами, увенчанными фашинами и мешками с песком. Габионы также использовались для устранения повреждений, нанесенных артиллерией противника. Перед различными частями укреплений использовались завалы, военные ямы, калитры и шипы, вбитые в доски, а также

взрывные устройства. Перед бастионом Флагштока были установлены мины, чтобы задержать продвижение французов. Они были установлены в каменистой почве с кратерами глубиной от двенадцати до пятнадцати футов. Российские контрнаступления обычно состояли из флешей, соединенных простым рвом.

Капитан Макклелланд, один из наших офицеров, отправленных в Крым, из ценного отчета которого взята большая часть вышеизложенных сведений, добавляет следующие замечания об этих оборонительных сооружениях:

«Из предыдущего беглого и неполного описания оборонительных сооружений Севастополя становится ясно, насколько мало оснований было для широко распространенных сообщений о грандиозных размерах сооружений и о новых системах укреплений, примененных в этой войне. Простая правда заключается в том, что эти укрепления были простыми временными фортификационными сооружениями, размерами несколько превышающими обычные, и что ни один новый принцип инженерного дела не был разработан. Правда, было несколько новых мелких деталей, таких как веревочные мантилеты, использование железных резервуаров и т. д., но вся заслуга заключалась в замечательной адаптации хорошо известных принципов к особенностям местности и обстоятельствам дела. Нельзя также утверждать, что планы различных сооружений были идеальными. Напротив, нет ничего неправомерного в том, чтобы полагать, что если бы Тодтлебену пришлось повторить ту же работу, он, вероятно, ввел бы более эффективные меры по фланговой защите». «Эти замечания не имеют целью и не могут умалить репутацию русского инженера. Его труды и их результаты войдут в историю как самый триумфальный и прочный памятник ценности укреплений, а его имя всегда будет занимать первое место среди военных инженеров. Но, восхищаясь талантом и энергией инженера, не следует забывать, что поднятые им инертные массы были бы бесполезны без умелой артиллерии и героической пехоты, которые их защищали. Гораздо более крепкие места, чем Севастополь, часто падали под гораздо менее упорными и хорошо скоординированными атаками, чем те, которым он подвергался. Можно с уверенностью сказать, что осада Севастополя вызвала самую великолепную оборону укреплений, которая когда-либо имела место.

Теперь перейдем к работам по атаке. Когда союзники решили, что укрепления Севастополя нельзя взять простым обстрелом и штурмом, а необходимо подвергнуть их регулярной осаде, первым делом следовало обеспечить защиту войск, охраняющих осадные сооружения, от фланговых вылазок и попыток армии подкрепления. Полевые укрепления, запланированные для этой цели, не отличались особой прочностью, и многие из них «были построены только тогда, когда узкий выход из какой-то неминуемой опасности продемонстрировал их необходимость». Французская линия обороны состояла из восьми пятиугольных редутов, соединенных пехотным парапетом. Англичане, по-видимому, придавали мало значения полевым укреплениям для защиты своей позиции; ужасная бойня при Инкермане была естественным следствием этого пренебрежения.

Описывая инженерные работы союзников во время этой осады, капитан Макклелланд говорит:

«Что касается детального осуществления французских атак, то ничего нового или необычного не наблюдалось. Даже при тщательном изучении направления их окопов после окончания осады очень редко

можно было обнаружить ошибки в их расположении; они всегда обеспечивали отличное укрытие и были хорошо защищены; в некоторых случаях выемка двойного прямого подкопа достигала глубины шести с половиной футов в твердой скале! Выполнение многих подкопов и батарей было достойным примером для школы практики. В параллелях были предусмотрены бомбоубежища в качестве временных госпиталей, офисов для дежурных генералов и т. д. Они не использовали саперную броню. Часто предпринимались попытки использовать сап-роллер, но его можно было использовать только в конце атаки на Малакофф, когда огонь русской артиллерии был почти погашен минометами; до этого, как только сап-роллер занимал позицию, на него направлялось около тридцати орудий, что приводило к его немедленному уничтожению. Справедливо можно сказать, что французы замечательно реализовали свою систему подкопа. Технические навыки и терпеливое мужество, проявленные их офицерами и солдатами при продвижении таких превосходных подходов под смертоносным огнем, достойны всяческой похвалы и вполне соответствуют тому, чего можно было ожидать от предшественников их инженерных войск». «Что касается англичан, то дело обстоит иначе; казалось, что они систематически отказывались от превосходной системы, которой их так тщательно обучали и которую совершенствовали в Чатеме. Всякий раз, когда местность была сложной, их окопы, как правило, переставали обеспечивать укрытие; неглубокая выемка в скале и несколько камней, брошенных впереди, казалось, были всем, что считалось необходимым в таких случаях. Они часто были неправильными как по направлению, так и по профилю, нередко были плохо защищены или не занимали достаточно места и были слишком тесными; кроме того, они не были продвинуты так близко к редану, как следовало бы перед началом штурма. В слишком многих случаях выражение *«tâtonnement»* французов, по-видимому, лучше всего отражает суть их действий. Однако их батареи были построены очень хорошо. Погреб, платформы и т. д. обычно были похожи на те, что использовались в Чатеме, хотя иногда жаловались на ненужные отклонения. Они не использовали ни брони, ни полного подкопа, иногда использовали полуподкоп, но в основном использовали летучий подкоп.

Можно также добавить, что во время штурма французские подходы были продвинуты на расстояние тридцати двух шагов от контрскарпы Малакоффа, в то время как англичане едва достигли двухсот двадцати пяти ярдов от рва Редана.

Это описание действий англичан при осаде Севастополя сразу же возвращает профессионального читателя к их осадам на Иберийском полуострове. Конечно, очень странно, что великая нация, возглавляющая цивилизацию, после такого опыта пренебрегла обеспечением своей армии надлежащим количеством инженерных офицеров и инженерных войск, хорошо обученных особым и сложным обязанностям этого рода войск. Какое оправдание можно найти для того, чтобы заменить профессиональные навыки в осаде человеческими жизнями, когда эти навыки можно легко приобрести в мирное время и они всегда являются необходимым элементом хорошей военной организации!

Хотя все признают, что осада Севастополя доказала огромную важность полевых укреплений против наземных атак, некоторые делают вывод из операций этой осады, что хорошие земляные укрепления большого размера лучше подходят для защиты большого города, чем постоянные укрепления с каменными облицовками, которые неизбежно имеют менее протяженную линию огня и меньшую вместимость для людей и военных запасов. Мы цитируем замечания капитана Макклелланда по этому поводу, а также приводим краткий отрывок из недавно опубликованного журнала генерала Нила о осаде Севастополя.

Капитан Макклелланд говорит:

«Здесь, по-видимому, уместно отметить распространенное заблуждение, которое, по крайней мере в течение некоторого времени, пользовалось широким доверием. Она заключалась в том, что осада Севастополя доказала превосходство временных (земляных) укреплений над постоянными. Легко показать, что она не доказала ничего подобного, а лишь то, что временные сооружения в руках храброго и умелого гарнизона способны обеспечить более длительную оборону, чем обычно предполагалось. Они подверглись нападению, как никогда раньше полевые сооружения, и были защищены, как никогда раньше полевые сооружения. Основное различие между правильно построенными постоянными укреплениями (предназначенными для сопротивления осаде) и временными сооружениями заключается в том, что последние редко представляют собой непреодолимое препятствие для штурма, в то время как первые всегда являются таковыми. Кроме того, постоянные сооружения лучше контролируют прилегающую местность и более тщательно и совершеннее спланированы. Каменные стены, которые делают штурм невозможным, не видны издали и могут быть разрушены только путем установки батарей на гребне гласиса или краю рва; за этой точкой виден только земляной парапет, поэтому до прибытия осаждающих их можно рассматривать так же, как полевые укрепления, с той разницей, что гарнизон не испытывает необходимости постоянно быть готовым к отражению штурма. «Теперь, при осаде Севастополя, окопы осаждающих никогда не доходили до края рва; так что, если бы укрепление было постоянным, оставалась бы самая трудная, медленная и опасная часть осады, а именно: увенчание крытого хода, установка батарей для прорыва, спуск и переход рва, а также штурм прорыва; иными словами, в тот момент, когда слабость временных сооружений стала очевидной и фатальной, истинная сила постоянных укреплений начала бы вступать в игру». «Предполагая, что наступление продвигалось бы так же быстро, как и в сложившихся обстоятельствах, осаждающие 8 сентября еще не были бы в состоянии увенчать крытый ход, осада, безусловно, продлилась бы до зимы; и можно даже усомниться, пал бы в конце концов этот город, пока союзники не собрали бы достаточные силы, чтобы окружить как северную, так и южную сторону». Генерал Нил замечает: «Пораженные длительностью осады Севастополя, некоторые иностранные офицеры высказали мнение, что облицованные каменной кладкой скрепы не являются бесспорной полезностью в укрепленных местах». «Севастополь, обширный укрепленный лагерь, защищаемый полевыми укреплениями с сильным профилем, черпал свою главную силу в вооружении, которое могло существовать только в обширном морском арсенале, и в большой армии, которая всегда сохраняла свободную связь с внутренними районами России». «Если бы оборонительная линия была снабжена хорошими облицованными скатами; если бы пришлось пробивать их, а затем проникать через трудные проходы, за которыми головные части наших колонн встретили бы армию, Севастополь был бы неприступной крепостью». «Если мы сравним, по сути, работы по штурму Севастополя с работами по обычной осаде, то увидим, что 8 сентября 1855 года, в день последнего штурма, мы только что, после огромных усилий, завершили осадные работы, предшествующие завершению строительства крытого подхода; мы еще не вступили в тот период осады, который является самым трудным и самым кровопролитным; и не было необходимости вступать в него, поскольку рвы и парапеты оборонительного сооружения не были непреодолимыми, как показало дальнейшее развитие событий». «Сложность заключалась в том, чтобы победить русскую армию на позиции, заранее подготовленной для обороны, не меньше, чем в преодолении материального препятствия в виде укреплений». «Наши опорные пункты были расположены в тридцати метрах от осаждаемых укреплений, и мы могли выбирать время для действия и неожиданно наброситься на врага, когда огонь нашей артиллерии заставил его до последней минуты укрываться за многочисленными заслонами; пойти дальше означало бы дать российской армии возможность перейти в наступление». «Отсутствие откосов, которые защищали бы место от штурма, не оказало меньшего влияния на оборону, поскольку осаждаемые были вынуждены постоянно держать у устьев укреплений сильные резервы, готовые отразить штурм, который, как они видели, угрожал им с самого начала осады». «Наконец, можно заметить, что эти резервы, которые днем и ночью были уничтожены концентрическим огнем наших батарей, могли выходить из укреплений через широкие выходы, не проходя через узкие

проходы, образованные подъемными мостами укрепленных мест; таким образом, они представляли постоянную угрозу для осаждающих, которые были подвержены риску неожиданного вторжения большей части русской армии в свои окопы. «Следовательно, ни одна из сторон не находилась в положении, аналогичном тому, которое представляет собой осада укрепленного места, защищенного от нападения хорошими каменными скатами» (примечание к странице 443). И снова, на странице 423, тот же автор замечает: «Теперь она (русская армия) больше не может уйти от концентрического огня наших батарей, поскольку, *не будучи защищена каменными скрепами*, она вынуждена постоянно держать вместе сильные резервы, чтобы отразить нападение, которым ей угрожают в любой момент».

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ XV — ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И Т. Д.

Что касается тем, обсуждаемых в этой главе, то, пожалуй, достаточно будет заметить, что мексиканская война неоспоримо доказала ценность Военной академии Вест-Пойнт, поскольку превосходная эффективность должным образом образованных офицеров по сравнению с теми, кто был назначен из гражданской жизни без каких-либо знаний о профессии, которую они были призваны практиковать, полностью убедила страну в важности этого учреждения и даже заставила замолчать протесты тех немногих, кто отказывался быть убежденным.

Недавняя неудачная попытка повысить эффективность нашего флота с помощью списка отставных офицеров, как можно опасаться, на время уничтожила все надежды на введение этой столь необходимой меры в нашу военную службу; хотя совершенно очевидно, что без этого мы никогда не сможем поставить нашу систему продвижения по службе по заслугам () на эффективную и удовлетворительную основу, которая обеспечит эффективность армии, вознаграждая заслуги, и в то же время предотвратит несправедливость, закрыв пути для политического фаворитизма.

Мексиканская война также в полной мере доказала, что наши возражения против системы военных назначений были вполне обоснованными, и есть надежда, что недавние злоупотребления этой системой привлекут внимание общественности к необходимости перемен; ведь если военные должности будут по-прежнему присваиваться за партийные услуги, это вскоре разрушит целостность и эффективность нашей армии.

ПОЛОЖЕНИЕ ПЛАТЕЖЕЙ

Рис. 1, 2, 3. — Используются для иллюстрации стратегических отношений армий А и В.

Рис. 4. — Линия операций, направленная против крайней точки линии обороны противника, как это было сделано Наполеоном в кампании при Маренго.

Рис. 5. — План кампании Наполеона в 1800 году для Рейнской армии и армии резерва.

Рис. 6 показывает план, принятый Наполеоном в кампании 1800 года для сохранения своих коммуникаций.

Рис. 7 иллюстрирует то же самое в кампании 1806 года.

Рис. 8. — Внутренняя и центральная линия операций.

Рис. 9 представляет лагерь большой дивизии армии. Расстояние от переднего ряда палаток до линии лагерной стражи должно составлять от 350 до 400 футов; оттуда до линии постов — от 150 до 200 футов; оттуда до линии часовых — от 100 до 200 футов. Во многих случаях можно обойтись без линии постов между лагерной стражей и часовыми. Расстояние между батальонами будет составлять от 50 до 100 футов, а между эскадронами и батареями — столько же.

Рис. 10. — Детали расположения лагеря пехотного батальона. Ширина улиц роты будет зависеть от численности роты и будет расположена таким образом, чтобы фронт лагеря не превышал длину батальона, когда он выстроен в боевой порядок. Эта ширина будет составлять от 50 до 100 футов. Расстояние между палатками каждого ряда будет составлять 2 или 3 фута; расстояние между палатками одной роты и палатками другой — от 4 до 6 футов.

Рис. 11 — лагерь кавалерийского эскадрона. Одиночная рота, разбивающая лагерь отдельно, будет расположена так же, как и весь эскадрон. Лошади привязываются в две линии, параллельные палаткам, на расстоянии от них около 12 футов. Корм размещается между палатками. Эскадрон из двух рот занимает фронт около 180 футов. Костры, или ротные кухни, должны находиться в 50 или 60 футах позади палаток унтер-офицеров.

На рис. 12 показан лагерь двух батарей пехотной артиллерии или двух рот пехотных инженеров.

[План расположения лагеря для артиллерии, приведенный в «Инструкции полевой артиллерии США, конной и пехотной», может быть использован в тех случаях, когда одна батарея располагается отдельно или когда сохраняется только скелет рот; но он окажется чрезвычайно неудобным в тех случаях, когда полная батарея с большим обозом располагается на одной линии с другими войсками. Приведенный нами план является тем, который используется в большинстве европейских армий].

Рис. 13. — В этом плане для конной артиллерии и инженеров костры расположены таким образом, чтобы как можно меньше подвергать боеприпасы воздействию искр из кухонь.

Рис. 14. — Простой параллельный порядок боевого развертывания.

15. — Параллельный порядок с крючком на фланге.

16. — Параллельный порядок, усиленный на фланге.

17. — Параллельный порядок, усиленный в центре.

18. — Простой косой порядок.

19. — Косой порядок, усиленный на наступающем фланге.

20.—Перпендикулярный порядок.

21.—Вогнутый порядок.

22. — Выпуклый порядок.

- 23.—Порядок по эшелонам на крыле.
- 24.—Порядок по эшелонам в центре.
- 25. — Комбинированный порядок атаки.
- 26.—Формирование пехоты двумя развернутыми линиями.
- 27, 28. — Расположение, соответствующее глубине колонны.
- 29. — Построение в квадраты.
- 30. — Смешанное построение из трех батальонов.
- 31. — Глубокое построение тяжелых колонн.
- 32. — Построение в колонны по бригадам.
- 33.—Формирование двух бригад кавалерии по смешанной системе.
- 34. — Переход пролива британским флотом в 1807 году.
- 35. — Атака на Копенгаген.
- 36. — Атака на Алжир.
- 37. — Атака на Сан-Хуан-д'Уллоа.
- 38. — Атака на Сен-Жан-д'Акр.
- 39.—План регулярного бастионного фронта укрепления.
- 40. — Разрез.
- 41.—Теннионы.
- Рис. 42. — Полутенальоны с козырьком.
- 43. — Рог.
- 44.—Коронная башня.
- 45. Редан.
- 46. — Лунет.
- 47. — Митра или священническая шапка.
- 48. — Бастионная крепость.
- 49. — Вертикальный разрез полевого укрепления.
- 50. — Простой ров.
- 51.—Летающий сок.
- 52.—Полный сок.
- 53.—Кратер военной мины.
- 54.—План атаки регулярного бастионного сооружения.

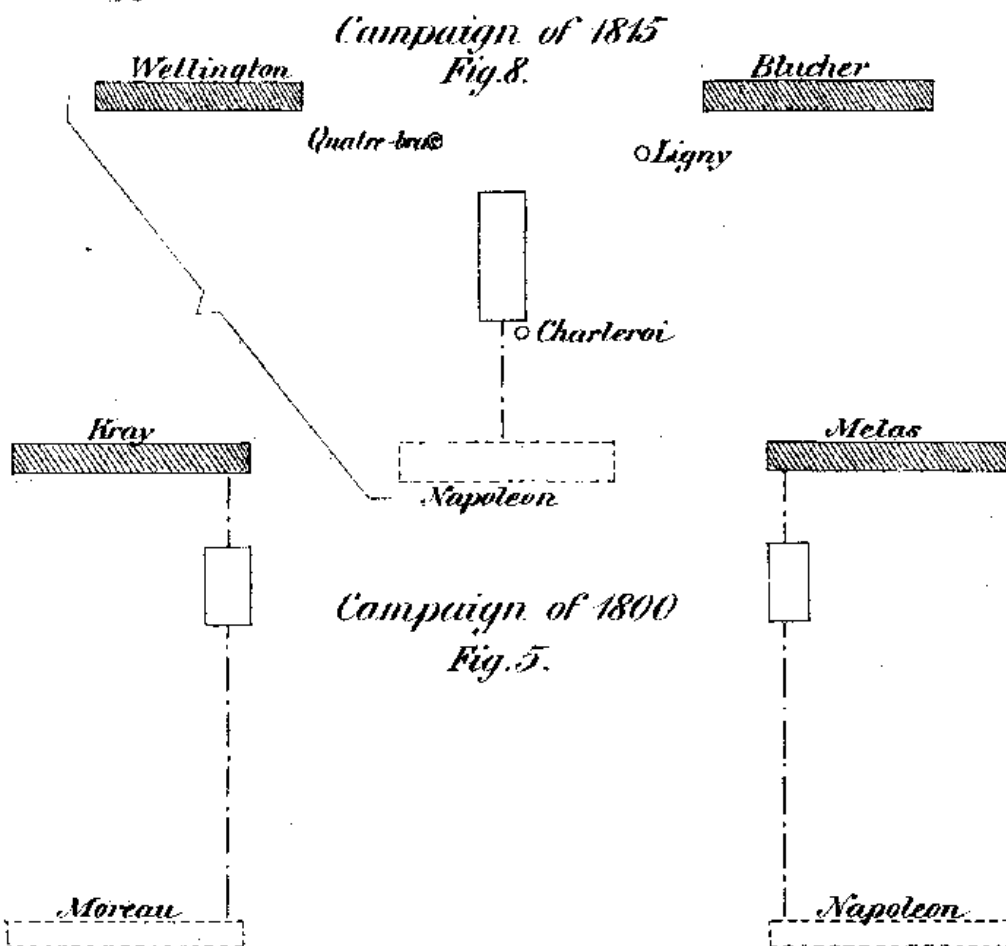
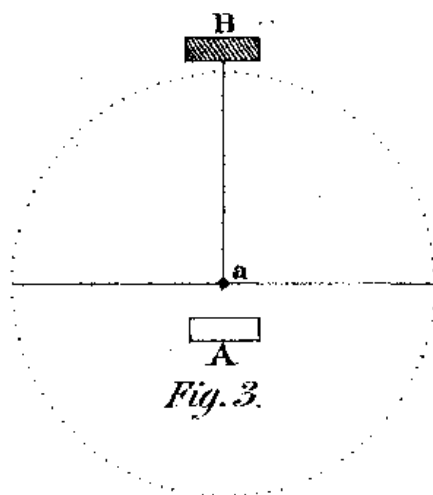
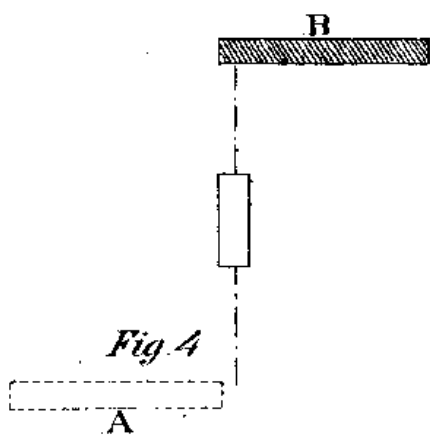
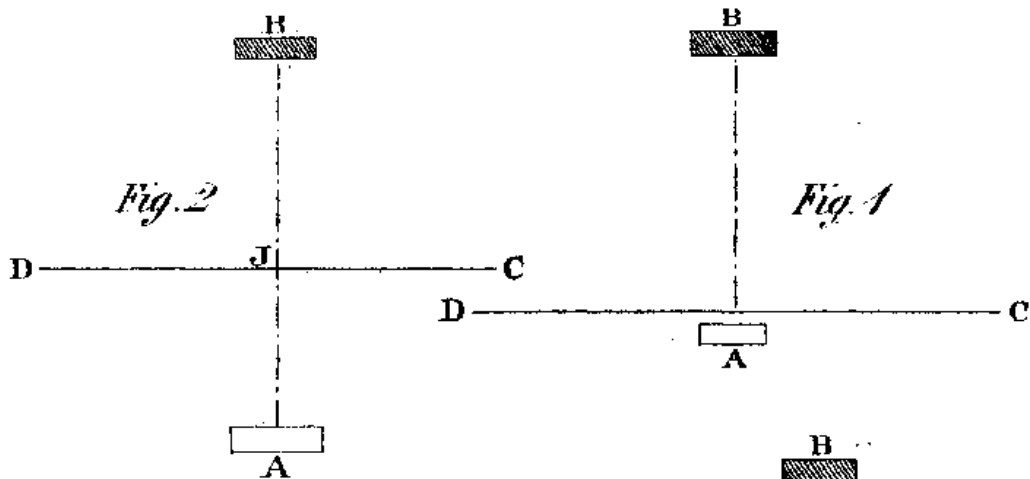

Fig. 6. Marengo Campaign.

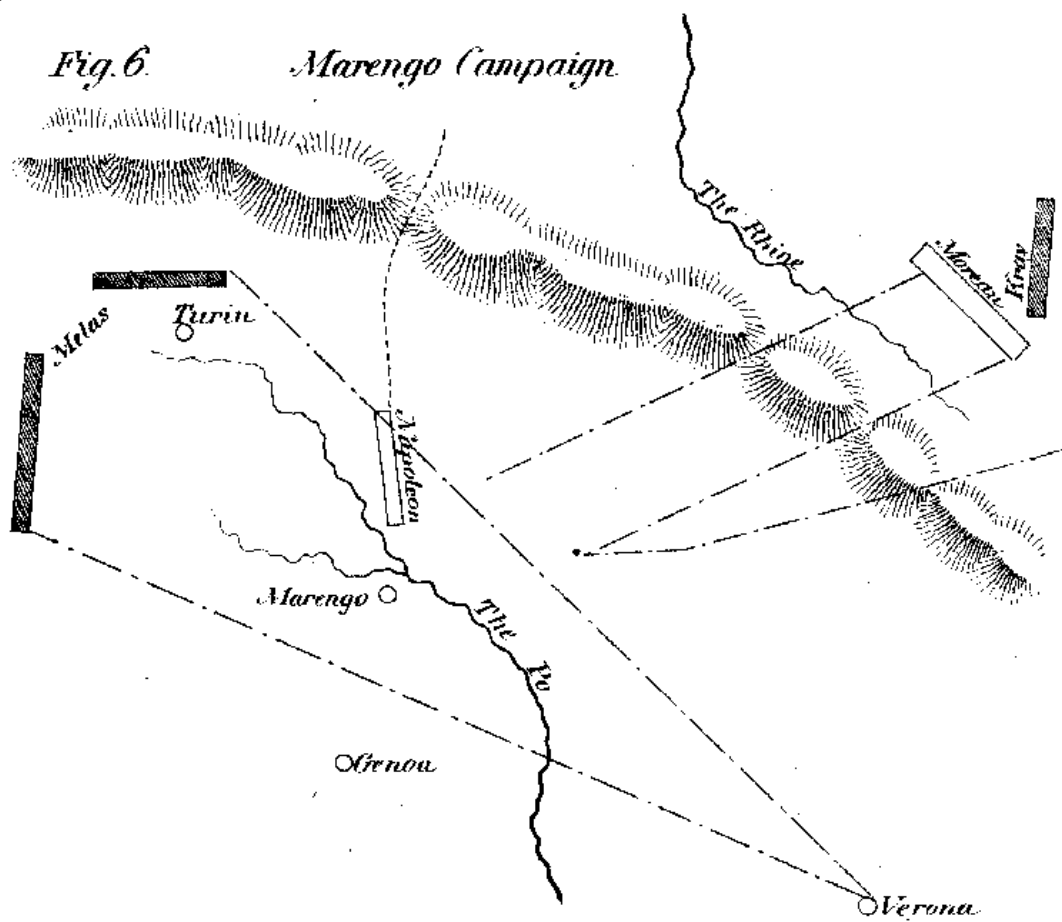

Fig 7.
Campaign of 1806.

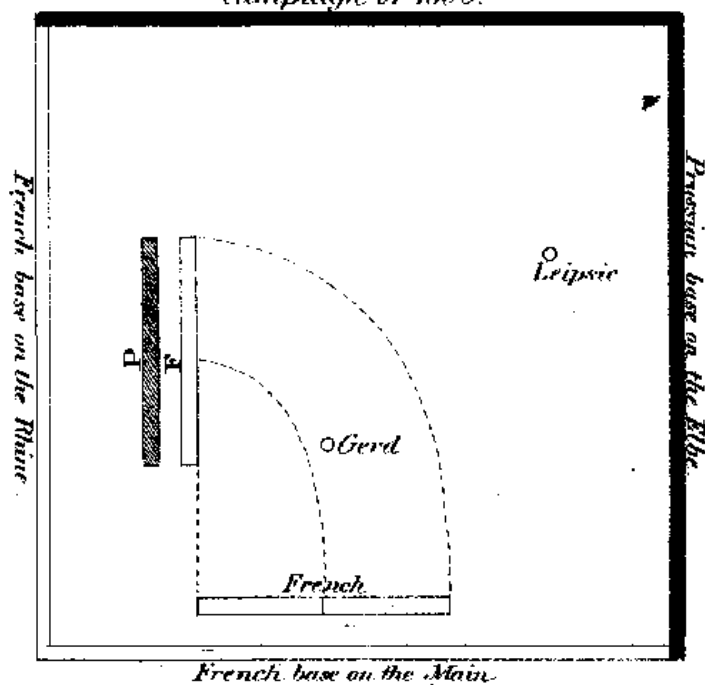

Fig. 15

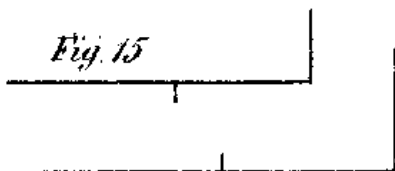

Fig. 14

Fig. 20.

1 B

Fig. 21

Fig. 17

Fig. 16.

Fig. 19.

Fig. 18.

Fig. 9.
Camp of a Division

Line of Sentinels

Line of Posts

Camp Guard.

Artillery

Cavalry

1st Brigade

2nd Brigade

Cavalry

Artillery

Artillery

Artillery

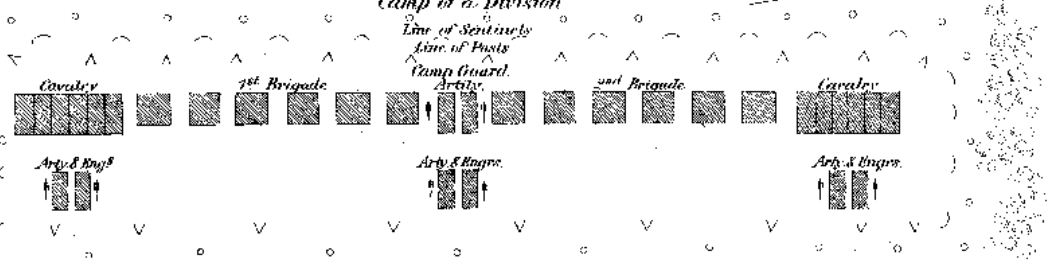

Fig. 11.
Squadron of Cavalry.

Files

Comd Officers

Field Officers

Fig. 24

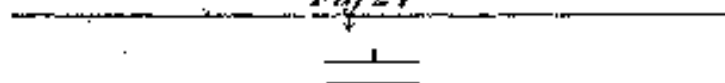

Fig. 22

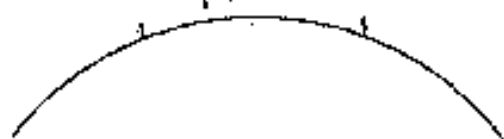

Fig. 23

Fig. 25

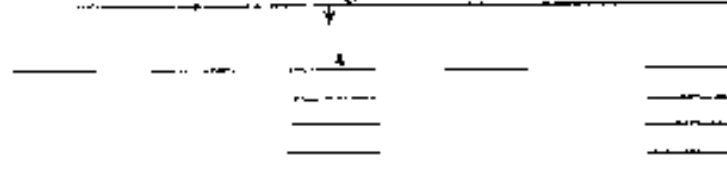

Fig. 26.

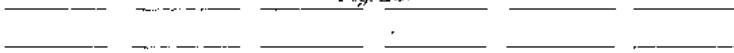

Fig. 31.

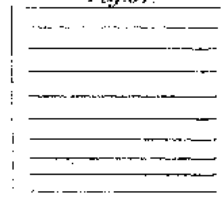

Fig. 27.

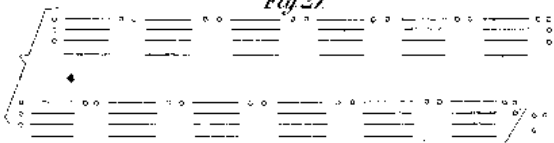

Fig. 28.

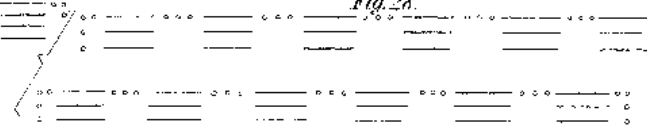

Fig. 29.

Fig. 32.

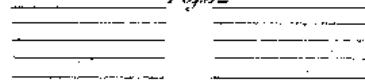

Fig. 30.

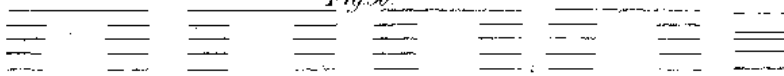

Fig. 33.

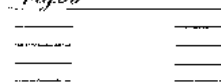

Fig. 34.

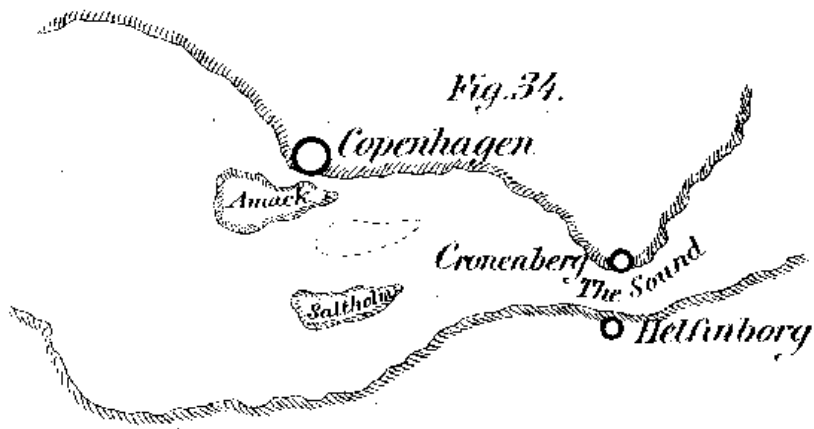

Fig. 35

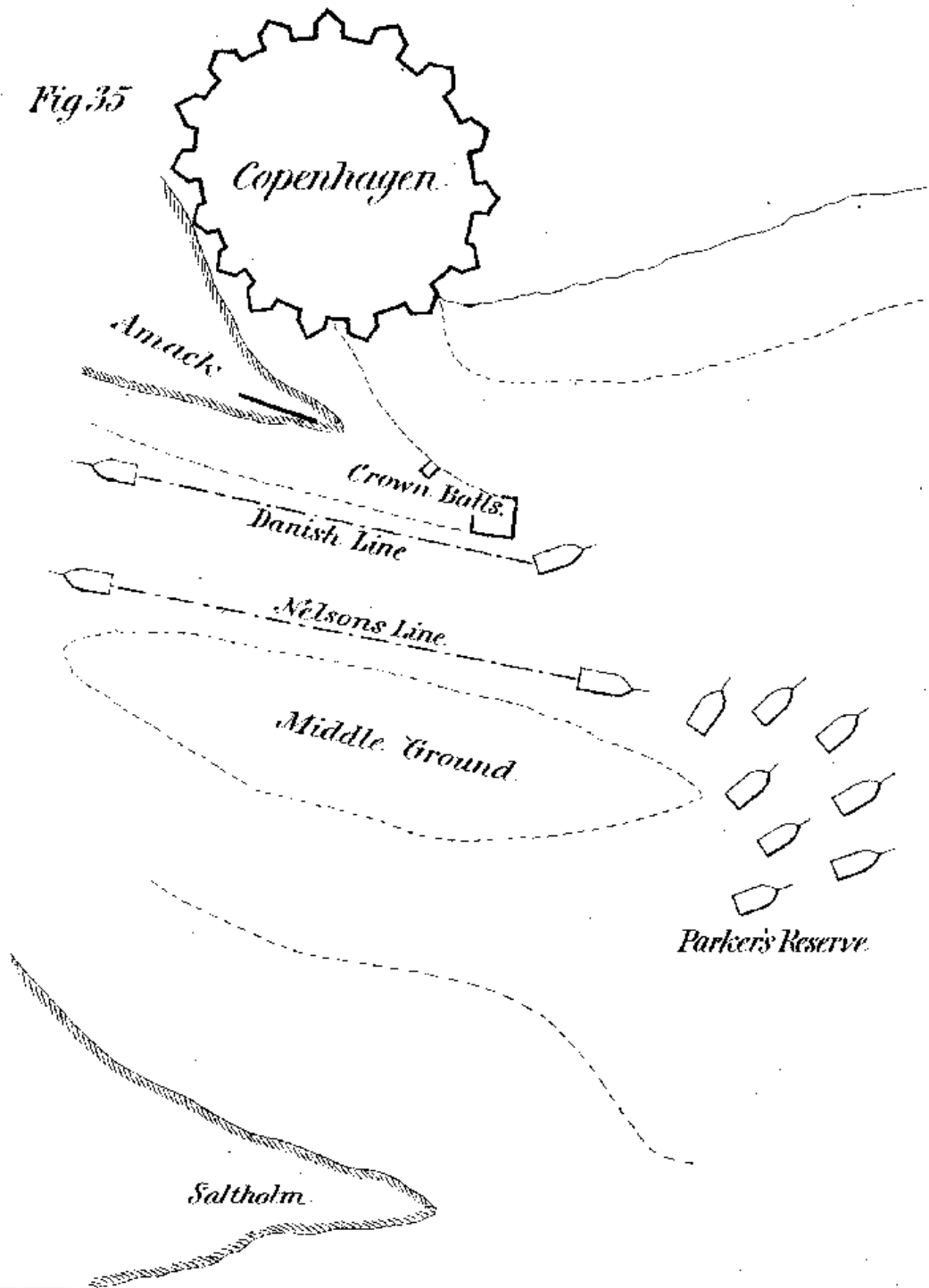

Fig. 37

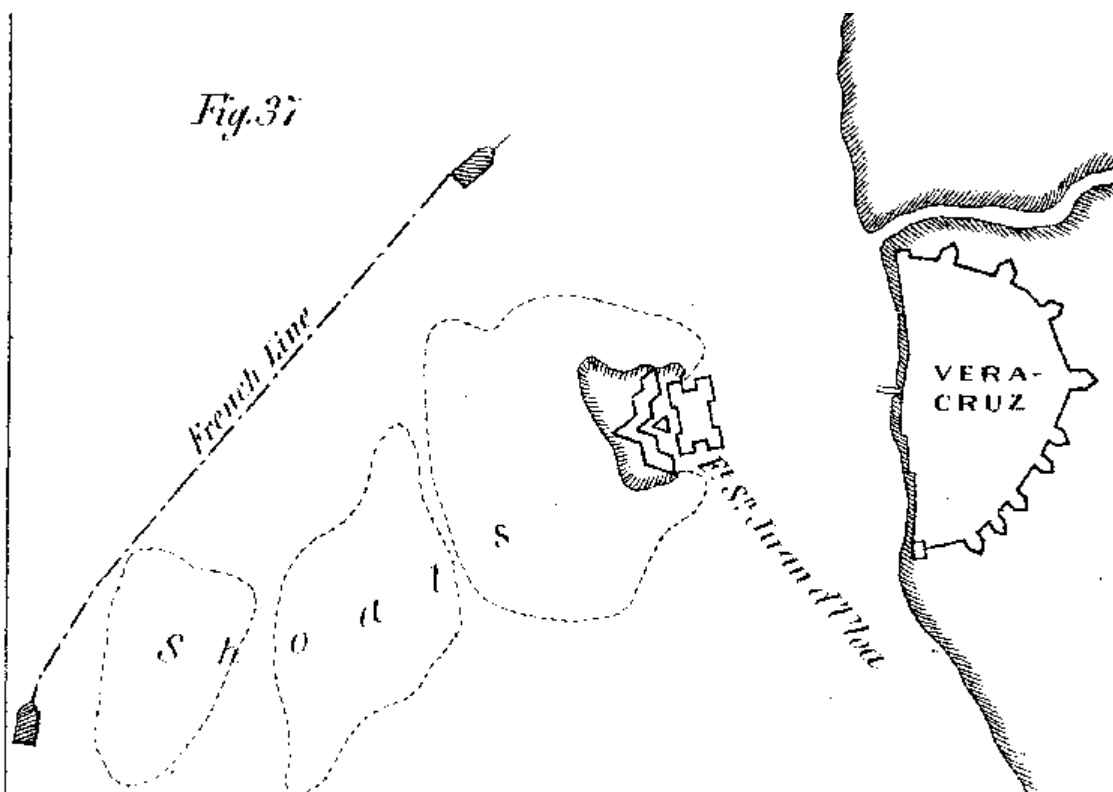

Fig. 38

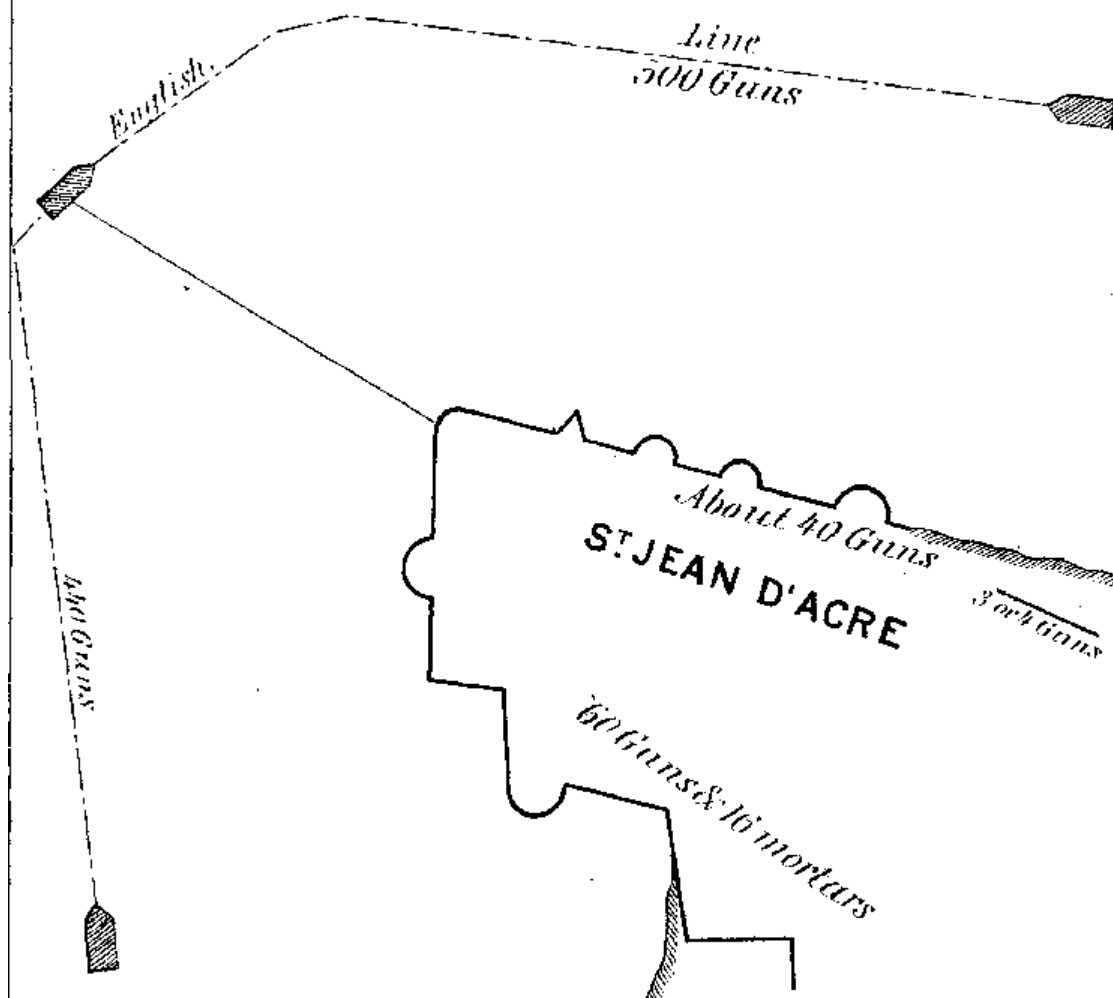
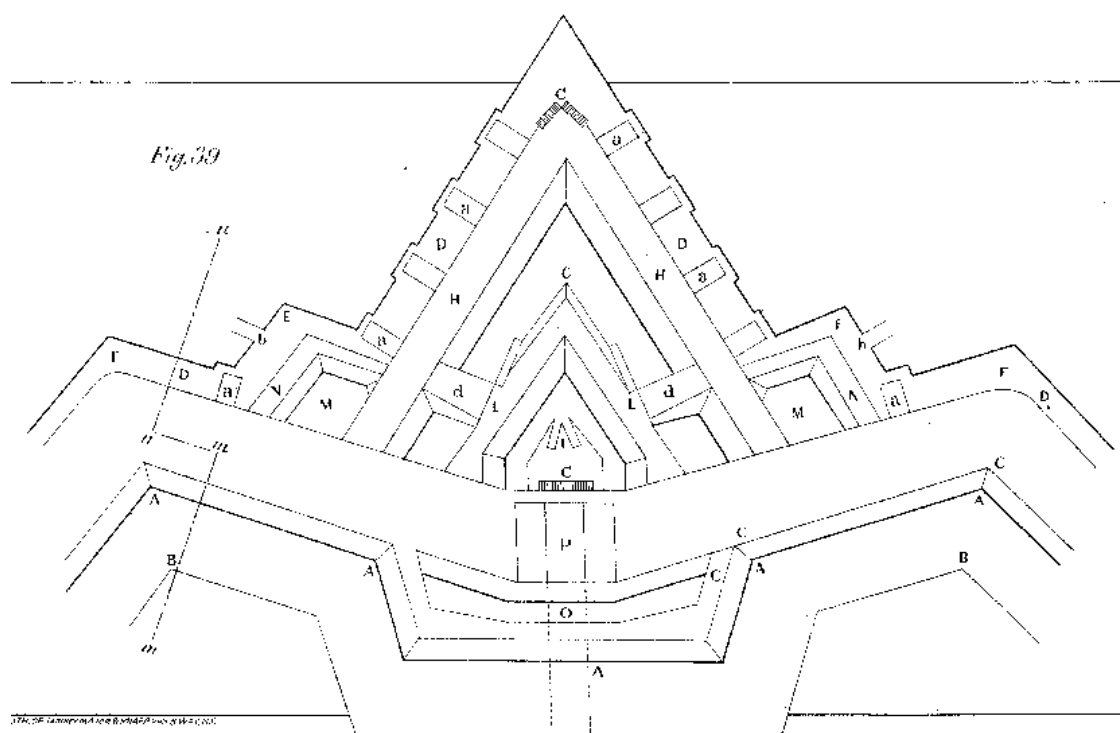

Fig. 39

THESE LAMPEDES SONT DES LAMPEDES A PETROLE

Fig. 10.
Battalion of Infantry.

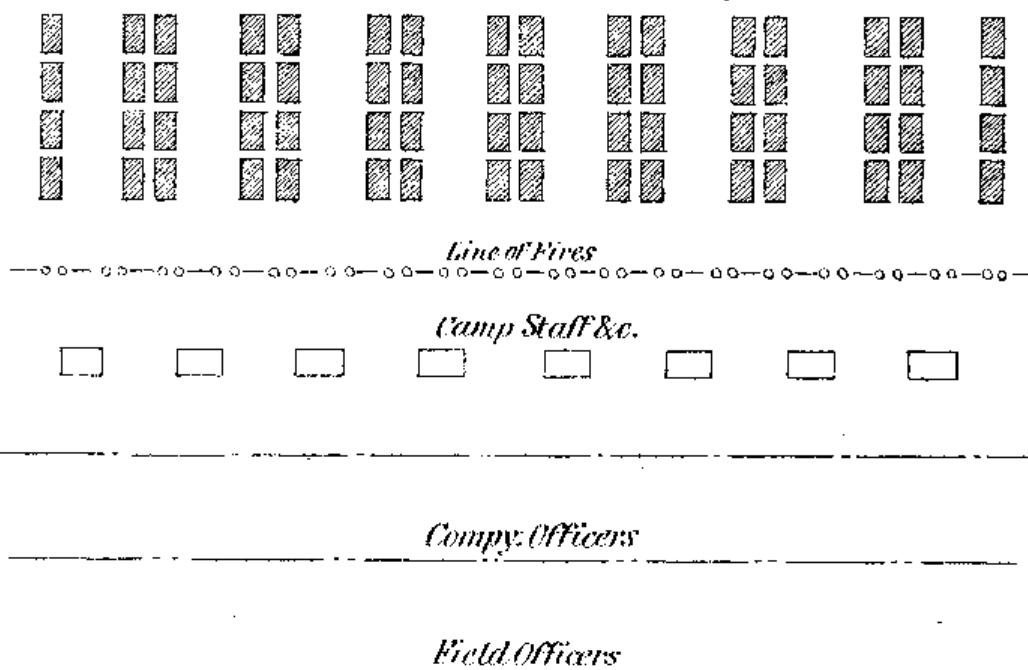
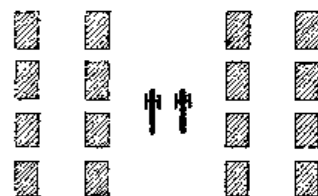
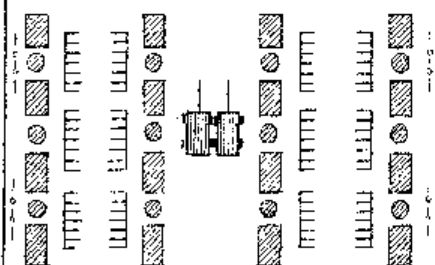

Fig. 12
9 Comps. of Foot Arty. or Engrs.

Compy Off.

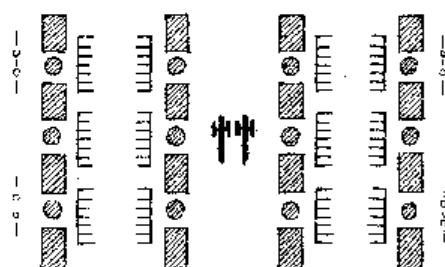
Train

Offs. of Train

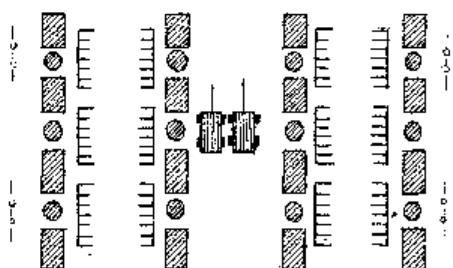
Field Offs.

Fig. 13
2 Comps. of Mounted Arty. or Engrs.

Compy. Offs.

Train

Offs. of Train

Field Offs.

